

ДЖОН РИД

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МИР

Оглавление

Предисловия Ленина и Крупской	3
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
Вступительные замечания и пояснения.	8
Глава I. Общий фон.....	15
Глава II. Рождение бури.....	25
Глава III. Накануне.	42
Глава IV. Конец временного правительства.....	62
Глава V. Неудержимо вперед!.....	86
Глава VI. Комитет спасения.	109

Глава VII. Революционный фронт.....	124
Глава VIII. Контрреволюция.	138
Глава IX. Победа.....	153
Глава X. Москва.....	169
Глава XI. Завоевание власти. ¹	178
Глава XII. Крестьянский съезд.....	198
Приложения	211
К Главе I.....	211
1.....	211
2.....	211
3.....	213
4.....	213
5.....	214
К Главе II.....	215
1.....	215
2.....	215
3.....	216
4.....	217
5.....	219
6.....	221
7.....	221
8.....	224
9.....	226
10.....	226
11.....	228
12.....	231
13.....	234
К Главе III.....	234
1.....	234
2.....	237
3.....	238
4.....	239
5.....	239
6.....	239
7.....	240
К Главе IV	240
1.....	240

2.....	242
3.....	243
4.....	245
К Главе V.....	245
1.....	245
2.....	246
3.....	247
4.....	249
5.....	249
К Главе VI	249
1.....	249
К Главе VII	250
1.....	250
2.....	252
К Главе VIII	252
1.....	252
2.....	253
3.....	254
4.....	259
5.....	260
К Главе IX.....	260
1.....	260
2.....	261
3.....	262
4.....	263
5.....	263
К Главе X.....	264
1.....	264
2.....	264
3.....	265
4.....	266
К Главе XI.....	267
1.....	267
2.....	268
3.....	269
4.....	272
5.....	272

6.....	274
7.....	275
8.....	275
9.....	276
10.....	277
11.....	278
12.....	279
13.....	280
14.....	281
15.....	283
16.....	284
17.....	284
18.....	287
19.....	287
20.....	287
К Главе XII.....	288
1.....	288
2.....	289

Предисловия Ленина и Крупской

Прочитав с громадным интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида: «Десять дней, которые потрясли весь мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата. Эти вопросы подвергаются в настоящее время широкому обсуждению, но прежде чем принять или отвергнуть эти идеи, необходимо понять все значение принимаемого решения. Книга Джона Рида, без сомнения, поможет выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения.

Н. Ленин.

1920 г.

«Десять дней, которые потрясли мир» — так озаглавил Джон Рид свою замечательную книжку. В ней необычайно ярко и сильно описаны первые дни Октябрьской революции. Это — не простой перечень фактов, сборник документов, это — ряд живых сцен, настолько типичных, что каждому из участников революции должны вспомниться аналогичные сцены, свидетелем которых он был. Все эти картинки, выхваченные из жизни, как нельзя лучше передают настроение масс — настроение, на фоне которого становится особенно понятен каждый акт великой революции.

На первый взгляд кажется странным, как мог написать эту книгу иностранец, американец, не знающий языка народа, быта... Казалось, он должен был бы на каждом шагу впасть в смешные ошибки, должен был бы проглядеть многое существенное.

Иностранцы иначе пишут о Советской России. Они или вовсе не понимают совершающихся событий, или берут отдельные факты, не всегда типичные, и их обобщают.

Правда, очевидцами революции были очень немногие.

Джон Рид не был равнодушным наблюдателем, он был страстным революционером, коммунистом, понимавшим смысл событий, смысл великой борьбы. Это понимание дало ему ту остроту зрения, без которой нельзя было бы написать такой книги.

Русские тоже иначе пишут об Октябрьской революции: они или дают оценку ее, или описывают те эпизоды, участниками которых они являлись. Книжка Рида дает общую картину настоящей народной массовой революции, и потому она будет иметь особо большое значение для молодежи, для будущих поколений — для тех, для кого Октябрьская революция будет уже историей. Книжка Рида — своего рода эпос.

Джон Рид связал себя целиком с русской революцией. Советская Россия стала ему родной и близкой. Он в ней погиб от тифа и похоронен под Красной стеной. Тот, кто описал похороны жертв революции, как Джон Рид, достоин этой чести.

Н. Крупская.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга - сгусток истории, истории в том виде, в каком я наблюдал ее. Она не претендует на то, чтобы быть больше чем подробным отчетом о Ноябрьской (Все даты у Дж. Рида приводятся по новому стилю. В данном издании везде указываются в скобках даты и старого стиля. - Ред.) революции, когда большевики во главе рабочих и солдат захватили в России государственную власть и передали ее в руки Советов.

Естественно, большая часть книги посвящена "Красному Петрограду", столице и сердцу восстания. Но пусть читатель помнит, что все происшедшее в Петрограде - в разное время, с разной напряженностью,- почти в точности повторилось по всей России.

В этой книге, первой из ряда книг, над которыми я работаю, мне придется ограничиться записью тех событий, которые я видел и переживал лично или которые подтверждены достоверными свидетельствами; ей предпосланы две главы, кратко обрисовывающие обстановку и причины Ноябрьской революции. Я сознаю, что прочесть эти главы будет не легко, но они весьма существенны для понимания последующего.

Перед читателем, естественно, встанут многие вопросы. Что такое большевизм? Какого рода политический строй создан большевиками? Если до Ноябрьской революции большевики боролись за Учредительное собрание, то почему впоследствии они разогнали его силою оружия? И если до того момента, как большевистская опасность стала явной, буржуазия выступала против Учредительного собрания, то почему же впоследствии она стала его поборницей?

На эти и многие другие вопросы здесь не может быть дан ответ. Ход революции, вплоть до заключения мира с Германией, я прослеживаю в другой книге "От Корнилова до Брест-Литовска" ("Kornilov to Brest-Litovsk. - Дж. Рид. Эта книга не вышла в свет. Дж. Рид не успел ее закончить. - Ред.). Там я показываю происхождение и характер деятельности революционных организаций, развитие и смену народных настроений, роспуск Учредительного собрания, структуру Советского государства, ход и результаты Брестских переговоров.

Рассматривая растущую популярность большевиков, необходимо понять, что развал русской экономической жизни и русской армии совершился не 7 ноября (25 октября) 1917 г., а много месяцев раньше, как неизбежное, логическое следствие процесса, начавшегося еще в 1915 г. Продажные реакционеры, державшие в своих руках царский двор, сознательно вели дело к разгрому России, чтобы подготовить сепаратный мир с Германией. Теперь мы знаем, что и нехватка оружия на фронте, вызвавшая катастрофическое летнее отступление 1915 г., и недостаток продовольствия в армии и в крупных городах, и разруха в промышленности и на транспорте в 1916 г.- все это было частью гигантской кампании саботажа, прерванной в решительный момент Мартовской (Февральской (ст. ст.). - Ред.) революцией.

В первые несколько месяцев нового режима как внутреннее состояние страны, так и боеспособность ее армии безусловно улучшились, несмотря на сумятицу, неизбежную при великой революции, неожиданно давшей свободу ста шестидесяти миллионам наиболее угнетенного народа в мире.

Но "медовый месяц" длился недолго. Имушие классы хотели всего-навсего политической революции, которая отняла бы власть у царя и передала ее им. Они хотели, чтобы Россия стала конституционной республикой, подобно Франции и Соединенным Штатам, или конституционной монархией, подобно Англии. Народные же массы желали подлинной рабочей и крестьянской демократии.

В своей книге "Благовест России" ("Russia's Message"), представляющей очерк революции 1905 г., Уильям Инглиш Уоллинг (Уильям Инглиш Уоллинг (1877-1936). американский экономист и социолог, автор нескольких работ о рабочем движении и о социализме. Цитируемая Дж. Ридом работа Уоллинга "Благовест России" была опубликована в США в 1908 г.- Ред.) дает прекрасное описание состояния духа русских рабочих, впоследствии почти единодушно выступивших на стороне большевизма:

"Они (рабочие) видели, что даже при самом свободном правительстве, если оно окажется в руках других социальных классов, им, возможно, придется по-прежнему голодать...

Русский рабочий - революционер, но он не насильник, не догматик и не лишен разума. Он готов к боям на баррикадах, но он изучил их и - единственный среди рабочих всего мира - изучил на собственном опыте. Он готов и горит желанием бороться со своим угнетателем, капиталистическим классом, до конца. Но он не

забывает о существовании других классов. Он только требует от них, чтобы в надвигающемся грозном конфликте они встали либо на ту, либо на другую сторону.

Они (рабочие) все согласны, что наши (американские) политические учреждения предпочтительнее их собственных, но они вовсе не жаждут променять одного деспота на другого (т. е. на класс капиталистов).

Рабочие России подвергались расстрелам и казням сотнями в Москве, Риге и Одессе, заключению тысячами в каждой русской тюрьме и ссылкам в пустыни и арктические области не ради сомнительных привилегий рабочих Голдфилдса и Криппл-Крика...".

Вот почему в России в разгар внешней войны политическая революция переросла в революцию социальную, нашедшую свое высшее завершение в торжестве большевизма.

В своей книге "Рождение русской демократии" А. Дж. Сак, директор враждебного Советскому правительству Русского информационного бюро в Америке, говорит следующее:

"Большевики создали свой собственный кабинет с Николаем Лениным премьером и Львом Троцким - министром иностранных дел. Неизбежность их прихода к власти стала очевидной почти немедленно вслед за Мартовской революцией. История большевиков после революции есть история их неуклонного роста".

Иностранцы, и особенно американцы, часто подчеркивают "невежество" русских рабочих. Верно, им не хватает политического опыта западных народов, зато они прошли прекрасную школу в своих добровольных организациях. В 1917 г. русские общества потребителей (кооперативы) имели свыше двенадцати миллионов членов, а Советы сами по себе являются чудесным проявлением организационного гения русских трудящихся масс. Более того, во всем мире, вероятно, нет народа, который столь хорошо изучил бы социалистическую теорию и ее практическое применение.

Вот как характеризует этих людей Уильям Инглиш Уоллинг:

"Большинство русских рабочих умеет читать и писать. Страна уже много лет находится в таком беспокойном состоянии, что они могли пользоваться руководством не только развитых людей из своей собственной среды, но и многочисленных революционных элементов образованных слоев общества, обратившихся к рабочему классу со своими идеями политического и социального возрождения России...".

Многие авторы объясняют свою враждебность к советскому строю тем, что последняя фаза русской революции была просто борьбой "порядочных" элементов общества против жестокостей большевиков. Но в действительности именно имущие классы, увидев, как возрастает мощь народных революционных организаций, решили разгромить их и остановить революцию. Добиваясь этой цели, буржуазия в конце концов прибегла к отчаянным мерам. Для того чтобы

сокрушить министерство Керенского и Советы, был дезорганизован транспорт и спровоцированы внутренние беспорядки; чтобы сломить фабрично-заводские комитеты, закрывали предприятия, прятали топливо и сырье; чтобы разрушить фронтовые армейские комитеты, восстановили смертную казнь и потворствовали поражениям на фронте.

Все это было великолепной пищей для большевистского огня. Большевики ответили проповедью классовой борьбы и провозглашением верховенства Советов.

Между этими двумя крайними направлениями находились группировки, целиком или частично поддерживавшие их, в том числе так называемые "умеренные" социалисты - меньшевики, социалисты-революционеры и еще несколько мелких партий. Эти группировки тоже подвергались нападкам со стороны имущих классов, но сила их сопротивления была подорвана их же теориями.

В общем меньшевики и социалисты-революционеры полагали, что Россия экономически не созрела для социальной революции, что возможна только революция политическая. По их мнению, русские массы были недостаточно подготовлены для того, чтобы взять власть в свои руки; всякая такая попытка неизбежно привела бы к реакции, с помощью которой какой-нибудь беззастенчивый политикан мог бы восстановить старый режим. Вот почему получилось так, что, когда "умеренные" социалисты были вынуждены взять власть, они боялись использовать ее.

Они полагали, что Россия должна пройти через те стадии политического и экономического развития, которые прошла Западная Европа, и лишь после этого вместе с остальным миром дойти до вполне развитого социализма. Естественно поэтому, что они в согласии с имущими классами считали, что прежде всего Россия должна стать парламентским государством, хотя и с некоторыми поправками против западных демократий. Следствием этого было то, что они настаивали на участии имущих классов в правительстве.

Отсюда был только один шаг к их поддержке. "Умеренные" социалисты нуждались в буржуазии, но буржуазия не нуждалась в "умеренных" социалистах. Таким образом и получилось, что министры-социалисты были вынуждены мало-помалу отступать по всем пунктам своей программы, а представители имущих классов наступали все решительнее.

И в конце концов, когда большевики разбили в прах все пустые компромиссы, меньшевики и эсеры оказались участниками борьбы на стороне буржуазии... В настоящее время то же самое можно видеть почти в любой стране мира.

Большевики, представляется мне,- это не разрушительная сила, а единственная в России партия, обладающая созидательной программой и достаточной властью, чтобы провести ее в жизнь. Если бы им в тот момент не удалось удержать власть, то, по-моему, нет ни малейшего сомнения в том, что уже в декабре войска императорской Германии были бы в Петрограде и Москве, и Россия снова попала бы под иго какого-нибудь царя...

После целого года существования Советской власти все еще модно называть восстание большевиков "авантюрой". Да, то была авантюра, и притом одна из поразительнейших авантур, на какие когда-либо осмеливалось человечество, авантюра, бурей ворвавшаяся в историю во главе трудящихся масс и все поставившая на карту ради удовлетворения их насущных и великих стремлений. Уже был готов аппарат для раздела крупных помещичьих имений между крестьянами. Уже были созданы фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы, чтобы пустить в ход рабочий контроль над производством. В каждой деревне, в каждом городе, в каждом уезде и в каждой губернии имелись Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, готовые взять на себя дело местного управления.

Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков - явление мирового значения. Точно так же, как историки разыскивают малейшие подробности о Парижской Коммуне, так они захотят знать все, что происходило в Петрограде в ноябре 1917 г., каким духом был в это время охвачен народ, каковы были, что говорили и что делали его вожди. Именно об этом я думал, когда писал настоящую книгу.

В борьбе мои симпатии не были нейтральны. Но, рассказывая историю тех великих дней, я старался рассматривать события оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину.

*Джон Рид
Нью-Йорк, 1 января 1919 г.*

Вступительные замечания и пояснения.

Рядовому читателю будет очень трудно разобраться во множестве русских организаций - политических групп, комитетов и центральных комитетов, дум и союзов. По этой причине я даю здесь несколько кратких определений и объяснений.

Политические Партии

На выборах в Учредительное собрание в Петрограде было семнадцать списков кандидатов, а в некоторых провинциальных городах - до сорока; однако в кратком обзоре целей и состава политических партий, помещенном ниже, включены только те группы и фракции, которые упоминаются в этой книге. Здесь может быть указано лишь на самое основное в их программах и дана только общая характеристика тех социальных слоев, которые они представляли.

1. Монархисты разных оттенков, **октябристы** и т. д. Эти некогда сильные фракции больше не существовали открыто; они либо ушли в подполье, либо их члены вступили в партию **кадетов**, поскольку **кадеты** постепенно приняли их политическую платформу. Из представителей этих групп в книге упоминаются Родзянко, Шульгин.

2. Кадеты. Так названы по первым буквам наименования партии "Конституционные демократы". Официальное название кадетской партии (после революции) - "Партия народной свободы". При царизме партия кадетов, состоявшая из либералов - представителей имущих классов, была самой крупной партией политических реформ, в общих чертах соответствующей Прогрессивной партии в Америке. Когда в марте 1917 г. разразилась революция, кадеты образовали первое Временное правительство. **В апреле кадетское правительство было сброшено, потому что оно открыто выступило с защитой империалистических целей союзных держав,** в том числе империалистических целей царского правительства. По мере того как революция приобретала все более ярко выраженный характер социальной революции, кадеты становились все более консервативными. Из их представителей в этой книге упоминаются **Милюков, Винавер, Шацкий.**

2а. "Группа общественных деятелей". После того как кадеты утратили свою популярность из-за их связей с корниловской контрреволюцией, в Москве была организована "Группа общественных деятелей". Представители этой группы получили министерские портфели в последнем кабинете Керенского. Группа объявила себя внепартийной, хотя ее духовными вождями были люди вроде Родзянко и Шульгина. В нее вошли самые "современные" банкиры, коммерсанты и промышленники, которые были достаточно умны и понимали, что с Советами нужно бороться их собственным оружием - экономической организацией. Типичны для этой группы - Лианозов, Коновалов.

3. Народные социалисты, или трудовики. Небольшая по численности партия, состоявшая из осторожных интеллигентов, руководителей кооперативных обществ и консервативно настроенных крестьян. Называя себя социалистами, трудовики на деле защищали интересы мелкой буржуазии - чиновников, лавочников и т. д. Прямые преемники состоявшей в большинстве из представителей крестьян "трудовой группы" IV Государственной думы, и наследники соглашательских традиций этой группы. Керенский был лидером трудовиков в Государственной думе, когда в марте 1917 г. вспыхнула революция. Народные социалисты - националистическая партия. Их представители в книге: Пешехонов, Чайковский.

4. Российская социал-демократическая рабочая партия. Первоначально марксисты-социалисты. На съезде в 1903 года из-за разногласий по тактическим вопросам партия раскололась на две фракции - большинства и меньшинства. Так возникли названия - "большевики" и "меньшевики". Два крыла превратились в две отдельные партии. Каждая из них называла себя Российской социал-демократической рабочей партией и заявляла о своей приверженности к марксизму. После революции 1905 г. большевики фактически были в меньшинстве и стали снова большинством в сентябре 1917 г.

а. Меньшевики. Эта партия включает социалистов всех оттенков, которые считают, что общество должно прийти к социализму путем естественной эволюции и что рабочий класс должен сначала получить доступ к политической власти. Также националистическая партия. Это была партия социалистов-интеллигентов, а

поскольку все средства просвещения находились в руках имущих классов, интеллигенция, естественно, тянулась к их образу мысли и становилась на сторону этих классов. Из их лидеров в этой книге упоминаются **Дан, Либер, Церетели**.

b. *Меньшевики-интернационалисты.* Радикальное крыло меньшевиков, интернационалисты, противники всякой коалиции с имущими классами; в то же время они не желали порывать с меньшевиками-консерваторами и выступали против диктатуры рабочего класса, за которую стояли большевики. **Троцкий долгое время был членом этой группы.** Среди ее лидеров - **Мартов, Мартынов**.

c. *Большевики.* Сейчас они называют себя Коммунистической партией, чтобы подчеркнуть свой полный разрыв с традициями "умеренного", или "парламентарного", социализма, который господствует среди меньшевиков и так называемых "социалистов большинства" во всех странах. Большевики выступили за немедленное пролетарское восстание и захват государственной власти с тем, чтобы ускорить пришествие социализма путем насильственного обобществления промышленности, земли, природных богатств и финансовых учреждений. Эта партия выражает стремления главным образом промышленных рабочих, но также и значительной части беднейшего крестьянства. Слово "большевик" нельзя переводить как "максималист". Максималисты - это особая группа. Среди ее лидеров: Ленин, Троцкий, Луначарский.

d. *Объединенные социал-демократы интернационалисты,* или группа "*Новая жизнь*", по названию очень влиятельной газеты, которая была ее органом. Маленькая группа интеллигентов с очень небольшим числом сторонников среди рабочих, если не считать личных приверженцев Максима Горького - ее руководителя. Это - интеллигенты с почти такой же программой, как у меньшевиков-интернационалистов, с той лишь разницей, что группа "*Новая жизнь*" не желала связывать себя ни с одной из двух основных фракций. Члены группы не соглашались с тактикой большевиков, но оставались в советских органах. Другие представители группы, которые упоминаются в этой книге, - **Авилов, Крамаров**.

e. *"Единство"*. Незначительная и все время уменьшавшаяся группа, которая состояла почти исключительно из личных последователей Плеханова, одного из пионеров русского социал-демократического движения в 80-х годах и его крупнейшего теоретика. Плеханов, уже старик к этому времени, был крайним социал-патриотом и слишком консервативным даже для меньшевиков. После большевистского переворота группа "*Единство*" перестала существовать.

5. *Партия социалистов-революционеров.* Их называют сокращенно "эсерами". Первоначально - революционная партия крестьян, партия "боевых организаций" террористов. После Мартовской революции в нее вступило много людей, которые никогда прежде не были социалистами. В это время эсеры стояли за отмену частной собственности только на землю, причем ее владельцы должны были получить определенную компенсацию. В конце концов рост революционных настроений среди крестьян заставил эсеров отказаться от пункта "о компенсации". В дальнейшем молодые и наиболее горячие из интеллигентов откололись от

основной партии осенью 1917 г. и образовали новую партию - партию *левых социалистов-революционеров*. Эсеры, которых радикальные группы впоследствии всегда называли "правыми социалистами-революционерами", перешли на политические позиции меньшевиков и действовали вместе с ними. В конечном счете они являлись представителями интересов богатых крестьян, интеллигентов и политически отсталых слоев населения отдаленных сельских районов. Среди них было, однако, значительно больше группировок с разными точками зрения на политические и экономические вопросы, чем среди меньшевиков. Из их лидеров в книге упоминаются **Авксентьев, Гоц, Керенский, Чернов, "бабушка" Брешковская**.

a. Левые социалисты-революционеры. Хотя в теории они разделяли большевистскую программу диктатуры рабочего класса, вначале они неохотно следовали решительной тактике большевиков. Однако левые социалисты-революционеры оставались в Советском правительстве, занимая министерские посты, в особенности пост министра земледелия. Они несколько раз выходили из правительства, но всегда возвращались. По мере того как крестьяне во все возрастающем количестве покидали ряды (правых) эсеров, они присоединялись к партии левых социалистов-революционеров, которая превратилась в большую крестьянскую партию, поддерживавшую Советскую власть. Эта партия выступала за безвозмездную конфискацию крупных имений и передачу их в распоряжение самих крестьян. Среди руководителей - **Спиридонова, Карелин, Камков, Колегаев**.

b. Максималисты. Откололись от партии социалистов-революционеров во время революции 1905 г., когда представляли мощное крестьянское движение, требовавшее немедленного осуществления социалистической программы-максимум. Сейчас - незначительная группа крестьянских анархистов.

Парламентская процедура

Собрания и съезды в России организуются скорее по европейскому образцу, чем по-нашему. Первое, что они обычно делают, это избрание председателя, секретаря и *президиума*.

Президиум - это руководящий комитет, образованный из представителей групп и политических фракций, представленных на собрании пропорционально их численности. Президиум устанавливает повестку дня, и председатель может поручать членам президиума поочередно вести собрание.

По каждому вопросу сначала делается общий доклад, затем следуют прения, а после прений различные фракции представляют свои резолюции, и каждая голосуется в отдельности. Порядок дня может быть - и обычно так и случается, нарушен уже в первые полчаса. Ссылаясь на "чрезвычайную важность" вопроса, что масса почти всегда принимает во внимание, каждый присутствующий может подняться с места и сказать что угодно, на любую тему. Масса господствует на собрании, и практически единственной обязанностью председателя является поддержание порядка при помощи колокольчика и предоставление слова ораторам. Почти вся действительная работа собрания выполняется на закрытых

совещаниях различных групп и политических фракций, которые почти всегда голосуют единогласно и представлены их руководителями. В результате, однако, получается, что при каждом новом важном вопросе или голосовании объявляется перерыв с тем, чтобы дать возможность различным группам и политическим фракциям устроить закрытое совещание.

Публика исключительно шумная: оратора поощряют одобрительными возгласами или прерывают критическими замечаниями, изменяя по-своему планы президиума. Среди возгласов обычны: "Просим!", "Правильно!", "Это верно!", "Довольно!", "Долой!", "Позор!", "Тише!"

Наиболее важные организации

1. Совет. Это слово в русском языке существует давно и соответствует английскому слову "council". При царе, например, существовал Государственный совет. Однако со времени революции слово "Совет" стали связывать с определенным типом представительства, избираемого трудящимися, членами производственных коллективов - Советом рабочих, солдатских или крестьянских депутатов. Поэтому слово "Совет" я употребляю только по отношению к этим органам. Помимо местных Советов, которые избираются в каждом городе и деревне, в больших городах избираются также районные Советы,- существуют еще областные или губернские Советы и в столице - Исполнительный Комитет всех Советов России, который сокращенно называют ЦИК (см. ниже - Центральные комитеты). Почти повсюду Советы рабочих депутатов и Советы солдатских депутатов объединились очень скоро, спустя некоторое время после Мартовской революции. Однако для обсуждения специальных вопросов, затрагивающих их особые интересы, секции рабочих и солдат продолжали собираться отдельно. Советы крестьянских депутатов присоединились к остальным только после большевистского государственного переворота. Крестьянские Советы были организованы так же, как Советы рабочих и солдат, и в столице был Всероссийский Исполнительный Комитет крестьянских Советов.

2. Профсоюзы. Хотя в России рабочие союзы были организованы в большинстве случаев по производственному принципу, они назывались тем не менее профессиональными союзами и ко времени большевистской революции насчитывали от трех до четырех миллионов членов. Эти союзы также были объединены во всероссийскую организацию - нечто вроде русской Федерации труда, которая имела свой Центральный Исполнительный Комитет в столице.

3. Фабрично-заводские комитеты. Это были стихийно возникшие организации, созданные на предприятиях рабочими в стремлении осуществить контроль над производством, воспользовавшись расстройством управления, вызванным революцией. Эти комитеты революционным путем овладевали предприятиями и управляли ими. Фабрично-заводские комитеты тоже имели свою всероссийскую организацию с Центральным комитетом в Петрограде, которая сотрудничала с профсоюзами.

4. *Думы*. Слово "дума" приблизительно означает "совещательный орган". Старая Государственная дума, которая в демократизированной форме просуществовала еще шесть месяцев после революции, умерла естественной смертью в сентябре 1917 г. Городская дума, которая упоминается в этой книге, была создана в результате реорганизации муниципального совета, или самоуправления, как его чаще называли. Городская дума избиралась прямым и тайным голосованием, и единственной причиной, по которой ей не удалось привлечь на свою сторону массы во время большевистской революции, был общий упадок влияния всякого чисто политического представительства при росте влияния организаций, основанных на классовом делении общества.

5. *Земства*. Это слово может быть приблизительно переведено как "сельские Советы". При царизме - полуполитические, полуобщественные организации с очень небольшими административными правами. Они создавались и управлялись главным образом либерально настроенными интеллигентами, выходцами из помещичьего класса. Самой важной стороной деятельности земств было народное образование и социальное обслуживание крестьян. Во время войны земства постепенно приняли на себя всю заботу о снабжении русской армии продовольствием и обмундированием. Они же производили закупки за границей и вели просветительную работу среди солдат, соответствующую той, которую вела в американской армии Христианская ассоциация молодых людей. После Мартовской революции земства были демократизированы с целью превращения их в органы местной власти в сельских районах. Но, подобно городским думам, они не были в состоянии соперничать с Советами.

6. *Кооперативы*. Это были потребительские кооперативные общества рабочих и крестьян, которые до революции насчитывали миллионы членов по всей России. Основанное либералами и "умеренными" социалистами кооперативное движение не пользовалось поддержкой революционных социалистических групп, поскольку этот путь представлял собой суррогат полного перехода средств производства и распределения в руки рабочих. После Мартовской революции кооперативы стали быстро расширяться; в них преобладали народные социалисты, меньшевики и социалисты-революционеры, и эти кооперативы действовали как консервативная сила до большевистской революции. Однако именно кооперативы кормили Россию, когда старая система торговли и транспорта рухнула.

7. *Армейские комитеты*. Армейские комитеты были основаны на фронте солдатами для борьбы с реакционным влиянием старого офицерства. Каждая рота, полк, бригада, дивизия и корпус имели свои комитеты, а над ними всеми стоял выборный комитет (такой-то) армии. Центральный армейский комитет (в Петрограде) сотрудничал с Генеральным штабом. Расстройство управления в армии, вызванное революцией, возложило на плечи армейских комитетов большую часть работы интендантского ведомства, а в некоторых случаях даже командование войсками.

8. *Флотские комитеты*. Соответствующие организации в военном флоте.

Центральные комитеты

Весной и летом 1917 г. в Петрограде проводились всероссийские съезды всевозможных организаций. Проходили съезды Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, комитетов армии и флота (помимо съездов представителей отдельных родов войск и флота), кооперативов, национальностей и т. д. Каждый из этих съездов избирал свой Центральный комитет или Центральный исполнительный комитет для защиты интересов в центре. По мере того как Временное правительство становилось все слабее, эти Центральные комитеты были вынуждены брать в свои руки все большую административную власть.

Наиболее важные Центральные комитеты, упоминаемые в этой книге, таковы:

Союз Союзов. Во время революции 1905 г. профессор Милюков и другие либералы организовали союзы специалистов - врачей, юристов и т. д. Они объединялись в одну центральную организацию - Союз Союзов. В 1905 г. Союз Союзов сотрудничал с революционной демократией; в 1917 г., однако, Союз Союзов выступал против большевистского восстания и объединил государственных служащих, которые объявили забастовку и саботировали распоряжения Советской власти.

ЦИК. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. Слово получилось из первых букв полного названия.

Центрофлот. Центральный флотский комитет.

Викжел. Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожников. Название составлено из начальных букв полного наименования.

Другие организации

Красная Гвардия. Вооруженные фабрично-заводские рабочие России. Красная Гвардия впервые была образована во время революции 1905 г. и снова возродилась в мартовские дни 1917 г., когда нужна была сила для поддержания порядка в городе. В это время красногвардейцы были вооружены, и все старания Временного правительства разоружить их были безуспешными. При каждом кризисе в ходе революции отряды Красной Гвардии появлялись на улицах, по-военному не обученные и не организованные, но полные революционного энтузиазма.

Белая гвардия. Буржуазные волонтеры, которые появились на последних этапах революции для защиты частной собственности от попыток большевиков отменить ее. В отрядах белой гвардии было очень много студентов.

Текинцы. Так называемая "Дикая дивизия", состоявшая из представителей мусульманских племен Средней Азии, лично преданных генералу Корнилову. Текинцы отличались слепым повиновением и дикой жестокостью в военных действиях.

"Батальоны смерти", или *"ударные батальоны".* Известен женский "батальон смерти", но было много "батальонов смерти", состоявших из мужчин. Эти батальоны были образованы Керенским летом 1917 г. с тем, чтобы своим

"героическим" примером они помогли укрепить дисциплину и поднять боевой дух армии. "Батальоны смерти" состояли главным образом из националистически настроенных молодых людей, большей частью выходцев из богатых семей.

Союз офицеров. Организация, созданная среди реакционных офицеров для борьбы с растущим влиянием армейских комитетов.

Георгиевские кавалеры. Георгиевским крестом награждались отличившиеся в военных действиях. Получивший крест автоматически становился "георгиевским кавалером". Преобладающим влиянием в организации георгиевских кавалеров пользовались сторонники милитаризма.

Крестьянский союз. В 1905 г. крестьянский союз был революционной организацией крестьян. В 1917 г., однако, он стал выразителем политических интересов зажиточного крестьянства и боролся против растущего влияния и революционных целей Советов крестьянских депутатов.

Хронология и написание

В этой книге я повсюду употребляю наш календарь вместо старого русского календаря, который отставал на тринадцать дней.

В написании русских имен и слов я не пытался следовать каким-либо научным правилам, а старался придерживаться такого написания, которое даст говорящему по-английски читателю наиболее простое и точное представление об их произношении.

Источники

Основным материалом для этой книги послужили мне мои собственные записи. Однако, кроме того, я использовал сотни подобранных всевозможных русских газет, в которых отражен почти каждый день описываемого мною времени, подшивки (выходивших в Петрограде) английской газеты "*Russian Daily News*" ("Русские ежедневные новости") и двух французских газет - "*Journal de Russie*" ("Русская газета") и "*Entente*" ("Согласие"). Еще более ценным, чем все эти газеты, является "*Bullettin de la Presse*" ("Бюллетень прессы"), который издавался ежедневно французским информационным бюро в Петрограде. В нем помещались сообщения обо всех важнейших событиях, речах и комментариях русской печати. У меня есть почти полная подшивка этой газеты с весны 1917г. до конца января 1918 г.

Кроме того, мною собраны почти все воззвания, декреты и объявления, которые расклеивались на улицах Петрограда с середины сентября 1917 г. до конца января 1918 г., а также официальное издание всех правительственных декретов и распоряжений и официальное правительственное издание секретных договоров и других документов, обнаруженных в министерстве иностранных дел, когда оно перешло в руки большевиков.

Глава I. Общий фон.

В конце сентября 1917 г. в Петрограде ко мне зашел иностранный профессор социологии, находившийся в России. В деловых и интеллигентских кругах он слышался о том, что революция пошла на убыль. Профессор написал об этом статью и отправился путешествовать по стране, посетил фабричные города и деревни, где, к его изумлению, революция явно шла на подъем. От рабочих и крестьян постоянно приходилось слышать разговоры об одном и том же: "земля крестьянам, заводы - рабочим". Если бы профессор побывал на фронте, он услышал бы, что вся армия толкует о мире.

Профессор был озадачен, хотя для этого не было оснований: оба наблюдения были совершенно правильны. Имущие классы становились все консервативнее, а массы - все радикальнее. С точки зрения деловых кругов и российской интеллигенции революция уже зашла достаточно далеко и чересчур затянулась; пора было навести порядок. Это настроение разделялось и главными "умеренно"-социалистическими группами - меньшевиками-оборонцами¹ и социалистами-революционерами, которые поддерживали Временное правительство Керенского.

27 (14) октября официальный орган "умеренных" социалистов (Дж. Рид имел в виду газету "Известия ЦИК", находившуюся тогда в руках меньшевиков и эсеров Ред.) писал:

"...Революция состоит из двух актов: разрушения старого и создания нового строя жизни. Первый акт тянулся достаточно долго. Теперь пора приступить ко второму, и его надо провести как можно скорее, ибо один великий революционер говорил: "попешим, друзья мои, закончить революцию: кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется ее плодами...".

Рабочие, солдатские и крестьянские массы были, однако, твердо убеждены, что первый акт еще далеко не закончен. На фронте армейские комитеты постоянно имели столкновения с офицерами, которые никак не могли привыкнуть обращаться с солдатами, как с человеческими существами; в тылу избранные крестьянами земельные комитеты подвергались арестам за попытки провести в жизнь постановления правительства о земле; на фабриках рабочим² приходилось бороться с черными списками и локаутами. Более того,- возвращающихся политических эмигрантов не пускали в страну, как "нежелательных", граждан; бывали даже случаи, когда людей, вернувшихся из-за границы в свои деревни, арестовывали и заключали в тюрьмы за революционные действия, совершенные в 1905 г.

На все многочисленные и многообразные выражения недовольства народа у "умеренных" социалистов был один ответ: "Ждите Учредительного собрания, которое будет созвано в декабре". Но массы не удовлетворялись этим. Учредительное собрание - вещь, конечно, хорошая. Но ведь было же нечто определенное, во имя чего была совершена русская революция, во имя чего легли в братские могилы на Марсовом поле революционные мученики и что должно быть осуществлено во что бы то ни стало, независимо от того, будет ли созвано Учредительное собрание или нет: мир, земля крестьянам, рабочий контроль над

производством. Учредительное собрание все откладывалось и откладывалось, возможно, что его отложат еще не раз до тех пор, пока народ не успокоится в такой мере, что, быть может, умерит свои требования! Как бы то ни было, революция тянется уже восемь месяцев, а результатов что-то не видно...

Тем временем солдаты сами начинали разрешать вопрос о мире дезертирством, крестьяне жгли господские усадьбы и захватывали крупные поместья, рабочие выходили из повиновения и бросали работу... Вполне естественно, что предприниматели, помещики и офицерство прилагали все усилия, чтобы предотвратить какие-либо уступки массам на демократической основе.

Политика Временного правительства колебалась между мелкими реформами и суровыми репрессивными мерами. Указом социалистического министра труда (Один из "ограничительных" циркуляров Скобелева от 28 августа 1917 г.- Ред.) рабочим комитетам было предписано впредь собираться в нерабочее время. На фронте "агитаторы" оппозиционных политических партий арестовывались, радикальные газеты закрывались и к проповедникам революции стала применяться смертная казнь. Делались попытки разоружить Красную Гвардию. В провинцию для поддержания порядка были отправлены казаки.

Эти меры поддерживались "умеренными" социалистами и их вождями-министрами, которые считали необходимым сотрудничество с имущими классами. Народные массы отворачивались от них и переходили на сторону большевиков, которые твердо боролись за мир, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством и за создание рабочего правительства. В сентябре 1917 г. разразился кризис. Керенский и "умеренные" социалисты против воли подавляющего большинства населения создали коалиционное правительство, в которое вошли представители имущих классов. В результате меньшевики и социалисты-революционеры навсегда потеряли доверие народа.

Отношение народных масс к "умеренным" социалистам резко выражено в статье, появившейся около середины октября (конца сентября) в газете "Рабочий Путь" и озаглавленной "Министры-социалисты"³:

"...Возьмите их послужной список:

Цертели - разоружил рабочих, вместе с генералом Половцевым "усмирил" революционных солдат и одобрил смертную казнь для солдат.

Скобелев - начал с того, что пообещал отнять у капиталистов 100% прибыли, а кончил... попыткой разогнать фабрично-заводские комитеты рабочих.

Авксентьев - посадил в тюрьму несколько сот крестьян, членов земельных комитетов, закрыл несколько десятков рабочих и солдатских газет.

Чернов - подписал царистский манифест о разгоне финляндского сейма.

Савинков - вступил в прямой союз с генералом Корниловым и не сдал Петроград этому "спасителю" отечества только по не зависящим от Савинкова обстоятельствам.

Зарудный - вместе с Алексинским и Керенским засадил в тюрьму тысячи революционных рабочих, матросов и солдат, помог сочинить клеветническое "дело" против большевиков, которое ляжет таким же позором на русский суд, как дело Бейлиса.

Никитин - выступил в роли заурядного жандарма против железнодорожников.

Керенский - но о сем уже умолчим. Его послужной список слишком длинен..."

Съезд делегатов Балтийского флота в Гельсингфорсе принял резолюцию, которая начиналась так:

"Требуем немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, политического авантюриста Керенского, как лица позорящего и губящего своим бесстыдным политическим шантажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею весь революционный народ..."

Прямым результатом всего этого была растущая популярность большевиков...

С тех пор как в марте 1917 г. шумные потоки рабочих и солдат, затопив Таврический дворец, принудили колеблющуюся Государственную думу взять в свои руки верховную власть в России, именно массы народные - рабочие, солдаты и крестьяне определили каждый поворот в ходе революции. Они низвергли министерство Милюкова; их Совет провозгласил перед всем миром русские мирные условия - "никаких аннексий, никаких контрибуций, право самоопределения народов"; и опять-таки в июле именно они, еще неорганизованные массы стихийно поднявшегося пролетариата, снова штурмовали Таврический дворец, чтобы потребовать перехода власти над Россией к Советам.

Большевики, тогда еще небольшая политическая секта, возглавили движение. В результате катастрофической неудачи восстания общественное мнение повернулось против них, и шедшие за ними толпы, лишённые вождей, отхлынули назад, на Выборгскую сторону - *Сент-Антуанское* предместье Петрограда ("Сент-Антуанское предместье" - название одного из пригородов Парижа, трудящееся население которого отличалось особенно высокими боевыми качествами во время революционных восстаний во Франции в конце XVIII века и в XIX веке. Дж. Рид сравнивает с этим предместьем известный рабочий район Петрограда - Выборгскую сторону. - Ред.). Тогда последовала дикая травля большевиков: сотни их, в том числе Троцкий, госпожа Коллонтай и Каменев, были заключены в тюрьмы; Ленин и Зиновьев принуждены были скрываться от ареста; большевистские газеты преследовались и закрывались. Провокаторы и реакционеры подняли неистовый вой о том, что большевики - немецкие агенты, и во всем мире нашлись люди, поверившие этому.

Однако Временное правительство оказалось не в состоянии подтвердить обоснованность этих обвинений; документы, якобы доказывавшие существование германского заговора, оказались подложными; и большевики один за другим освобождались из тюрем без суда, под фиктивный залог или вовсе без залога, так что в конце концов в заключении осталось всего 6 человек. Бессилие и нерешительность Временного правительства, состав которого непрерывно

менялся, были слишком очевидны для всех. Большевики вновь провозгласили столь дорогой массам лозунг: "Вся власть Советам!", и они вовсе не исходили при этом из своих узкопартийных интересов, поскольку в то время большинство в Советах принадлежало "умеренным" социалистам - их злейшему врагу.

Еще более действенным было то, что они взяли простые, неоформленные мечты масс рабочих, солдат и крестьян и на них построили программу своих ближайших действий. И вот, в то время как меньшевики-оборонцы и социалисты-революционеры опутывали себя соглашениями с буржуазией, большевики быстро овладели массами. В июле их травили и презирали; к сентябрю рабочие столицы, моряки Балтийского флота и солдаты почти поголовно встали на их сторону. Сентябрьские (Августовские (по ст. ст.). В Петрограде выборы были 20 августа. - Ред.) муниципальные выборы в больших городах⁴ были показательны: среди избранных оказалось всего лишь 18% меньшевиков и социалистов-революционеров против 70% в июне...

Иностранного наблюдателя мог в то время озадачить необъяснимый для него факт: Центральный Исполнительный Комитет Советов, центральные комитеты армии и флота (См. «Вступительные замечания и пояснения». - Дж. Рид.), центральные комитеты некоторых профессиональных союзов - особенно почтово-телеграфных работников и железнодорожников - относились крайне враждебно к большевикам. Все эти центральные комитеты были избраны еще в середине лета и даже раньше, когда меньшевики и эсеры имели огромное число сторонников, теперь же они всеми силами оттягивали и срывали какие-либо перевыборы. Так, согласно уставу Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийский съезд должен был состояться в сентябре, но ЦИК не хотел созывать его на том основании, что до открытия Учредительного собрания оставалось всего два месяца, а к тому времени, как он намекал, Советы вообще должны будут сложить свои полномочия. Между тем по всей стране большевики завоевывали на свою сторону один за другим местные Советы, отделения профессиональных союзов и укрепляли свое влияние в рядах солдат и матросов. Крестьянские Советы все еще оставались консервативными, так как в темной деревне политическое сознание развивается медленно, а партия социалистов-революционеров вела агитацию среди крестьян на протяжении целого поколения... Но даже и в крестьянской среде начало формироваться революционное ядро. Это стало очевидным в октябре, когда левое крыло социалистов-революционеров откололось и образовало новую политическую группировку - партию левых эсеров.

В то же время всюду стали заметны признаки оживления реакционных сил.⁵

Так, например, в Троицком театре в Петрограде представление комедии "Преступление царя" было сорвано группой монархистов, грозивших расправиться с актерами за "оскорбление императора". Определенные газеты начали вздыхать по "русскому Наполеону". В среде буржуазной интеллигенции стало обычаем называть Совет рабочих депутатов "советом собачьих депутатов".

15 октября у меня был разговор с крупным русским капиталистом **Степаном Георгиевичем Лианозовым** - "**русским Рокфеллером**", кадетом по политическим убеждениям.

"Революция,- сказал он,- это болезнь. Раньше или позже иностранным державам придется вмешаться в наши дела, точно так же, как вмешиваются врачи, чтобы излечить больного ребенка и поставить его на ноги. Конечно, это было бы более или менее неуместно, однако все нации должны понять, насколько для их собственных стран опасны большевизм и такие заразительные идеи, как "пролетарская диктатура" и "мировая социальная революция"..., Впрочем, возможно, такое вмешательство не будет необходимым. Транспорт развалился, фабрики закрываются, и немцы наступают. Может быть, голод и поражение пробудят в русском народе здравый смысл..."

Господин Лианозов весьма энергично утверждал: что бы ни случилось, торговцы и промышленники не могут допустить существования фабрично-заводских комитетов или примириться с каким бы то ни было участием рабочих в управлении производством.

"Что до большевиков, то с ними придется разделываться одним из двух методов. Правительство может эвакуировать Петроград, объявив тогда осадное положение, и командующий войсками округа расправится с этими господами без юридических формальностей... Или, если, например, Учредительное собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его можно будет разогнать силой оружия..."

Наступала зима - страшная русская зима. В торгово-промышленных кругах я слышал такие разговоры: "Зима всегда была лучшим другом России; быть может, теперь она избавит нас от революции". На замерзающем фронте голодали и умирали несчастные армии, потерявшие всякое воодушевление. Железные дороги замирали, продовольствия становилось все меньше, фабрики закрывались. Отчаявшиеся массы громко кричали, что буржуазия покушается на жизнь народа, вызывает поражение на фронте. Рига была сдана непосредственно после того, как генерал Корнилов публично заявил: "Не должны ли мы пожертвовать Ригой, чтобы вернуть страну к сознанию ее долга?" (См. John Reed, "Kornilov to Brest-Litovsk" ("От Корнилова до Брест-Литовска"), Boni and Liveright, N.Y. 1919.- Дж. Рид.).

Американцам показалось бы невероятным, что классовая борьба могла дойти до такой остроты. Но я лично встречал на Северном фронте офицеров, которые открыто предпочитали военное поражение сотрудничеству с солдатскими комитетами. Секретарь петроградского отдела кадетской партии говорил мне, что экономическая разруха является частью кампании, проводимой для дискредитирования революции. Один союзный дипломат, имя которого я дал слово не упоминать, подтверждал это на основании собственных сведений. Мне известны некоторые угольные копи близ Харькова, которые были подожжены или затоплены владельцами, московские текстильные фабрики, где инженеры, бросая работу, приводили машины в негодность, железнодорожные служащие, пойманные рабочими в момент, когда они выводили локомотивы из строя...

Значительная часть имущих классов предпочитала немцев революции - даже Временному правительству - и не колебалась говорить об этом. В русской семье, где я жил, почти постоянной темой разговоров за столом был грядущий приход немцев, несущих "законность и порядок...". Однажды мне пришлось провести вечер в доме одного московского купца; во время чаепития мы спросили у одиннадцати человек, сидевших за столом, кого они предпочитают - "Вильгельма или большевиков". Десять против одного высказались за Вильгельма.

Спекулянты пользовались всеобщей разрухой, наживали колоссальные состояния и растрачивали их на неслыханное мотовство или на подкуп должностных лиц. Они прятали продовольствие и топливо или тайно переправляли их в Швецию. В первые четыре месяца революции, например, из петроградских городских складов почти открыто расхищались продовольственные запасы, так что имевшийся двухгодичный запас зернового хлеба сократился до такой степени, что его оказалось недостаточно для пропитания города в течение одного месяца... Согласно официальному сообщению последнего министра продовольствия Временного правительства, кофе закупался во Владивостоке оптом по 2 рубля фунт, а потребитель в Петрограде платил по 13 рублей. Во всех магазинах крупных городов находились целые тонны продовольствия и одежды, но приобретать это могли только богатые.

В одном провинциальном городе я знал купеческую семью, состоявшую из спекулянтов-мародеров, как называют их русские. Три сына откупились от воинской повинности. Один из них спекулировал продовольствием. Другой сбывал краденое золото из Ленских приисков таинственным покупателям в Финляндии. Третий закупил большую часть акций одной шоколадной фабрики и продавал шоколад местным кооперативам, с тем чтобы они за это снабжали его всем необходимым. Таким образом, в то время как массы народа получали четверть фунта черного хлеба в день по своей хлебной карточке, он имел в изобилии белый хлеб, сахар, чай, конфеты, печенье и масло... И все же, когда солдаты на фронте не могли больше сражаться от холода, голода и истощения, члены этой семьи с негодованием вопили: "Труссы!", они "стыдились быть русскими"... Для них большевики, которые в конце концов нашли и реквизировали крупные запасы припрятанного ими продовольствия, были сущими "грабителями".

Под всей этой внешней гнилью тайно и очень активно копошились темные силы старого режима, не изменившиеся со времен падения Николая II. Агенты пресловутой охранки все еще работали за и против царя, за и против Керенского - словом, на всякого, кто платил... Во мраке действовали всевозможные подпольные организации, как, например, черные сотни, стараясь восстановить реакцию в той или иной форме.

В этой атмосфере всеобщей продажности и чудовищных полуистин изо дня в день было слышно звучание одной ясной ноты все крепнущего хора большевиков: "Вся власть Советам! Вся власть истинным представителям миллионов рабочих, солдат и крестьян. Хлеба, земли, конец бессмысленной войне, конец тайной дипломатии,

спекуляции, измене... Революция в опасности, и с ней - общее дело народа во всем мире!"

Борьба между пролетариатом и буржуазией, между Советами и правительством, начавшаяся еще в первые мартовские дни, приближалась к своему апогею. Россия, одним прыжком перескочив из средневековья в XX век, явила изумленному миру две революции - политическую и социальную - в смертельной схватке.

Какую изумительную жизнеспособность проявляла русская революция после стольких месяцев голодовки и разочарований! Буржуазии следовало бы лучше знать свою Россию. Теперь лишь немногие дни отделяли Россию от полного разгара революционной "болезни"...

При взгляде назад Россия до Ноябрьского восстания кажется страной иного века, почти невероятно консервативной. Так быстро пришлось привыкать к новому, ускоренному темпу жизни. Русские политические отношения сразу и целиком сдвинулись влево до такой степени, что кадеты были объявлены вне закона, как "враги народа", Керенский стал "контрреволюционером", "умеренные" социалистические вожди - **Церетели, Дан, Либер, Гоц, Авксентьев** оказались слишком реакционными для своих собственных последователей, и даже такие люди, как Виктор Чернов и Максим Горький, очутились на правом крыле...

Около середины декабря 1917 г. **группа эсеровских вождей частным образом посетила английского посла сэра Джорджа Бьюкенена**, причем умоляла его никому не говорить об этом посещении, потому что они считались "слишком правыми".

"И подумать только,- сказал сэр Джордж,- год тому назад мое правительство инструктировало меня не принимать Милюкова, потому что он слыл опасно левым!.."

Сентябрь и октябрь - наихудшие месяцы русского года, особенно петроградского года. С тусклого, серого неба в течение все более короткого дня непрестанно льет пронизывающий дождь. Повсюду под ногами густая, скользкая и вязкая грязь, размазанная тяжелыми сапогами и еще более жуткая чем когда-либо ввиду полного развала городской администрации. С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом. По ночам - частью из экономии, частью из страха перед дирижаблями - горят лишь редкие, скудные уличные фонари; в частные квартиры электричество подается только вечером, с 6 до 12 часов, причем свечи стоят по сорок центов (Цент по тогдашнему курсу равнялся 3-5 копейкам. - Джон Рид) штука, а керосина почти нельзя достать. Темно с 3 часов дня до 10 утра. Масса разбоев и грабежей. В домах мужчины по очереди несут ночную охрану, вооружившись заряженными ружьями. Так было при Временном правительстве. С каждой неделей продовольствия становится все меньше. Хлебный паек уменьшился с 1,5 фунта до 1 фунта, потом до 3/4 фунта, 1/2 фунта и 1/4 фунта. Наконец, прошла целая недели, когда совсем не выдавали хлеба. Сахару полагалось по 2 фунта в месяц, но эти 2 фунта надо было достать, а это редко кому удавалось. Плитка шоколада или фунт безвкусных леденцов стоили от 7 до 10

рублей, т. е. по крайней мере доллар. Половина петроградских детей не имела молока; во многих гостиницах и частных домах его не видели по целым месяцам. Хотя был фруктовый сезон, яблоки и груши продавались на улицах чуть ли не по рублю за штуку...

За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под пронизывающим дождем. Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина еще до рассвета начал образовываться "хвост", главным образом из женщин; многие из них держали на руках грудных детей... Карлайл говорит в своей "Французской революции", что французы отличаются от всех прочих народов мира способностью стоять в "хвостах". Россия начала приобретать эту способность в царствование Николая "благословенного", еще с 1915 года, - и с тех пор "хвосты" появлялись время от времени, пока к лету 1917 г. окончательно не вошли в порядок вещей. Подумайте, каково было этим кое-как одетым людям выстаивать целые дни напролет на скованных и выбеленных морозом петроградских улицах в ужасную русскую зиму! Я прислушивался к разговорам в хлебных очередях. Сквозь удивительное добродушие русской толпы время от времени прорывались горькие, желчные ноты недовольства...

Разумеется, театры были открыты ежедневно, не исключая и воскресений. В Мариинском шел новый балет с Карсавиной, и вся балетоманская Россия являлась смотреть на нее. Пел Шаляпин. В Александрийском была возобновлена мейерхольдовская постановка драмы Алексея Толстого "Смерть Ивана Грозного". На этом спектакле мне особенно запомнился воспитанник императорского пажеского корпуса в парадной форме, который во всех антрактах стоял навтыжку лицом к пустой императорской ложе, с которой уже были сорваны все орлы... Театр "Кривое зеркало" давал роскошную постановку шницлеровского "Хоровода".

Эрмитаж и все прочие картинные галереи были эвакуированы в Москву; однако в Петрограде каждую неделю открывались художественные выставки. Толпы женщин из среды интеллигенции усердно посещали лекции по искусству, литературе и популярной философии. У теософов был необычайно оживленный сезон. Армия спасения, впервые в истории допущенная в Россию, заклеивала все стены объявлениями о евангелических собраниях, одновременно изумлявших и забавлявших русскую аудиторию...

Как и всегда бывает в таких случаях, повседневная мелочная жизнь города шла своим чередом, стараясь по возможности не замечать революции. Поэты писали стихи, - но только не о революции. Художники-реалисты писали картины на темы старинного русского быта - о чем угодно, но не о революции. Провинциальные барышни приезжали в Петроград учиться французскому языку и пению. По коридорам и вестибюлям отелей расхаживали молодые, изящные и веселые офицеры, щеголяя малиновыми башлыками с золотым позументом и чеканными кавказскими шашками. В полдень дамы из второразрядного чиновничьего круга ездили друг к другу на чашку чая, привозя с собой в муфте маленькую серебряную

или золотую сахарницу ювелирной работы, полбулки, и при этом они вслух мечтали о том, как бы было хорошо, если бы вернулся царь или если бы пришли немцы, или если бы случилось что-нибудь другое, что могло бы разрешить наболевший вопрос о прислуге... Дочь одного из моих приятелей однажды в полдень вернулась домой в истерике: кондукторша в трамвае назвала ее "товарищем"!

А вокруг них корчилась в муках, вынашивая новый мир, огромная Россия. Прислуга, с которой прежде обращались, как с животными, и которой почти ничего не платили, обретала чувство собственного достоинства. Пара ботинок стоила свыше ста рублей, и так как жалованье в среднем не превышало тридцати пяти рублей в месяц, то прислуга отказывалась стоять в очередях и изнашивать свою обувь. Но мало этого. В новой России каждый человек - все равно мужчина или женщина - получил право голоса; появились рабочие газеты, говорившие о новых и изумительных вещах; появились Советы; появились профессиональные союзы. Даже у извозчиков был свой профсоюз и свой представитель в Петроградском Совете. Лакеи и официанты организовались и отказались от чаевых. Во всех ресторанах по стенам висели плакаты, гласившие: "Здесь на чай не берут" или: "Если человеку приходится служить за столом, чтобы заработать себе на хлеб, то это еще не значит, что его можно оскорблять подачками на чай".

На фронте солдаты боролись с офицерами и учились в своих комитетах самоуправлению. На фабриках приобретали опыт и силу, и понимание своей исторической миссии в борьбе со старым порядком эти не имеющие себе подобных русские организации - фабрично-заводские комитеты (См. "Вступительные замечания и пояснения». - Дж. Рид.). Вся Россия училась читать и действительно читала книги по политике, экономике, истории - читала потому, что люди хотели знать... В каждом городе, в большинстве прифронтовых городов каждая политическая партия выпускала свою газету, а иногда и несколько газет. Тысячи организаций печатали сотни тысяч политических брошюр, затопляя ими окопы и деревни, заводы и городские улицы. Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы. Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду. И все это были не сказки, не фальсифицированная история, не разбавленная водой религия, не дешевая, разлагающая макулатура, а общественные и экономические теории, философии, произведения Толстого, Гоголя и Горького...

Затем - слово. Россию затоплял такой поток живого слова, что по сравнению с ним "потоп французской речи", о котором пишет Карлайл, кажется мелким ручейком. Лекции, дискуссии, речи - в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах... Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах... Какое изумительное зрелище являет собой Путиловский завод, когда из его стен густым потоком выходят сорок тысяч рабочих, выходят, чтобы слушать социал-демократов, эсеров, анархистов - кого угодно, о

чем угодно и сколько бы они ни говорили. В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездах, и в трамваях, повсюду...

А всероссийские съезды и конференции, на которые съезжались люди двух материков - съезды Советов, кооперативов, земств (См. "Вступительные замечания и пояснения". - Дж. Рид.), национальностей, духовенства, крестьян, политических партий; Демократическое совещание, Московское Государственное совещание, Совет Российской республики... В Петрограде постоянно заседали три-четыре съезда сразу. Попытки ограничить время ораторов проваливались решительно на всех митингах, и каждый имел полную возможность выразить все чувства и мысли, какие только у него были...

Мы приехали на фронт в двенадцатую армию, стоявшую за Ригой, где босые и истощенные люди погибали в окопной грязи от голода и болезней. Завидев нас, они поднялись навстречу. Лица их были измождены; сквозь дыры в одежде синело голое тело. И первый вопрос был: "Привезли ли что-нибудь почитать?"

Внешних, видимых признаков совершившейся перемены было много, но, хотя в руках статуи Екатерины Великой против Александрийского театра торчал красный флажок, хотя над всеми общественными зданиями тоже развевались красные флаги, иногда, впрочем, выцветшие, а императорские вензеля и орлы были повсюду сорваны или прикрыты; хотя вместо свирепых городских улицы охраняла добродушная и невооруженная гражданская милиция,- тем не менее еще сохранилось очень много странных пережитков прошлого.

Так, например, оставалась в полной силе табель о рангах Петра Великого, которой он железной рукой сковал всю Россию. Почти все, начиная от школьников, еще продолжали носить установленную прежнюю форменную одежду с императорскими орлами на пуговицах и петлицах. Около пяти часов вечера улицы заполнялись пожилыми людьми в форме, с портфелями. Возвращаясь домой с работы в огромных казармоподобных министерствах и других правительственных учреждениях, они, быть может, высчитывали, насколько быстро смертность среди начальства подвигает их к долгожданному чину коллежского асессора или тайного советника, к перспективе почетной отставки с полной пенсией, а может быть, и с Крестом Святой Анны на шее...

Любопытный случай произошел с сенатором Соколовым, который в самом разгаре революции как-то раз явился на заседание сената в штатском костюме. Ему не позволили принять участие в заседании, потому что на нем не было предписанной ливреи слуги царя!

На этом-то фоне брожения и разложения целой нации развернулась панорама восстания русских народных масс...

Глава II. Рождение бури.

В сентябре (В августе (по ст. ст.). - Ред.) на Петроград двинулся генерал Корнилов, чтобы провозгласить себя военным диктатором России. За его спиной неожиданно обнаружился бронированный кулак буржуазии, дерзко попытавшейся сокрушить революцию. В заговоре Корнилова были замешаны некоторые министры-социалисты. Сам Керенский был под подозрением.¹

Савинков, от которого Центральный комитет его партии, социалистов-революционеров, потребовал объяснений, ответил отказом и был исключен из партии. Корнилова арестовали солдатские комитеты. Многие генералы были уволены в отставку, некоторые министры лишились портфелей, и кабинет пал.

Керенский попытался сформировать новое правительство при участии представителей партии буржуазии - кадетов. Партия социалистов-революционеров, к которой он принадлежал, приказала ему кадетов исключить. Керенский не послушался и пригрозил, что, если социалисты будут настаивать на своем, он подаст в отставку. Однако настроение народа было настолько резко и определено, что в это время он не посмел бороться с ним. Была образована временная директория из пяти министров (Во временную директорию входили: **Керенский, Никитин, Терещенко, Верховский и Вердеревский.** - Ред.) с Керенским во главе, которая и взяла на себя власть впредь до окончательного разрешения вопроса о составе правительства.

Корниловский мятеж сплотил все социалистические группы - как "умеренные", так и революционные - в страстном порыве к самозащите. Корниловых больше не должно быть. Необходимо создать новое правительство, ответственное перед элементами, поддерживающими революцию. Поэтому ЦИК предложил всем демократическим организациям прислать делегатов на Демократическое совещание, которое должно открыться в Петрограде в сентябре.

В ЦИК сразу образовалось три направления. Большевики требовали немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и перехода к нему всей полноты власти. Центристы-эсеры, руководимые Черновым, вместе с левыми эсерами, возглавлявшийся Камковым и Спиридоновой, меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым и меньшевики-центристы (См. "Вступительные замечания и пояснения». - Дж. Рид.), представленные Богдановым и Скобелевым, требовали создания однородного социалистического правительства. Правые меньшевики во главе с Церетели, Даном и Либером, а также правые эсеры, которыми руководили Авксентьев и Гоц, настаивали на участии в новом правительстве представителей имущих классов. Почти вслед за этим большевики завоевали большинство в Петроградском Совете, а потом и в Советах Москвы, Киева, Одессы и других городов.

Меньшевики и эсеры, господствовавшие в ЦИК, встревожились и решили, что в конце концов Ленин для них страшнее Корнилова. Они изменили порядок представительства в Демократическом совещании², выделив гораздо больше мест кооперативам и другим консервативным организациям. Но даже и это специально подобранное совещание сначала высказывалось за коалиционное правительство без кадетов. Только открытая угроза Керенского отставкой и отчаянные вопли

"умеренных" социалистов, что "республика в опасности", заставили Совецание незначительным большинством принять принцип коалиции с буржуазией и санкционировать создание нечто вроде совещательного парламента без всякой законодательной власти под названием "Временного Совета Российской республики". В новом министерстве представители имущих классов фактически заправляли всем, а в Совете Российской республики они получили непропорционально большое количество мест.

ЦИК фактически уже не представлял рядовую массу в Советах и без всякого законного основания отказался созвать Второй всероссийский съезд, который должен был открыться в сентябре. ЦИК не имел никакого намерения созвать съезд или допустить его созыв. Его официальный орган "Известия" начал намекать, что миссия Советов уже почти закончена³ и что, быть может, они скоро будут распущены... А в то же время новое правительство также заявило, что в его программу входит ликвидация "безответственных организаций", т. е. Советов.

В ответ на это большевики призвали Советы собраться на съезд 2 ноября (20 октября) в Петрограде и взять в свои руки власть в России. В то же время они вышли из Совета Российской республики, заявив, что не хотят принимать участия в "правительстве народной измены"⁴.

Однако уход большевиков не принес спокойствия злополучному Совету республики. Имущие классы, стоявшие теперь у власти, явно нагнали. Кадеты заявили, что правительство не имеет законного права объявлять Россию республикой. Они требовали применения суровых мер в армии и флоте с целью разгона солдатских и матросских комитетов и повели атаку на Советы. А на противоположном крыле Совета республики меньшевики-интернационалисты и левые эсеры выступали за немедленное заключение мира, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством - фактически за большевистскую программу.

Мне пришлось слышать выступление Мартова против кадетов. Сгорбившись над трибуной, точно смертельно больной, каким он и был, показывая пальцем на правых, он говорил хриплым, еле внятным голосом:

"Вы называете нас пораженцами. Но настоящие пораженцы - это те люди, которые ждут благоприятного момента для заключения мира, которые откладывают и оттягивают мир до бесконечности, до тех пор, пока от русской армии не останется ничего, пока сама Россия не станет предметом торга между империалистическими группами... Вы пытаетесь навязать русскому народу политику, диктуемую интересами буржуазии. Вопрос о мире должен быть разрешен немедленно... И тогда вы увидите, что не напрасно работали те люди, которых вы называете германскими агентами, те циммервальдисты (Члены революционно-интернационалистского крыла европейского социализма. Они названы так по их международной конференции 1915 г. в Циммервальде (Швейцария). - Дж. Рид.), которые подготовили пробуждение сознания демократических масс во всем мире..."

Между этими группировками метались меньшевики и эсеры, ощущая слева давление нарастающего недовольства масс. Глубокая вражда разделила Совет республики на непримиримые группы.

Таково было положение, когда долгожданная весть о Парижской общесоюзнической конференции поставила во весь рост жгучие вопросы иностранной политики...

В теории все русские социалистические партии стояли за скорейшее заключение мира на демократических условиях. Еще в мае (апреле) 1917 г. Петроградский Совет, которым тогда руководили меньшевики и эсеры, обнародовал известные русские условия мира. В них содержалось требование, чтобы союзники создали конференцию для обсуждения целей войны. Конференция была обещана на август, потом отложена на сентябрь, потом на октябрь, теперь она была назначена на 10 ноября (28 октября) (Конференция не состоялась в связи с падением Временного правительства. - Ред.).

Временное правительство намеревалось послать на эту конференцию двух представителей: генерала Алексеева, настроенного очень реакционно, и министра иностранных дел Терещенко. Советы со своей стороны избрали Скобелева своим представителем и составили манифест, знаменитый наказ, который должен был служить ему инструкцией⁵. Временное правительство не признавало ни Скобелева, ни его наказа; союзная дипломатия тоже протестовала. Кончилось тем, что Бонар Лоу (Эндрю Бонар Лоу (1858-1923) - английский государственный деятель, глава консерваторов, в 1917 г.- канцлер казначейства (министр финансов) в коалиционном правительстве Ллойд Джорджа, и лидер палаты общин. - Ред.) холодно заявил, отвечая на вопрос в британской палате общин: "Насколько мне известно, Парижская конференция будет обсуждать не цели войны, а способы ее ведения...".

Русская консервативная пресса была в восторге, а большевики кричали: "Вот куда завела меньшевиков и эсеров соглашательская тактика!".

А по всему фронту длиною в тысячи миль (Миля - 1,6 километра. - Ред.) бурлила, как морской прилив, многомиллионная русская армия, высылая в столицу, новые и новые сотни делегаций, требовавших: "Мира! Мира!".

Я отправился за реку, в цирк Модерн, на один из огромных народных митингов, которые происходили по всему городу, с каждым вечером собирая все больше и больше публики. Обшарпанный, мрачный амфитеатр, освещенный пятью слабо мерцавшими лампочками, свисавшими на тонкой проволоке, был забит снизу доверху, до потолка: солдаты, матросы, рабочие, женщины, и все слушали с таким напряжением, как если бы от этого зависела их жизнь. Говорил солдат от какой-то 548-й дивизии.

"Товарищи! - кричал он, и в его истощенном лице и жестах отчаяния чувствовалась самая настоящая мука,- люди, стоящие наверху, все время призывают нас к новым и новым жертвам, а между тем тех, у кого есть все, не трогают.

Мы воюем с Германией. Пригласим ли мы германских генералов работать в нашем штабе? Ну, а ведь мы воюем и с капиталистами, и все же мы зовем их в наше правительство...

Солдат говорит: "Укажите мне, за что я сражаюсь. За Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за капиталистические захваты? Если мне докажут, что я защищаю революцию, то я пойду и буду драться, и меня не придется подгонять расстрелами".

Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы - рабочим, а власть Советам, тогда мы будем знать, что у нас есть за что драться, и тогда мы будем драться!"

В казармах, на заводах, на углах улиц - всюду ораторствовали бесчисленные солдаты, требуя немедленного мира, заявляя, что, если правительство не сделает энергичных шагов, чтобы добиться мира, армия оставит окопы и разойдется по домам.

Представитель восьмой армии говорил:

"Мы слабы, у нас осталось всего по несколько человек на роту. Если нам не дадут продовольствия, сапог и подкреплений, то скоро на фронте останутся одни пустые окопы. Мир или снабжение... Пусть правительство либо кончает войну, либо снабжает армию..."

От 46-й Сибирской артиллерийской бригады: "Офицеры не хотят работать с нашими комитетами, они предают нас неприятелю, они расстреливают наших агитаторов, а контрреволюционное правительство поддерживает их. Мы думали, что революция даст нам мир. А вместо этого правительство запрещает нам даже говорить о таких вещах, а само не дает нам достаточно еды, чтобы жить, и достаточно боеприпасов, чтобы сражаться..."

А из Европы шли слухи о мире за счет России...⁶ Недовольство еще увеличивалось известиями о положении русских войск во Франции. Первая бригада попыталась заменить своих офицеров солдатскими комитетами, как это было сделано их товарищами в России, и отказалась отправиться в Салоники, требуя возвращения на родину. Ее окружили, поморили голодом и, наконец, обстреляли артиллерийским огнем, причем многие были убиты...⁷

26 (13) октября я отправился в беломраморно-красный зал Мариинского дворца, где заседал Совет республики. Мне хотелось послушать Терещенко: он должен был огласить правительственную декларацию о внешней политике, которой так долго и с таким страстным нетерпением ждала страна, истощенная войной и жаждавшая мира.

Высокий безукоризненно одетый и выбритый молодой человек с выдающимися скулами тихим голосом читал свою тщательно составленную и ни к чему не обязывающую речь⁸. Ничего... Все те же общие места о сокрушении германского милитаризма в тесном единении с доблестными союзниками, о "государственных интересах России", о "затруднениях", созданных Скобелевским наказом. Терещенко закончил следующими словами, составлявшими суть его речи:

"Россия - великая держава. Россия останется великой державой, что бы ни случилось. Мы все должны защищать ее, мы должны показать себя защитниками великого идеала и сынами великой державы".

Никто не был удовлетворен этой речью. Реакционеры требовали "твердой" империалистической политики, а демократические партии хотели получить гарантию, что правительство будет добиваться мира. Привожу передовую статью газеты "Рабочий и Солдат" - органа большевистского Петроградского Совета:

Ответ правительства окопам.

Министр иностранных дел г. Терещенко выступил в предпарламенте с большой речью по поводу войны и мира. Что же поведал армии и народу самый молчаливый из наших министров?

Во-первых, мы тесно связаны с нашими союзниками (не народами, а их правительствами).

Во-вторых, не следует демократии рассуждать о возможности или невозможности ведения зимней кампании: решать должны союзные правительства.

В-третьих, наступление 18 июня было благодетельным и счастливым делом (о последствиях наступления Терещенко умолчал).

В-четвертых, неверно-де, будто союзные правительства о нас не заботятся. "У нас имеются определенные заявления наших союзников"... Заявления? А дела? А поведение английского флота?⁹ А переговоры английского короля с высланным контрреволюционером Гурко? Об этом министр умолчал.

В-пятых, наказ Скобелеву плох, этим наказом недовольны союзники и русские дипломаты, а "на союзной конференции мы должны говорить единым языком".

И это все? Все. Где же пути выхода? Вера в союзников и в Терещенко. Когда же наступит мир? Тогда, когда позволят союзники.

Таков ответ Временного правительства окопам на вопрос о мире.

И в это же время на заднем плане российской политики начали вырисовываться неясные очертания зловещей силы - казаки. Газета Горького "Новая Жизнь" обратила внимание читателей на их деятельность:

"...Во время февральских дней казаки не стреляли в народ, во время Корнилова они не присоединились к изменнику...

За последнее время их роль несколько меняется: от пассивной лояльности они переходят к активному политическому наступлению..."

Атаман донского казачьего войска Каледин был уволен Временным правительством в отставку за участие в корниловском заговоре. Он наотрез отказался покинуть свой пост и засел в Новочеркасске, окруженный тремя огромными казачьими армиями, составлял заговоры и грозил выступлением.

Сила его была так велика, что правительству пришлось смотреть на его неподчинение сквозь пальцы. Мало того, оно было вынуждено формально признать Совет союза казачьих войск и объявить вновь образованную казачью секцию Советов незаконной.

В начале октября к Керенскому явилась делегация казаков, имевшая наглость требовать прекращения нападков на Каледина и упрекать главу правительства в том, что он потакает Советам.

Керенский согласился оставить Каледина в покое и, как сообщалось, при этом сказал: "Руководители Совета считают меня деспотом и тираном... Что до Временного правительства, то оно не только не опирается на Советы, но весьма сожалеет, что они вообще существуют".

В то же время другая казачья делегация явилась к английскому послу и в разговоре с ним прямо называла себя представителем "свободного казачьего народа".

На Дону образовалось нечто вроде казачьей республики. Кубань объявила себя независимым казачьим государством. В Ростове-на-Дону и в Екатеринославе вооруженные казаки разогнали Советы, а в Харькове разгромили помещение профессионального союза горняков. Казачье движение повсюду проявляло себя как антисоциалистическое и милитаристское. Его вождями были дворяне и крупные землевладельцы, такие, как Каледин, Корнилов, генералы Дутов, Караулов и Бардижи, его поддерживали крупные московские коммерсанты и банкиры.

Старая Россия быстро разваливалась. На Украине и в Финляндии, в Польше и в Белоруссии усиливалось все более открытое националистическое движение. Местные органы власти, руководимые имущими классами, стремились к автономии и отказывались подчиняться распоряжениям из Петрограда. В Гельсингфорсе финляндский сейм отказался брать у Временного правительства деньги, объявил Финляндию автономной и потребовал вывода русских войск. **Буржуазная рада в Киеве до такой степени раздвинула границы Украины, что они включили в себя богатейшие земледельческие области Южной России, вплоть до самого Урала, и приступила к формированию национальной армии.** Глава рады Винниченко поговаривал о сепаратном мире с Германией, и Временное правительство ничего не могло поделать с ним. Сибирь и Кавказ требовали для себя отдельных учредительных собраний. Во всех этих областях уже начиналась ожесточенная борьба между местными властями и Советами рабочих и солдатских депутатов.

Хаос увеличивался со дня на день. Сотни и тысячи солдат дезертировали с фронта и стали двигаться по стране огромными, беспорядочными волнами. В Тамбовской и Тверской губерниях крестьяне, уставшие ждать земли, доведенные до отчаяния репрессивными мерами правительства, жгли усадьбы и убивали помещиков. Громадные стачки и локауты сотрясали Москву, Одессу и Донецкий угольный бассейн. Транспорт был парализован, армия голодала, крупные городские центры остались без хлеба.

Правительство, раздираемое борьбой между демократическими и реакционными партиями, ничего не могло сделать. Когда оно все-таки оказывалось вынужденным что-то предпринять, его действия неизменно отвечали интересам имущих классов. Высылались казаки для водворения порядка в деревнях, для подавления стачек. В Ташкенте правительственные власти разогнали Совет. В Петрограде Экономическое совещание, созданное для восстановления подорванной экономики страны, зашло в тупик: оно не могло разрешить непримиримого противоречия между трудом и капиталом и в конце концов было распущено Керенским. Старорежимные офицеры и генералы, поддерживаемые кадетами, требовали жестких мер для восстановления дисциплины в армии и флоте. Всеми почитаемый морской министр адмирал **Вердеревский** и военный министр генерал **Верховский** напрасно твердили, что спасти армию и флот может только новая, добровольная, демократическая дисциплина, основанная на сотрудничестве командного состава с солдатскими и матросскими комитетами. Их никто не слушал.

Реакционеры, казалось, решили нарочно вызвать ярость в народе. Приближался день суда над Корниловым. Буржуазная пресса все более и более откровенно защищала его, говоря о нем, как о "великом русском патриоте". Бурцевская газета "Общее Дело" требовала установления диктатуры Корнилова, Каледина и Керенского.

С Бурцевым я однажды говорил в ложе прессы Совета Российской республики. Маленький сгорбленный человечек с морщинистым лицом, с близорукими глазами за толстыми стеклами очков, с неопрятной копной волос на голове и седеющей бородой.

"Запомните мои слова, молодой человек! России нужна сильная личность. Пора бросить все думы о революции и сплотиться против немцев. Дураки, дураки допустили, что разбили Корнилова; а за дураками стоят германские агенты. Корнилов должен был бы победить..."

Крайняя правая была представлена органами плохо прикрытого монархизма: "Народный Трибун" Пуришкевича, "Новая Русь" и "Живое Слово", открыто призывавшие к искоренению революционной демократии.

23(10) октября в Рижском заливе произошло морское сражение с германской эскадрой. Правительство под тем предлогом, что Петроград находится в опасности, составляло планы эвакуации столицы. Сначала должны были быть вывезены и размещены по всей России крупные заводы, работавшие на оборону, а затем само правительство собиралось двинуться в Москву. Большевики немедленно объявили, что правительство покидает красную столицу только для того, чтобы ослабить революцию. Ригу уже продали немцам, теперь предадут Петроград!

Буржуазная пресса ликовала. «В Москве», говорила кадетская газета "Речь", «правительство сможет работать в спокойной атмосфере, без помех со стороны анархистов». Лидер правого крыла кадетской партии Родзянко заявил в "Утре

России", что взятие Петрограда немцами было бы великим счастьем, потому что уничтожило бы Советы и избавило Россию от революционного Балтийского флота:

"Петроград находится в опасности...- писал он. - Я думаю, бог с ним, с Петроградом! Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (т. е. Советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли...

Со взятием Петрограда будет уничтожен и Балтийский флот... Но жалеть об этом не приходится: большинство боевых судов совершенно развращено".

Буря народного негодования была так велика, что планы эвакуации пришлось отложить.

А тем временем над Россией, словно грозовая туча, пронизываемая молниями, навис съезд Советов. Его созыву сопротивлялось не только правительство, но и все "умеренные" социалисты. Центральные комитеты армии и флота, центральные комитеты некоторых профессиональных союзов, Советы крестьянских депутатов и особенно ЦИК из всех сил старались предотвратить созыв съезда. Основанные Петроградским Советом, но оказавшиеся в руках ЦИК газеты "Известия" и "Голос Солдата" ожесточенно выступали против съезда. Их поддерживала вся тяжелая артиллерия эсеровской печати - "Дело Народа" и "Воля Народа".

По всей стране были разсланы делегаты, по всем телеграфным проводам летели инструкции, требовавшие от местных Советов и армейских комитетов, чтобы они отменяли или откладывали выборы на съезд. Напыщенные резолюции против съезда, заявления о том, что демократия не допустит его открытия перед самым Учредительным собранием, протесты представителей от фронтов, от земского союза, от крестьянского союза, от союза казачьих войск, от союза офицеров, от союза георгиевских кавалеров, от "батальонов смерти" (См. "Вступительные замечания и пояснения». - Дж. Рид.) ... Совет Российской республики тоже единогласно выражал неодобрение. Весь огромный аппарат, созданный Мартовской революцией в России, из всех сил работал, чтобы не допустить съезда Советов.

А на другой стороне были неоформленные желания пролетариата - рабочих, рядовых солдат и крестьян-бедняков. Многие местные Советы уже стали большевистскими; кроме того, имелись организации промышленного пролетариата, фабрично-заводские комитеты и готовые к восстанию революционные организации армии и флота. Во многих местах народ, которому не давали правильно выбирать своих представителей, собирался на самочинные митинги, где выбирал делегатов в Петроград. В других местах народ смещал стоявшие на его пути старые комитеты и выбирал новые. Подземный огонь восстания прорывал кору, которая медленно затвердевала на поверхности революционной лавы, бездействовавшей в течение всех этих месяцев. Всероссийский съезд Советов мог состояться только в результате стихийного движения масс...

День за днем большевистские ораторы обходили казармы и фабрики, яростно нападая на "правительство гражданской войны". Однажды, в воскресенье, мы отправились в битком набитом паровике, тащившемся по морям грязи мимо угрюмых фабрик и огромных церквей, на казенный Обуховский военный завод, около Шлиссельбургского проспекта.

Митинг состоялся в громадном недостроенном корпусе с голыми кирпичными стенами. Вокруг трибуны, задрапированной красным, сгрудилась десятитысячная толпа. Все в черном. Люди теснились на штабелях дров и кучах кирпича, взбирались высоко вверх на мрачно чернеющие брусья. То была напряженно внимательная и громкоголосая аудитория. Сквозь тяжелые, темные тучи время от времени пробивалось солнце, заливая красноватым светом пустые оконные переплеты и море обращенных к нам простых человеческих лиц.

Луначарский - худощавый, похожий на студента, с чутким лицом художника объяснял, почему Советы должны взять власть. Только они могут защищать революцию от ее врагов, сознательно разрушающих страну, разваливающих армию, создающих почву для нового Корнилова.

Выступил солдат с Румынского фронта, худой человек с трагическим и пламенным выражением лица. "Товарищи,- кричал он,- мы голодаем и мерзнем на фронте. Мы умираем ни за что. Пусть американские товарищи передадут Америке, что мы, русские, будем биться на смерть за свою революцию. Мы будем держаться всеми силами, пока на помощь нам не поднимутся все народы мира! Скажите американским рабочим, чтобы они поднялись и боролись за социальную революцию!"

Потом встал Петровский, тонкий, медлительный и беспощадный:

"Довольно слов, пора переходить к делу! Экономическое положение очень плохо, но нам придется приспособиться к нему. Нас пытаются взять голодом и холодом, нас хотят спровоцировать. Но пусть враги знают, что они могут зайти слишком далеко; если они осмелятся прикоснуться к нашим пролетарским организациям, мы сметем их с лица земли, как сор!"

Большевистская пресса разрасталась с внезапной быстротой. Кроме двух партийных газет "Рабочий Путь" и "Солдат", стала выходить "Деревенская Беднота" - новая ежедневная газета для крестьян с полумиллионным тиражом, а с 30(17) октября появился "Рабочий и Солдат". Его передовая статья резюмировала большевистскую точку зрения:

"...Четвертая зимняя кампания была бы губельной для армии и страны. В то же время опасность сдачи нависла над революционным Петроградом. Контрреволюционеры радуются бедствиям народа... Отчаявшееся крестьянство вышло на путь открытого восстания. Помещики и чиновники громят крестьян при помощи карательных экспедиций. Фабрики и заводы закрываются. Рабочих хотят смирить голодом. Буржуазия и ее генералы требуют беспощадных мер для восстановления в армии слепой дисциплины.

Корниловщина не дремлет. Поддерживаемые всей буржуазией, корниловцы открыто готовятся к срыву Учредительного собрания.

Правительство Керенского...- против рабочих, солдат и крестьян. Это правительство губит страну...

Наша газета появляется в грозные дни. "Рабочий и Солдат" будет голосом петроградского пролетариата и петроградского гарнизона. "Рабочий и Солдат" будет непримиримо защищать интересы деревенской бедноты...

Народ должен быть спасен от гибели. Революция должна быть доведена до конца. Власть должна быть изъята из преступных рук буржуазии и передана в руки организованных рабочих, солдат и революционных крестьян...

Программа нашей газеты - это программа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Вся власть Советам - в центре и на местах!

Немедленное перемирие на всех фронтах! Честный демократический мир народов!

Помещичья земля - без выкупа крестьянам!

Рабочий контроль над производством!

Честно созванное Учредительное собрание!..".

Любопытно привести здесь еще отрывок из той же газеты, из органа тех самых большевиков, которых весь мир так хорошо знает в качестве германских агентов:

"Германский кайзер, покрытый кровью миллионов, хочет двинуть свои войска на Петроград. Призовем на помощь против кайзера немецких рабочих, солдат, матросов, крестьян, которые жаждут мира не меньше, чем мы... "Долой проклятую войну!". Как должно сделать такое предложение?

Революционная власть, подлинное революционное правительство, опирающееся на армию, флот, пролетариат и крестьянство...

Такое правительство обратилось бы через головы дипломатов, союзных и вражеских, непосредственно к немецким войскам. Оно заполнило бы немецкие окопы миллионами воззваний на немецком языке... Наши летчики распространили бы эти воззвания на немецкой земле...".

А в Совете республики пропасть между обеими сторонами с каждым днем становилась все глубже.

"Имущие классы,- восклицал левый эсер Карелин,- хотят использовать революционный аппарат государства, чтобы приковать Россию к военной колеснице союзников! Революционные партии решительно против такой политики..."

Престарелый **Николай Чайковский**, представитель народных социалистов, высказался против передачи земли крестьянам и стал на сторону кадетов:

"Необходимо немедленно же ввести в армии строгую дисциплину... С самого начала войны я не переставил утверждать, что заниматься социальными и экономическими реформами в военное время - преступление. Мы совершаем это преступление, хотя я не враг этих реформ, ибо я социалист..."

Выкрики слева: "Мы не верим вам!" Громовые аплодисменты справа...

Аджемов заявляет от имени кадетов, что нет никакой необходимости объяснять армии, за что она сражается, так как каждый солдат должен понимать, что ближайшая цель - это очищение русской территории от неприятеля.

Сам Керенский дважды выступал со страстными речами о национальном единстве, причем в конце одной из этих речей расплакался. Собрание слушало его холодно и часто прерывало ироническими замечаниями.

Смольный институт, штаб-квартира ЦИК и Петроградского Совета, помещается на берегу широкой Невы, на самой окраине города. Я приехал туда в переполненном трамвае, который с жалобным дребезжанием тащился со скоростью улитки по затоптанному грязным улицам. У конечной остановки возвышались прекрасные дымчато-голубые купола Смольного монастыря, окаймленные темным золотом, и рядом - огромный казарменный фасад Смольного института в двести ярдов длиной и в три этажа вышиной с императорским гербом, высеченным в камне, над главным входом. Кажется, он глумится над всем происходящим...

При старом режиме здесь помещался знаменитый монастырь-институт для дочерей русской знати, опекаемый самой царицей. Революция захватила его и отдала рабочим и солдатским организациям. В нем было больше ста огромных пустых белых комнат, уцелевшие эмалированные дощечки на дверях гласили: "Дамская классная комната №4", или "Учительская". Но над этими дощечками уже были видны знаки новой жизни - грубо намалёванные плакаты с надписями: "Исполнительный комитет Петроградского Совета", или "ЦИК", или "Бюро иностранных дел", "Союз солдат-социалистов", "Центральный совет всероссийских профессиональных союзов", "Фабрично-заводские комитеты", "Центральный армейский комитет"... Здесь же находились центральные комитеты политических партий и комнаты для их фракционных совещаний.

В длинных сводчатых коридорах, освещенных редкими электрическими лампочками, толпились и двигались бесчисленные солдаты и рабочие, многие из них сгибались под тяжестью тюков с газетами, прокламациями, всевозможной печатной пропагандой. По деревянным полам непрерывно и гулко, точно гром, стучали тяжелые сапоги... Повсюду висели плакаты: "Товарищи, для вашего же здоровья соблюдайте чистоту". На всех площадках и поворотах лестниц стояли длинные столы, загроможденные предназначенной для продажи печатной литературы всевозможных политических партий.

В обширной и низкой трапезной в нижнем этаже по-прежнему помещалась столовая. За 2 рубля я купил себе талон на обед, вместе с тысячью других стал в очередь, ведущую к длинным столам, за которыми двадцать мужчин и женщин раздавали обедающим щи из огромных котлов, куски мяса, груды каши и ломти черного хлеба. За 5 копеек можно было получить жестяную кружку чая. Жирные деревянные ложки лежали в корзинке. На длинных скамьях, стоявших у столов, теснились голодные пролетарии. Они с жадностью утоляли голод, переговариваясь через всю комнату и перекидываясь незамысловатыми шутками.

В верхнем этаже имелась еще одна столовая, в которой обедали только члены ЦИК. Впрочем, туда мог ходить кто хотел. Здесь можно было получить хлеб, густо смазанный маслом, и любое количество стаканов чая.

В южном крыле второго этажа находился огромный зал пленарных заседаний. Во времена института здесь устраивались балы. Высокий белый зал, освещенный глазированными белыми канделябрами с сотнями электрических лампочек и разделенный двумя рядами массивных колонн. В конце зала - возвышение, по обеим его сторонам - высокие разветвленные канделябры. За возвышением - пустая золоченая рама, из которой вынут портрет императора. В дни торжеств на этом возвышении собирались вокруг великих княгинь офицеры в блестящих мундирах и духовенство в роскошных рясах.

Напротив зала находилась мандатная комиссия съезда Советов. Я стоял в этой комнате и глядел на прибывавших делегатов - **дюжих бородатых солдат, рабочих в черных блузах, длиннородых крестьян**. Работавшая в комиссии девушка, член плехановской группы "Единство" (См. "Вступительные замечания и пояснения" Дж. Рид.), презрительно усмехалась. "Совсем не та публика, что на первом съезде,- заметила она. - **Какой грубый и отсталый народ! Темные люди...**" В этих словах была правда. Революция всколыхнула Россию до самых глубин, и теперь на поверхность всплыли низы. Мандатная комиссия, назначенная старым ЦИК, отводила одного делегата за другим под предлогом, что они избраны незаконно. Но представитель большевистского Центрального Комитета Карахан только посмеивался. "Ничего,- говорил он,- когда начнется съезд, вы все сядете на свои места..."

"Рабочий и Солдат" писал:

"Обращаем внимание делегатов нового Всероссийского съезда на попытку некоторых членов организационного Бюро сорвать съезд распространением слухов, что съезд не состоится, что делегатам лучше уехать из Петрограда... Не обращайтесь внимания на эту ложь... Наступают великие дни..."

Было совершенно ясно, что ко 2 ноября (20 октября) кворум еще не соберется. Поэтому открытие съезда отложили до 7 ноября (25 октября), но вся страна уже всколыхнулась, и меньшевики и эсеры, видя, что они побиты, резко переменили тактику. Они принялись слать отчаянные телеграммы своим провинциальным организациям, чтобы те посылали на съезд как можно больше делегатов из "умеренных" социалистов.

В то же время исполнительный комитет крестьянских Советов выпустил экстренное обращение о созыве крестьянского съезда на 13 декабря (30 ноября), чтобы парализовать какие бы то ни было действия, предпринимаемые рабочими и солдатами.

Что собирались делать большевики? По городу распространились слухи, что солдаты и рабочие готовят вооруженное выступление. Буржуазная и реакционная пресса предсказывала восстание и требовала от правительства, чтобы оно арестовало Петроградский Совет или по крайней мере не допустило бы открытия съезда. Листки вроде "Новой Руси" открыто призывали перебить всех большевиков.

Газета Горького "Новая Жизнь" вполне соглашалась с большевиками, что реакционеры намереваются раздавить революцию и что в случае необходимости им следует оказать вооруженное сопротивление. Но она полагала, что все партии революционной демократии должны образовать единый фронт:

"...Пока демократия не сплотила своих главных сил и пока сопротивление ее влиянию еще достаточно велико, ей невыгодно самой переходить в нападение. Но, если в нападение перейдут враждебные ей силы, революционной демократии придется вступить в борьбу, чтобы взять власть в свои руки. Тогда такой переход встретит поддержку самых широких слоев народа".

Горький утверждал, что как реакционные, так и правительственные газеты подстрекают большевиков к насилию. Но восстание только расчистило бы путь новому Корнилову. Горький требовал от большевиков, чтобы они опровергли слухи. Потресов напечатал в меньшевистском "Дне" сенсационную статью с приложением карты, которая якобы разоблачала секретный большевистский план операций.

Все стены Петрограда, как по волшебству, покрылись предостерегающими объявлениями, прокламациями¹⁰ и призывами от центральных комитетов "умеренных" и консервативных партий и ЦИК, клеймившими какие бы то ни было демонстрации, умолявшими рабочих и солдат не слушать агитаторов. Вот, например, воззвание военной секции партии социалистов-революционеров:

"...Снова идут по городу слухи о готовящихся выступлениях. Где источник этих слухов? Кем, какой организацией уполномочены говорящие о выступлении агитаторы?.. Большевики на запрос, обращенный к ним в ЦИК, ответили отрицательно...

Но эти слухи несут с собой большую опасность. Легко может случиться, что, не считаясь с настроением большинства рабочей, крестьянской и солдатской массы, отдельные горячие головы вызовут часть рабочих и солдат на улицу с призывом к восстанию.

В ужасное, тяжелое время, которое переживает революционная Россия, это выступление легко может стать началом гражданской войны и разрушения всех, созданных такими трудами организаций пролетариата, трудового

крестьянства и армии... Они (контрреволюционеры. - Ред.) не замедлят воспользоваться выступлением, чтобы начать контрреволюционные погромы и в кровавой междоусобице сорвать выборы в Учредительное собрание. А тем временем европейский контрреволюционер Вильгельм II готовит новые удары...

Никаких выступлений! Все на свои посты!..".

28(15) октября я разговаривал в одном из коридоров Смольного с **Каменевым**, невысоким человеком с рыжеватой острой бородкой и оживленной жестикуляцией. Он был не вполне уверен, что на съезд соберется достаточно делегатов. "Если съезд состоится,- говорил он,- то он будет представлять основные настроения народа. Если большинство, как я полагаю, достанется большевикам, то мы потребуем, чтобы Временное правительство ушло в отставку и передало всю власть Советам..."

Володарский, высокий бледный болезненный юноша в очках, высказывался гораздо определеннее: "Либерданы и прочие соглашатели саботируют съезд. Но если им и удастся сорвать его, то ведь мы достаточно реальные политики, чтобы не останавливаться из-за таких вещей..."

Под 29(16) октября в моей записной книжке находятся следующие выдержки из сообщений газет:

"Могилев. (Ставка верховного главнокомандующего.) Сюда стягиваются надежные гвардейские полки, "дикая дивизия", казачьи части и "батальоны смерти".

Правительство приказало юнкерам Павловского, Царскосельского и Петергофского училищ быть готовыми к выступлению в Петроград. Ораниенбаумские юнкера прибывают в город.

В Зимнем дворце расквартирована часть Петроградского бронезового дивизиона.

Сестрорецкий казенный оружейный завод по приказу, подписанному Троцким, выдал делегатам петроградских рабочих несколько тысяч винтовок.

На митинге городской милиции Нижнелитейного района вынесена резолюция, требующая передачи всей власти Советам...". И это лишь образчик беспорядочных событий тех лихорадочных дней. Все знали: что-то должно случиться, но никто не знал, что именно.

Ночью 30(17) октября на заседании Петроградского Совета в Смольном Троцкий заклеил утверждения буржуазных газет, будто Совет готовит вооруженное восстание, как контрреволюционную попытку дискредитировать и сорвать съезд Советов. "Петроградский Совет,- говорил он,- не назначал никакого выступления. Но если выступление будет необходимо, то мы не остановимся перед ним, и мы будем поддержаны всем петроградским гарнизоном... Они (правительство) готовят контрреволюцию, и мы должны ответить на это решительным и беспощадным наступлением..."

Петроградский Совет действительно не назначал никакой демонстрации, но в Центральном Комитете большевистской партии вопрос о восстании уже обсуждался. Комитет заседал всю ночь 23(10) октября. Здесь был представлен весь интеллектуальный цвет партии, все ее вожди, а также делегаты от петроградских рабочих и гарнизона. Из интеллигентов за восстание стояли только Ленин и Троцкий. Даже военные были против. Состоялось голосование. Восстание было отвергнуто!

Тогда встал со своего места простой рабочий. Лицо его было перекошено яростью. "Я говорю от имени петроградского пролетариата,- резко заявил он. - Мы за восстание. Делайте как знаете, но заявляю вам, что если вы допустите разгон Советов, то нам с вами больше не по пути!" К нему присоединилось несколько солдат. После этого снова голосовали, и восстание было решено...¹¹

Тем не менее правое крыло большевиков, руководимое **Рязановым, Каменевым и Зиновьевым**, продолжало вести кампанию против вооруженного восстания. Утром 31 (18) октября в "Рабочем Пути" появился первый отрывок ленинского "Письма к товарищам" - одного из самых дерзновенно смелых политических выступлений, какие когда-либо видел мир. В нем Ленин основательно доказывает необходимость восстания, подробно разбирая все возражения Каменева и Рязанова: "...Либо переход к либерданам и открытый отказ от лозунга "Вся власть Советам", либо восстание. Середины нет". В тот же день вождь кадетов Павел Милюков произнес громовую речь в Совете республики¹², клеймил Скобелевский наказ, как германофильский, заявлял, что "революционная демократия" губит Россию, высмеял Терещенко и прямо объявил, что предпочитает немецкую дипломатию русской... Левые скамьи гремели негодованием...

Со своей стороны, правительство не могло не учитывать значения успехов большевистской пропаганды. 29 (16) октября соединенная комиссия правительства и Совета республики спешно провела два законопроекта, один из которых временно отдавал землю крестьянам, а другой требовал энергичной мирной внешней политики. На следующий день Керенский отменил смертную казнь на фронте. В тот же вечер с большой помпой открылось первое заседание новой "Комиссии по укреплению республиканского строя и борьбе с анархией и контрреволюцией", о которой в истории, впрочем, не сохранилось ни малейшего следа. На следующее утро я вместе с двумя другими корреспондентами интервьюировал Керенского¹³ последний раз, когда он принимал журналистов.

"Русский народ,- с горечью говорил он,- страдает от экономической разрухи и от разочарования в союзниках. Весь мир думает, что русская революция кончилась. Остерегайтесь ошибки. **Русская революция только еще начинается...**" Слова более пророческие, чем, быть может, он думал сам.

Необычайно бурным было затянувшееся на всю ночь заседание Петроградского Совета от 30 (17) октября, на котором я присутствовал. Явились все "умеренные" социалисты-интеллигенты, офицеры, члены армейских комитетов и члены ЦИК. Против них страстно и просто выступали рабочие, крестьяне и рядовые солдаты.

Один крестьянин рассказал о беспорядках в Твери, которые, по его словам, были вызваны арестом земельных комитетов. "Этот Керенский только покрывает помещиков,- кричал он. - Они знают, что Учредительное собрание все равно отнимет у них землю, и потому хотят сорвать его!"

Механик с Путиловского завода рассказал, как управляющие закрывали один цех за другим под предлогом отсутствия топлива и сырья. Фабрично-заводской комитет, по его словам, разыскал огромные припрятанные запасы.

"Это провокация,- заявил он. - Они хотят уморить нас голодом или вынудить к насилию!"

Один из солдат начал так: "Товарищи! Я привез вам привет с того места, где люди роют себе могилы и называют их окопами!"

Затем поднялся высокий худощавый молодой солдат с горящими глазами. Его встретили восторженными аплодисментами. То был Чудновский, который считался убитым в июльском наступлении, а теперь точно воскрес из мертвых.

"Солдатская масса больше не доверяет своим офицерам. Нас предают даже армейские комитеты: они отказываются созывать заседания нашего Совета... Солдатская масса требует, чтобы Учредительное собрание было открыто точно в срок, на который оно назначено, и тот, кто попытается отложить его, будет проклят - и проклят не только платонически, потому что у армии еще есть пушки..."

Он говорил о том, с каким ожесточением проходили в пятой армии выборы в Учредительное собрание. "Офицеры, особенно меньшевики и эсеры, нарочно стараются подводить большевиков под пули. Наших газет не пропускают в окопы, наших ораторов арестовывают!..."

"Почему вы не говорите об отсутствии хлеба?" - крикнул какой-то солдат.

"Не хлебом единым жив человек!" - сурово ответил Чудновский.

Вслед за ним выступил офицер, меньшевик-оборонец, делегат Витебского Совета.

"Дело не в том, у кого власть. Беда наша не в правительстве, а в войне... но войну необходимо выиграть до всяких перемен..." Крики, иронические аплодисменты. "Эти большевистские агитаторы - демагоги!" Зал раздражается хохотом. "Забудем на время классовую борьбу..." Дальше ему не дали говорить. Выкрик с места: "Да, этого вы очень хотите!"

В эти дни Петроград представлял собой замечательное зрелище. На заводах помещения комитетов были завалены винтовками. Приходили и уходили связные, обучалась Красная Гвардия... Во всех казармах днем и ночью шли митинги, бесконечные и горячие споры. По улицам в густевшей вечерней тьме плыли густые толпы народа. Слово волны прилива, двигались они вверх и вниз по Невскому. Газеты брались с боя... Грабежи дошли до того, что в боковых улочках было опасно показываться... Однажды днем на Садовой я видел, как толпа в несколько сот человек избивала до смерти солдата, пойманного на воровстве... Какие-то таинственные личности шныряли вокруг хлебных и молочных хвостов и

нашептывали несчастным женщинам, дрожавшим под холодным дождем, **что евреи припрятают продовольствие и что, в то время как народ голодает, члены Совета живут в роскоши.**

В Смольном у главного входа и у внешних ворот стояли суровые часовые, требовавшие от всех проходящих пропуск. Комитетские комнаты круглые сутки гудели, как улей, сотни солдат и рабочих спали тут же на полу, занимая все свободные места. А наверху тысячи людей сгрудились в огромном зале на бурных заседаниях Петроградского Совета.

Игорные клубы лихорадочно работали от зари до зари; шампанское текло рекой, ставки доходили до двухсот тысяч рублей. По ночам в центре города бродили по улицам и заполняли кофейни проститутки в бриллиантах и драгоценных мехах...

Монархические заговоры, германские шпионы, головокружительные планы спекулянтов и контрабандистов...

Под холодным, пронизывающим дождем, под серым тяжелым небом огромный взволнованный город неся все быстрее и быстрее навстречу... чему?..

Глава III. Накануне.

В отношениях между слабым правительством и восставшим народом рано или поздно наступает момент, когда каждый шаг власти приводит массы в ярость, а каждый ее отказ от действий возбуждает в них презрение.

Проект эвакуации Петрограда вызвал бурю негодования. Публичное заявление Керенского, что правительство вовсе не имело подобного намерения, было встречено градом насмешек.

"Припертое к стене натиском революции,- гремел "Рабочий Путь», правительство буржуазных временщиков пробует извернуться, швыряя лживыми уверениями о том, что оно не собиралось бежать из Петрограда и не хотело сдавать столицу..."

В Харькове (По-видимому, автор имел в виду Донецкий каменноугольный бассейн. - Ред.) тридцать тысяч горнорабочих сорганизовались и приняли тот вводный пункт устава "Индустриальных рабочих мира" ("Индустриальные рабочие мира" - одна из революционных массовых профсоюзных организаций США. Возникла в 1905 г. под влиянием революционных событий в России. Фактически прекратила свое существование в тридцатых годах, выродившись в сектантскую организацию, потерявшую былые связи с массами. В пору расцвета "ИРМ" в ее деятельности активное участие принимал Джон Рид. - Ред.), который гласит: "Класс рабочих и класс предпринимателей не имеют между собой ничего общего". Организация была разгромлена казаками, многих горняков прогнали с работы, оставшиеся объявили всеобщую забастовку. Министр торговли и промышленности Коновалов послал своего заместителя Орлова прекратить беспорядки и снабдил его широкими полномочиями. Горняки ненавидели Орлова. А ЦИК не только поддержал это назначение, но и отказался потребовать вывода казаков из Донецкого бассейна...

За этим последовал разгром Калужского Совета. Большевики, завоевав большинство в этом Совете, добились освобождения нескольких политических заключенных. Городская дума с согласия правительственного комиссара вызвала из Минска войска, которые подвергли Совет артиллерийскому обстрелу. Большевики уступили, но в тот момент, когда они выходили из здания Совета, казаки набросились на них с криком: "Вот что будет со всеми прочими большевистскими Советами, и с Московским и Петроградским!" Этот инцидент взволновал всю Россию...

В Петрограде заканчивался съезд Советов Северной области, на котором представлял большевик Крыленко. Подавляющим большинством голосов съезд вынес решение о передаче всей власти Всероссийскому съезду Советов. Перед тем как разойтись, съезд послал приветствие арестованным большевикам, возвещая, что час их освобождения близок. В то же время Первая всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов¹ категорически высказалась за Советы, приняв такую резолюцию:

"...Низвергнув самодержавие в политической области, рабочий класс стремится доставить торжество демократическому строю и в области своей производительной деятельности. Выражением этого стремления является идея рабочего контроля, естественно возникшая в обстановке хозяйственного развала, созданного преступной политикой господствующих классов..."

Союз железнодорожников потребовал отставки министра путей сообщения Ливеровского.

Скобелев от имени ЦИК настаивал, чтобы наказ был представлен Общесоюзной конференции, и формально протестовал против посылки Терещенко в Париж. Терещенко предложил свою отставку...

Генерал Верховский, не будучи в состоянии провести в жизнь задуманную им реорганизацию армии, только изредка появлялся на заседаниях совета министров...

3 ноября (21 октября) бурцевское "Общее Дело" вышло со следующим воззванием, напечатанным крупным шрифтом:

"Граждане! Спасайте Россию!"

Я только что узнал, что вчера в заседании комиссии по обороне в Совете республики военный министр генерал Верховский, один из главных виновников гибели ген. Корнилова, предложил заключить мир с немцами тайно от союзников...

Это измена России!

Терещенко заявил, что предложение генерала Верховского даже и не обсуждалось во Временном правительстве.

Это,- сказал М. И. Терещенко,- какой-то сумасшедший дом.

Члены комиссии от слов генерала Верховского пришли в ужас...

Ген. Алексеев плакал.

Нет! Это не сумасшедший дом! Это хуже всякого сумасшедшего дома! Это прямая измена России!

За слова Верховского должны немедленно дать нам ответ Керенский, Терещенко и Некрасов.

Граждане, все на ноги.

Россию предают

Спасайте ее!"

Но на самом деле Верховский говорил только то, что необходимо побудить союзников поторопиться с мирными предложениями, потому что русская армия больше воевать не может.

Сенсация в России и за границей была колоссальная. Верховский получил "отпуск по болезни на неопределенный срок" и вышел из правительства. "Общее Дело" было закрыто...

На воскресенье 4 ноября (22 октября) был назначен "День Петроградского Совета" с грандиозными митингами по всему городу. Эти митинги были назначены под предлогом денежных сборов на советские организации и советскую печать; на самом деле они должны были стать демонстрацией силы. Вдруг появилось сообщение, что казаки назначили на тот же день крестный ход в честь чудотворной иконы, спасшей Москву от Наполеона в 1812 г. Атмосфера была насыщена электричеством; малейшая искра могла зажечь пожар гражданской войны. Петроградский Совет выпустил следующее воззвание под заголовком "Братья казаки!":

"...Вас, казаки, хотят восстановить против нас, рабочих и солдат. Эту каинову работу совершают наши общие враги: насильники-дворяне, банкиры, помещики, старые чиновники, бывшие слуги царские... Нас ненавидят все ростовщики, богачи, князья, дворяне, генералы и в их числе ваши, казачьи, генералы. Они готовы в любой час уничтожить Петроградский Совет, задушить революцию...

22 октября устраивается кем-то казачий крестный ход. Дело свободной совести каждого казака участвовать или не участвовать в крестном ходе. Мы в это дело не вмешиваемся и никаких препятствий никому не чиним..."

Крестный ход был спешно отменен...

В казармах и рабочих кварталах большевики проповедовали свой лозунг "Вся власть Советам!", а агенты темных сил подстрекали народ резать евреев, лавочников и социалистических вождей...

С одной стороны, погромные статьи монархической печати, с другой стороны, громовой голос Ленина: "Восстание!.. Больше ждать нельзя!"

Даже буржуазная печать заволновалась². "Биржевые Ведомости" называли большевистскую пропаганду покушением на "основные устои общества, на неприкосновенность личности и уважение к частной собственности".

Но больше всех источали ненависть "умеренно"-социалистические газеты³. "Большевики - это самые опасные враги революции",- заявляло "Дело Народа". Меншевистский "День" говорил: "Правительство обязано защищаться и защищать нас". Плехановская газета "Единство"⁴ обращала внимание правительства на то обстоятельство, что петроградские рабочие уже вооружились, и требовали решительных мер против большевиков.

А правительство с каждым днем становилось все беспомощней. Даже городское самоуправление разваливалось. Газетные столбцы пестрели сообщениями о самых дерзких грабежах и убийствах, а преступники оставались безнаказанными...

Но, с другой стороны, вооруженные рабочие патрули по ночам уже охраняли улицы, разгоняя мародеров и реквизируя оружие, какое только попадало им в руки.

1 ноября (19 октября) главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Полковников издал следующий приказ:

"Несмотря на тяжкие дни, переживаемые страной, в Петрограде продолжают безответственные призывы к вооруженным выступлениям и погромам и вместе с тем с каждым днем усиливаются грабежи и бесчинства.

Такое положение дезорганизует жизнь граждан и мешает планомерной работе правительственных и общественных органов.

В сознании ответственности и долга перед родиной приказываю:

- 1. каждой воинской части согласно особым распоряжениям в пределах района своего расположения оказывать всемерное содействие органам городского самоуправления, комиссарам и милиции в охране государственных и общественных учреждений;*
- 2. совместно с районным комендантом и представителем городской милиции организовать патрули и принять меры к задержанию преступных элементов и дезертиров;*
- 3. всех лиц, являющихся в казармы и призывающих к вооруженному выступлению и погромам, арестовывать и отправлять в распоряжение 2-го коменданта города;*
- 4. уличных манифестаций, митингов и процессий не допускать;*
- 5. вооруженные выступления и погромы немедленно пресекать всеми имеющимися в распоряжении вооруженными силами;*
- 6. оказывать содействие комиссарам в недопущении самочинных обысков, арестов;*
- 7. обо всем происходящем в районе расположения частей немедленно доносить в штаб округа.*

Комитеты частей и все войсковые организации призываю оказывать содействие командирам при выполнении ими возложенных на них задач".

В Совете республики Керенский заявил, что Временное правительство вполне осведомлено о большевистской пропаганде и что оно достаточно сильно, чтобы справиться с любой демонстрацией⁵. Он обвинял "Новую Русь" и "Рабочий Путь" в одних и тех же преступных деяниях. "Но абсолютная свобода печати,- продолжал он,- не дает правительству возможности принять меры против печатной лжи..." Заявляя, что большевизм и монархизм - только различные проявления одной и той же пропаганды в интересах контрреволюции, столь желанной для темных сил, он продолжал:

"Я человек обреченный, мне все равно, что со мной будет, и я имею смелость заявить, что все загадочное в событиях объясняется невероятной провокацией, созданной в городе большевиками".

Ко 2 ноября (20 октября) на съезд Советов приехало всего пятнадцать делегатов. На следующий день их было уже сто человек, а еще через сутки - сто семьдесят пять, из них сто три большевика... Для кворума нужно было четыреста человек, а до съезда оставалось всего три дня...

Я проводил почти все время в Смольном. Попастъ туда было уже нелегко. У внешних ворот стояла двойная цепь часовых, а перед главным входом тянулась длинная очередь людей, ждавших пропуска. В Смольный пускали по четыре человека сразу, предварительно установив личность каждого и узнав, по какому делу он пришел. Выдавались пропуска, но их система менялась по нескольку раз в день, потому что шпионы постоянно ухитрялись пробираться в здание...

Однажды, придя в Смольный, я увидел впереди себя у внешних ворот Троцкого с женой. Их задержал часовой. Троцкий рылся по всем карманам, но никак не мог найти пропуска.

"Неважно,- сказал он, наконец,- вы меня знаете. Моя фамилия Троцкий".

"Где пропуск? - упрямо отвечал солдат. - Прохода нет, никаких я фамилий не знаю".

"Да я председатель Петроградского Совета".

"Ну,- отвечал солдат,- уж если вы такое важное лицо, так должна же у вас быть хотя бы маленькая бумажка".

Троцкий был очень терпелив. "Пропустите меня к коменданту,- говорил он. Солдат колебался и ворчал о том, что нечего беспокоить коменданта ради всякого приходящего. Но, наконец, он кивком головы подозвал разводящего. Троцкий изложил ему свое дело. "Моя фамилия Троцкий",- повторял он.

"Троцкий...- разводящий почесал в затылке. - Слышал я где-то это имя...медленно проговорил он. - Ну, ладно, проходите, товарищ".

В коридоре мне попался Карахан, член большевистского ЦК. Он рассказал мне, каково будет новое правительство:

"Гибкая организация, чуткая к народной воле, выражаемой Советами, представляющая величайшую свободу местной инициативе. Теперь Временное правительство точно так же связывает местную демократию, как это делалось при царе... В новом обществе инициатива будет исходить снизу. Формы правления будут установлены в соответствии с уставом Российской социал-демократической рабочей партии. Парламентом будет новый ЦИК, ответственный перед Всероссийским съездом Советов, который должен будет созываться очень часто; министерствами будут управлять не отдельные министры, а коллегии, непосредственно ответственные перед Советами".

30 (17) октября я, сговорившись предварительно с Троцким, явился к нему в маленькую и пустую комнату на верхнем этаже Смольного. Он сидел посередине комнаты на жестком стуле, за пустым столом. Мне пришлось задавать ему очень мало вопросов. Он быстро и уверенно говорил больше часа. Привожу самое существенное из сказанного им, сохраняя в точности его выражения:

"Временное правительство совершенно бессильно. У власти стоит буржуазия, но ее власть замаркирована фиктивной коалицией с оборонческими партиями. На протяжении всей революции мы видим восстание крестьян, измученных ожиданием обещанной земли. Тем же самым недовольством явно охвачены все трудящиеся классы по всей стране. Господство буржуазии может осуществляться только путем гражданской войны. Буржуазия может управлять только при помощи корниловских методов, но ей не хватает силы... Армия за нас. Соглашатели и пацифисты, эсеры и меньшевики потеряли весь свой авторитет, потому что борьба между крестьянами и помещиками, между рабочими и работодателями, между солдатами и офицерами достигла небывалой ожесточенности и непримиримости. Революция может быть завершена, народ может быть спасен только объединенными усилиями народных масс, только победой пролетарской диктатуры..."

Советы являются наиболее совершенным народным представительством - совершенным и в своем революционном опыте и в своих идеях и целях. Опираясь непосредственно на солдатские окопы, на рабочие фабрики, на крестьянские деревни, они являются хребтом революции.

Мы уже видели попытки создать власть без Советов. Эти попытки создали только безвластие. В настоящую минуту в кулуарах Совета Российской республики вынашиваются всевозможные контрреволюционные планы. Кадетская партия есть представительница воинствующей контрреволюции. Советы же являются представителями народного дела. Между этими двумя лагерями нет ни одной группы, которая имела бы мало-мальски серьезное значение... Это "lutte finale" - последний и решительный бой. Буржуазная контрреволюция организует все свои силы и только ждет удобного момента для нападения. Наш ответ будет решителен. Мы завершим труд, еле начатый в феврале и двинутый вперед в период корниловщины..."

Он перешел к иностранной политике будущего правительства:

"Первым нашим актом будет призыв к немедленному перемирию на всех фронтах и к конференции всех народов для обсуждения демократических условий мира. Степень демократичности мирного договора будет зависеть от степени революционной поддержки, которую мы встретим в Европе; если мы создадим здесь правительство Советов, это будет мощным фактором в пользу немедленного мира во всей Европе, ибо правительство обратится с предложением перемирия прямо и непосредственно ко всем народам через головы правительств. В момент заключения мира русская революция всеми силами будет настаивать на принципе "без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения народов" и на создании Европейской федеративной республики...

*В конце этой войны я вижу Европу, пересозданную не дипломатами, а пролетариатом. **Европейская федеративная республика, Соединенные Штаты Европы** вот что должно быть. Национальная автономия уже недостаточна. Экономический прогресс требует отмены национальных границ. Если Европа останется раздробленной на национальные группы, то империализм будет продолжать свое дело. Дать мир всему миру может только Европейская федеративная республика", он улыбнулся тонкой, чуть иронической своей улыбкой. - "Но без выступления европейских масс эти цели не могут быть достигнуты пока..."*

Все ждали, что в один прекрасный день на улицах неожиданно появятся большевики и примутся расстреливать всех людей в белых воротничках. Но на самом деле восстание произошло крайне просто и вполне открыто.

Временное правительство собиралось отправить петроградский гарнизон на фронт.

Петроградский гарнизон насчитывал около шестидесяти тысяч человек и сыграл в революции выдающуюся роль. Именно он решил дело в великие Февральские дни, он создал Советы солдатских депутатов, он отбросил Корнилова от подступов к Петрограду.

Теперь в нем было очень много большевиков. Когда Временное правительство заговорило об эвакуации города, то именно петроградский гарнизон ответил ему: "Одно из двух... правительство, неспособное оборонить столицу, должно либо заключить немедленный мир, либо, если оно неспособно заключить мир, оно должно убраться прочь и очистить место подлинно народному правительству...".

Было очевидно, что любая попытка восстания всецело зависит от поведения петроградского гарнизона. План правительства заключался в замене полков гарнизона "надежными" частями - казаками, "батальонами смерти". Комитеты отдельных армий, "умеренные" социалисты и ЦИК поддерживали правительство. На фронте и в Петрограде велась широкая агитация: говорили, что вот уже восемь месяцев, как петроградский гарнизон бездельничает и прохлаждается в столичных казармах, а в это время на фронте армия голодает и вымирает без смены и подкреплений.

Разумеется, в словах людей, обвинявших петроградский гарнизон в нежелании менять относительное довольство на ужасы зимней кампании, была известная доля правды. Но для отказа идти на фронт существовали и другие основания. Петроградский Совет опасался замыслов правительства, а между тем с фронта являлись сотни делегатов от рядовых солдат, которые в один голос заявляли: "Правда, нам нужны подкрепления, но еще нужнее нам знать, что здесь, в Петрограде, революция находится под надежной защитой... Держите тыл, товарищи, а мы будем держать фронт...".

25 (12) октября исполнительный комитет Петроградского Совета обсуждал при закрытых дверях вопрос об организации особого военного комитета. На следующий день солдатская секция Петроградского Совета выбрала комитет, который немедленно объявил все буржуазные газеты под бойкотом и вынес ЦИК порицание за его борьбу против съезда Советов. 29 (16) октября Троцкий на открытом заседании Петроградского Совета предложил формально утвердить Военно-революционный комитет.

"Мы должны,- сказал он,- создать специальную организацию, чтобы идти за ней в бой и умереть, если это понадобится..." Было решено послать на фронт две делегации для переговоров с солдатскими комитетами и ставкой - одну от Совета, а другую от гарнизона.

В Пскове делегация Совета была принята командующим Северным фронтом генералом Черемисовым, который коротко заявил, что он уже приказал петроградскому гарнизону занять место в окопах и что больше говорить не о чем. Делегации от гарнизона не было разрешено выехать из Петрограда...

Делегация солдатской секции Петроградского Совета просила, чтобы ее представитель был допущен в штаб Петроградского округа. Отказ. Петроградский Совет потребовал, чтобы без одобрения солдатской секции не издавалось ни одного приказа. Отказ. Делегатам грубо заявили: "Мы признаем только ЦИК. Вас мы не признаем, и, если вы нарушите какой-нибудь закон, мы вас арестуем".

30 (17) октября собрание представителей всех петроградских полков приняло следующую резолюцию: "Петроградский гарнизон больше не признает Временного правительства. Наше правительство - Петроградский Совет. Мы будем подчиняться только приказам Петроградского Совета, изданным его Военно-революционным комитетом". Местным военным частям было приказано ждать указаний от солдатской секции Петроградского Совета.

На следующий день ЦИК созвал свое собственное собрание, состоявшее в огромном большинстве из офицеров, создал особый комитет для совместной работы со штабом и разослал во все районы Петрограда своих комиссаров.

3 ноября (21 октября) огромный солдатский митинг в Смольном постановил:

"Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей

обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции.

Вместе с тем петроградский гарнизон заявляет: на страже революционного порядка в Петрограде стоит весь гарнизон вместе с организованным пролетариатом. Всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии внести смуту и расстройство в революционные ряды встретят беспощадный отпор".

Чувствуя свою силу, Военно-революционный комитет решительно потребовал, чтобы штаб Петроградского округа подчинялся его распоряжениям. Он разослал по всем типографиям приказ не печатать без его утверждения никаких призывов или прокламаций. В Кронверкский арсенал явились вооруженные комиссары и захватили огромное количество оружия и снаряжения, приостановив отправку десяти тысяч штыков, уже наряженных в Новочеркасск, штаб-квартиру Каледина...

Внезапно очутившись перед лицом опасности, правительство обещало комитету безнаказанность в случае, если он добровольно разойдется. Слишком поздно. В полночь 5 ноября (23 октября) Керенский сам послал в Петроградский Совет Малевского с предложением направить представителя в штаб. Военно-революционный комитет ответил согласием, но через час исполняющий обязанности военного министра генерал Маниковский взял предложение обратно...

Утром во вторник 6 ноября (24 октября) весь город был взбудоражен появившимся на улицах обращением, подписанным - "Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов":

"К населению Петрограда.

Граждане! Контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное собрание. Одновременно погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств. Население призывается задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в близлежащую войсковую часть. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли.

Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции в твердых руках...".

3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на свое историческое совещание. Оно шло при закрытых дверях. Я был предупрежден [Залкиндом](#) и ждал

результатов совещания за дверью, в коридоре. [Володарский](#), выйдя из комнаты, рассказал мне, что там происходит.

Ленин говорил: "24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд придут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября - в день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: Вот власть! Что вы с ней сделаете?".

В одной из комнат верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек, математик и шахматист, когда-то офицер царской армии, а потом революционер и ссыльный, некто Овсеенко, по кличке Антонов. Математик и шахматист, он был поглощен разработкой планов захвата столицы.

Со своей стороны, готовилось к бою и правительство. К Петрограду незаметно стягивались самые надежные полки, выбранные из разбросанных по всему фронту дивизий. В Зимнем дворце расположилась юнкерская артиллерия. На улицах впервые с дней июльского восстания появились казачьи патрули. Полковников издавал приказ за приказом, угрожая подавить малейшее неповиновение "самыми энергичными репрессиями". Наиболее ненавистный член правительства - министр народного просвещения Кишкин был утвержден чрезвычайным комиссаром по охране порядка в Петрограде. Он назначил своими помощниками столь же мало популярных [Рутенберга](#) и [Нальчикского](#). Петроград, Кронштадт и Финляндия были объявлены на военном положении. Буржуазное "Новое Время" иронически заявляло по этому поводу:

"Почему осадное положение? Правительство уже перестало быть властью, оно не обладает ни моральным авторитетом, ни необходимым аппаратом, который дал бы ему возможность применить силу... В самом лучшем случае оно может только вести переговоры с теми, кто согласится разговаривать с ним. Другой власти у него нет..."

В понедельник 5 ноября (23 октября), утром, я заглянул в Мариинский дворец, чтобы узнать, что делается в Совете Российской республики. Ожесточенные споры о внешней политике Терещенко. Отклики на инцидент Бурцев-Верховский. Присутствуют все дипломаты, кроме итальянского посла, о котором говорили, что он совершенно разбит катастрофой при Карсо...

В момент, когда я входил, левый эсер Карелин читал вслух передовицу лондонского "Times", в которой говорилось: "Большевизм надо лечить пулями".

Повернувшись к кадетам, Карелин кричал: "Это также ваши мысли!".

Голоса справа: "Да! Да!".

"Да, я знаю, что вы так думаете,- горячо ответил Карелин.- Но посмейте только попробовать на деле!" , Затем Скобелев, похожий на светского ухажера, с выхоленной белокурой бородой и желтыми волнистыми волосами,

извиняющимся тоном защищал советский наказ. Вслед за ним выступил Терещенко, встреченный слева криками: "В отставку! В отставку!". Он настаивал на том, что на Парижской конференции делегаты правительства и ЦИК должны защищать общую точку зрения и именно точку зрения его, Терещенко. Несколько слов о восстановлении дисциплины в армии, о войне до победы... Совет Российской республики среди шума и бурных протестов слева переходит к порядку дня.

Большевицкие скамьи были пусты, пусты с самого дня открытия Совета, когда большевики покинули его, унося с собой всю жизненность. Спускаясь вниз, я думал о том, что, несмотря на все эти ожесточенные споры, ни один живой голос из реального внешнего мира не может проникнуть в этот высокий холодный зал и что Временное правительство уже разбилося о ту самую скалу войны и мира, которая в свое время погубила министерство Милюкова... Подавая мне пальто, швейцар ворчал: "Ох, что-то будет с несчастной Россией!.. Большевики, большевики, трудовики... Украина, Финляндия, германские империалисты, английские империалисты... Сорок пять лет живу на свете, а никогда столько слов не слышал".

В коридоре мне встретился профессор [Шацкий](#), очень влиятельный в кадетских кругах господин с крысиным лицом, в изящном сюртуке. Я спросил его, что он думает о большевицком выступлении, о котором столько говорят. Он пожал плечами и усмехнулся.

"Это скоты, сволочь,- ответил он. - Они не посмеют, а если и посмеют, то мы им покажем!.. С нашей точки зрения, это даже не плохо, потому что они провалятся со своим выступлением и не будут иметь никакой силы в Учредительном собрании..."

Но, дорогой сэръ, позвольте мне вкратце обрисовать вам мой план организации нового правительства, который будет предложен Учредительному собранию. Видите ли, я председатель комиссии, образованной Советом республики совместно с Временным правительством для выработки конституционного проекта... У нас будет двухпалатное законодательное собрание, **такое же, как у вас, в Соединенных Штатах**. Нижняя палата будет состоять из представителей мест, а верхняя - из представителей свободных профессий, земств, кооперативов и профессиональных союзов..."

На улице дул с запада сырой холодный ветер. Холодная грязь просачивалась сквозь подметки. Две роты юнкеров, мерно печатая шаг, прошли вверх по Морской. Их ряды стройно колыхались на ходу; они пели старую солдатскую песню царских времен... На первом же перекрестке я заметил, что милиционеры были посажены на коней и вооружены револьверами в блестящих новеньких кобурах. Небольшая группа людей молчаливо глядела на них. На углу Невского я купил ленинскую брошюру "Удержат ли большевики государственную власть?" и заплатил за нее бумажной маркой; такие марки ходили тогда вместо разменного серебра. Как всегда, ползли трамваи, облепленные снаружи штатскими и военными в таких позах, которые заставили бы позеленеть от зависти Теодора Шонта (Знаменитый в то время акробат. - Ред) ... Вдоль стен стояли рядами дезертиры, одетые в военную форму и торговавшие папиросами и подсолнухами.

По всему Невскому в густом тумане толпы народа с бою разбирали последние выпуски газет или собирались у афиш, пытались разобраться в призывах и прокламациях, которыми были заклеены все стены⁶. Здесь были прокламации ЦИК, крестьянских Советов, "умеренно"-социалистических партий, армейских комитетов, все угрожали, умоляли, заклинали рабочих и солдат сидеть дома, поддерживать правительство...

Какой-то броневик все время медленно двигался взад и вперед, завывая сиреной. На каждом углу, на каждом перекрестке собирались густые толпы. Горячо спорили солдаты и студенты. Медленно спускалась ночь, мигали редкие фонари, текли бесконечные волны народа... Так всегда бывало в Петрограде перед беспорядками.

Город был настроен нервно и настораживался при каждом резком шуме. Но большевики не подавали никаких внешних признаков жизни; солдаты оставались в казармах, рабочие - на фабриках... Мы зашли в кинематограф у Казанского собора. Шла итальянская картина, полная крови, страстей и интриг. В переднем ряду сидело несколько матросов и солдат. Они с детским изумлением смотрели на экран, решительно не понимая, для чего понадобилось столько беготни и столько убийств.

Из кинематографа я поспешил в Смольный. В 10-й комнате, на верхнем этаже, шло непрерывное заседание Военно-революционного комитета. Председательствовал светловолосый юноша лет восемнадцати, по фамилии Лазимир. Проходя мимо меня, он остановился и несколько робко пожал мне руку.

"Петропавловская крепость уже перешла на нашу сторону! - с радостной улыбкой сказал он. - Мы только что получили вести от полка, посланного правительством в Петроград на усмирение. Солдаты стали подозревать, что тут не все чисто, остановили поезд в Гатчине и послали к нам делегатов. "В чем дело? - спросили они нас. - Что вы нам скажете? Мы уже вынесли резолюцию "Вся власть Советам"". Военно-революционный комитет ответил им: "Братья, приветствуем вас от имени революции! Стойте на месте и ждите приказа"".

"Все наши телефонные провода, - сообщил он, - перерезаны. Однако военные телефонисты наладили полевой телефон для сообщения с заводами и казармами..."

В комнату непрерывно входили и выходили связные и комиссары. За дверями дежурило двенадцать добровольцев, готовых в любую минуту помчаться в самую отдаленную часть города. Один из них - человек с цыганским лицом и в форме поручика сказал мне по-французски: "Все готовы выступить по первому знаку".

Проходили: Подвойский, худой, бородатый штатский человек, в мозгу которого созревали оперативные планы восстания; Антонов, небритый, в грязном воротничке, шатающийся от бессонницы; Крыленко, коренастый, широколицый солдат с постоянной улыбкой, оживленной жестикуляцией и резкой речью; Дыбенко, огромный бородатый матрос со спокойным лицом. Таковы были люди этой битвы за власть Советов и грядущих битв. Внизу, в помещении фабрично-

заводских комитетов, сидел Сератов. Он подписывал ордера на казенный арсенал - по полтора ста винтовок каждому заводу... Перед ним выстроилось в очередь сорок делегатов.

В зале я встретил несколько менее видных большевистских деятелей. Один из них показал мне револьвер. "Началось! - сказал он. Лицо его было бледно. Выступим ли мы или нет, но враг уже знает, что ему пора покончить с нами или погибнуть самому".

Петроградский Совет заседал круглые сутки без перерыва. Когда я вошел в большой зал, Троцкий как раз кончал свою речь. "Нас спрашивают,- говорил он, собираемся ли мы устроить выступление. Я могу дать ясный ответ на этот вопрос. Петроградский Совет сознает, что наступил, наконец, момент, когда вся власть должна перейти в руки Советов. Эта перемена власти будет осуществлена Всероссийским съездом. Понадобится ли вооруженное выступление - это будет зависеть от тех, кто хочет сорвать Всероссийский съезд.

Нам ясно, что наше правительство, представленное личным составом временного кабинета, есть правительство жалкое и бессильное, что оно только ждет взмаха метлы истории, чтобы уступить свое место истинно народной власти. Но мы еще теперь, еще сегодня пытаемся избежать столкновения. Мы надеемся, что Всероссийский съезд Советов возьмет в руки власть, опирающуюся на организованную свободу всего народа. Но если правительство захочет использовать то краткое время - 24, 48 или 72 часа, которое еще отделяет его от смерти, для того чтобы напасть на нас, то мы ответим контратакой. На удар ударом, на железо- сталью!"

Под гром аплодисментов Троцкий сообщает, что левые эсеры согласились послать своих представителей в Военно-революционный комитет.

Уходя из Смольного в 3 часа утра, я заметил, что по обеим сторонам входа стояли пулеметы и что ворота и ближайшие перекрестки охранялись сильными солдатскими патрулями. Вверх по лестнице взбегал Билль Шатов. "Ну,- крикнул он,- мы начали! Керенский послал юнкеров закрыть наши газеты "Солдат" и "Рабочий Путь". Но тут пришел наш отряд и сорвал казенные печати, а теперь мы посылаем людей для захвата буржуазных редакций!" Он радостно похлопал меня по плечу и побежал дальше...

Утром 6 ноября (24 октября) у меня было дело к цензору, канцелярия которого помещалась в министерстве иностранных дел. На улицах все стены были заклеены прокламациями, истерически призывавшими народ к "спокойствию". Полковников выпускал приказ за приказом:

"Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказа из штаба округа.

Всякие самостоятельные выступления запрещаю.

Все офицеры, выступившие помимо приказа своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж.

Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих из различных организаций...".

Утренние газеты сообщили, что правительство запретило газеты "Новая Русь", "Живое Слово", "Рабочий Путь" и "Солдат" и постановило арестовать руководителей Петроградского Совета и членов Военно-революционного комитета.

Когда я пересекал Дворцовую площадь, под аркой генерального штаба с грохотом проскакали несколько батарей юнкерской артиллерии и выстроились перед дворцом. Огромное красное здание генерального штаба казалось необычайно оживленным. Перед дверями стояло несколько автомобилей; непрерывно подъезжали и уезжали все новые автомобили с офицерами. Цензор был взволнован, как маленький мальчик, которого привели в цирк. "Керенский,- сказал он мне, только что ушел в Совет республики подавать в отставку!" Я поспешил в Мариинский дворец и успел застать конец страстной и почти бессвязной речи Керенского, целиком состоявшей из самооправданий и желчных нападок на политических противников.

"Для того чтобы не быть голословным,- говорил Керенский,- я процитирую вам здесь наиболее определенные места из ряда прокламаций, которые помещались разыскиваемым, но скрывающимся государственным преступником Ульяновым-Лениным в газете "Рабочий Путь". В ряде прокламаций под заглавием "Письмо к товарищам" данный государственный преступник призывал петербургский пролетариат и войска повторить опыт 3-5 июля и доказывал необходимость приступить к немедленному вооруженному восстанию...

Одновременно с этими воззваниями происходит ряд выступлений других руководителей партии большевиков на собраниях и митингах, на которых они также призывают к немедленному вооруженному восстанию. В особенности в этом отношении нужно отметить выступление председателя Совета рабочих и солдатских депутатов в Петербурге Бронштейна-Троцкого...

В целом ряде выступлений статьи "Рабочего Пути" и "Солдата" по слогу и стилю совпадают со статьями "Новой Руси".

Мы имеем дело не столько с движением той или иной политической партии, сколько с использованием политического невежества и преступных инстинктов части населения; мы имеем дело с особой организацией, ставящей себе целью во что бы то ни стало вызвать в России стихийную волну разрушения и погромов.

При теперешнем настроении масс открытое движение в Петербурге неизбежно будет сопровождаться тягчайшими явлениями погромов, которые опозорят навсегда имя свободной России.

Весьма типично, что, по признанию самого организатора восстания Ульянова-Ленина, "положение русских крайних левых социал-демократических флангов особенно благоприятно"..."

Здесь Керенский огласил следующую цитату из статьи Ленина:

"Подумайте только: немецкие товарищи при дьявольски трудных условиях, имея одного Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности всех классов населения вплоть до последнего зажиточного крестьянина, преданы идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т. е. немецкие революционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте - с шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея большинства в Советах, мы, наилучше поставленные "во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием".

Керенский продолжал:

"Сами организаторы, таким образом, признают, что условия политические для свободы деятельности всех политических партий наиболее совершенны в настоящее время в России, при управлении настоящего Временного правительства, во главе которой стоит, по мнению партии большевиков, узурпатор и человек, продавшийся буржуазии, министр-председатель Керенский...

Организаторы восстания не содействуют пролетариату Германии, а содействуют правящим классам Германии, открывают фронт русского государства перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей... Для Временного правительства безразличны мотивы, безразлично, сознательно или бессознательно это, но во всяком случае в сознании своей ответственности я с этой кафедры квалифицирую такие действия русской политической партии как предательство и измену Российскому государству... Я становлюсь на юридическую точку зрения: мною и предложено немедленно начать соответствующее судебное следствие, предложено также произвести соответствующие аресты (шум слева не дает Керенскому говорить). Да, слушайте! - громовым голосом воскликнул Керенский, - в настоящее время, когда государство от сознательного или бессознательного предательства погибает и находится на краю гибели, Временное правительство, и я в том числе, предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим...".

В этот момент Керенскому передали какой-то листок. "Мне сейчас представлена копия того документа, который рассылается сейчас по полкам". И он прочел вслух:

"Петроградскому Совету грозит опасность... Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов".

"...В действительности,- продолжал Керенский,- это есть попытка поднять чернь против существующего порядка, сорвать Учредительное собрание и раскрыть русский фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма. Я

говорю с совершенным сознанием "чернь", потому что вся сознательная демократия и ее ЦИК, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свободная Россия,- разум, совесть и честь великой русской демократии протестуют против этого...

Я пришел сюда не с просьбой, а с уверенностью, что Временное правительство, которое в настоящее время защищает эту новую свободу... встретит единодушную поддержку всех, за исключением людей, не решающихся никогда высказать смело правду в глаза...

Временное правительство никогда не нарушало свободы граждан государства и их политических прав.

Но в настоящее время Временное правительство заявляет, что те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмеливаются поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации... Пусть население Петрограда знает, что оно встретит власть решительную, и, может быть, в последний час или минуты разум, совесть и честь победят в сердцах тех, у кого они еще сохранились..."

На протяжении всей этой речи зал гремел и бушевал. Когда бледный и задыхающийся министр-председатель смолк и вместе со своей офицерской свитой покинул зал, на трибуне стали один за другим появляться ораторы слева. Они резко и возмущенно нападали на правых. Даже социалисты-революционеры заявили устами Гоца:

"Политика большевиков, играющих на народном недовольстве, демагогична и преступна. Но несомненно, что целый ряд народных требований до сих пор остается без удовлетворения. ...Вопросы о мире, о земле и о демократизации армии должны быть поставлены в такой форме, чтобы ни один солдат, рабочий или крестьянин не мог питать никакого сомнения в том, что правительство твердо и неуклонно стремится к действительному разрешению этих вопросов...

Мы и меньшевики не желаем создавать министерский кризис, мы готовы всеми силами, до последней капли крови, защищать Временное правительство, но это только в том случае, если Временное правительство выскажется по всем этим жгучим вопросам теми точными и ясными словами, которых народ ожидает с таким нетерпением..."

Затем выступил Мартов, полный гнева: "Слова министра-председателя, позволившего себе говорить о движении черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны". (Аплодисменты слева.)

Формула перехода, предложенная левыми, была принята. Она фактически равнялась выражению недоверия правительству:

"1) Подготавливающееся за последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создает

благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учредительного собрания, новые военные катастрофы и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны.

2) Почва для успеха указанной агитации создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением в проведении неотложных мер, и потому необходимы прежде всего немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением к союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

3) Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер к их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде Комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным правительством..."

Любопытно отметить, что за эту резолюцию голосовали также меньшевики и эсеры... Однако, когда Керенский узнал об этом, он пригласил Авксентьева для объяснений в Зимний дворец. "Если эта резолюция является выражением недоверия Временному правительству,- заявил он Авксентьеву,- то я предлагаю вам составить новый кабинет". Тогда соглашательские вожди Дан, Год и Авксентьев совершили свое последнее "соглашение"... Они разъяснили Керенскому, что эта резолюция не означает критики действий правительства...

На углу Морской и Невского отряды солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками, останавливали все частные автомобили, высаживали из них седоков и направляли машины к Зимнему дворцу. На них глядела большая толпа. Никто не знал, за кого эти солдаты - за Временное правительство или за Военно-революционный комитет. У Казанского собора происходило то же самое. Машины отправлялись оттуда вверх по Невскому. Вдруг появилось пять-шесть матросов, вооруженных винтовками. Взволнованно смеясь, они вступили в разговор с двумя солдатами. На их матросских бескозырках были надписи "Аврора" и "Заря свободы" - названия самых известных большевистских крейсеров Балтийского флота. "Кронштадт идет!" - сказал один из матросов... Эти слова значили то же самое, что значили в Париже 1792 г. слова "Марсельцы идут!". Ибо в Кронштадте было двадцать пять тысяч матросов, и все они были убежденные большевики, готовые идти на смерть.

"Рабочий и Солдат" уже вышел. Вся его первая страница была занята воззванием, напечатанным крупным шрифтом:

"Солдаты! Рабочие! Граждане!"

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Ораниенбаумские юнкера и ударники в Царском Селе отказались выступить. Замышляется предательский удар против Петроградского Совета рабочих и солдатских

депутатов... Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного собрания, против народа. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов стоит на защите революции. Военно-революционный комитет руководит отпором натиску заговорщиков. Весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар.

Военно-революционный комитет постановляет:

1. Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами Совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.
2. Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.
3. Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного Совета.
4. Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.
5. Все члены Петроградского Совета и все делегаты на Всероссийский съезд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание.

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность.

Да здравствует революция!

Военно-революционный комитет".

Петроградский Совет непрерывно заседал в Смольном, где был центр бури. Делегаты сваливались и засыпали тут же на полу, а потом просыпались, чтобы немедленно принять участие в прениях. Троцкий, Каменев, Володарский говорили по 6, по 8, по 12 часов в день. Я спустился на первый этаж, в комнату 18-ю, где шло совещание делегатов-большевиков. Резкий голос невидного за толпой оратора уверенно твердил: "Соглашатели говорят, что мы изолированы. Не обращайтесь на них внимания! В конце концов им придется идти за нами или остаться без последователей...".

Оратор поднял вверх клочок бумаги: "Мы уже увлекаем их за собой! От меньшевиков и эсеров только что явилась делегация; они говорят, что осуждают

наши действия, но, если правительство нападет на нас, они не станут бороться против пролетарского дела!". Гром восторженных восклицаний...

С наступлением ночи огромный зал наполнился солдатами и рабочими, густой темно-коричневой толпой, глухо гудевшей в синем табачном дыму. Старый ЦИК, наконец, решился приветствовать делегатов того нового съезда, который нес ему гибель, а может быть, и гибель всему созданному им революционному порядку. Впрочем, на этом собрании имели право голоса только члены ЦИК.

Было уже за полночь, когда Гоц занял председательское место, а на ораторскую трибуну в напряженной, казавшейся мне почти угрожающей тишине поднялся Дан.

"Переживаемый момент окрашен в самые трагические тона,- заговорил он. Враг стоит на путях к Петрограду, силы демократии пытаются организовать сопротивление, а в это время мы ждем кровопролития на улицах столицы и голод угрожает погубить не только наше правительство, но и самую революцию...

Массы измучены и болезненно настроены; они потеряли интерес к революции. Если большевики начнут что бы то ни было, то это будет гибелью революции... (Возгласы: "Ложь!") Контрреволюционеры только ждут большевиков, чтобы приступить к погромам и убийствам... Если произойдет хоть какое-нибудь выступление, то Учредительного собрания не будет... (Крики: "Ложь! Позор!")

Совершенно недопустимо, чтобы петроградский гарнизон в районе военных действий отказывался исполнять приказания штаба... Вы должны повиноваться штабу и избранному вами ЦИК. Вся власть Советам - это смерть. Разбойники и громилы только ждут момента, чтобы начать грабежи и поджоги. Когда выставляются такие лозунги, как "вламывайтесь в дома, срывайте с буржуев сапоги и одежду!.. (Шум, крики: "Таких лозунгов не было! Ложь! Ложь!") ...Все равно, начинать можно по-разному, но кончится этим!

ЦИК имеет власть и право действовать, и все обязаны повиноваться ему. Мы не боимся штыков! ЦИК прикроет революцию своим собственным телом... (Крики: "Он уже давно мертвое тело!")

Страшный, непрекращающийся шум, в котором еле можно разобрать голос Дана, когда он, напрягая все силы, выкрикивал, ударяя кулаком по краю трибуны: "Кто подстрекает к этому, тот совершает преступление!"

Голос: "Вы уже давно совершили преступление! Вы взяли власть и отдали ее буржуазии!"

Гоц размахивает председательским колокольчиком: "Тише, или я удалю вас!"

Голос: "Попробуйте!" Рукоплескания и свист. "Теперь,- продолжает Дан,- о нашей мирной политике. (С м е х.) К сожалению, Россия более не может воевать. Будет мир, но мир не постоянный, не демократический... Сегодня в Совете республики мы, чтобы избежать кровопролития, приняли формулу перехода, требующую передачи земли земельным комитетам и немедленного открытия мирных переговоров..." (Смех, к р и к и: "Поздно!")

От большевиков взошел на трибуну Троцкий, встреченный громом аплодисментов. Все собрание встало и устроило ему овацию. Худое, заостренное лицо Троцкого выражало мефистофельскую злобную иронию.

"Тактика Дана доказывает, что масса - широкая, тупая, безразличная масса всецело идет за ним!" Гомерический хохот... Оратор трагическим жестом поворачивается к председателю. "Когда мы говорили о передаче земли крестьянам, вы были против этого. Мы говорили крестьянам: если вам не дают земли, берите ее сами! Теперь крестьяне последовали нашему совету, а вы призываете к тому, о чем мы говорили шесть месяцев назад!

Я думаю, что если Керенский отменил смертную казнь на фронте, то этот поступок внушен ему не идейными соображениями. Я полагаю, что Керенского убедил петроградский гарнизон, который отказался повиноваться ему...

Сегодня Дана обвиняют, что он произнес в Совете республики речь, обличающую в нем скрытого большевика... Настанет такой день, когда сам Дан скажет, что в восстании 3-5 июля участвовал цвет революции... В дановской резолюции, принятой сегодня Советом республики, нет ни одного упоминания об усилении дисциплины в армии, хотя в меньшевистской пропаганде этот пункт занимает очень важное место...

Нет! История последних семи месяцев показывает, что меньшевики покинуты массами! Меньшевики и эсеры побили кадетов, а когда им досталась власть, они отдали ее тем же кадетам...

Дан говорит вам, что вы не имеете права восставать. Восстание есть неотъемлемое право каждого революционера! Когда угнетенные массы восстают, они всегда правы..."

Затем взял слово длиннолицый, злоязычный Либер, встреченный ироническим оханьем и смехом.

"Маркс и Энгельс говорили, что пролетариат не имеет права брать власть, пока он не созрел для этого. В буржуазной революции, подобно нашей... захват власти массами означает трагический конец революции... В качестве социал-демократического теоретика Троцкий сам выступает против того, к чему он теперь призывает вас..." (Крики: "Довольно! Долой!")

Затем говорил Мартов, которого ежеминутно прерывали выкриками с мест. "Интернационалисты не возражают против передачи власти демократии, но они осуждают большевистские методы. Сейчас не время брать власть..."

Снова на трибуне Дан, яростно протестуя против действий Военно-революционного комитета, который послал комиссара для захвата редакции "Известий" и для цензурирования этой газеты. Последовал страшный шум. Мартов пытался говорить, но его не было слышно. Делегаты от армии и Балтийского флота встали со своих мест, крича, что Совет - это их правительство.

Среди дикого беспорядка Эрлих (Эрлих - один из лидеров меньшевиков,- Ред.) предложил резолюцию, призывающую рабочих и солдат сохранять спокойствие и не слушать провокаторов, призывающих к демонстрации, вместе с тем признавалась необходимость немедленного создания Комитета общественной безопасности, а также срочного издания Временным правительством закона о передаче земли крестьянам и об открытии мирных переговоров...

Тогда вскочил Володарский, резко крича, что накануне съезда Советов ЦИК не имеет права брать на себя функции этого съезда. ЦИК фактически мертв, заявил Володарский, и эта резолюция всего только маневр с целью поддержать его гаснущую власть...

"Мы, большевики, не станем голосовать за эту резолюцию!" После этого все большевики покинули зал заседания, и резолюция прошла...

Около 4 часов утра я встретил в вестибюле Зорина. За плечами у него была винтовка.

- Мы выступили!^z - спокойно, но удовлетворенно сказал он мне. - Мы уже арестовали товарища министра юстиции и министра по делам вероисповеданий. Они уже в подвале. Один полк отправился брать телефонную станцию, другой идет на телеграф, третий - на Государственный банк. Красная Гвардия вышла на улицу...

На ступенях Смольного в холодной темноте мы впервые увидели Красную Гвардию - сбившуюся группку парней в рабочей одежде. Они держали в руках винтовки с примкнутыми штыками и беспокойно переговаривались.

Издали, с запада, поверх молчаливых крыш доносились звуки беглой ружейной перестрелки. Это юнкера пытались развести мосты через Неву, чтобы не дать рабочим и солдатам Выборгской стороны присоединиться к вооруженным силам Совета, находившимся по другую сторону реки, но кронштадтские матросы снова навели мосты...

За нашими спинами сверкало огнями и жужжало, как улей, огромное здание Смольного...

Глава IV. Конец временного правительства.

В среду 7 ноября (25 октября) я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный. Напротив запертых дверей Государственного банка стояло несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками.

"Вы чьи? - спросил я.- Вы за правительство?"

"Нет больше правительства! - с улыбкой ответил солдат. - Слава богу!" Это было все, что мне удалось от него добиться.

По Невскому, как всегда, двигались трамваи. На всех выступающих частях их повисли мужчины, женщины и дети. Магазины были открыты, и вообще улица имела как будто даже более спокойный вид, чем накануне. За ночь стены

покрылись новыми прокламациями и призывами, предостерегавшими против восстания. Они обращались к крестьянам, к фронтовым солдатам, к петроградским рабочим. Одна из прокламаций гласила:

"От Петроградской городской думы.

Городская дума доводит до сведения граждан, что ею в чрезвычайном заседании 24 октября образован Комитет общественной безопасности в составе гласных центральной и районных дум и представителей революционных демократических организаций: Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского исполнительного комитета крестьянских депутатов, армейских организаций, Центрофлота, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета профессионального союза, и др.

Дежурства членов Комитета общественной безопасности - в здании городской думы. Телефоны для справок No 15-40, 223-77, 138-36".

В тот момент я еще не понимал, что эта думская прокламация была формальным объявлением войны большевикам.

Я купил номер "Рабочего Пути", единственной, казалось, газеты, которая была в продаже, немного позже удалось купить у солдата за полтинник уже прочитанный номер "Дня". Большевистская газета, отпечатанная на огромных листах в захваченной типографии "Русской Воли", начиналась крупно напечатанным заголовком "Вся власть Советам рабочих, солдат и крестьян! - Мира! Хлеба! Земли!".

Передовая статья была подписана Зиновьевым, который был вынужден скрываться, как и Ленин. Вот ее начало:

"Всякий солдат, всякий рабочий, всякий истинный социалист, всякий честный демократ не могут не видеть, что созревшее революционное столкновение уперлось в немедленное разрешение.

Или - или.

Или власть переходит в руки буржуазно-помещичьей шайки, и тогда это означает... кровавую всероссийскую карательную экспедицию, которая... кровью солдат и матросов, крестьян и рабочих зальет всю страну. Тогда это продолжение опостылевшей войны, тогда это - неизбежные смерть и голод.

Или власть перейдет в руки революционных рабочих, солдат и крестьян, и тогда это означает полное уничтожение помещичьей кабалы, немедленное обуздание капиталистов, немедленное предложение справедливого мира. Тогда земля обеспечена крестьянам, тогда контроль обеспечен над фабриками, тогда хлеб обеспечен голодающим, тогда конец бессмысленной бойне...".

"День" давал отрывочные сведения о событиях бурной ночи. Большевики захватили телефонную станцию, Балтийский вокзал и телеграф; петергофские юнкера не могут пробраться к Петроград; казаки колеблются; арестовано

несколько министров; убит начальник городской милиции Мейер; аресты, контрааресты, стычки между солдатскими патрулями, юнкерами и красногвардейцами¹.

На углу Морской я встретил меньшевика-оборонца капитана Гомберга, секретаря военной секции своей партии. Когда я спросил его, действительно ли произошло восстание, он только устало пожал плечами: "Чёрт его знает!.. Что ж, может быть, большевики и могут захватить власть, но больше трех дней им не удержать ее. У них нет таких людей, которые могли бы управлять страной. Может быть, лучше всего дать им попробовать: на этом они сорвутся...".

Военная гостиница на углу Исаакиевской площади оцеплена вооруженными матросами. В вестибюле собралось довольно много щеголеватых молодых офицеров. Они бродили взад и вперед и перешептывались между собой. Матросы не выпускали их на улицу.

Вдруг на улице раздался громкий выстрел, и началась частая перестрелка. Я выбежал наружу. Вокруг Мариинского дворца, где заседал Совет российской республики, творилось что-то необычайное. Широкую площадь пересекала по диагонали цепь солдат. Они держали ружья наизготовку и смотрели на крышу гостиницы.

"Провокация, в нас стреляют!" - крикнул один из них. Другой побежал к подъезду.

У западного угла дворца стоял большой броневик с красным флагом и свежей надписью красным "С.Р.С.Д." (Совет рабочих и солдатских депутатов). Все его пулеметы были направлены на Исаакиевский собор. Выход на Новую улицу был перегорожен баррикадой - бочки, ящики, старый матрац, поваленный вагон. Конец набережной Мойки был забаррикадирован штабелями дров. Короткие поленья с соседнего склада были сложены вдоль здания и образовывали бруствер.

"Что же, тут будет бой?" - спросил я.

"Скоро, скоро! - беспокойно отвечал солдат. - Проходи, товарищ, как бы тебе не влетело! Вон с той стороны придут..." - и он показал в сторону Адмиралтейства.

"Да кто придет-то?"

"Этого, братишка, не могу сказать",- ответил он, сплевывая.

У подъезда дворца стояла толпа солдат и матросов. Матрос рассказывал о конце Совета Российской республики. "Мы вошли,- говорил он,- и заняли все двери своими товарищами. Я подошел к контрреволюционеру-корниловцу, который сидел на председательском месте. Нет больше вашего Совета, сказал я ему. Ступай домой!"

Все смеялись. Размахивая всеми своими бумагами и документами, я добрался до двери в галерею прессы. Здесь меня остановил огромный улыбающийся матрос. Я показал ему пропуск, но он ответил: "Хоть бы вы были сам святой Михаил, прохода нет, товарищ". Сквозь дверное стекло я разглядел расстроенное лицо и жестикулирующие руки запертого внутри французского корреспондента.

Вблизи стоял невысокий, седоусый человек в генеральской форме, окруженный кучкой солдат. Лицо его было очень красно.

"Я генерал Алексеев! - кричал он. - Как ваш начальник и как член Совета Республики, приказываю вам пропустить меня!"

Часовой чесал в затылке и беспокойно косил во все стороны, наконец, мигнул подходившему офицеру, который очень взволновался, узнав, кто с ним говорит, и начал с того, что взял под козырек.

"Ваше высокопревосходительство,- забормотал он, как будто бы дело было при старом режиме,- вход во дворец строжайше воспрещен... Я не имею права..."

Подъехал автомобиль, в котором я разглядел смеющегося Гоца. Казалось, все происходящее очень забавляло его. Через несколько минут подкатила другая машина. На ее передней скамейке сидели вооруженные солдаты, а за ними были видны арестованные члены Временного правительства. Член Военно-революционного комитета латыш Петерс торопливо пересекал площадь.

"Я думал, что вы переловили всех этих господ сегодня ночью",- сказал я ему, указывая на арестованных.

"Эх! – и в его голосе звучало разочарование. - Эти глупцы выпустили большую половину, прежде чем мы решили, как с ними быть..."

Вниз по Вознесенскому проспекту стягивалась огромная толпа матросов, а за ними, покуда хватал глаз, были видны движущиеся колонны солдат.

Мы пошли по Адмиралтейскому проспекту к Зимнему дворцу. Все выходы на Дворцовую площадь охранялись часовыми, а западный край площади был загражден вооруженным кордоном, на который напирала огромная толпа. Все соблюдали спокойствие, кроме нескольких солдат, выносивших из ворот дворца дрова и складывавших их против главного входа.

Мы никак не могли добиться, чьи тут были часовые - правительственные или советские. Наши удостоверения из Смольного не произвели на них никакого впечатления. Тогда мы зашли с другой стороны и, показав свои американские паспорта, важно заявили: "По официальному делу!", и проскользнули внутрь. В подъезде дворца от нас вежливо приняли пальто и шляпы все те же старые швейцары в синих ливреях с медными пуговицами и красными воротниками с золотым позументом. Мы поднялись по лестнице. В темном, мрачном коридоре, где уже не было гобеленов, бесцельно слонялись несколько старых служителей. У двери кабинета Керенского похаживал, кусая усы, молодой офицер. Мы спросили его, можно ли нам будет проинтервьюировать министра-председателя. Он поклонился и щелкнул шпорами.

"К сожалению, нельзя,- ответил он по-французски. - Александр Федорович крайне занят...- Он взглянул на нас. - Собственно, его здесь нет..."

"Где же он?"

"Поехал на фронт². И, знаете, ему не хватило gasoline для автомобиля. Пришлось занять в английском госпитале".

"А министры здесь?"

"Да, они заседают в какой-то комнате, не знаю точно".

"Что же, придут большевики?"

"Конечно! Несомненно, придут! Я каждую минуту жду телефонного звонка с сообщением, что они идут. Но мы готовы! Дворец охраняется юнкерами. Они вон за той дверью".

"А можно нам пройти туда?"

"Нет, разумеется, нет! Запрещено..." Вдруг он пожал нам руки и ушел. Мы повернулись к заветной двери, устроенной во временной перегородке, разделявшей комнату. Она была заперта с нашей стороны. За стенкой были слышны голоса и чей-то смех, странно звучащий в важной тишине огромного и старинного дворца. К нам подошел старик-швейцар:

"Нельзя, барин, туда нельзя!"

"Почему дверь заперта?"

"Чтоб солдаты не ушли",- ответил он. Через несколько минут он сказал, что хочет выпить стакан чаю, и ушел. Мы открыли дверь. У порога оказалось двое часовых, но они ничего не сказали нам. Коридор упирался в большую, богато убранную комнату с золотыми карнизами и огромными хрустальными люстрами. Дальше была целая анфилада комнат поменьше, отделанных темным деревом. По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин. Вокруг нас собиралось все больше и больше солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Душная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание. Один из юнкеров держал в руках бутылку белого бургундского вина, очевидно стащенную из дворцовых погребов. Все с изумлением глядели на нас, а мы проходили комнату за комнатой, пока не добрались до анфилады парадных покоев, высокие, но грязные окна которых выходили на площадь. На стенах висели огромные полотна в тяжелых золотых рамах - все исторические и батальные сюжеты: "12 октября 1812 г.", "6 ноября 1812 г.", "16/28 августа 1813 г." У одной из таких картин был прорван весь правый верхний угол.

Все помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад. На подоконниках были установлены пулеметы, между тюфяками стояли ружья в козлах.

Мы разглядывали картины, когда на меня вдруг пахнуло слева запахом спирта и чей-то голос заговорил на плохом, но беглом французском языке: "По тому, как вы

разглядываете картины, я вижу, что вы иностранцы...". Перед нами был невысокий, одутловатый человек. Когда он приподнял фуражку, мы увидели лысину.

"Американцы? Очень рад!.. Штабс-капитан Владимир Арцыбашев. Весь к вашим услугам..." Казалось, он не видел решительно ничего странного в том, что четверо иностранцев, в том числе одна женщина, расхаживают по месту расположения отряда, ожидающего атаки. Он начал жаловаться на положение дел в России.

"Дело не только в большевиках,- говорил он. -Беда в том, что пропали благородные традиции русской армии. Взгляните кругом: вот это все юнкера, будущие офицеры... Но разве это джентльмены? Керенский открыл военные училища для всех желающих, для каждого солдата, который может выдержать экзамен. Понятно, здесь много, очень много таких, которые заражены революционным духом..."

И вдруг без всякой последовательности заговорил о другом. "Мне бы очень хотелось уехать из России. Я решил поступить в американскую армию... Не будете ли вы добры помочь мне в этом деле у вашего консула? Я дам вам свой адрес".

Несмотря на наши протесты, он написал несколько слов на клочке бумаги и, кажется, сразу почувствовал себя гораздо веселее. Его записка сохранилась у меня: "2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков. Старый Петергоф".

"Сегодня утром у нас был смотр,- продолжал он, водя нас по комнатам и давая разъяснения. - Женский батальон постановил остаться верным правительству".

"Значит, во дворце есть солдаты-женщины?"

"Да, они в задних комнатах. Если что-нибудь случится, они там будут в безопасности". Он вздохнул. "Какая тяжелая ответственность!"

Мы немного постояли у окна, глядя на Дворцовую площадь, где выстроились три роты юнкеров в длинных серых шинелях. Ими командовал высокий, по виду очень энергичный офицер, в котором я узнал главного военного комиссара Временного правительства Станкевича. Через несколько минут две из этих трех рот с резким стуком взяли на плечо, и их колыхающиеся ряды, печатая шаг, пересекли площадь, прошли под красной аркой и скрылись, уходя по направлению к молчаливому городу.

"Пошли брать телефонную станцию!" - сказал чей-то голос. Около нас стояло трое юнкеров. Мы разговорились с ними. Они сказали нам, что они из солдат, и назвали свои имена: Роберт Олев, Алексей Василенко и эстонец Эрни Сакс. Теперь они уже не хотели быть офицерами, потому что офицерство было крайне непопулярно. По-видимому, они попросту не знали, что им делать. Было ясно, что им очень не по себе.

Но скоро они принялись хвастать: "Пусть большевики только сунутся, мы им покажем, как драться! Они не посмеют напасть на нас, они все трусы... Но если они и задавят нас, ну что ж, каждый оставит последнюю пулю для себя..."

В этот момент где-то неподалеку началась перестрелка. Все люди, какие были на площади, бросились врассыпную. Многие ложились на землю ничком. Извозчики, стоявшие на углах, поскакали во все стороны. Поднялась страшная суматоха. Солдаты бегали взад и вперед, хватались за ружья и кричали: "Идут! Идут!" Но через несколько минут все снова успокоилось. Извозчики вернулись на свои места, люди, лежавшие на земле, встали на ноги. Под красной аркой появились юнкера.

Они шли не совсем в ногу, и одного из них поддерживали под руки двое товарищей.

Было уже довольно поздно, когда мы покинули дворец. С площади исчезли все часовые. Огромный полукруг правительственных зданий казался пустынным. Мы зашли пообедать в Hotel de France. Только мы принялись за суп, к нам подбежал страшно бледный официант и попросил нас перейти в общий зал, выходящий окнами во двор: в кафе, выходящем на улицу, было необходимо погасить свет. "Будет большая стрельба!" - сказал он.

Мы снова вышли на Морскую. Было уже совсем темно, только на углу Невского мигал уличный фонарь. Под ним стоял большой броневик. Его мотор был заведен и выбрасывал струю бензинового дыма. Рядом стоял какой-то мальчишка и заглядывал в дуло пулемета. Кругом толпились солдаты и матросы; они, видимо, чего-то ждали. Мы пошли к арке генерального штаба. Кучка солдат смотрела на ярко освещенный Зимний дворец и громко переговаривалась.

"Нет, товарищи,- говорил один из них. - Как мы можем стрелять в них? Ведь там женский батальон! Скажут, что мы расстреливаем русских женщин..."

Когда мы вышли на Невский, из-за угла выкатил еще один бронированный автомобиль. Из его башенки высунулась голова какого-то человека.

"Вперед! - прокричал он. - Пробьемся – и в атаку!"

Подошел шофер другого броневика и закричал, покрывая треск машины:

"Комитет велел ждать! У них за штабелями дров спрятана артиллерия!.."

Здесь трамваи не ходили, прохожие были редки, а света не было вовсе. Но, пройдя всего несколько домов, можно было снова видеть трамвай, толпы людей, ярко освещенные витрины и электрические вывески кинематографов. Жизнь шла своим чередом. У нас были билеты в Мариинский театр, на балет (все театры были открыты). Но на улице было слишком интересно.

Мы наткнулись в темноте на штабели дров, заграждавшие Полицейский мост, а у Строгановского дворца мы видели, как несколько солдат устанавливали трехдюймовки. Другие солдаты, одетые в формы различных частей, бесцельно слонялись туда и сюда, ведя между собой бесконечные разговоры...

На Невский, казалось, высыпал весь город. На каждом углу стояли огромные толпы, окружавшие яростных спорщиков. Пикеты по двенадцати солдат с винтовками и примкнутыми штыками дежурили на перекрестках, а краснолицые старики в богатых меховых шубах показывали им кулаки, изящно одетые женщины

осыпали их бранью. Солдаты отвечали очень неохотно и смущенно улыбались. По улице разъезжали броневики, на которых еще были видны старые названия: "Олег", "Рюрик", "Святослав", - все имена древнерусских князей. Но поверх старых надписей уже краснели огромные буквы "РСДРП" ("Российская социал-демократическая рабочая партия"). На Михайловском проспекте появился газетчик. Толпа бешено набросилась на него, предлагая по рублю, по 5, по 10 рублей за номер, вырывая друг у друга газеты. То был "Рабочий и Солдат", возвещавший победу пролетарской революции и освобождение арестованных большевиков, призывавший фронтовые и тыловые армейские части к поддержке восстания... В этом лихорадочном номере было всего четыре страницы, напечатанные огромным шрифтом. Новостей не было никаких.

На углу Садовой собралось около двух тысяч граждан. Толпа глядела на крышу высокого дома, где, то гасла, то разгоралась маленькая красная искорка.

"Гляди,- говорил высокий крестьянин, указывая на нее,- там провокатор, сейчас он будет стрелять в народ," По-видимому, никто не хотел пойти узнать, в чем там дело.

Когда мы подошли к Смольному, его массивный фасад сверкал огнями. Со всех улиц к нему подходили новые и новые люди, торопившиеся сквозь мрак и тьму. Подъезжали и отъезжали автомобили и мотоциклы. Огромный серый броневик, над башенкой которого развевались два красных флага, завывая сиреной, выполз из ворот. Было холодно, и красногвардейцы, охранявшие вход, грелись у костра. У внутренних ворот тоже горел костер, при свете которого часовые медленно прочли наши пропуска и оглядели нас с ног до головы. По обеим сторонам входа стояли пулеметы, со снятыми чехлами, и с их казенных частей, извиваясь, как змеи, свисали патронные ленты. Во дворе, под деревьями сада, стояло много броневиков; их моторы были заведены и работали. Огромные и пустые, плохо освещенные залы гудели от топота тяжелых сапог, криков и говора... Настроение было решительное. Все лестницы были залиты толпой: тут были рабочие в черных блузах и черных меховых шапках, многие с винтовками через плечо, солдаты в грубых шинелях грязного цвета и в серых меховых папахах. Среди всего этого народа торопились, протискиваясь куда-то, известные многим Луначарский, Каменев... Все они говорили одновременно, лица их были озабочены, у каждого под мышкой переполненный бумагами портфель. Закончилось заседание Петроградского Совета. Я остановил Каменева, невысокого человека с быстрыми движениями, живым широким лицом и низко посаженной головой. Он без всяких предисловий перевел мне на французский язык только что принятую резолюцию...

"Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как Советское правительство, будет создано

революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это правительство твердо пойдет к социализму единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны.

Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый, демократический мир всем воюющим народам.

Оно немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст рабочий контроль над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками вместе с превращением их в одно государственное предприятие.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и все крестьянство со всей энергией беззаветно поддержать рабочую и крестьянскую революцию. Совет выражает уверенность, что городские рабочие в союзе с беднейшим крестьянством проявят непреклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма.

Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы".

"Значит, вы думаете, дело выиграно?.."

Он пожал плечами: "Надо еще очень много сделать. Страшно много!.. Дело только еще начинается..."

На площадке лестницы я увидел товарища председателя совета профессиональных союзов Рязанова. Он мрачно глядел перед собой, покусывая свою седеющую бороду. "Это безумие, безумие! - восклицал он. - Европейский пролетариат не поднимется! Вся Россия..." Он рассеянно махнул рукой и побежал дальше.

Рязанов и Каменев возражали против восстания и испытали на себе всю страшную силу ленинской полемики.

То было очень важное заседание. Троцкий от имени Военно-революционного комитета заявил, что Временное правительство больше не существует.

"Свойство буржуазных и мелкобуржуазных правительств,- сказал он, состоит в том, чтобы обманывать массы.

Нам в настоящее время,- нам, Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, предстоит небывалый в истории опыт создания власти, которая не знала бы иных целей, кроме потребностей солдат, рабочих и крестьян".

На трибуне появился Ленин. Его встретили громовой овацией. Он предвозвестил мировую социалистическую революцию... После него выступил Зиновьев, восклицавший: "Сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и

нанесли страшный удар войне, удар в грудь всем империалистам и, в частности, палачу Вильгельму".

После этого Троцкий заявил, что на фронт уже отправлены телеграммы, извещающие о победе восстания, но ответ еще не пришел. По слухам, на Петроград движутся войска. Необходимо отправить к ним делегацию, чтобы рассказать им всю правду.

Голоса с мест: "Вы предрешаете волю Всероссийского съезда Советов!"

Троцкий (холодно): "Воля Всероссийского съезда Советов предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат".

Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертom воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: "Товарищи, не курите!", и курение продолжалось. Делегат от Обуховского завода анархист Петровский усадил меня рядом с собой. Грязный и небритый, он едва держался на ногах от бессонницы: он работал в Военно-революционном комитете трое суток без перерыва. На возвышении сидели лидеры старого ЦИК, в последний раз доводилось им вести заседание непокорных Советов, которыми они правили с первых дней революции. Теперь Советы восстали против них. Кончился первый период русской революции, который эти люди старались вести на тормозах. Трех крупнейших из них не было в президиуме: не было Керенского, бежавшего на фронт через города и села, уже охваченные волнением; не было старого орла Чхеидзе, с презрением удалившегося в родные грузинские горы и там свалившегося в чахотке; не было и прекрасногодушного Церетели, тоже тяжело больного, но впоследствии вернувшегося и истощившего все свое лощеное красноречие на защиту погибшего дела. На трибуне сидели Гоц, Дан, Либер, Богданов, Бройдо, Филипповский - все бледные и негодующие, с ввалившимися глазами. Под ними кипел и бурлил II Всероссийский съезд Советов, а над их головами лихорадочно работал Военно-революционный комитет, державший в руках все нити восстания и наносивший меткие и сильные удары... Было 10 часов 40 минут вечера.

Дан, бесцветный человек с дряблым лицом, в мешковатом мундире военного врача, позвонил в колокольчик. Сразу наступила напряженная тишина, нарушаемая лишь спорами и бранью людей, теснившихся у входа...

"Власть в наших руках",- печально начал Дан. Он остановился на мгновение и тихо продолжал: "Товарищи, съезд Советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймете,

почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК (смутный шум). Объявляю первое заседание II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов открытым".

Президиум избирался среди общего шума и движения. Аванесов заявил, что по соглашению между большевиками, левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами постановлено составить президиум на основе пропорционального представительства. Несколько меньшевиков, громко протестуя, повскакали с мест. "Вспомните,- крикнул им какой-то бородатый солдат, вспомните, что вы делали с нами, большевиками, когда мы были в меньшинстве!" Результаты выборов: четырнадцать большевиков, семь эсеров, три меньшевика и один интернационалист (из группы Горького). Гендельман заявляет от имени правых эсеров и эсеров центра, что они отказываются от участия в президиуме. Хинчук делает такое же заявление от имени меньшевиков. Меньшевики-интернационалисты тоже не могут войти в президиум до выяснения некоторых обстоятельств. Жидкие аплодисменты и крики. Голос с места: "Ренегаты! И вы называете себя социалистами!" Представитель делегатов Украины просит и получает место в президиуме. После этого старый ЦИК покидает трибуны и его место занимают Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Ногин... Весь зал встает, гремя рукоплесканиями. Как высоко взлетели они, эти большевики,- от непризнанной и гонимой секты всего четыре месяца назад и до величайшего положения рулевых великой России, охваченной бурей восстания.

В порядке дня, сообщает Каменев, значится: во-первых, вопрос об организации власти, во-вторых, вопрос о войне и мире и, в-третьих, вопрос об Учредительном собрании. Лозовский встает и объявляет, что по соглашению между бюро всех фракций предлагается сначала заслушать и обсудить отчет Петроградского Совета, затем дать слово членам ЦИК и представителям партий и, наконец, перейти к порядку дня.

Но неожиданно послышался новый шум, более тяжелый, чем шум толпы, настойчивый, тревожный шум - глухой гром пушек. Все нервно повернулись к темным окнам, и по собранию пронеслась какая-то дрожь. Мартов попросил слова и прохрипел: "Гражданская война началась, товарищи! Первым нашим вопросом должно быть мирное разрешение кризиса. И принципиально и тактически мы обязаны спешно обсудить пути предупреждения гражданской войны. Там на улице стреляют в наших братьев! В тот момент, когда перед самым открытием съезда Советов вопрос о власти решается путем военного заговора, организованного одной из революционных партий...". Крик и шум на мгновение покрыли его слова. "Все революционные партии обязаны смотреть фактам прямо в лицо! Задача съезда заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти, и этот вопрос уже поставлен на улицах, он уже разрешается оружием! Мы должны создать власть, которая будет пользоваться признанием всей демократии. Съезд, если хочет быть голосом революционной демократии, не должен сидеть сложа

руки перед лицом развертывающейся гражданской войны, результатом которой, может быть, будет вспышка контрреволюции. Возможностей мирного выхода надо искать в создании единой демократической власти... Необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями..."

Непрерывный отдаленный гром артиллерийской стрельбы, непрерывные споры делегатов... Так, под пушечный гром в атмосфере мрака и ненависти, дикого страха и беззаветной смелости рождалась новая Россия.

Левые эсеры и объединенные социал-демократы поддержали предложение Мартова. Оно было принято. Какой-то солдат объявил, что Всероссийский исполнительный комитет крестьянских Советов отказался прислать на съезд своих делегатов; он предложил отправить туда комиссию с формальным приглашением. "Здесь присутствует несколько крестьянских депутатов,- сказал он. - Предлагаю предоставить им право голоса". Предложение принимается.

Слова попросил капитан Харраш. "Политические лицемеры, возглавляющие этот съезд,- страстно кричал он с места, - говорят нам, что мы должны поставить вопрос о власти, а между тем этот вопрос уже поставлен за нашей спиной еще до открытия съезда! Расстреливается Зимний дворец, но удары, падающие на него, заколачивают гвозди в крышку гроба той политической партии, которая решилась на подобную авантюру!" Общее возмущение. Слово берет Гарра: "Пока здесь вносится предложение о мирном улаживании конфликта, на улицах идет бой... Эсеры и меньшевики считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и призывают все общественные силы оказать сопротивление попыткам захватить власть...". Трудовик Кучин, делегат двенадцатой армии: "Я послан сюда только для информации. Я немедленно возвращаюсь на фронт, где все армейские комитеты твердо уверены, что захват власти Советами за три недели до открытия Учредительного собрания есть нож в спину армии и преступление перед народом!" Яростные крики: "Ложь! Лжете!" Снова слышен голос оратора: "Необходимо покончить с этой петроградской авантюрой! Во имя спасения родины и революции призываю всех делегатов покинуть этот зал!" Он сошел с трибуны. Рев возмущения. Многие с угрожающим видом встают к нему навстречу... Выступает Хинчук - офицер с рыжеватой острой бородкой, с мягкой и убедительной речью: "Я говорю от имени фронтовых делегатов, Армия недостаточно представлена на этом съезде, и, кроме того, она не считает съезд Советов необходимым в настоящий момент, т. е. всего за три недели до открытия Учредительного собрания...". Бурные, все нарастающие крики и топот. "Армия считает, что съезд Советов не имеет необходимой власти..." Солдаты, бывшие в зале, вскочили с мест.

"От чьего вы имени говорите? Кого вы представляете?" - кричали они.

"Центральный исполнительный комитет пятой армии, второй Ф-ский, первый Н-ский, 3-й С-ский стрелковые полки..."

"Когда вас избрали? Вы представляете не солдат, а офицеров! А солдаты что говорят?" Протестующие крики.

"Мы, фронтовая группа, слагаем с себя всякую ответственность за то, что происходит сейчас и еще произойдет в будущем, и считаем необходимым мобилизовать все сознательные революционные силы для спасения революции! Фронтовая группа покидает съезд... Место для боя - на улицах".

Громкий выкрик: "От штаба вы говорите, а не от армии!"

"Призываю всех благоразумных солдат покинуть съезд!"

"Корниловец! Контрреволюционер! Провокатор!" - неслось из зала.

Затем Хинчук от имени меньшевиков заявляет: единственная возможность мирного выхода состоит в том, чтобы съезд начал переговоры с Временным правительством об образовании нового кабинета, который опирался бы на все слои общества. В течение нескольких минут страшный шум не давал ему говорить. Возвысив голос до крика, он огласил декларацию меньшевиков:

"Поскольку большевики организовали военный заговор, опираясь на Петроградский Совет и не посоветовавшись с другими фракциями и партиями, мы не считаем возможным оставаться на съезде и поэтому покидаем его, приглашая все прочие группы и партии следовать за нами и собраться для обсуждения создавшегося положения".

"Дезертиры!"

Гендельман, ежеминутно прерываемый общим шумом и криком, еле слышным голосом протестует от имени социалистов-революционеров против бомбардировки Зимнего дворца. "Мы не признаем подобной анархии..."

Не успел он замолчать, как на трибуну взбежал молодой солдат с худощавым лицом и горящими глазами. Он драматическим жестом поднял руку:

"Товарищи! - воскликнул он, и наступила тишина. - Моя фамилия Петерсон. Я говорю от имени второго латышского стрелкового полка. Вы выслушали заявление двух представителей армейских комитетов, и эти заявления имели бы какую-нибудь ценность, если бы их авторы являлись действительными представителями армии..." (Бурные аплодисменты.) "Они не представляют солдат..." Оратор потрясает кулаком. "12-ая армия давно настаивает на переизбрании Совета и Искосола (Искосол - исполнительный комитет солдат латышских частей 12-ая армии. - Ред.), но наш комитет точно так же, как и ваш ЦИК, отказался созывать представителей масс до конца (середины) сентября, так что эти реакционеры смогли послать на настоящий съезд своих лжеделегатов. А я вам говорю, что латышские стрелки уже неоднократно заявляли: "Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки!" Пусть эти самозванные делегаты уходят! Армия не с ними!".

Зал разразился бурей рукоплесканий. В первые минуты заседания делегаты, ошеломленные стремительностью событий, оглушенные пушечной пальбой,

заколебались. В течение целого часа с этой трибуны на них раз за разом падали удары молота, сбивая их в единую массу, но в то же время подавляя. Не останутся ли они в одиночестве? Не поднимется ли против них Россия? Верно ли, что на Петроград уже идут войска? Но заговорил этот светлоглазый молодой солдат, и все сразу поняли, что в его словах, сверкнувших, как молния, была правда... Его голос был голосом солдат - миллионов одетых в шинели рабочих и крестьян, охваченных тем же порывом, теми же мыслями и чувствами, как и сами они, делегаты...

На трибуне снова солдаты... Гжелыцак заявляет от имени фронтовых делегатов, что вопрос об уходе со съезда был решен лишь весьма незначительным большинством голосов, причем делегаты-большевики даже не принимали участия в голосовании, считая, что решение надо принимать по фракциям, а не по группам. "Сотни делегатов с фронта,- сказал он,- избраны без участия солдат, потому что армейские комитеты уже давно перестали быть истинными представителями массы рядовых..." Лукьянов кричит, что офицеры вроде Харраша или Хинчука представляют на съезде не солдат, а высшее командование, "Жители окопов ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов". Настроение стало меняться...

Затем от имени Бунда (Еврейской социал-демократической партии) выступил Абрамович. Он дрожал от гнева, глаза его сверкали из-под толстых стекол очков (Далее, очевидно, соединены Дж. Ридом две речи: Абрамовича и Эрлиха.- Ред.):

"События, происходящие в настоящий момент в Петрограде, являются величайшим несчастьем! Группа Бунд присоединяется к декларации меньшевиков и социалистов-революционеров и покидает съезд! - он возвысил голос и поднял руку.- Наш долг перед русским пролетариатом не позволяет нам остаться здесь и принять на себя ответственность за это преступление. Так как обстрел Зимнего дворца не прекращается, то городская дума вместе с меньшевиками, эсерами и исполнительным комитетом крестьянских Советов постановила погибнуть вместе с Временным правительством. Мы присоединяемся к ним! Безоружные, мы открываем свою грудь пулеметам террористов... Мы призываем всех делегатов съезда..." Остаток речи потонул в буре криков, угроз и проклятий, достигших адского грохота, когда пятьдесят делегатов поднялись со своих мест и стали пробираться к выходу.

Каменев размахивал председательским звонком, крича: "Оставайтесь на местах! Приступим к порядку дня!" Троцкий встал со своего места. Лицо его было бледно и жестоко. В сильном голосе звучало холодное презрение. "Все так называемые социал-соглашатели, все эти перепуганные меньшевики, эсеры и бундовцы пусть уходят! Все они просто сор, который будет сметен в сорную корзину истории!.."

Рязанов сообщил от имени большевиков, что Военно-революционный комитет по просьбе городской думы отправил делегацию для переговоров с Зимним дворцом. "Таким образом, мы сделали все возможное, чтобы предупредить кровопролитие..."

Нам было пора уходить отсюда. На минутку мы задержались в комнате, где, принимая и отправляя запыхавшихся связных, рассылая по всем уголкам города

комиссаров, облеченных правом жизни и смерти, лихорадочно работал Военно-революционный комитет. Беспрерывно жужжали полевые телефоны. Когда дверь открылась, навстречу нам пахнул спертый, прокуренный воздух и мы разглядели взъерошенных людей, склоненных над картой, залитой ярким светом электрической лампы с абажуром... Товарищ Иозефов-Духвинский, улыбающийся юноша с целой копной бледно-желтых волос, выдал нам пропуска.

Мы вышли в холодную ночь. Перед Смольным огромное скопление подъезжающих и уезжающих автомобилей. Сквозь их шум были слышны глухие раскаты отдаленной канонады. Огромный грузовик весь трясся от работы мотора. Какие-то люди подавали на него связки печатных листов, а другие принимали и укладывали их, держа под рукой винтовки.

"Куда вы поедете?" - спросил я.

"По всему городу!" - ответил мне, улыбаясь, маленький рабочий. Он широко и восторженно взмахнул рукой.

Мы показали свои удостоверения. "Едемте с нами!" - пригласили нас. - "Но, возможно, в нас будут стрелять..." Мы вскарабкались на грузовик. С резким скрежетом сдвинулся рычаг сцепления, огромная машина рванулась вперед, и мы все попадали назад, придавливая людей, еще взбиравшихся на наш грузовик. Промчавшись мимо костров у внутренних и внешних ворот, освещавших красным светом сгрудившихся у огня рабочих с винтовками, машина, подпрыгивая и мотаясь из стороны в сторону, вылетела на Суворовский проспект. Один из наших спутников сорвал обертку с одной связки и принялся пачками разбрасывать в воздух какие-то листки. Мы стали помогать ему. Так неслись мы по темным улицам, оставляя целый хвост разлетающихся белых бумажек. Запоздалые прохожие останавливались и подбирали их. На перекрестках патрули оставляли свои костры и, подняв руки, ловили листки. Иногда навстречу нам выскакивали вооруженные люди. Они скидывали винтовки и кричали: "Стой!" Но наш шофер кидал несколько непонятных слов, и мы мчались дальше. Я взял одно из воззваний и, пользуясь редкими уличными фонарями, кое-как разобрал:

"К гражданам России

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов".

Мой сосед, косоглазый, монгольского типа человек в кавказской папахе из козьего меха, проговорил: "Смотрите! Провокаторы всегда стреляют из окон!.." Мы завернули на темную и почти пустую Знаменскую площадь, обогнули нелепый памятник работы Трубецкого и вылетели на широкий Невский, причем трое из нас стояли с ружьями наготове, приглядываясь к окнам. Улица была очень оживлена. Толпы народа, пригибаясь, бежали в разные стороны. Пушек мы больше не слышали, и, чем ближе мы подвигались к Зимнему дворцу, тем тише и пустынее становились улицы. Городская дума сверкала всеми окнами. Дальше виднелась густая масса народа и цепь моряков, которые яростно кричали, требуя, чтобы мы остановились. Машина замедлила ход, и мы соскочили на мостовую.

То было изумительное зрелище. Как раз на углу Екатерининского канала под уличным фонарём цепь вооруженных матросов перегораживала Невский, преграждая дорогу толпе людей, построенных по четыре в ряд. Здесь было триста-четыре человека: мужчины в хороших пальто, изящно одетые женщины, офицеры - самая разнообразная публика. Среди них мы узнали многих делегатов съезда, меньшевистских и эсеровских вождей. Здесь был и худощавый рыжебородый председатель исполнительного комитета крестьянских Советов [Авксентьев](#), и сподвижник [Керенского Сорокин](#), и [Хинчук](#), и [Абрамович](#), а впереди всех седобородый петроградский городской голова старый [Шрейдер](#) и министр продовольствия Временного правительства [Прокопович](#), арестованный в это утро и уже выпущенный на свободу. Я увидел и репортера газеты "Russian Daily News" [Малкина](#). "Идем умирать в Зимний дворец!" - восторженно кричал он. Процессия стояла неподвижно, но из ее передних рядов неслись громкие крики. Шрейдер и Прокопович спорили с огромным матросом, который, казалось, командовал цепью.

"Мы требуем, чтобы нас пропустили! - кричали они. - Вот эти товарищи пришли со съезда Советов! Смотрите, вот их мандаты! Мы идем в Зимний дворец!.."

Матрос был явно озадачен. Он хмуро чесал своей огромной рукой в затылке. "У меня приказ от комитета - никого не пускать во дворец,- бормотал он. - Но я сейчас пошлю товарища позвонить в Смольный..."

"Мы настаиваем, пропустите! У нас нет оружия! Пустите вы нас или нет, мы все равно пойдем!" - в сильном волнении кричал старик Шрейдер.

"У меня приказ..." - угрюмо твердил матрос.

"Стреляйте, если хотите! Мы пойдем! Вперед! - несло со всех сторон. Если вы настолько бессердечны, чтобы стрелять в русских и товарищей, то мы готовы умереть! Мы открываем грудь перед вашими пулеметами!"

"Нет,- заявил матрос с упрямым взглядом. - Не могу вас пропустить".

"А что вы сделаете, если мы пойдем? Стрелять будете?"

"Нет, стрелять в безоружных я не стану. Мы не можем стрелять в безоружных русских людей..."

"Мы идем! Что вы можете сделать?"

"Что-нибудь да сделаем,- отвечал матрос, явно поставленный в тупик. - Не можем мы вас пропустить! Что-нибудь да сделаем..."

"Что вы сделаете? Что сделаете?"

Тут появился другой матрос, очень раздраженный. "Мы вас прикладами! решительно вскрикнул он. - А если понадобится, будем и стрелять. Ступайте домой, оставьте нас в покое!"

Раздались дикие вопли гнева и негодования. Прокопович влез на какой-то ящик и, размахивая зонтиком, стал произносить речь.

"Товарищи и граждане! - сказал он. - Против нас применяют грубую силу! Мы не можем допустить, чтобы руки этих темных людей были запятнаны нашей невинной кровью! Быть расстрелянными этими стрелочниками - ниже нашего достоинства. (Что он понимал под словом "стрелочники", я так и не понял.) Вернемся в думу и займемся обсуждением наилучших путей спасения страны и революции!"

После этого толпа в строгом молчании повернулась и двинулась вверх по Невскому все еще по четверо в ряд. Мы воспользовались замешательством, проскользнули мимо цепи и направились к Зимнему дворцу.

Здесь была абсолютная тьма. Никакого движения, встречались только солдатские и красногвардейские патрули, находившиеся в состоянии крайнего напряжения. Напротив Казанского собора стояла среди улицы полевая трехдюймовка, несколько сбита набок отдачей от последнего выстрела, направленного поверх крыши домов. У всех дверей стояли солдаты. Они потихоньку переговаривались, поглядывая в сторону Полицейского моста. Я разобрал слова: "Может быть, мы допустили ошибку..." На всех углах, проходящих останавливали патрули. Характерный был состав этих патрулей: солдатами повсюду командовали красногвардейцы. ...Стрельба прекратилась.

В тот момент, как мы выходили на Морскую, кто-то крикнул: "Юнкера послали сказать, что они ждут, чтобы мы пошли и выгнали их!" Послышались слова команды, и в глубоком мраке мы рассмотрели темную массу, двигавшуюся вперед в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Мы присоединились к первым рядам.

Подобно черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков прокатились мы под красной аркой. Человек, шедший передо мной, тихо сказал: "Ох, смотрите, товарищи, не верьте им! Они наверняка начнут стрелять...". Выйдя на площадь, мы побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. Так бежали мы, пока внезапно не наткнулись на пьедестал Александровской колонны.

"А много ваших убито?" - спросил я.

"Не знаю, верно, человек десять..."

Простояв здесь несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого приказа снова кинулся вперед. В это время при ярком свете, падавшем из всех окон Зимнего дворца, я заметил, что передовые двести-триста человек были все красногвардейцы. Солдат среди них попадалось очень мало. Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, спрыгнув вниз, разразились восторженными криками: под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь. Оттуда лился свет, но из огромного здания не доносилось ни звука.

Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходящий в огромную и пустую сводчатую комнату - подвал восточного крыла, откуда расходился лабиринт коридоров и лестниц. Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то другой нашел страусовое перо и воткнул его в свою шапку. Но, как только начался грабеж, кто-то закричал: "Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это народное достояние!" Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: "Стой! Клади все назад! Ничего не брать! Народное достояние!" Десятки рук протянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей отобрали бронзовые часы. Вещи поспешно, кое-как сваливались обратно в ящики, у которых самочинно встали часовые. Все это делалось совершенно стихийно. По коридорам и лестницам все глуше и глуше были слышны замирающие в отдалении крики: "Революционная дисциплина! Народное достояние!"

Мы пошли к левому входу, т. е. к западному крылу дворца. Здесь тоже уже был восстановлен порядок. "Очистить дворец! - кричали красногвардейцы, высовываясь из внутренних дверей. - Идемте, товарищи, пусть все знают, что мы не воры и не бандиты! Все вон из дворца, кроме комиссаров! Поставить часовых!.."

Двое красногвардейцев - солдат и офицер - стояли с револьверами в руках. Позади них за столом сидел другой солдат, вооруженный пером и бумагой. Отовсюду раздавались крики: "Всех вон! Всех вон!", и вся армия начала выходить из дверей, толкаясь, жалуясь и споря. Самочинный комитет останавливал каждого выходящего, выворачивал карманы и ощупывал одежду. Все, что явно не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось, причем солдат, сидевший за столом, записывал отображенные вещи, а другие сносили их в соседнюю комнату. Здесь были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры, писанные масляными красками, пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, всевозможное платье, одеяла. Один красногвардеец притащил три винтовки и заявил, что две из них он отобрал у юнкеров. Другой принес четыре портфеля, набитых документами. Виновные либо мрачно молчали, либо оправдывались, как дети. Члены комитета в один голос объясняли, что воровство недостойно народных бойцов. Многие из обличенных сами помогали обыскивать остальных товарищей³.

Стали появляться юнкера кучками по три, по четыре человека. Комитет набросился на них с особым усердием, сопровождая обыск восклицаниями: "Провокаторы! Корниловцы! Контрреволюционеры! Палачи народа!" Хотя никаких насилий произведено не было, юнкера казались очень испуганными. Их карманы тоже были полны награбленных вещей. Комитет тщательно записал все эти вещи и отправил их в соседнюю комнату... Юнкеров обезоружили. "Ну что, будете еще поднимать оружие против народа?" - спрашивали громкие голоса.

"Нет!" - отвечали юнкера один за другим. После этого их отпустили на свободу.

Мы спросили, можно ли нам пройти во внутренние комнаты. Комитет колебался, но какой-то внушительного роста красногвардеец заявил, что это воспрещено. "И вообще кто вы такие? - сказал он. - Почему я знаю, что вы все не от Керенского?" (Нас было пятеро, в том числе две женщины.)

"Пожалуйста, товарищи! Дорогу, товарищи!" В дверях появились солдат и красногвардеец, раздвигая толпу и расчищая дорогу, и позади них еще несколько рабочих, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. За ними гуськом шло с полдюжины штатских, то были члены Временного правительства. Впереди шел **Кишкин**, бледный, с вытянутым лицом; дальше **Рутенберг**, мрачно глядевший себе под ноги; **Терещенко**, сердито посматривавший по сторонам. Его холодный взгляд задержался на нашей группе... Они проходили молча. Победители сдвигались поглядеть на них, но негодующих выкриков было очень мало. Позже мы узнали, что на улице народ хотел расправиться с арестованными самосудом и что даже были выстрелы, но солдаты благополучно доставили их в Петропавловскую крепость...

Между тем мы беспрепятственно прошли внутрь дворца. Множество людей приходило и уходило, обыскивая все новые комнаты огромного здания, ища спрятанных юнкеров, которых на самом деле вовсе не было. Мы поднялись вверх по лестнице и стали обходить комнату за комнатой. Эта часть дворца была занята другим отрядом, наступавшим со стороны Невы. Картины, статуи, занавеси и ковры огромных парадных апартаментов были не тронуты. В деловых помещениях, наоборот, все письменные столы и бюро были перерыты, по полу валялись разбросанные бумаги. Жилые комнаты тоже были обысканы, с кроватей были сорваны покрывала, гардеробы открыты настежь. Самой ценной добычей считалось платье, в котором так нуждался рабочий народ. В одной комнате, где помещалось много мебели, мы застали двух солдат, срывавших с кресел тисненую испанскую кожу. Они сказали нам, что хотят сшить из нее сапоги...

Старые дворцовые служители в своих синих ливреях с красной и золотой отделкой стояли тут же, нервно повторяя по старой привычке: "Сюда, барин, нельзя... воспрещается..." Наконец, мы попали в малахитовую комнату с золотой отделкой и красными парчовыми портьерами, где весь последний день и ночь шло непрерывное заседание совета министров и куда дорогу красногвардейцам показали швейцары. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, оставался в том же положении, что и перед самым арестом правительства. Перед каждым пустым стулом на этом столе находились чернильница, бумага и перо. Листы бумаги были

исписаны отрывками планов действия, черновыми набросками воззваний и манифестов. Почти все это было зачеркнуто, как будто сами авторы постепенно убеждались во всей безнадежности своих планов... На свободном месте видны были бессмысленные геометрические чертежи. Казалось, заседавшие машинально чертили их, безнадежно слушая, как выступавшие предлагали все новые и новые химерические проекты. Я взял на память один из этих листков. Он исписан рукой Коновалова. "Временное правительство,- прочел я,- обращается ко всем классам населения с предложением поддержать Временное правительство..."

Надо заметить, что хотя Зимний дворец и был окружен, однако Временное правительство ни на минуту не теряло сообщения с фронтом и провинциальными центрами. Большевики захватили военное министерство еще утром, но они не знали, что на чердачном этаже находится телеграф, не знали и того, что здание министерства связано секретным проводом с Зимним дворцом. А между тем на чердаке весь день сидел молодой офицер и рассылал по всей стране целый поток призывов и прокламаций. Узнав же, что Зимний дворец пал, он надел фуражку и спокойно покинул здание...

Мы так увлеклись окружающим, что совершенно не обращали внимания на солдат и красногвардейцев, а между тем их поведение как-то странно изменилось. Небольшая группа уже давно ходила за нами из комнаты в комнату. Наконец, когда мы пришли в огромную картинную галерею, в которой мы еще днем разговаривали с юнкерами, вокруг нас столпилось около сотни человек. Перед нами стоял огромный солдат. Лицо его было мрачно и выражало подозрительность.

"Кто вы такие? - крикнул он. - Что вы здесь делаете?" Вокруг нас собиралось все больше людей. Нас пристально разглядывали. Начался ропот. До меня донеслось: "Провокаторы!", "Громилы!". Я показал наши удостоверения, выданные Военно-революционным комитетом. Солдат схватил их, перевернул вверх ногами и уставился на них непонимающим взглядом. Он явно не умел читать. Подержавши документы, он вернул их мне и сплюнул на пол. "Бумаги!" презрительно проговорил он. Толпа стала все теснее сжиматься вокруг нас, как дикие лошади смыкаются вокруг пешего ковбоя. Я заметил вдали офицера, глядевшего очень беспомощно, и окликнул его. Он стал проталкиваться к нам.

"Я комиссар,- сказал он мне. - Кто вы такие, в чем дело?" Толпа отодвинулась и заняла выжидательное положение. Я снова показал бумаги.

"Вы иностранцы? - быстро спросил офицер по-французски. - Плохо дело..." Он повернулся к толпе и замахал в воздухе нашими документами. "Товарищи, закричал он,- эти люди наши иностранные товарищи, американцы! Они явились сюда, чтобы после рассказать своим землякам о храбрости и революционной дисциплине пролетарской армии!.."

"А вы почему знаете? - ответил высокий солдат. - Говорю вам, это провокаторы. Говорят, что пришли сюда смотреть на революционную дисциплину пролетарской

армии, а сами расхаживают по всему дворцу. Почему мы знаем, что они тут не награбили полные карманы?"

"Правильно!" - закричала толпа, надвигаясь на нас. На лбу офицера выступил пот. "Товарищи, товарищи! - воскликнул он. - Я комиссар Военно-революционного комитета. Ведь мне вы верите? Так вот я вам говорю, что эти мандаты подписаны теми же именами, что и мой собственный!"

Он провел нас по дворцу и открыл перед нами дверь, выходившую на набережную Невы. Перед этой дверью находился все тот же комитет, обыскивавший карманы.

"Ну, счастливо вы отделались", - прошептал он, утирая лицо.

"А что с женским батальоном?" - спросили мы.

"Ах, эти женщины!..- он улыбнулся. - Они все забились в задние комнаты. Нелегко нам пришлось, пока мы решили, что с ними делать: сплошная истерика и т. д... В конце концов мы отправили их на Финляндский вокзал и посадили в поезд на Левашево: там у них лагерь..."⁴

И мы снова вышли в холодную беспокойную ночь, полную приглушенного гула неведомых движущихся армий, наэлектризованную патрулями. Из-за реки, где смутно чернела огромная масса Петропавловской крепости, доносились хриплые возгласы... Тротуар под нашими ногами был засыпан штукатуркой, обвалившейся с дворцового карниза, куда ударило два снаряда с "Авроры". Других повреждений бомбардировка не причинила.

Был четвертый час утра. На Невском снова горели все фонари, пушку уже убрали, и единственным признаком военных действий были красногвардейцы и солдаты, толпившиеся вокруг костров. Город был спокоен, быть может, спокойнее, чем, когда бы то ни было. За эту ночь не случилось ни одного грабежа, ни одного налета.

Здание городской думы было освещено сверху донизу. Мы вошли в Александровский зал, окруженный галереями и увешанный затянутыми красной материей царскими портретами в тяжелых золотых рамах. Вокруг трибуны столпилось около ста человек. Говорил Скобелев. Он настаивал на том, чтобы Комитет общественной безопасности был расширен с целью объединить все антибольшевистские элементы в одну организацию - Комитет спасения родины и революции. Пока мы находились в зале, комитет был сформирован. Это был тот самый комитет, который впоследствии стал самым могущественным врагом большевиков, выступая на протяжении последующей недели то под собственным именем, то в качестве строго непартийного Комитета общественной безопасности.

Здесь были Дан, Гоц, Авксентьев, несколько отколовшихся делегатов съезда, члены исполкома крестьянских Советов, старик Прокопович и даже члены Совета республики, в том числе Винавер и другие кадеты. Либбер кричал, что съезд Советов незаконен, что старый ЦИК еще сохраняет свои полномочия... Тут же набрасывалось воззвание к стране.

Мы вышли и подозвали извозчика. "Куда ехать?" Когда мы сказали "в Смольный", извозчик отрицательно затряс головой. "Нет! - заявил он. - Там эти черти..." Только после долгого и утомительного блуждания удалось нам найти извозчика, который согласился довезти нас. Но он потребовал тридцать рублей и остановился за два квартала до Смольного.

Окна института все еще сверкали огнями. Подъезжали и отъезжали автомобили. Вокруг костров, продолжавших гореть ярким пламенем, толпилась стража, жадно выпрашивавшая у всех последние новости. Коридоры были переполнены куда-то спешащими людьми, с глубоко запавшими глазами. В некоторых комитетских комнатах люди спали на полу. Около каждого лежала его винтовка. Несмотря на уход отколовшихся делегатов, зал заседания был набит народом и шумел, как море. Когда мы вошли, Каменев оглашал список арестованных министров. Имя **Терещенко** было покрыто громовыми аплодисментами, радостными криками и смехом. **Рутенберг** произвел меньшее впечатление, но при имени **Пальчинского** разразилась буря криков и рукоплесканий... Было объявлено, что комиссаром Зимнего дворца назначен **Чудновский**.

Тут случился истинно драматический эпизод. На трибуну взбежал высокий крестьянин. Его бородатое лицо было искажено гневом. Он ударил кулаком по столу президиума.

"Мы, социалисты-революционеры, настаиваем на немедленном освобождении министров-социалистов, арестованных в Зимнем дворце! Товарищи! Известно ли вам, что четверо наших товарищей, жертвовавших жизнью и свободой в борьбе с царской тиранией, брошены в Петропавловскую крепость, историческую могилу русской свободы?!"

Поднялся общий шум. Крестьянин продолжал кричать и стучать кулаками. На трибуну взобрался другой делегат, встал рядом с ним и, указывая рукой в сторону президиума, закричал: "Могут ли представители революционных масс спокойно заседать здесь в тот момент, когда большевистская охранка пытается их вождей?"

Троцкий жестом потребовал тишины. "Мы поймали этих "товарищей" в тот момент, когда они вместе с авантюристом Керенским составляли заговор с целью разгрома Советов. С какой стати нам церемониться с ними? Разве они церемонились с нами после 3-5 июля?" В его голосе появились торжествующие ноты. "Теперь, когда оборонцы и малодушные ушли, и задача защиты и спасения революции целиком возложена на наши плечи, особенно необходимо работать, работать и работать! Мы решили скорее умереть, чем сдать!.."

На трибуну взошел задыхающийся, покрытый дорожной грязью комиссар из Царского Села. "Царскосельский гарнизон стоит на подступах к Петрограду, в полной готовности защищать съезд Советов и Военно-революционный комитет!" Грохот рукоплесканий. "Корпус самокатчиков, присланный с фронта, прибыл в Царское и перешел на нашу сторону. Он признает власть Советов, признает необходимость немедленной передачи земли крестьянам и контроля над

производством - рабочим. Пятый батальон самокатчиков, расположенный в Царском, наш..."

Выступил делегат от третьего батальона самокатчиков. Под необузданные взрывы восторга он рассказал, как корпус самокатчиков всего три дня назад получил приказ двинуться с Юго-западного фронта на "защиту Петрограда". Однако солдаты заподозрили, что смысл приказа несколько иной. На станции Передольск они были встречены представителями пятого батальона из Царского. Собрался соединенный митинг, и оказалось, что "среди самокатчиков нет никого, кто согласился бы проливать братскую кровь или поддерживать правительство помещиков и капиталистов".

Капелинский предложил от имени меньшевиков-интернационалистов создать особую комиссию для изыскания мирного выхода и предупреждения гражданской войны. "Нет никакого мирного выхода! - гремел весь зал. - Единственный выход победа!" Предложение было отвергнуто подавляющим большинством, и меньшевики-интернационалисты под градом насмешек и оскорблений покинули съезд. Среди делегатов не было и тени страха. Каменев кричал с трибуны вслед уходящим: "Меньшевики-интернационалисты внесли свое предложение о мирном выходе в порядке внеочередного заявления. Но ведь они всегда голосовали за нарушение порядка дня ради деклараций тех фракций, которые хотели уйти со съезда! Совершенно ясно, что уход всех этих ренегатов был предрешен заранее!.." Собрание, решило не считаться с уходом ряда фракций и заслушало воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам всей России:

"Рабочим, солдатам и крестьянам!"

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов... Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок,

Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы - Керенский, Каледин и др.- делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

*Всероссийский съезд Советов рабочих
и солдатских депутатов
Делегаты от крестьянских Советов".*

Было ровно 5 часов 17 минут утра, когда Крыленко, шатаясь от усталости, поднялся на трибуну и показал собранию какую-то телеграмму.

"Товарищи, с Северного фронта! 12-ая армия приветствует съезд Советов и сообщает о создании Военно-революционного комитета, который взял на себя командование Северным фронтом!.." Началось нечто совершенно неопишное. Люди плакали и обнимали друг друга. "Генерал Черемисов признал комитет. Комиссар Временного правительства Войтинский подал в отставку!"

Свершилось...

Ленин и петроградские рабочие решили - быть восстанию, Петроградский Совет низверг Временное правительство и поставил съезд Советов перед фактом государственного переворота. Теперь нужно было завоевать на свою сторону всю огромную Россию, а потом и весь мир. Откликнется ли Россия, восстанет ли она? А мир, что скажет мир? Откликнутся ли народы на призыв России, подымет ли мировой красный прилив?

Было шесть часов. Стояла тяжелая холодная ночь. Только слабый и бледный, как неземной, свет робко крался по молчаливым улицам, заставляя тускнеть сторожевые огни. Тень грозного рассвета вставала над Россией.

Глава V. Неудержимо вперед!

Четверг, 8 ноября (26 октября). Утро застало город в неистовом возбуждении. Целый народ поднимался среди рокота бури. На поверхности все было спокойно. Сотни тысяч людей легли спать в обычное время, рано встали и отправились на работу. В Петрограде ходили трамваи, магазины и рестораны были открыты, театры работали, выставки картин собирали публику... Сложная рутина повседневной жизни, не нарушенная и в условиях войны, шла своим чередом. Ничто не может быть более удивительным, чем жизнеспособность общественного организма, который продолжает все свои дела, кормится, одевается, забавляется даже во время величайших бедствий...

Город был полон слухов о Керенском. Говорили, что он добрался до фронта и ведет на столицу огромную армию. "Воля Народа" опубликовала приказ, выпущенный им в Пскове:

"Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели и требует напряжения всей воли, мужества и исполнения долга каждым для выхода из переживаемого Родиной нашей смертельного испытания.

В настоящее время впредь до объявления нового состава Временного правительства, если таковое последует, каждый должен оставаться на своем посту и исполнить свой долг перед истерзанной Родиной. Нужно помнить, что малейшее нарушение существующей организации армии может повлечь за собой непоправимые бедствия, открыв фронт для нового удара противника. Поэтому необходимо сохранить во что бы то ни стало боеспособность армии, поддерживая полный порядок, охраняя армию от новых потрясений, и не поколебать взаимное полное доверие между начальниками и подчиненными. Приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения Родины сохранить свои посты, как и я сохраняю свой пост Верховного Главнокомандующего, впредь до изъявления воли Временного правительства республики..."

В ответ на это на всех стенах появилось воззвание:

От Всероссийского съезда Советов.

«Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и др. арестованы Революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться, как тяжкое государственное преступление»

Обретя полную свободу действия, Военно-революционный комитет, словно искры, рассыпал во все стороны приказы, воззвания и декреты...¹ Было приказано

доставить Корнилова в Петроград. Члены крестьянских земельных комитетов, арестованные Временным правительством, были выпущены на свободу. Отменили смертную казнь на фронте. Государственным служащим приказали продолжать работу, угрожая за неповиновение строгими наказаниями. Погромы, беспорядки и спекуляции были запрещены под страхом смертной казни. Во все министерства назначили временных комиссаров: в министерство иностранных дел - Урицкого и Троцкого, в министерства внутренних дел и юстиции - Рыкова, в министерство труда - Шляпникова, в министерство финансов - Менжинского, в министерство социального обеспечения - Коллонтай, в министерства торговли и путей сообщения - Рязанова, в морское ведомство - матроса Корбира, в министерство почт и телеграфов - Спиро, в управление театров - Муравьева, в управление государственных типографий - Дербышева, комиссаром Петрограда назначили лейтенанта Нестерова, комиссаром Северного фронта - Позерна.

Армию призывали выбирать военно-революционные комитеты. Железнодорожников призывали поддерживать порядок и, главное, не задерживать подвоза продовольствия к городам и фронтам. За это им обещали допустить в министерство путей сообщения их представителей.

"Братья казаки! - говорилось в одной из прокламаций. - Вас ведут на Петроград. Вас хотят столкнуть с революционными солдатами и рабочими столицы...

Не верьте ни одному слову наших общих врагов - помещиков и капиталистов.

На нашем съезде представлены все организованные рабочие, солдаты и сознательные крестьяне России. Съезд хочет видеть в своей семье и трудовых казаков. Черносотенные генералы, слуги помещиков, слуги Николая Кровавого наши враги...

Вам говорят, что Советы хотят отнять у казаков землю. Это ложь. Только у казаков-помещиков революция отнимет земли и передаст их народу.

Организуйте Советы казацких депутатов! Присоединяйтесь к рабочим, солдатским и крестьянским Советам!

Покажите черной сотне, что вы не станете изменниками народа, что вы не пожелаете накликасть на себя проклятие всей революционной России!..

Братья казаки! Не исполняйте ни одного приказа врагов народа!..

Присылайте в Петроград ваших делегатов для сговора с нами...

Казаки петроградского гарнизона, к их чести, не оправдали надежд врагов народа...

Братья казаки! Всероссийский съезд Советов протягивает вам братскую руку.

Да здравствует союз казаков с солдатами, рабочими и крестьянами всей России!"

С другой стороны, какой бурный поток воззваний, афиш, расклеенных и разбрасываемых повсюду, газет, протестующих, проклинающих и пророчащих

гибель! Настало время борьбы печатных станков, ибо все остальное оружие находилось в руках Советов.

Первым появилось воззвание Комитета спасения родины и революции, широко распространенное по всей России и Европе:

Гражданам Российской республики.

25 октября большевиками Петрограда вопреки воле революционного народа преступно арестована часть Временного правительства, разогнан Временный Совет Российской республики и объявлена незаконная власть.

Насилие над правительством революционной России, совершенное в дни величайшей опасности от внешнего врага, является неслыханным преступлением против родины.

Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир.

Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю.

Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский комитет спасения родины и революции возьмет на себя инициативу воссоздания Временного правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного собрания и спасет ее от контрреволюции и анархии.

Всероссийский комитет спасения родины и революции призывает вас, граждане:

Не признавайте власти насильников!

Не исполняйте их распоряжений!

Встаньте на защиту родины и революции!

Поддерживайте Всероссийский Комитет Спасения Родины и революции!

Подписано *Временным Советом Российской Республики, Городской Думой Петрограда, ЦИК (Первый съезд), Исполнительный Комитет Крестьянских Советов, фронтовыми группами, Социал-революционерами, Меньшевиками, Народными Социалистами, Объединенными Социал-демократами, и группой «Единство».*

Воззвания эсеровской партии, меньшевиков-оборонцев, исполкома крестьянских Советов, армейских комитетов, от Центрофлота...

"...Голод задавит Петроград,- кричали они все. - Германские армии растопчут нашу свободу. Черносотенные погромы захлестнут Россию, если все мы, сознательные рабочие, солдаты, граждане, не сплотимся...

Не верьте обещаниям большевиков! Обещание немедленного мира - ложь! Обещание хлеба - обман! Обещание земли - сказка!.."

И все в этом же роде.

"Товарищи!.. Вас подло и преступно обманули! Захват власти был произведен одними большевиками... Большевики скрывали свой план от других социалистических партий, входящих в Советы..."

Вам обещали землю и волю, но контрреволюция использует посеянную большевиками анархию и лишит вас земли и воли..."

Столь же резки были и газеты:

"Наш долг,- восклицало "Дело Народа",- разоблачить этих предателей рабочего класса. Наш долг - мобилизовать все силы и встать на защиту дела революции".

"Известия", в последний раз говорившие от имени старого ЦИК, грозили страшным возмездием...

"...А что касается съезда Советов, то мы утверждаем, что не было съезда Советов, мы утверждаем, что имело место лишь частное совещание большевистской фракции. В этом случае они не имели права лишать полномочий ЦИК".

«Новая Жизнь», высказываясь за новое правительство, которое объединило бы все социалистические партии, резко критиковала действия эсеров и меньшевиков, ушедших со съезда, и утверждала, что восстание большевиков с непреложной ясностью установило одно основное обстоятельство - полную беспочвенность всех иллюзий относительно сотрудничества с буржуазией.

"Рабочий Путь" опять превратился в "Правду" - ленинскую газету, закрытую в июле месяце. Она резко заявляла:

"Рабочие, солдаты, крестьяне! Вы сломили в феврале самодержавие дворянской клики. Вы сломили вчера самодержавие буржуазной шайки.

И первая задача теперь - охранить все подступы к Петрограду.

Вторая задача - разоружить и окончательно обезвредить контрреволюционные элементы в Петрограде.

Третья задача - окончательная организация революционной власти и обеспечение осуществления народной программы..."

Те немногие кадетские и вообще буржуазные газеты, какие еще продолжали выходить, относились ко всему происходившему со спокойной иронией, как бы презрительно говоря всем прочим партиям: "А что мы вам говорили?". Влиятельные члены кадетской партии все время вертелись вокруг городской думы и Комитета спасения родины и революции. В целом буржуазия помалкивала, выжидая своего часа, который, казалось ей, был недалек. Быть может, никто, кроме Ленина, Троцкого и петроградских рабочих и простых солдат, не допускал мысли о том, что большевики удержат власть дольше трех дней...

В этот день я видел в огромном амфитеатре Николаевского зала бурное заседание городской думы, объявленное непрерывным. Здесь были представлены все силы антибольшевистской оппозиции. Величественный, седобородый и седовласый городской голова Шрейдер рассказывал собравшимся, как прошлой ночью он отправился в Смольный, чтобы заявить протест от имени городского самоуправления. "Дума, являющаяся в настоящий момент единственной в городе законной властью, созданной на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, не признает новой власти!" - заявил он Троцкому. В ответ Троцкий сказал: "Что ж, на это есть конституционные средства. Думу можно распустить и переизбрать...". Рассказ Шрейдера вызвал бурю негодования.

"Если вообще признавать правительство, созданное штыками,- продолжал старик, обращаясь к думе,- то такое правительство у нас есть. Но я считаю законным только такое правительство, которое признается народом, большинством, а не такое, которое создано кучкой узурпаторов". Неистовые рукоплескания на всех скамьях, кроме большевистских. Городской голова среди шума и криков сообщает, что большевики уже нарушили права городского самоуправления, назначив в ряд отделов своих комиссаров.

Большевистский оратор, стараясь покрыть шум, кричит, что поддержка, оказанная большевикам съездом Советов, есть поддержка всей России. "Вы не истинные представители населения Петрограда!" - восклицает он. Голоса с мест: "Оскорбление! Оскорбление!". Городской голова с достоинством напоминает, что дума была избрана на основе самого свободного избирательного права, какое только может быть. "Верно,- отвечает оратор-большевик. - Но дума избрана давно, так же давно, как ЦИК и армейские комитеты..." "Нового съезда Советов еще не было!" - кричат ему в ответ.

"Фракция большевиков отказывается оставаться в этом гнезде контрреволюции..." Шум. "Мы требуем переизбрания думы!" Большевики уходят из зала заседания. "Германские агенты! - кричат им вслед. - Долой изменников!"

Кадет Шингарев потребовал, чтобы все служащие городского самоуправления, согласившиеся быть комиссарами Военно-революционного комитета, были смещены и преданы суду. Шрейдер встал и внес предложение протестовать против угрозы большевиков распустить думу. Дума в качестве законной представительницы населения должна отказаться оставить свой пост.

Александровский зал был тоже набит битком. Шло заседание Комитета спасения. Выступал Скобелев: "Никогда,- сказал он,- положение революции не было так остро, никогда вопрос о самом существовании Российского государства не возбуждал столько тревоги. Никогда еще история так резко и так категорически не ставила перед Россией вопрос - быть или не быть. Настал великий час спасения революции, и, сознавая это, мы охраняем тесное единение всех живых сил революционной демократии, организованная воля которой уже создала центр для спасения родины и революции. Мы умрем, но не покинем нашего славного поста..." И так далее в том же роде.

Под гром аплодисментов было сообщено, что союз железнодорожников присоединяется к Комитету спасения. Через несколько минут явились почтово-телеграфные чиновники. Затем вошло несколько меньшевиков-интернационалистов; их встретили рукоплесканиями. Железнодорожники заявили, что они не признают большевиков, что они взяли весь железнодорожный аппарат в свои руки и отказываются передавать его узурпаторской власти. Делегаты от телеграфных служащих объявили, что их товарищи наотрез отказались работать, пока в министерстве находится большевистский комиссар. Работники почты отказались принимать и отправлять почту Смольного... Все телефонные провода Смольного выключены. Собрание с огромным наслаждением выслушало рассказ о том, как Урицкий явился в министерство иностранных дел требовать тайных договоров и как Нератов попросил его удалиться. Государственные служащие повсюду бросали работу...

То была война - сознательно обдуманная война чисто русского типа, война путем стачек и саботажа. Председатель огласил при нас список поручений. Такой-то должен обойти все министерства, такой-то - отправиться в банки; десять-двенадцать человек были назначены в казармы убеждать солдат сохранять нейтралитет: "Русские солдаты, не лейте братской крови!". Была выделена особая комиссия для совещания с Керенским. Несколько человек было разослано по провинциальным городам для организации местных отделов Комитета спасения и для объединения всех антибольшевистских элементов.

Настроение было приподнятое: "Эти большевики хотят попробовать диктовать свою волю интеллигенции?.. Ну, мы им покажем!..". Поразителен был контраст между этим собранием и съездом Советов. Там - огромные массы обносившихся солдат, измазанных рабочих и крестьян - все бедняки, согнутые и измученные жестокой борьбой за существование; здесь - меньшевистские и эсеровские вожди, Авксентьевы, Даны, Либеры, бывшие министры-социалисты Скобелевы и Черновы, а рядом с ними кадеты вроде елейного Шацкого и гладенького Винавера. Тут же журналисты, студенты, интеллигенты всех сортов и мастей. Эта думская толпа была упитана и хорошо одета; я заметил здесь не больше трех пролетариев...

Получены новые вести. Верные Корнилову текинцы [1](#) перебили в Быхове стражу, и Корнилов бежал. Каледин двигался на Север. Московский Совет организовал Военно-революционный комитет и вступил в переговоры с комендантом города, требуя от него сдачи арсенала. Совет хотел вооружить рабочих.

Эти факты перемежались массой всевозможных слухов, сплетен и явной лжи. Так, например, один молодой интеллигент-кадет, бывший личный секретарь Милюкова, а потом Терещенко, отвел нас в сторону и рассказал нам все подробности о взятии Зимнего дворца.

"Большевиков вели германские и австрийские офицеры!" - утверждал он.

"Так ли это? - вежливо спрашивали мы. - Откуда вы знаете?"

"Там был один из моих друзей. Он рассказал мне".

"Но как же он разобрал, что это были германские офицеры?"

"Да они были в немецкой форме!.."

Такие нелепые слухи распространялись сотнями. Мало того, что их печатала вся антибольшевистская пресса, им верили даже такие люди, как меньшевики и эсеры, которые всегда вообще отличались несколько более осторожным отношением к фактам.

Но гораздо серьезнее были рассказы о большевистских насилиях и жестокостях. Так, например, повсюду говорилось и печаталось, будто бы красногвардейцы не только разграбили дачиста весь Зимний дворец, но перебили обезоруженных юнкеров и хладнокровно зарезали нескольких министров. Что до женщин-солдат, то большинство из них было изнасиловано и даже покончило самоубийством, не стерпев мучений... Думская толпа с готовностью проглатывала подобные рассказы... Но что еще хуже, отцы и матери юнкеров и женщин читали все эти ужасные рассказы в газетах, где часто даже приводились имена пострадавших, и в результате думу с самого вечера осаждала толпа обезумевших от горя и ужаса граждан...

Очень характерен случай с князем Тумановым, чей труп, как утверждали многие газеты, был выловлен в Мойке. Через несколько часов это сообщение было опровергнуто семейством самого князя, которое заявило, что он арестован. Тогда было напечатано, что утопленник не князь Туманов, а генерал Денисов. Но генерал тоже оказался жив и здоров. Мы произвели расследование, но никаких следов якобы выловленного из Мойки трупа не обнаружили...

Когда мы выходили из думы, двое бойскаутов раздавали прокламации 2 огромной толпе, запруживавшей Невский перед дверями. Толпа эта состояла почти исключительно из дельцов, лавочников, чиновников, конторских служащих. Вот что говорила прокламация:

"От городской думы.

Городская дума в своем заседании от 26 октября ввиду переживаемых событий постановила объявить неприкосновенность частных жилищ и через домовые комитеты призывает население гор. Петрограда давать решительный отпор всяким попыткам врываться в частные квартиры, не останавливаясь перед применением оружия в интересах самообороны граждан".

На углу Литейного пятеро красногвардейцев и двое матросов окружили газетчика и требовали, чтобы он отдал им пачку экземпляров меньшевистской "Рабочей Газеты". Газетчик яростно кричал на них и грозился кулаком, когда один из матросов все-таки отнял у него газеты. Кругом собралась большая толпа, осыпавшая патруль бранью. Какой-то маленький рабочий упрямо старался переубедить газетчика и толпу, непрерывно повторяя: "Здесь напечатана прокламация Керенского, он говорит, что мы стреляем в русский народ. Будет кровопролитие..."

В Смольном атмосфера была еще напряженнее, чем прежде, если это только было возможно. Все те же люди, бегающие по темным коридорам, все те же вооруженные винтовками рабочие отряды, все те же спорящие и разъясняющие, раздающие отрывочные приказания вожди с набитыми портфелями. Эти люди все время куда-то торопились, а за ними бегали друзья и помощники. Они были положительно вне себя, казались живым олицетворением бессонного и неутомимого труда. Небритые, растрепанные, с горящими глазами, они полным ходом неслись к намеченной цели, сгорая воодушевлением. У них было так много, так бесконечно много дела! Надо было создать правительство, навести порядок в городе, удержать на своей стороне гарнизон, победить думу и Комитет спасения, удержаться против немцев, подготовиться к бою с Керенским, информировать провинцию, вести пропаганду по всей России от Архангельска до Владивостока. Правительственные и городские служащие отказывались повиноваться комиссарам, работники почты и телеграфа лишили Смольный сообщения с внешним миром, железнодорожники упрямо отвечали отказом на все его просьбы о поездах, а тут надвигался Керенский, на гарнизон не вполне можно было положиться, казаки готовились к выступлению... За врагами стояла не только организованная буржуазия, но и все социалистические партии, за исключением левых эсеров и нескольких меньшевиков-интернационалистов и новожиженцев, да и те колебались, не зная, на что решиться. Правда, за большевиками шли широкие массы рабочих и солдат; правда, отношение крестьянства еще недостаточно определилось, но ведь в конце концов партия большевиков была далеко не богата образованными и подготовленными людьми...

Рязанов, поднимаясь по лестнице, с комическим ужасом говорил, что он, комиссар торговли и промышленности, решительно ничего не понимает в торговых делах. Наверху, в столовой, сидел, забившись в угол, человек в меховой папаше и в том самом костюме, в котором он... я хотел сказать, проспал ночь, но он провел ее без сна. Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье покусывал карандаш. То был комиссар финансов Менжинский, вся подготовка которого заключалась в том, что он когда-то служил конторщиком во Французском банке... А вот те четверо товарищей, которые бегут по коридору из помещения Военно-революционного комитета, налету что-то записывая на лоскутках бумаги,- это комиссары, рассылаемые по всей России, чтобы они рассказали обо всем происшедшем, чтобы они убеждали и боролись теми аргументами и тем оружием, какие удастся найти...

Заседание съезда должно было открыться в час дня, и обширный зал был уже давно переполнен делегатами, было уже около семи часов, а президиум все еще не появлялся... Большевики и левые эсеры вели по своим комнатам фракционные заседания. Весь этот бесконечный день ушел у Ленина и Троцкого на борьбу с сторонниками компромисса. Значительная часть большевиков склонялась в пользу создания общесоциалистического правительства. "Нам не удержаться! - кричали они. - Против нас слишком много сил! У нас нет людей. Мы будем изолированы, и все погибнет..." Так говорили Каменев, Рязанов и др.

Но Ленин, которого поддерживал Троцкий, стоял незыблемо, как скала: "Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим ни пяди. Если здесь есть товарищи, которым не хватает смелости и воли дерзать на то, на что дерзаем мы, то пусть они идут ко всем прочим трусам и соглашателям! Рабочие и солдаты с нами, и мы обязаны продолжать дело".

В пять минут восьмого левые эсеры послали сказать, что они остаются в Военно-революционном комитете.

"Так и есть,- говорил Ленин. - Они тянутся за нами!"

Несколько позднее, когда я сидел в большом зале за столом прессы, один анархист, сотрудничавший в буржуазных газетах, предложил мне пойти вместе с ним посмотреть, что с президиумом. Ни в комнате ЦИК, ни в бюро Петроградского Совета не оказалось никого. Мы обошли весь Смольный. Казалось, никто не имел понятия о том, где находятся руководители съезда. По дороге мой спутник рассказывал мне о своей прежней революционной деятельности, о том, как ему пришлось бежать из России и с каким удовольствием он довольно долго прожил во Франции... Большевиков этот человек считал грубыми, пошлыми и невежественными людьми, без всякого эстетического чутья. Он был очень типичным экземпляром русского интеллигента... Наконец, мы дошли до комнаты 17, где помещался Военно-революционный комитет, и остановились перед его дверью. Мимо нас беспрерывно сновали люди... Дверь открылась, и из комнаты вышел коренастый, широколицый человек в военной форме без погон. Казалось, он улыбался, но, присмотревшись, можно было догадаться, что его улыбка - это просто гримаса бесконечной усталости. То был Крыленко.

Мой спутник, изящный молодой человек очень культурного вида, радостно вскрикнул и шагнул вперед.

"Николай Васильевич! - воскликнул он, протягивая руку. - Разве вы забыли меня? Мы с вами вместе сидели в тюрьме".

Крыленко сделал над собою усилие, сосредоточился и взгляделся. "Ах, да, ответил он, наконец, глядя на собеседника с самым дружеским выражением. - Вы С... Здравствуйте!" Они поцеловались. "Ну, что вы здесь делаете?" - и Крыленко сделал рукой широкий жест.

"О, я только наблюдаю... Вы, кажется, пользуетесь большим успехом?"

"Да,- ответил Крыленко несколько упрямым тоном. - Пролетарская революция — это большой успех!" Он улыбнулся.

«Впрочем,... впрочем, может быть, мы снова встретимся с вами в тюрьме!..»

Мы пошли по коридору, и мой приятель принялся разъяснять мне положение: "Видите ли, я последователь Кропоткина. С нашей точки зрения, революция закончилась огромной неудачей: она не подняла патриотизма масс. Конечно, это доказывает только то, что наш народ еще не созрел для революции..."

Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и "Ленина - великого Ленина среди них.

Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко-посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

Каменев читал отчет о действиях Военно-революционного комитета: отмена смертной казни в армии, восстановление свободы агитации, освобождение солдат и офицеров, арестованных за политические преступления, приказы об аресте Керенского и о конфискации запасов продовольствия на частных складах... Бурные аплодисменты.

Снова представитель Бунда. Непримируемая позиция большевиков губит революцию, поэтому делегаты Бунда вынуждены отказаться от дальнейшего участия в съезде.

Выкрики с мест: "Мы думали, что вы ушли еще прошлой ночью? Сколько раз вы будете уходить?"

Затем представитель меньшевиков-интернационалистов. Крики: "Как! Вы еще здесь?". Оратор разъясняет, что со съезда ушла только часть меньшевиков-интернационалистов, а часть осталась на съезде.

"Мы считаем передачу власти Советам опасной и, быть может, даже губительной для революции... (Шум). -Но мы считаем своим долгом оставаться на съезде и голосовать против этой передачи".

Выступили и другие ораторы, по-видимому получившие слово без предварительной записи. Делегат от донецких углекопов призывал съезд принять меры против Каледина, который мог отрезать столицу от угля и хлеба. Несколько солдат, только что прибывших с фронта, передали собранию восторженное приветствие от своих полков.

Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

"Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!"

Новый потрясающий грохот человеческой бури.

"Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира... Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий; без аннексий, без контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения... Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран..."

Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой, не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям - и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонился вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания.

"Обращение к народам и правительствам всех воюющих стран.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24-25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,- миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,- таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию - все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета,- не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней,

так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в героической борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации".

Когда затих гром аплодисментов, Ленин заговорил снова:

"Мы предлагаем съезду принять и утвердить это воззвание. Мы обращаемся не только к народам, но и к правительствам, потому что обращение к одним народам воюющих стран могло бы затянуть заключение мира. Условия мира будут выработаны за время перемирия и ратифицированы Учредительным собранием. Устанавливая срок перемирия в три месяца, мы хотим дать народам возможно долгий отдых от кровавой бойни и достаточно времени для выбора представителей. Некоторые империалистические правительства будут сопротивляться нашим мирным предложениям, мы вовсе не обманываем себя на этот счет. Но мы надеемся, что скоро во всех воюющих странах разразится революция, и именно поэтому с особой настойчивостью обращаемся к французским, английским и немецким рабочим..."

"Революция 24-25 октября,- закончил он,- открывает собою эру социалистической революции... Рабочее движение во имя мира и социализма добьется победы и исполнит свое назначение..."

От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин.

Было внесено и открытым голосованием немедленно принято предложение предоставить слово только представителям фракций и ограничить время ораторов 15 минутами.

Первым выступил Карелин от имени левых эсеров: "Наша фракция не имела возможности предложить поправки к тексту обращения, поэтому оно исходит от

одних большевиков. Но мы все-таки будем голосовать за него, потому что вполне сочувствуем его общему направлению...".

От социал-демократов интернационалистов говорил Крамаров, длинный, узкоплечий и близорукий человек, которому суждено было стяжать не вполне лестную известность шута оппозиции. Только правительство, составленное из представителей всех социалистических партий, заявил он, может обладать достаточным авторитетом, чтобы решаться на столь важное выступление. Если такая социалистическая коалиция образуется, то наша фракция поддержит всю программу, если же нет, то она поддержит ее только частично. Что до обращения, то интернационалисты всецело присоединяются к его основным пунктам...

После этого в атмосфере растущего воодушевления выступали один за другим ораторы. За обращение высказались представители украинской социал-демократии, литовской социал-демократии, народных социалистов, Польской и Латышской социал-демократии. Польская социалистическая партия тоже высказалась за воззвание, но оговорила, что она предпочла бы социалистическую коалицию... Что-то пробудилось во всех этих людях. Один говорил о "грядущей мировой революции, авангардом которой мы являемся", другой - о "новом веке братства, который объединит все народы в единую великую семью..." Какой-то делегат заявил от своего собственного имени: "Здесь какое-то противоречие. Сначала вы предлагаете мир без аннексий и контрибуций, а потом говорите, что рассмотрите все мирные предложения. Рассмотреть - значит принять...".

Ленин сейчас же вскочил с места: "Мы хотим справедливого мира, но не боимся революционной войны... По всей вероятности, империалистические правительства не ответят на наш призыв, но мы не должны ставить им ультиматум, на который слишком легко ответить отказом... Если германский пролетариат увидит, что мы готовы рассмотреть любое мирное предложение, то это, быть может, явится той последней каплей, которая переполняет чашу, и в Германии разразится революция...

Мы согласны рассмотреть любые условия мира, но это вовсе не значит, что мы согласны принять их. За некоторые из наших условий мы будем бороться до конца, но очень возможно, что среди них найдутся и такие, ради которых мы не сочтем необходимым продолжать войну... Но главное - мы хотим покончить с войной...".

Было ровно 10 часов 35 минут, когда Каменев предложил всем, кто голосует за обращение, поднять свои мандаты. Один из делегатов попробовал было поднять руку против, по вокруг него разразился такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку... Принято единогласно.

Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании "Интернационала". Какой-то старый, сидящий солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. "Конец войне! Конец войне!" - радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь "Интернационал" и мы

стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: "Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!". И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песню, глубоко русскую и бесконечно трогательную. Ведь "Интернационал" - это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забытых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...

Ленин оглашал декрет о земле:

"1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участка и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ 3, составленный на основании

242 местных крестьянских наказов редакцией "Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов" и опубликованный в номере 88 этих "Известий" (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

5) *Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются".*

"Это,- добавил Ленин,- не проект бывшего министра Чернова, который говорил, что надо "строить леса", и пытался провести реформу сверху. Вопрос о переделе земли будет разрешен снизу, на местах. Крестьянский надел будет варьироваться в зависимости от местности...

При Временном Правительстве помещики наотрез отказывались слушаться приказаний земельных комитетов,- тех самых земельных комитетов, которые были задуманы Львовым, проведены в жизнь Шингаревым и управлялись Керенским!"

Дебаты еще не начались, когда какой-то человек силой проложил себе путь, расталкивая толпу, забивавшую проход, и взобрался на трибуну. То был член исполнительного комитета крестьянских Советов Пьяных. Он был вне себя от ярости.

"Исполнительный комитет Всероссийских Советов крестьянских депутатов протестует против ареста наших товарищей, министров Салазкина и Маслова! резко бросил он в лицо делегатам. - Мы требуем их немедленного освобождения! Они сидят в Петропавловской крепости. Нужно действовать немедленно. Нельзя терять ни минуты!"

За ним последовал солдат с растрепанной бородой и горящими глазами. "Вы сидите здесь и разговариваете о передаче земли крестьянам, а сами в это время расправляетесь с выборными представителями этих крестьян, как тираны и узурпаторы! Говорю вам,- он поднял кулак,- говорю вам, что, если хоть волос упадет с их головы, вы будете иметь дело с восстанием!" Толпа смущенно загудела.

На трибуну поднялся спокойный и ядовитый, уверенный в своей силе Троцкий. Собрание встретило его приветственным гулом. "Вчера Военно-революционный комитет принял принципиальное решение освободить эсеровских и меньшевистских министров: Маслова, Салазкина, Гвоздева и Малянтовича. Если они все еще сидят в Петропавловской крепости, то это только потому, что мы слишком заняты... Разумеется, они останутся под домашним арестом, пока не будет окончательно выяснено их участие в предательских действиях Керенского во время корниловщины".

"Никогда,- кричал Пьяных,- никогда ни в одной революции не было того, что мы видим сейчас!"

"Ошибаетесь,- отвечал Троцкий.- Подобные вещи видела даже наша революция. В июльские дни были арестованы сотни наших товарищей... Когда товарищ Коллонтай по требованию врача была освобождена из тюрьмы, то Авксентьев приставил к ее дверям двух агентов бывшей царской охранки!" Крестьянские представители ушли, ругаясь. Собрание проводило их насмешками.

Представитель левых эсеров высказался о земельном декрете. Вполне соглашаясь с декретом принципиально, левые эсеры, однако, смогут голосовать за него только после обсуждения. Необходимо узнать мнение крестьянских Советов.

Меньшевики-интернационалисты тоже настаивали на обсуждении вопроса внутри своей партии.

Затем выступил вождь максималистов, т. е. анархистского крыла крестьянства: "Мы не можем не отдать должное той политической партии, которая в первый же день без всякой болтовни проводит в жизнь такое дело!.."

На трибуне появился типичный крестьянин - длинноволосый, в высоких сапогах и овчинном тулупе. Он кланялся на все стороны. "Здравствуйте, товарищи и граждане,- говорил он. - Тут все бродят кругом кадеты. Вот вы арестуете наших крестьян-социалистов, а что же вы кадетов этих не арестуете?"

Это был сигнал к возбужденным крестьянским спорам. Точно так же спорили солдаты прошлой ночью. Здесь были истинные пролетарии земли...

"Члены нашего исполнительного комитета Авксентьев и другие, которых мы считали защитниками крестьянства,-это те же кадеты! Арестовать их! Арестовать их!"

Чей-то другой голос: "Кто они, все эти Авксентьевы и Пьяных? Они вовсе не крестьяне! Они только языком болтают!"

Как потянулась к этим ораторам толпа делегатов, чувствуя в них своих братьев!

Левые эсеры предложили получасовой перерыв. Когда делегаты стали выходить из зала, Ленин поднялся со своего места:

"Нам нельзя терять времени, товарищи! Завтра утром вся Россия должна узнать новости колоссального значения! Никаких задержек!"

Среди оживленных споров, разговоров и топота сотен ног слышен был голос представителя Военно-революционного комитета, кричавший:

"В 17-ю комнату нужно пятнадцать агитаторов! Для отправки на фронт!.."

Два с половиной часа спустя делегаты отдельными группами вернулись в зал, президиум занял свое место, и заседание возобновилось. Началось чтение телеграмм от различных полков, обещавших Военно-революционному комитету свою поддержку.

Собрание постепенно раскачивалось. Делегат от русских войск на Македонском фронте с горечью рассказывал об их положении. "Нам больше приходится терпеть от дружбы наших "союзников", чем от неприятеля",- говорил он. Представители 10-ой и 12-ой армий, только что спешно прибывшие с фронта, заявили: "Мы обещаем вам всемерную поддержку!" Какой-то солдат из крестьян протестовал против освобождения "социал-предателей Маслова и Салазкина". Что до исполнительного комитета крестьянских Советов, то его надо поголовно арестовать! Да, это были истинно революционные слова... Делегат от русских войск

в Персии заявил, что ему поручено требовать передачи всей власти Советам... Офицер-украинец кричал на своем родном языке: "В момент такого кризиса не может быть никакого разделения по национальностям... Да здравствует диктатура пролетариата во всех странах!" Так бурлил этот поток возвышенных и горячих мыслей, и было ясно, что Россия уже никогда не сможет снова онеметь.

Каменев заявил, что антибольшевистские силы повсюду стремятся создавать беспорядки, и огласил воззвание съезда ко всем Советам на местах:

"Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов поручает Советам на местах принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, антиеврейских и каких бы то ни было погромов. Честь рабочей, крестьянской и солдатской революции требует, чтобы никакие погромы не были допущены.

Красная Гвардия в Петрограде, революционный петроградский гарнизон и матросы обеспечили в столице полный порядок.

Рабочие, солдаты и крестьяне всюду на местах должны поступить по примеру петроградских рабочих и солдат.

Товарищи солдаты и казаки, на вас в первую очередь ложится обязанность обеспечить подлинно революционный порядок. На вас смотрят вся революционная Россия и весь мир!"

В два часа ночи декрет о земле был поставлен на голосование и принят всеми голосами против одного. Крестьянские делегаты были в неистовом восторге...

Так, большевики неудержимо неслись вперед, отбрасывая все сомнения и сметая со своего пути всех сопротивляющихся. Они были единственными людьми в России, обладавшими определенной программой действий, в то время как все прочие целых восемь месяцев занимались одной болтовней.

На трибуну поднялся изможденный, оборванный, красноречивый солдат. Он протестовал против той статьи наказа, в которой говорится, что дезертиры лишаются земельного надела. Сначала его встретили шиканьем и свистом, но под конец его простые и трогательные слова заставили всех замолчать: "Несчастный солдат, насильно загнанный в окопную мясорубку, весь бессмысленный ужас которой вы сами признаете в декрете о мире, - кричал он, - встретил революцию как весть о мире и свободе. Мир? Правительство Керенского заставило его снова наступать, идти в Галицию, убивать и погибать. Он умолял о мире, а Терещенко только смеялся... Свобода? При Керенском он увидел, что его комитеты разгоняются, его газеты закрываются, ораторов его партии сажают в тюрьму... А дома, в родной деревне, помещики борются с земельными комитетами и сажают за решетку его товарищей... В Петрограде буржуазия в союзе с немцами саботировала снабжение армии продовольствием, одеждой и боеприпасами... Солдат сидел в окопах голый и босый. Кто заставил его дезертировать? Правительство Керенского, которое вы свергли!" Под конец ему даже аплодировали. Но тут выступил с горячей речью другой солдат: "Правительство

Керенского - не ширма, за которой может укрываться такое грязное дело, как дезертирство! Дезертир — это негодяй, который бежит домой и покидает товарищей, умирающих в окопах! Каждый дезертир - предатель и должен быть наказан..." Шум, крики: "Довольно! Тише!". Каменев поспешно предлагает передать вопрос на рассмотрение правительства 4. В 2 часа 30 минут ночи наступило напряженное молчание. Каменев читает декрет об образовании правительства:

"Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров 5.

Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т.е. Совету Народных Комиссаров.

Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету...".

В зале тишина; затем, при чтении списка народных комиссаров, взрывы аплодисментов после каждого имени, особенно Ленина и Троцкого.

*"...Председатель Совета - Владимир Ульянов (Ленин);
Народный комиссар по внутренним делам - А. И. Рыков;
Земледелия - В. П. Милютин;
Труда - А. Г. Шляпников;
По делам военным и морским - комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко;
По делам торговли и промышленности - В. П. Ногин;
Народного просвещения - А. В. Луначарский;
Финансов - И. И. Скворцов (Степанов);
По делам иностранным - Л. Д. Бронштейн (Троцкий);
Юстиции - Г. И. Оппоков (Ломов);
По делам продовольствия - И. А. Теодорович;
Почт и телеграфа - Н. П. Авилов (Глебов);
Председатель по делам национальностей - И. В. Джугашвили (Сталин).
Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незамещенным".*

Вдоль стен зала тянулась линия штыков; штыки торчали и над стульями делегатов. Военно-революционный комитет вооружил всех. Большевизм вооружался для решительного боя с Керенским, звуки труб которого уже доносились с юго-востока... Никто не хотел уходить домой. Наоборот, в зал пробирались все новые и новые сотни людей. Огромное помещение было битком набито солдатами с

суровыми лицами и рабочими. Долгими часами стояли они здесь, неутомимо внимая ораторам. Тяжелый, спертый воздух был полон табачного дыма; пахло потом, человеческим дыханием и грязной одеждой.

Авилов из редакции "Новой Жизни" говорил от имени социал-демократов интернационалистов и оставшихся меньшевиков-интернационалистов. У него было молодое тонкое лицо; его изящный сюртук резко дисгармонировал с окружающей обстановкой.

"Мы должны отдать себе ясный отчет в том, что происходит и куда мы идем... Та легкость, с которой удалось свалить коалиционное правительство, объясняется не тем, что левая демократия очень сильна, а исключительно тем, что это правительство не могло дать народу ни хлеба, ни мира. И левая часть демократии сможет удержаться только в том случае, если она сможет разрешить обе эти задачи.

Может ли она дать народу хлеб? Хлеба в стране очень мало. Большинство крестьянской массы не пойдет за вами, потому что вы не можете дать крестьянам машины, в которых крестьяне так нуждаются. Топлива и других предметов первой необходимости почти невозможно достать...

Так же трудно, и даже еще труднее, добиться мира. Правительства союзных держав отказались говорить даже со Скобелевым, а предложения мирной конференции, исходящего от вас, они не примут ни в коем случае. Вас не признает ни Лондон, ни Париж, ни Берлин.

Пока нельзя рассчитывать на активную поддержку пролетариата союзных стран, ибо он в своем большинстве пока очень далек от революционной борьбы. Вспомните, что союзной демократии не удалось даже созвать Стокгольмскую конференцию. Что же до германской социал-демократии, то я только что говорил с нашим стокгольмским делегатом товарищем Гольденбергом. Представители крайней левой заявляют ему, что во время войны революция в Германии невозможна..." Выкрики с мест становились все более частыми и озлобленными, но Авилов продолжал:

"Будет ли русская армия разбита немцами, так что австро-германская и англо-французская коалиция помирятся за наш счет, заключим ли мы сепаратный мир с Германией, в результате все равно получится полная изоляция России.

Я только что узнал, что союзные послы собираются уезжать и что по всем городам России организованы комитеты спасения родины и революции...

Ни одна партия не может в одиночку справиться с такими невероятными трудностями. Только настоящее большинство народа, поддерживающее правительство социалистической коалиции, может завершить дело революции..."

Затем он огласил резолюцию обеих фракций:

"Признавая, что для спасения завоеваний революции необходимо немедленное образование правительства, опирающегося на революционную демократию,

организованную в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, признавая, далее, что задачей этого правительства является: скорейшее достижение демократического мира, передача земли в распоряжение земельных комитетов, организация контроля над производством и созыв в назначенный срок Учред. собрания, съезд постановляет: выбрать временный исполнительный комитет для создания правительства по соглашению с теми группами революционной демократии, которые действуют на съезде".

Спокойные и холодные рассуждения Авилова привели делегатов в некоторое смущение, несмотря на весь их революционный энтузиазм. К концу речи крики и свист смолкли, а когда Авилов кончил говорить, кое-где даже раздались аплодисменты.

За Авиловым последовал Карелин, тоже молодой и бесстрашный, в искренности которого никто не сомневался, и притом представитель партии левых эсеров, т. е. партии Марии Спиридоновой, единственной партии, последовавшей за большевиками, той партии, которая вела за собой революционное крестьянство.

"Наша партия отказалась войти в Совет Народных Комиссаров, потому что мы не хотим навсегда порвать с той частью революционной армии, которая ушла со съезда. Такой разрыв лишил бы нас возможности быть посредниками между большевиками и другими демократическими группами. А именно такое посредничество и является в настоящий момент нашей основной обязанностью. Мы не можем поддерживать никакого правительства, кроме правительства социалистической коалиции..."

Кроме того, мы протестуем против деспотического поведения большевиков. Наши комиссары прогнаны со своих постов. Вчера запрещен наш единственный печатный орган "Знамя Труда".

Городская дума создает для борьбы с вами могущественный Комитет спасения родины и революции. Вы уже изолированы. Ни одна демократическая группа не поддерживает вашего правительства..."

На трибуну поднялся уверенный и владеющий собой Троцкий. На его губах блуждала саркастическая улыбка, почти насмешка. Он говорил звенящим голосом, и огромная толпа подалась вперед, прислушиваясь к его словам.

"Все эти соображения об опасности изоляции нашей партии не новы. Накануне восстания нам тоже пророчили неминуемый провал. Против нас были решительно все; Военно-революционному комитету оказала поддержку только фракция левых эсеров. Но каким же образом нам все-таки удалось почти без кровопролития сбросить Временное правительство?.. Этот факт является самым ярким доказательством того, что мы не были изолированы. В действительности изолированным оказалось Временное правительство; были изолированы демократические партии, идущие против нас, они и сейчас изолированы и навсегда порвали с пролетариатом!"

Нам говорят о необходимости коалиции. Возможна только одна коалиция - коалиция с рабочими, солдатами и беднейшим крестьянством. И честь осуществления этой коалиции принадлежит нашей партии... Какую коалицию имеет в виду Авилов? Коалицию с теми, кто поддерживал правительство измены народу? Коалиция не всегда увеличивает силы. Например, могли бы мы организовать восстание, если бы в наших рядах находились Дан и Авксентьев?" Взрывы смеха.

"Авксентьев давал мало хлеба. Но разве коалиция с оборонцами даст больше? Когда надо выбирать между крестьянами и Авксентьевым, который арестовывал земельные комитеты, мы выбираем крестьян! Наша революция останется классической в истории..."

Нас обвиняют в отказе от соглашения с другими демократическими партиями. Но мы ли виновны в этом? Или, быть может, виновно, как думает Карелин, "недоразумение"? Нет, товарищи. Когда в самом разгаре революции партия, еще окутанная пороховым дымом, приходит и говорит: "Вот власть, берите ее!", а те, кому эта власть предлагается, переходят в стан врагов, то это не недоразумение... это - объявление беспощадной войны! И объявили эту войну не мы...

Авилов грозит, что если мы останемся "изолированными", то наши усилия добиться мира останутся безуспешными. Повторяю, я не вижу, каким образом коалиция со Скобелевым или даже с Терещенко может помочь нам добиться мира. Авилов пытается запугать нас опасностью мира за счет России. На это я отвечаю, что если Европа и впредь будет возглавляться империалистической буржуазией, то революционная Россия все равно неизбежно погибнет...

Одно из двух: либо русская революция вызовет революционное движение в Европе, либо европейские державы задушат русскую революцию!"

Делегаты бурно аплодировали, они горели дерзанием, чувствуя себя борцами за все человечество. И с этих пор во всех действиях восставших масс появилась и осталась навсегда какая-то осознанная и твердая решимость.

Но и другая сторона уже начинала вступать в борьбу. Каменев дал слово представителю союза железнодорожников. То был коренастый человек с жестким лицом, не скрывавший своей непримиримой враждебности. Его речь подействовала на собрание, как разорвавшаяся бомба.

"Я прошу слова от имени сильнейшей организации в России и заявляю вам: Викжель (Викжель - Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных рабочих и служащих. - Ред.) поручил мне довести до вашего сведения решение нашего союза по вопросу об организации власти. Центральный комитет безусловно отказывается поддерживать большевиков, если они и впредь останутся во вражде со всей русской демократией". В зале поднимается страшный шум.

"В 1905 г. и в корниловские дни железнодорожные рабочие показали себя лучшими защитниками революции. Но вы не пригласили нас на свой съезд". Крики:

"Вас не пригласил старый ЦИК!" Оратор не слушает и продолжает: "Мы не признаем этого съезда законным: после ухода меньшевиков и эсеров здесь не осталось необходимого кворума... Наш союз поддерживает старый ЦИК и заявляет, что съезд не имеет права избрания нового ЦИК..."

Власть должна быть социалистической и революционной властью, ответственной перед авторитетными органами всей революционной демократии. Впредь до создания такой власти союз железнодорожников, отказываясь перевозить контрреволюционные отряды, направляемые в Петроград, в то же время воспрещает своим членам исполнять какие бы то ни было приказания, не утвержденные Викжелем. Викжель берет в свои руки все управление российскими железными дорогами".

Конец этой речи почти потонул в яростной буре общего негодования. Но все-таки это был тяжелый удар. Чтобы убедиться в этом, достаточно было поглядеть на озабоченные лица членов президиума. Каменев кратко ответил, что никаких сомнений в правомочности съезда не может быть, так как, несмотря на уход меньшевиков и эсеров, на съезде осталось даже больше членов, чем требует кворум, установленный старым ЦИК...

Затем подавляющим большинством голосов был избран Совет Народных Комиссаров.

Избрание нового ЦИК, нового парламента Российской республики, заняло не больше четверти часа. Троцкий огласил результаты: сто членов, из них семьдесят большевиков... Что до крестьян и ушедших со съезда партий, то для них оставлены свободные места. "Мы с радостью примем в правительство все партии и группы, которые примут нашу программу",- так заключил Троцкий свое сообщение.

Тотчас же после этого II Всероссийский съезд Советов был закрыт, чтобы его делегаты могли поскорее разъехаться по всем уголкам России и рассказать о происшедших великих событиях...

Было почти семь часов утра, когда мы разбудили спящих кондукторов и вагоновожатых в стоящих перед Смольным трамваях. Эти трамваи были присланы союзом трамвайных рабочих для доставки делегатов по домам. Атмосфера в переполненных вагонах, мне показалось, была уже не так радостна и беззаботна, как в прошлую ночь. Очень многие имели сильно встревоженный вид. Может быть, в душе они говорили: "Ну, вот мы и стали хозяевами... Как-то нам удастся провести свою волю?.."

Около нашего дома мы были задержаны и тщательно обысканы патрулем вооруженных обывателей. Думская прокламация делала свое дело...

Хозяйка услышала нас и выбежала навстречу в розовом шелковом капоте.

"Домовый комитет снова требует, чтобы вы дежурили наравне с прочими мужчинами!"

"А для чего нужны эти дежурства?"

"Надо же защищать женщин и детей".

"От кого?"

"От разбойников и громил".

"А если придет комиссар от Военно-революционного комитета и будет искать оружие?"

"Да, они все себя так называют... Да и потом не все ли это равно?"

Я официально заявил, что консул воспретил всем американским гражданам иметь при себе оружие в тех районах, где проживает русская интеллигенция...

Глава VI. Комитет спасения.

Пятница, 9 ноября (27 октября)...

"Новочеркасск. 8 ноября (26 октября).

Ввиду выступления большевиков с попытками низвержения Временного Правительства и захвата власти в Петрограде и в других местах Войсковое Правительство, считая такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым, окажет в тесном союзе с правительствами других казачьих войск полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству. Ввиду чрезвычайных обстоятельств и прекращения сообщения с центральной государственной властью Войсковое Правительство временно, впредь до восстановления власти Временного Правительства и порядка в России, с 25 сего октября приняло на себя полноту исполнительной государственной власти в Донской области.

Председатель Войскового Правительства Войсковой атаман Каледин".

Приказ министра-председателя Керенского, помеченный Гатчиной:

"Объявляю, что я, министр-председатель Временного Правительства, и Верховный Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданных родине.

Приказываю всем частям Петроградского военного округа, по неразумию и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции, вернуться, немедленно ни часу, к исполнению своего долга.

Приказ этот прочесть во всех ротах, командах и эскадронах.

Министр-председатель Временного Правительства и Верховный Главнокомандующий Л. Керенский".

Телеграмма Керенского командующему Северным фронтом:

"Город Гатчина взят войсками, верными правительству, и занят без кровопролития.

Роты кронштадтцев, семеновцев и измайловцев и моряки сдали беспрекословно оружие и присоединились к войскам Правительства.

Предписываю всем назначенным в путь эшелонам быстро продвигаться вперед.

От военно-революционного комитета войска получили приказание отступить...".

Гатчина, находящаяся километрах в тридцати к юго-западу от Петрограда, была взята ночью. Части двух упомянутых полков (не моряки), блуждавшие по окрестностям без командиров, были действительно окружены казаками и сложили оружие. Но к правительственным войскам они не присоединились. В этот самый момент целые толпы этих солдат, растерянных и пристыженных, находились в Смольном и пытались объясниться. Они не знали, что казаки так близко... Они пытались войти с казаками в переговоры...

На революционном фронте явно господствовала полнейшая неразбериха. Гарнизоны всех маленьких городков, лежащих к югу от Петрограда, резко и безнадежно раскололись на две или, точнее, на три части: высшее командование за неимением ничего лучшего было на стороне Керенского, большинство солдат стояло за Советы, а все прочие мучились сомнениями и колебаниями.

Военно-революционный комитет спешно назначил командующим обороной Петрограда честолубивого кадрового капитана Муравьева, того самого Муравьева, который летом создавал "батальоны смерти" и, говорят, однажды заявил правительству, что оно "слишком церемонится с большевиками: их надо просто стереть в порошок". Это был человек военной складки, преклонявшийся перед силой и смелостью. Возможно, что его преклонение было вполне искренним.

Выйдя утром на улицу, я увидел на стене по обе стороны нашего подъезда два новых приказа Военно-революционного комитета о том, что все лавки и магазины должны быть открыты, как всегда, а все пустующие помещения сданы в распоряжение комитета.

Уже тридцать шесть часов большевики были отрезаны от русской провинции и от всего внешнего мира. Железнодорожники и телеграфисты отказывались передавать их депеши, почтовые чиновники не принимали от них почты. Только царскосельская правительственная радиостанция каждые полчаса посылала на все четыре стороны света бюллетени и заявления. Комиссары Военно-революционного комитета мчались в поездах по всей стране наперегонки с комиссарами городской думы. На фронт вылетели два аэроплана с агитационным материалом.

Но волна восстания охватывала Россию с быстротой, превышающей человеческие средства сообщения. Гельсингфорсский Совет вынес резолюцию о поддержке; в Киеве большевики захватили арсенал и телеграф, откуда их выбили делегаты казачьего съезда, заседавшего тут же в городе; в Казани Военно-революционный комитет арестовал штаб местного гарнизона и комиссара Временного

правительства; из Красноярска, в Сибири, пришла весть, что Советы захватили органы городского самоуправления; в Москве, где положение осложнялось забастовкой кожевников, с одной стороны, и угрозой общего локаута - с другой, Совет подавляющим большинством высказался за поддержку выступления петроградских большевиков... Здесь уже действовал Военно-революционный комитет.

Повсюду происходило одно и то же. Рядовые солдаты и промышленные рабочие почти поголовно поддерживали Советы; офицеры, юнкера и мелкая буржуазия, точно так же как представители буржуазии - кадеты и умеренные социалисты, стояли за Временное правительство. Во всех городах формировались и готовились к гражданской войне комитеты спасения родины и революции...

Огромная Россия распадалась. Этот процесс начался еще в 1905 г. Мартовская революция ускорила его и, породив вначале смутную надежду на новый порядок, кончила тем, что сохранила давно изжитые формы старого режима. Теперь же большевики в одну ночь разрушили все эти формы, и они исчезли, как дым. Старой России не стало. Бесформенное общество растаяло, потекло лавой в первозданный жар, и из бурного моря пламени выплыла могучая и безжалостная классовая борьба, а вместе с ней еще хрупкие, медленно застывающие ядра новых образований.

В Петрограде шестнадцать министерств бастовали под руководством двух министерств, созданных августовским однородным социалистическим правительством, - министерств труда и продовольствия.

В это серое, холодное утро "горсточка большевиков" была, казалось, так одинока, как только можно быть одиноким на свете. Море вражды бушевало вокруг них.¹ Прижатый к стене, Военно-революционный комитет нанес ответный удар, отчаянно защищая свою жизнь. "De l'audace, encore de l'audace, et toujours de l'audace!" ("Смелость, еще раз смелость и всегда смелость!" (франц.) Знаменитое восклицание Дантона в речи 2 сентября 1792 г. в Законодательном собрании Франции о военной опасности и защите революции от нашествия контрреволюционной коалиции Пруссии и Австрии. - Ред.) В пять часов утра в типографию городского самоуправления явились красногвардейцы, конфисковали тысячи экземпляров думского воззвания-протеста и закрыли официальный орган думы "Вестник городского самоуправления". Все буржуазные газеты были сброшены с печатных машин, в том числе и газета старого ЦИК "Голос Солдата", которая, однако, переименовав это название на "Солдатский Голос", появилась в ста тысячах экземпляров, сея вокруг себя ярость и негодование:

"Люди, нанесшие свой предательский удар ночью, люди, закрывшие газеты, недолго удержат страну во мраке. Страна узнает истину! Она оценит вас, господа большевики! Мы все увидим это!"

В первом часу дня мы шли вниз по Невскому. Перед думой вся улица была забита толпой. То там, то здесь попадался красногвардеец или матрос с винтовкой и примкнутым штыком. На каждого из них напирало не меньше сотни мужчин и

женщин - конторщики, студенты, лавочники, чиновники. Все эти люди потрясали кулаками, изрыгая проклятия и угрозы. На ступеньках стояли бойскауты и офицеры и раздавали экземпляры "Солдатского Голоса". Рабочий с красной повязкой на рукаве и с револьвером в руке стоял, дрожа от гнева и возбуждения, среди враждебной толпы и требовал, чтобы ему отдали газеты... Думается мне, история никогда не видала ничего подобного. На одной стороне - горсточка вооруженных рабочих и солдат, олицетворяющих победоносное восстание и глубоко беспомощных; на другой стороне - разъяренная толпа, состоящая из таких же людей, какие в полдень заполняют тротуары Пятой авеню, толпа, которая издевалась, проклинала и кричала: "Предатели! Провокаторы! Опричники!"

Двери охранялись студентами и офицерами. На их рукавах были белые повязки с красной надписью "Милиция Комитета общественной безопасности". Полдюжины бойскаутов сновало взад и вперед. Внутри здания все кишело народом. По лестнице спускался капитан Гомберг. "Они хотят распустить думу! - сказал он. Сейчас у головы сидит большевистский комиссар..." Когда мы поднялись наверх, то увидели Рязанова, быстро ушедшего прочь. Он явился сюда требовать от думы признания Совета Народных Комиссаров, и городской голова ответил ему решительным отказом.

Во всех думских помещениях кричала, шумела и жестикулировала огромная толпа - чиновники, интеллигенты, журналисты, иностранные корреспонденты, **французские и английские офицеры**... Городской инженер торжествующе указывал на них. "Все посольства признают думу единственной правомочной властью,- заявлял он. - Что до этих большевиков, то они просто разбойники и грабители, и вообще их конец - это вопрос нескольких часов! Вся Россия - за нас..."

В Александровском зале шло громадное по числу присутствовавших расширенное заседание Комитета спасения. Председательствовал Филипповский, а на трибуне ораторствовал все тот же Скобелев. Под шум аплодисментов он перечислял организации, вновь примкнувшие к Комитету спасения: исполком крестьянских Советов, старый ЦИК, Центральный армейский комитет, Центрофлот, меньшевистская, эсеровская и фронтовая группы съезда Советов, центральные комитеты меньшевистской, эсеровской и народно-социалистической партий, группа "Единство", крестьянский союз, кооперативы, земства, городские самоуправления, почтово-телеграфный союз, Викжель, Совет Российской республики, Союз Союзов (См. "Вступительные замечания и пояснения".- Дж. Рид.), Торгово-промышленный союз...

"...Власть Советов,- говорил он,- это не власть демократии, а диктатура, и притом не диктатура пролетариата, а диктатура против пролетариата. Всякий, кто жил и живет революционным воодушевлением, должен встать теперь вместе с нами на защиту революции..."

Задачей дня является не только обезвреживание безответственных демагогов, но и борьба с контрреволюцией... Если верны слухи, утверждающие, будто бы в провинции находятся генералы, которые хотят воспользоваться происходящими событиями и идти на Петроград с контрреволюционными целями, то это только

лишний раз доказывает, что мы обязаны создать крепкое демократическое правительство. Иначе за беспорядками слева последуют беспорядки справа...

Петроградский гарнизон не может оставаться равнодушным, когда на улицах арестуют граждан, покупающих "Голос Солдата", и мальчиков-газетчиков, продающих "Рабочую Газету"

Время резолюций прошло... Пусть те, кто потерял веру в революцию, отойдут в сторону... Чтобы восстановить единую демократическую власть, необходимо снова поднять престиж революции...

Поклянемся же, товарищи, что революция будет спасена, или мы погибнем вместе с ней!.."

Собрание встало и покрыло эту речь громом аплодисментов. Все глаза сверкали. В зале не было видно ни одного пролетария...

Слово взял Вайнштейн:

"Мы должны сохранять спокойствие и воздерживаться от каких-либо действий, пока общественное мнение решительно не сплотится вокруг Комитета спасения. Только тогда мы сможем перейти от обороны к нападению..."

Представитель Викжеля заявляет, что пославшая его организация берет на себя инициативу создания нового правительства. Ее делегаты уже отправились в Смольный для соответствующих переговоров... Начался горячий спор: допускать ли большевиков в новое правительство? Мартов считал, что их надо допустить; в конце концов, доказывал он, большевики представляют очень важную политическую партию. Мнения разделились: правое крыло меньшевиков и эсеров, а также народные социалисты, кооператоры и представители буржуазии решительно возражали...

"Они предали Россию! - говорил один из ораторов. - Они начали гражданскую войну и открыли фронт перед немцами! Большевики должны быть беспощадно раздавлены..."

Скобелев высказался за исключение как большевиков, так и кадетов.

Мы разговорились с одним молодым эсером, который в свое время вместе с большевиками ушел с Демократического совещания. Это было в ту ночь, когда Церетели и другие соглашатели навязали русской демократии коалиционную политику.

"Вы здесь?" - спросил я его.

В его глазах вспыхнул огонь. "Да! - воскликнул он; - В среду ночью я вместе со своими партийными товарищами ушел со съезда. Не для того я двадцать лет рисковал жизнью, чтобы теперь подчиниться тирании темных людей. Их методы нетерпимы. Но они не подумали о крестьянах... Когда поднимется крестьянство, их конец станет вопросом минуты!"

"Но крестьяне - выступят ли они? Разве декрет о земле ее удовлетворил крестьян? Чего же им еще желать?"

"Ах, этот декрет о земле! - в бешенстве закричал: он. - А знаете вы, что такое этот декрет о земле? Это наш декрет, целиком эсеровская программа! Моя партия выработала основы этой политики после самого тщательного исследования крестьянских требований! Это неслыханно..."

"Но если это ваша собственная политика, то против чего же вы возражаете? Если таковы желания крестьянства, то с какой же стати оно будет выступать против?"

"Как же вы не понимаете! Разве вам не ясно, что крестьяне немедленно поймут, что это просто обман, что эти узурпаторы обокрали нашу эсеровскую программу?"

Я спросил его: "Верно ли, что Каледин двигается к северу?".

Он кивнул головой и стал потирать руки с каким-то ожесточенным удовлетворением. "Совершенно верно!.. Теперь вы видите, что натворили эти большевики. Они подняли против нас контрреволюцию. Революция погибла. Погибла революция".

"Но ведь вы будете защищать революцию?"

"Конечно, мы будем защищать ее до последней кайли крови! Но сотрудничать с большевиками мы ни в коем случае не станем..."

"Ну, а если Каледин подступит к Петрограду, а большевики встанут на защиту города. Разве вы не присоединитесь к ним?"

"Разумеется, нет! Мы тоже будем защищать город, но только не вместе с большевиками! Каледин - враг революции, но и большевики - такие же ее враги".

"Кого же вы предпочитаете - Каледина или большевиков?" "Да не в этом дело! - нетерпеливо крикнул он. - Я говорю вам, революция погибла. И виноваты в этом большевики. Но послушайте, зачем нам толковать об этом? Керенский идет... Послезавтра мы перейдем в наступление... Смольный уже послал к нам делегатов с предложением сформировать новое правительство. Но теперь они в наших руках: они абсолютно бессильны... Мы не будем сотрудничать..."

На улице раздался выстрел. Мы побежали к окнам. Красногвардеец, окончательно выведенный из себя нападками толпы, выстрелил и ранил в руку какую-то девушку. Мы видели, как ее посадили на извозчика, окруженного взволнованной толпой; до нас доносились ее крики. Вдруг из-за угла Михайловского проспекта появился броневик. Его пулеметы поворачивались из стороны в сторону. Толпа немедленно обратилась в бегство. Как обычно бывает в этих случаях в Петрограде, люди ложились на землю, прятались в канавах и за телефонными столбами. Броневик подъехал к дверям думы. Из его башенки высунулся человек и потребовал, чтобы ему отдали "Солдатский Голос". Бойскауты засмеялись ему в лицо и юркнули в подъезд. Автомобиль нерешительно покружил около дома и двинулся вверх по Невскому. Люди, лежавшие на мостовой, встали и начали отряхиваться...

Внутри здания поднялась невероятная беготня. Люди с пачками "Солдатского Голоса" шныряли во все стороны, выискивая, где бы припрятать газету.

В комнату вбежал журналист, размахивая в воздухе какой-то бумагой.

"Прокламация Краснова!" - кричал он. Все бросились к нему: "Сдайте в печать, скорей в печать и немедленно в казармы!"

"Волею верховного главнокомандующего я назначен командующим войсками, сосредоточенными под Петроградом.

Граждане, солдаты, доблестные казаки - Донцы, Кубанцы, Забайкальцы, Уссурийцы, Амурцы, Енисейцы, вы, все оставшиеся верными своей солдатской присяге, вы, поклявшиеся крепко и нерушимо держать клятву казачью, к вам обращаюсь я с призывом идти и спасти Петроград от анархии, насилий и голода, а Россию - от несмываемого пятна позора, брошенного темною кучкой невежественных людей, руководимых волею и деньгами императора Вильгельма. Временное правительство, которому вы присягали в великие мартовские дни, не свергнуто, но насильственным путем удалено из своего помещения и собирается при великой армии с фронта, верной своему долгу.

Совет союза казачьих войск объединил все казачество, и оно, бодрое казачьим духом, опирается на волю всего русского народа, поклялось послужить родине так, как служили наши деды в страшное смутное время 1612 г., когда донцы спасли Москву, угрожаемую со стороны шведов, поляков, Литвы и раздираемую внутренней смутой. Ваше правительство еще существует... .

Боевой фронт с невыразимым ужасом и презрением смотрит на врагов и изменников. Их грабежи, убийства и насилия, их чисто немецкие выходки над побежденными, но не сдавшимися отшатнули от них всю Россию.

Граждане, солдаты и доблестные казаки петроградского гарнизона, немедленно присылайте своих делегатов ко мне, чтобы я мог знать, кто изменник свободе и родине и, кто - нет, и чтобы не пролить случайно невинной крови..."

Почти в тот же момент разнесся слух, что здание окружено красногвардейцами. Вошел офицер с красной повязкой на рукаве и спросил городского голову. Через несколько минут он прошел обратно, а за ним быстро вышел из своего кабинета старик Шрейдер.

"Экстренное заседание думы! - кричал он, то краснея, то бледнея. Немедленно!"

Заседание, шедшее в большом зале, было прервано: "Всех членов думы на экстренное заседание!"

"В чем дело?"

"Не знаю... Нас хотят арестовать!.. Хотят распустить думу... Всех членов думы арестовывают у дверей..." - таковы были взволнованные комментарии.

В Николаевском зале негде было даже стоять. Городской голова заявил, что у всех дверей размещены войска, которые никого не пропускают ни в здание, ни из здания, и что комиссар угрожает арестовать и разогнать городскую думу. Посыпались страстные речи не только с трибуны, но и из публики. Свободно избранное городское самоуправление не может быть распущено никакой властью; личность городского головы и всех членов думы неприкосновенна; никогда не будут признаны насильники, провокаторы и германские агенты; они грозят разогнать нас, пусть попробуют; только переступив через наши трупы, войдут они в этот зал, где с достоинством древнеримских сенаторов ждем прихода вандалов...

Резолюция: немедленно по телеграфу информировать о происходящем городские думы и земства всей России... Резолюция: ни городской голова, ни председатель думы не могут входить в какие бы то ни было сношения с представителями Военно-революционного комитета или так называемого Совета Народных Комиссаров. Резолюция: немедленно обратиться к населению Петрограда с новым призывом встать на защиту избранного им самоуправления. Резолюция: заседание думы объявляется непрерывным...

Тут в зал вошел один из членов думы и сообщил собранию: он телефоновал в Смольный, и Военно-революционный комитет заявил, что не отдавал приказов об окружении думы и что войска будут убраны...

Когда мы спускались вниз по лестнице, в подъезд влетел крайне взволнованный Рязанов.

"Вы намерены распустить думу?" - спросил я.

"Да нет же, боже мой! - ответил он. - Тут какое-то недоразумение... Я еще утром заявил городскому голове, что дума будет оставлена в покое..."

По Невскому в надвигающихся сумерках мчалась двойная цепь самокатчиков с винтовками за плечами. Они остановились. Толпа окружила их и закидала вопросами:

"Кто вы такие? Откуда?" - спрашивал какой-то полный старик с сигарой в зубах.

"Из 12-ой армии, с фронта. Мы приехали поддерживать Советы против проклятой буржуазии".

Раздались злобные крики:

"А-а! Большевистские жандармы! Большевистские казаки!"

По ступенькам сбегал маленький офицер в кожаной тужурке.

"Гарнизон колеблется! - зашептал он мне на ухо. - Для большевиков это начало конца. Хотите посмотреть, как меняется настроение? Пошли!" Он почти бегом двинулся по Михайловскому, мы - за ним.

"А какой это полк?"

"Броневики"... Это было действительно серьезное осложнение. Броневики держали в руках ключ к положению: за кого были, броневики, тот мог распоряжаться всем городом. "К ним отправились для переговоров комиссары от Комитета спасения и от думы. У них идет митинг, который должен решить..."

"Что решить? На какой стороне драться?"

"О, нет! Так дела не делаются. Драться против большевиков они не станут никогда. Они просто решат оставаться нейтральными, а тогда юнкера и казаки..."

Дверь огромного Михайловского манежа зияла черной пастью. Двое часовых попытались остановить нас, но мы быстро прошли мимо, не обращая внимания на их негодующие крики. Манеж был тускло освещен единственным фонарем, висевшим под самым потолком огромного помещения. В темноте смутно маячили высокие пилястры и окна. Кругом были видны неясные чудовищные очертания броневых машин. Одна из них стояла в самом центре помещения под фонарем. Вокруг нее столпилось до двух тысяч одетых в серовато-коричневую форму солдат, почти терявшихся в огромном пространстве величественного здания. Наверху броневика находилось до дюжины человек: офицеры, председатель солдатского комитета, ораторы. Какой-то военный, взобравшись на центральную башню броневика, говорил речь. То был **Ханжонов**, председатель Всероссийского съезда броневых частей, состоявшегося летом. Гибкая, изящная фигура в кожаной тужурке с погонами поручика. Он красноречиво и убедительно выступал за нейтралитет.

"Страшно русскому,- говорил он,- убивать своих же братьев русских. Между солдатами, которые плечом к плечу выступали против царя, плечом к плечу били внешнего врага в боях, которые войдут в историю, не должно быть гражданской войны! Что нам, солдатам, до всей этой свалки политических партий? Не стану говорить вам, что Временное правительство было правительством демократическим; мы не хотим коалиции с буржуазией, нет, не хотим. Но нам необходимо правительство объединенной демократии, в противном случае Россия погибла! При таком правительстве не понадобится гражданской войны и братоубийства".

Это звучало очень убедительно. Огромный зал огласился аплодисментами и одобрительными возгласами.

На башенку взобрался бледный и взволнованный солдат. "Товарищи! - закричал он. - Я приехал с Румынского фронта, чтобы настойчиво сказать всем вам: необходимо заключить мир! Немедленный мир! Кто даст нам мир, за тем мы и пойдём, будут ли то большевики или новое правительство. Дайте нам мир! Мы на фронте больше не можем воевать, мы не можем воевать ни с немцами, ни с русскими..." С этими словами он спустился вниз. Огромная масса слушателей смутно загудела. Гул этот перешел во что-то напоминавшее гнев, когда следующий оратор, меньшевик-оборонец, попытался сказать, что война должна продолжаться до победы союзников.

"Вы говорите, как Керенский!" - крикнул чей-то резкий голос.

Затем выступил делегат думы. Он советовал солдатам оставаться нейтральными. Его слушали, как-то неуверенно перешептываясь, не чувствуя в нем своего. Мне никогда не приходилось видеть людей, с таким упорством старающихся понять и принять решение. Совершенно неподвижно стояли они, слушая ораторов с каким-то ужасным, бесконечно напряженным вниманием, хмуря брови от умственного усилия. На их лбах выступал пот. То были гиганты с невинными детскими глазами, с лицами эпических воинов...

Теперь заговорил большевик, один из солдат этой части. Речь его была яростна и полна ненависти. Собрание слушало его не более сочувственно, чем других. Это не соответствовало настроению этих людей. Все они были на этот момент выбиты из повседневной колеи своих обычных дум. Им приходилось теперь думать о России, социализме, о всем мире, как будто бы от их броневиков зависела жизнь и смерть революции.

В напряженной тишине выступал оратор за оратором. Крики одобрения сменялись криками негодования. Выступить или нет? Снова говорил убедительный и симпатичный Ханжонов. Но ведь сколько бы он ни говорил о мире, разве он не офицер и не оборонец? Выступил василеостровский рабочий. Его встретили выкриком: "Что же вы, рабочие, дадите нам мир?". Поблизости от нас собралось несколько человек, главным образом офицеров. Они устроили нечто вроде клаки и шумно приветствовали всех сторонников нейтралитета. "Ханжонов! Ханжонов!" кричали они и освистывали всех выступавших большевиков.

Вдруг между комитетчиками и офицерами, стоявшими на броневике, начался горячий спор. Они оживленно жестикулировали и, очевидно, никак не могли прийти к соглашению. Собравшиеся заметили этот спор. Огромная толпа загудела и заволновалась, желая узнать, в чем дело. Солдат, которого удерживал офицер, вырвался и высоко поднял руку.

"Товарищи! - закричал он. - Здесь товарищ Крыленко, он хочет говорить!" Раздался взрыв криков, аплодисментов и свистков: "Просим! Просим!" "Долой!" Среди невообразимого гула и рева народный комиссар по военным делам, подталкиваемый и подсаживаемый со всех сторон, взобрался на броневик. Постояв минутку, он перешел на радиатор, уперся руками в бока и, улыбаясь, огляделся. Приземистая фигура на коротких ногах, в военной форме, без погон и с непокрытой головой.

Клакеры, стоявшие близ меня, подняли отчаянный крик: "Ханжонов! Просим Ханжонова! Долой его! Заткнись! Долой предателя!". Вся толпа закипела и загудела, и вдруг началось какое-то движение. На нас, словно снеговая лавина, надвигалась группа дюжих чернобровых солдат. Они пробивали себе дорогу, расталкивая толпу.

"Кто здесь срывает собрание? - кричали они. - Кто здесь шумит?" Вся клака немедленно рассыпалась в стороны и больше уже не собиралась.

"Товарищи солдаты! - начал Крыленко хриплым от усталости голосом. - Я не могу как следует говорить, прошу извинить меня, но я не спал целых четыре ночи..."

Мне незачем говорить вам, что я солдат. Мне незачем говорить вам, что я хочу мира. Но я должен сказать вам, что большевистская партия, которой вы и все остальные храбрые товарищи, навеки сбросившие власть кровожадной буржуазии, помогли совершить рабочую и солдатскую революцию, - что эта партия обещала предложить всем народам мир. Сегодня это обещание уже исполнено!" Гром аплодисментов...

"Вас уговаривают оставаться нейтральными, оставаться нейтральными в тот момент, когда юнкера и ударники, никогда не знающие нейтралитета, стреляют в нас на улицах и ведут на Петроград Керенского или еще кого-нибудь из той же шайки, с Дона наступает Каледин. С фронта надвигается Керенский. Корнилов поднял текинцев и хочет повторить свою августовскую авантюру. Большевики и эсеры просят вас не допускать гражданской войны. Но что же давало им самим возможность держаться у власти, если не гражданская война, та гражданская война, которая началась еще в июле и в которой они постоянно стояли на стороне буржуазии, как стоят и теперь?"

Как я могу убеждать вас, если ваше решение уже принято? Вопрос совершенно ясен. На одной стороне - Керенский, Каледин, Корнилов, меньшевики, эсеры, кадеты, городские думы, офицерство... Они говорят вам, что их цели очень хороши. На другой стороне - рабочие, солдаты, матросы, беднейшие крестьяне. Правительство в ваших руках. Вы хозяева положения. Великая Россия принадлежит вам. Отдадите ли вы ее обратно?"

Крыленко еле держался на ногах от усталости. Но чем дальше он говорил, тем яснее проступала в его голосе глубокая искренность, скрывавшаяся за словами. Кончив свою речь, он пошатнулся и чуть не упал. Сотни рук поддержали его, и высокий, темный манеж задрожал от грохота аплодисментов и восторженных криков.

Ханжонов попытался еще раз взять слово, но собрание ничего не хотело слушать и кричало: "Голосовать! Голосовать!". Наконец, он уступил и прочел резолюцию: Бронеотряд отзывает своих представителей из Военно-революционного комитета и объявляет себя нейтральным в разразившейся гражданской войне.

Всем, кто за эту резолюцию, предложили отойти направо, всем, кто против, налево. Сначала был момент сомнения и как бы выжидания, но затем толпа стала все быстрее и быстрее перекачиваться влево. Сотни дюжих солдат с топотом двигались по грязному, еле освещенному полу, натываясь друг на друга... Около нас осталось не больше 50 человек. Они упрямо стояли за резолюцию, а когда под высокими сводами манежа загремел восторженный клич победы, они повернулись и быстро вышли из здания. Многие из них ушли и от революции...

Вообразите, что такая же борьба шла в каждой казарме по всем городам, по всем округам, по всему фронту, по всей России! Вообразите себе этих бессонных Крыленко, бодрствующих над каждым полком, торопящихся с места на место, уговаривающих, спорящих и грозящих! И затем представьте себе, что то же самое происходило в помещениях всех профессиональных союзов, на фабриках и

заводах, в деревнях, на боевых кораблях далеко разбросанных русских флотов; подумайте о сотнях тысяч русских людей, пожирающих глазами ораторов по всей огромной России, о рабочих, крестьянах, солдатах, матросах, так мучительно старающихся понять и решить, так напряженно думающих и в конце концов решающих с таким беспримерным единодушием. Такова была русская революция!..

А там, в Смольном, новый Совет Народных Комиссаров не дремал. Первый декрет был уже на печатных машинах и должен был в тысячах экземпляров разлететься в ту же ночь по всем улицам города и быть доставлен поездами по всей стране - на юг и на восток:

"Именем правительства республики избранный Всероссийским Съездом Рабочих и Солдатских Депутатов с участием крестьянских депутатов Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены в назначенный срок, 12 ноября.

2. Все избирательные комиссии, учреждения местного самоуправления, Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и солдатские организации на фронте должны напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов в Учредительное Собрание в назначенный срок.

Именем правительства Российской республики

Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ульянов-Ленин".

В здании городской думы все кипело и гремело. Когда мы вошли в зал заседания, говорил один из членов Совета республики. Совет, заявлял он, считает себя не распущенным, а только временно, впредь до подыскания нового помещения, лишенным возможности продолжать свои занятия. Его комитет старейшин постановил *in corpore* (в полном составе (латинск.).- Ред.) присоединиться к Комитету спасения... Замечу в скобках, что это - последнее в истории упоминание о Совете Российской республики.

Затем последовала обычная черед делегатов: от министерств, от Викжеля, от союза почтовых и телеграфных служащих. Все они уже в сотый раз заявляли о своей непоколебимой решимости не работать для большевистских узурпаторов. Один из юнкеров, защищавших Зимний дворец, рассказывал сильно приукрашенную легенду о героизме его самого и его товарищей, а также о бесчестном поведении красногвардейцев. Собрание, безусловно, верило каждому его слову. Кто-то прочел отчет эсеровской газеты "Народ", в котором подробно говорилось о разгроме и разграблении Зимнего дворца и о том, что причиненный ему ущерб исчисляется в 500 миллионов рублей.

Время от времени появлялись связные и приносили новости, переданные им по телефону. Большевики выпустили из тюрьмы четверых министров-социалистов. Крыленко отправился в Петропавловскую крепость и сказал адмиралу Вердеревскому, что морской министр дезертировал и что он, Крыленко,

уполномочен Советом Народных Комиссаров просить его ради спасения России взять на себя управление министерством. Старый моряк согласился... Керенский наступает к северу от Гатчины, большевистские гарнизоны отступают перед ним. Смольный издал новый декрет, расширяющий полномочия городских дум в продовольственной области.

Последнее было воспринято как дерзость и вызвало необычайный взрыв негодования. Он, Ленин, узурпатор, насильник, "чьи комиссары захватили городской гараж, ворвались в городские склады и вмешались в дела комитета снабжения и в распределение продовольствия, смеет устанавливать пределы полномочий свободного, независимого и автономного городского самоуправления! Один из членов думы, потрясая кулаками, внес предложение вовсе прекратить доставку в город продовольствия, если только большевики посмеют вмешиваться в дела комитетов снабжения... Другой представитель особого комитета снабжения сообщил, что продовольственное положение очень тяжелое, и просил разослать комиссаров для ускорения подвоза.

Дедоненко с большим апломбом заявил, что гарнизон колеблется. Семеновский полк уже постановил подчиняться всем приказаниям партии эсеров; моряки миноносцев, стоящих на Неве, находятся в неопределенном настроении. Немедленно семь членов комитета были назначены для ведения дальнейшей пропаганды...

Тут взошел на трибуну престарелый городской голова: "Товарищи и граждане! Я только что узнал, что все заключенные в Петропавловской крепости находятся в величайшей опасности. Большевистская стража раздела донага и подвергла пыткам четырнадцать юнкеров Павловского училища. Один из них сошел с ума. Стража угрожает расправиться с министрами самосудом". Раздался рев ужаса и возмущения, еще больше усилившийся, когда слово попросила невысокая коренастая женщина в сером. То была [Вера Слуцкая](#), старая революционерка и член думы от большевиков.

"Это ложь и провокация! - сказала она своим резким металлическим голосом, не обращая внимания на поток оскорблений. - Рабоче-крестьянское правительство, отменившее смертную казнь, не может допустить подобных действий. Мы требуем немедленного расследования этого сообщения; если в нем есть хоть малейшая доля истины, правительство примет самые энергичные меры!"

Тут же была назначена особая комиссия из представителей всех партий во главе с городским головой. Она отправилась в Петропавловскую крепость. Мы пошли вслед за комиссией, а в это время дума избирала другую комиссию - для встречи Керенского. Она должна была попытаться предотвратить кровопролитие при его вступлении в столицу...

Была уже полночь, когда мы кое-как проскочили мимо стражи, охранявшей ворота Петропавловской крепости, и пошли по огромному двору, еле освещенному редкими электрическими фонарями. Мы шли вдоль собора, где под стройным золотым шпилем и под курантами, которые все еще каждый полдень играли

"Боже, царя храни", находятся могилы русских императоров... Кругом было пустынно; в большинстве окон не было света. Время от времени мы натыкались на дюжую фигуру, медленно подвигавшуюся в темноте и отвечавшую на все наши вопросы обычным: "Я не знаю".

Слева маячил низкий темный силуэт Трубецкого бастиона, той самой могилы для живых людей, в которой при царском режиме умерло или сошло с ума так много самоотверженных борцов революции. В мартовские дни Временное правительство посадило сюда царских министров. А теперь большевики посадили сюда министров Временного правительства.

Какой-то моряк с готовностью проводил нас в комендантскую, находившуюся в маленьком домике около монетного двора. В теплой и прокуренной комнате вокруг весело кипящего самовара сидело человек двенадцать красногвардейцев, матросов и солдат. Они очень сердечно встретили нас, предложили чаю. Коменданта не было. Он сопровождал комиссию думских саботажников, утверждавших, что юнкера перебиты.

Казалось, это очень забавляло солдат и матросов. В углу комнаты сидел невысокий лысый человек в сюртуке и богатой шубе. Он кусал усы и поглядывал исподлобья, как загнанный зверь. Его только-что арестовали. Кто-то, небрежно взглянув на него, сказал, что это какой-то министр или что-то в этом роде... Человечек, казалось, не слышал этих слов. Он был явно перепуган, хотя никто не проявлял никакой враждебности.

Я подошел к нему и заговорил по-французски. "Граф Толстой,- ответил он мне, чопорно кланяясь. - Не могу понять, за что меня арестовали. Я спокойно возвращался по Троицкому мосту домой, а двое из этих... э-э... личностей задержали меня. Я был комиссаром Временного правительства при генеральном штабе, но министром ни в какой мере не был..."

"Отпусти его,- сказал один из матросов. - Что его бояться?.."

"Нет,- ответил солдат, приведший арестованного. - Надо спросить коменданта".

"Коменданта? - усмехнулся матрос. - Для чего же мы революцию делали? Уж не для того ли, чтобы снова слушаться офицеров?"

Прапорщик Павловского полка рассказал нам, как началось восстание: "В ночь на 6-е ноября (24 октября) полк был на дежурстве в Генеральном штабе. Я был в карауле вместе с несколькими товарищами. Иван Павлович и еще один товарищ - не помню его имени - спрятались за оконными занавесями в комнате, где заседал штаб, и подслушали там очень много серьезных вещей. Например, они слышали приказ: ночью же привезти в Петроград гатчинских юнкеров, и приказ казакам к утру быть готовыми к действиям... Все главные пункты города должны были быть заняты еще до рассвета. После этого штабные собирались развести мосты. Но, когда они стали говорить, что надо окружить Смольный, тогда Иван Павлович не выдержал. В это время входило и выходило очень много народу, так что ему

удалось выскользнуть из комнаты и пробраться в дежурную, а подслушивать остался другой товарищ.

Я уже подозревал, что тут что-то замышляется. К штабу все время подъезжали автомобили с офицерами, тут же были и все министры. Иван Павлович рассказал мне все, что слышал. Было половина третьего утра... С нами был секретарь полкового комитета. Мы все рассказали ему и спросили, что делать.

"Арестовывать всех входящих и выходящих",- ответил он нам. Так мы и сделали. Через час мы уже поймали несколько офицеров и двоих министров и отправили их прямо в Смольный. Но Военно-революционный комитет еще не был готов: он не знал, что делать, и скоро оттуда пришел приказ всех отпустить и больше никого не задерживать. Мы бросились в Смольный - всю дорогу бегом. Пока мы им втолковали, что война уже началась, прошло, я думаю, не меньше часу. Мы вернулись в штаб только к пяти часам, а за это время почти все арестованные уже разошлись. Но кое-кого мы все-таки удержали, а весь гарнизон был уже на ходу..."

Красногвардеец с Васильевского острова очень подробно рассказал, как прошел великий день восстания в его районе. "У нас не было ни одного пулемета,- говорил он, улыбаясь,- и из Смольного тоже никак не могли получить. Товарищ Залкинд, член районной управы, вспомнил, что у них в управе, в зале заседаний, стоит пулемет, отобранный у немцев. Мы с ним прихватили еще одного товарища и пошли туда. Там заседали меньшевики и эсеры. Ну, ладно, открыли мы дверь и пошли прямо на них, а они сидят себе за столом - их человек двенадцать-пятнадцать, а нас трое. Увидели они нас - сразу все замолчали, только смотрят. Мы прямо прошли через комнату и разобрали пулемет. Товарищ Залкинд взвалил на плечо одну часть, я другую, и пошли..., и никто нам ни слова не сказал!"

"А знаете, как был взят Зимний дворец? - спросил какой-то матрос. - Часов в одиннадцать мы увидели, что со стороны Невы не осталось ни одного юнкера. Тогда мы ворвались в двери и полезли вверх по лестницам, кто в одиночку, а кто маленькими группами. На верхней площадке юнкера задерживали всех и отнимали винтовки. Но наши ребята все подходили да подходили, пока нас не стало больше. Тогда мы кинулись на юнкеров и отобрали винтовки у них..."

Тут вошел комендант - веселый молодой унтер-офицер с рукой на перевязи. Под глазами у него были глубокие круги от бессонницы. Он поглядел на арестованного, который сразу начал объясняться.

"Да, да,- прервал он его речь. - Вы член того комитета, который в среду отказался сдать нам штаб. Впрочем, вы нам не нужны, гражданин. Примите извинения..." Он открыл дверь и движением руки показал графу Толстому, что он свободен. Некоторые из присутствующих, особенно красногвардейцы, слабо запротестовали, а матрос с торжеством заявил: "Вот!.. А я что говорил?"

К коменданту обратились двое солдат. Они протестовали от имени крепостного гарнизона. "Заклученные,- говорили они,- получают тот же паек, что и стража, а между тем досыта никому не хватает. С какой нам стати нежничать с контрреволюционерами?"

"Товарищи, мы революционеры, а не разбойники",- ответил им комендант. Он повернулся к нам. Мы сказали ему, что по городу ходят слухи, будто бы арестованные юнкера подвергаются пыткам, а министры находятся в смертельной опасности. Не будет ли нам разрешено навестить заключенных, чтобы потом иметь возможность заявить всему миру...

"Нет! - сердито ответил молодой солдат. - Больше я не могу беспокоить заключенных. Мне только что уже пришлось разбудить их, так они думали, что их сейчас всех перебьют... Впрочем, ведь большинство юнкеров уже выпущено, а остальные будут освобождены завтра". И он резко отвернулся.

"В таком случае, нельзя ли нам поговорить с думской комиссией?"

Комендант, наливавший себе в этот момент стакан чаю, кивнул головой. "Они еще там, в зале",- сказал он небрежно.

И в самом деле, они стояли тут же, за дверями, в слабом свете керосиновой лампы и возбужденно говорили о чем-то, окружая городского голову.

"Господин городской голова,- сказал я.- Мы американские корреспонденты. Не будете ли вы любезны официально сообщить нам результаты вашего расследования?.."

Он повернул ко мне свое исполненное глубокого достоинства лицо.

"Во всех этих сообщениях нет ни малейшей доли истины,- медленно сказал он. - За исключением тех инцидентов, которые имели место во время доставки министров сюда, с ними все время обращаются как нельзя лучше. Что до юнкеров, то ни одному из них не нанесено ни малейшего ранения..."

По Невскому сквозь ночную тишину и мрак шли бесконечные и молчаливые колонны солдат, шли на бой с Керенским. По темным боковым улицам шныряли во все стороны автомобили с погашенными фонарями; на Фонтанке, 6, в штаб-квартире Совета крестьянских депутатов, в некоторых квартирах огромного дома на Невском и в Инженерном замке шла активная тайная работа. Городская дума была освещена снизу доверху...

А в Смольном институте работал Военно-революционный комитет, и искры летели от него, как от перегруженной током динамомшины...

Глава VII. Революционный фронт.

Суббота, 10 ноября (28 октября)"

"Граждане!

Военно-революционный комитет заявляет, что он не потерпит никаких нарушений революционного порядка...

Воровство, грабежи, налеты и попытки погромов будут строго караться...

Следуя примеру Парижской коммуны, комитет будет безжалостно уничтожать всех грабителей и зачинщиков беспорядков..."

В городе было спокойно: ни беспорядков, ни грабежей, ни даже пьяных драк. Ночью по молчаливым улицам ходили вооруженные патрули, а на всех перекрестках дежурили вокруг костров смеющиеся и поющие солдаты и красногвардейцы. Днем на тротуарах собирались большие толпы, прислушивавшиеся к непрерывным и горячим спорам между студентами и солдатами, между торговцами и рабочими.

Граждане останавливали друг друга на улицах.

"Идут казаки?"

"Нет..." . "Какие новости?"

"Ничего не знаю... Где Керенский?"

"Говорят, всего в восьми верстах от Петрограда... А правда, что большевики убежали на "Аврору"?"

"Говорят..."

Все стены заклеены, но газет мало. Разоблачения, воззвания, декреты...

На огромном плакате истерический манифест исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов:

"...Они (большевики) осмеливаются говорить, будто они опираются на советы крестьянских депутатов. Не имея на это никаких полномочий, они говорят от имени Советов крестьянских депутатов. Пусть же вся трудовая Россия узнает, что это ложь и что все трудовое крестьянство - Исполнительный Комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов - с негодованием отвергает какое-либо участие организованного крестьянства в этом преступном насилии над волей всех трудящихся".

От военной секции партии социалистов-революционеров:

"...Безумная попытка большевиков накануне краха. Среди гарнизона раскол, подавленность. Министерства не работают. Хлеб на исходе. Все фракции, кроме кучки максималистов, покинули съезд. Партия большевиков изолирована...

Предлагаем... объединиться вокруг Комитета спасения родины и революции... и быть наготове, дабы в нужный момент по призыву Центрального Комитета оказать активное противодействие..."

Совет республики высчитывал свои обиды в следующей прокламации:

"...Временный Совет Российской республики, уступая напору штыков, вынужден был 25 октября разойтись и прервать на время свою работу.

Захватчики власти со словами "свобода и социализм" на устах творят насилие и произвол. Они арестовали и заключили в царский каземат членов Временного

правительства, в том числе и министров-социалистов. Они закрыли газеты, захватили типографии...

Такая власть должна быть признана врагом народа и революции, с ней необходимо бороться, ее необходимо свергнуть...

Временный Совет республики до возобновления своих работ призывает граждан Российской республики спланироваться вокруг местных комитетов спасения родины и революции, организующих низложение власти большевиков и воссоздание правительства, способного довести измученную страну до Учредительного собрания".

"Дело Народа" говорило:

"...Революция есть восстание всего народа...

Кто признал "вторую революцию" гг. Ленина, Троцкого и им подобных? Обманутые ими небольшие группы рабочих, солдат и матросов и больше никто...".

А "Народное Слово" (орган народных социалистов):

"Рабоче-крестьянское правительство? - Фантазия! Этого "правительства" не признает никто ни в России, ни в союзных, ни даже во враждебных странах!.."

Буржуазная печать на время исчезла вовсе...

"Правда" давала отчет о первом заседании нового ЦИК, парламента Российской Советской республики. Народный комиссар земледелия Милютин заметил, что крестьянский исполнительный комитет созвал на 13 декабря Всероссийский крестьянский съезд, "Но мы не можем ждать,- говорил он. - Нам необходима поддержка крестьянства. Я предлагаю, чтобы мы собрали крестьянский съезд и немедленно..." Левые эсеры приняли это предложение... Был спешно набросан призыв к крестьянам и избрана комиссия из пяти лиц для проведения проекта в жизнь.

Подробности нового закона о распределении земли и вопрос о рабочем контроле над производством были отложены впредь до представления отчета комиссии экспертов.

Было заслушано и принято три декрета¹: **во-первых**, предложенное Лениным "Общее положение о печати", предписывающее закрытие всех газет, призывающих к сопротивлению или неповиновению новому правительству, подстрекающих к преступным деяниям или преднамеренно искажающих факты; **во-вторых**, декрет об отсрочке взноса квартирной платы и, **в-третьих**, декрет о создании рабочей милиции. Издан ряд приказов: один из них давал городской думе право реквизиции пустых домов и помещений, другой предписывал разгружать все товарные вагоны, находящиеся в конечных пунктах железных дорог, чтобы тем самым ускорить подвоз предметов первой необходимости и освободить столь необходимый подвижной состав.

Через два часа исполнительный комитет крестьянских депутатов разослал по всей России следующую телеграмму:

"Самочинная большевистская организация, называющая себя "Организационным Бюро По созыву Всероссийского крестьянского съезда", рассылает телеграммы всем крестьянским Советам о прибытии на съезд в Петроград.

Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов заявляет, что он по-прежнему считает отвлечение местных сил в данный момент вредным и опасным в связи с выборами в Учредительное собрание, в котором теперь единственное спасение крестьянства и страны. Подтверждаем созыв съезда 30 ноября".

В думе господствовало небывалое оживление. Приходили и уходили какие-то офицеры, городской голова совещался с вождями Комитета спасения. Вбежал член управы с экземпляром прокламации Керенского. Такие прокламации целыми сотнями сыпались с аэроплана, низко летавшего над Невским. Они грозили всем непокорным ужасным возмездием и приказывали солдатам сложить оружие и немедленно же собраться на Марсовом поле.

Министр-председатель, рассказали нам, уже взял Царское Село и находится всего в пяти милях от Петрограда. Он вступит в город завтра через несколько часов. Советские войска, вошедшие в соприкосновение с казаками, переходят на сторону Временного правительства. Чернов вертится где-то посередине, пытается организовать "нейтральные" воинские части в силу, способную остановить гражданскую войну».

В городе, передавалось в думе, гарнизонные полки отходят от большевиков. Смольный уже оставлен... Весь правительственный аппарат бастует. Служащие Государственного банка отказались работать под руководством комиссаров Смольного и выдавать им деньги. Все частные банки закрыты. Министерства бастуют. Думский комитет обходит все торговые помещения и собирает деньги в фонд поддержки забастовщиков ².

Троцкий отправился в министерство иностранных дел и приказал чиновникам перевести декрет о мире на иностранные языки. Шестьсот чиновников швырнули ему в лицо прошения об отставке...

Комиссар труда Шляпников приказал всем служащим своего министерства возвратиться на свои места в 24-часовой срок, угрожая в противном случае потерей места и права на пенсию. Послушались только швейцары... Целый ряд отделов особого комитета снабжения оставил работу, чтобы не подчиняться большевикам... Несмотря на щедрые обещания высоких ставок и прекрасных условий труда, телефонистки отказались обслуживать советские учреждения...

Партия социалистов-революционеров постановила исключить всех своих членов, оставшихся на съезде Советов или принявших участие в восстании...

Новости из провинции. Могилев объявил себя против большевиков. В Киеве казаки разогнали Советы и арестовали всех мятежных вождей. Совет и тридцатитысячный

гарнизон Луги приняли резолюцию о верности Временному правительству, призывая всю Россию присоединиться к ним. Каледин разогнал все Советы и профессиональные союзы Донецкого бассейна: Его войска подвигаются на север...

Представитель железнодорожников заявлял: "Вчера мы разослали по всей России телеграмму с требованием немедленного прекращения войны между политическими партиями и создания коалиционного социалистического правительства. В противном случае мы завтра же ночью объявим забастовку... Утром состоится совещание всех фракций для обсуждения этого вопроса. Большевики, по-видимому, ищут соглашения..." "Если только доживут до него!" - усмехнулся крепкий, краснощекий городской инженер...

Явившись в Смольный, мы застали, его не только не покинутым, но и еще более оживленным и деловитым, чем когда бы то ни было. Толпы рабочих и солдат входили и выходили, повсюду стояла двойная стража. Здесь мы встретили репортеров буржуазных и "умеренно"-социалистических газет.

"Нас выгнали! - кричал репортер "Воли Народа". - Бонч-Бруевич явился в пресс-бюро и велел нам уходить! Он сказал, что мы шпионы!" Тут все закричали в один голос: "Оскорбление! Насилие! Свобода печати!"

В вестибюле стояли длинные столы, загроможденные связками призывов, воззваний и приказов Военно-революционного комитета. Солдаты и рабочие таскали эти связки и укладывали на ожидающие автомобили. Вот как начиналось одно из воззваний:

"К позорному столбу!

В трагический момент, переживаемый русским трудовым народом, меньшевики-соглашатели и правые эсеры изменили рабочему классу. Они оказались на стороне корниловцев, Керенского и Савинкова...

Они печатают приказы изменника Керенского и сеют панику в городе, распространяя самые вздорные слухи о мнимых победах этого ренегата...

Граждане! Не верьте этим нелепым слухам! Нет той силы, которая способна победить восставший народ. Керенского и его соратников ждет скорое и заслуженное ими наказание...

Мы пригвозждаем их к позорному столбу. Мы предаем их презрению всех рабочих, солдат, матросов и крестьян, на которых они собираются надеть старые цепи. И никогда не смыть им со своего чела клейма народного презрения и негодования...

Стыд и позор предателям народа!"

Военно-революционный комитет перебрался в более обширное помещение, в комнату №17 на верхнем этаже. У его дверей несли караул красногвардейцы. Внутри комнаты узкое пространство, отделенное барьером, было забито хорошо одетыми людьми, внешне державшимися очень почтительно, но внутренне кипевшими злобой. То были буржуа, хотевшие получить разрешение на автомобили или пропуск на выезд из города. Среди них было много иностранцев...

Дежурства несли члены комитета Билл Шатов и Петерс. Они отложили дела и прочли нам последние бюллетени:

179-й запасный полк обещает единодушную поддержку. Пять тысяч портовых грузчиков путиловских верфей приветствуют новое правительство. Центральный комитет профессиональных союзов восторженно приветствует Военно-революционный комитет. Ревельский гарнизон и эскадра избрали военно-революционный комитет и посылают войска. Псков и Минск управляются военно-революционными комитетами. Приветствия от Царицынского, Ростовского-на-Дону, Пятигорского, Севастопольского Советов... Финляндская дивизия и вновь избранные комитеты 5-ой и 12-ой армий предлагают себя в распоряжение новой власти...

Из Москвы неопределенные новости. Войска Военно-революционного комитета занимают главнейшие стратегические пункты города, две роты, охранявшие Кремль, перешли на сторону Советов. Однако арсенал остался в руках полковника Рябцева и его юнкеров. Военно-революционный комитет потребовал у него оружия для рабочих, и Рябцев вплоть до сегодняшнего утра вел с ним переговоры. Но утром он неожиданно прислал комитету ультиматум, требующий сдачи советских войск и роспуска комитета. Начались бои...

В Петрограде штаб сразу подчинился комиссарам Смольного. Центрофлот отказался повиноваться, но был занят Дыбенко и ротой кронштадтских матросов. Создан новый Центрофлот, поддерживаемый балтийскими и черноморскими линейными кораблями...

Но сквозь всю эту уверенность пробивались какие-то мрачные предчувствия. В воздухе чувствовалось какое-то беспокойство. Казаки Керенского были уже близко; у них была артиллерия. Секретарь фабрично-заводских комитетов Скрыпник уверял меня, что с Керенским идет целый корпус, и тут же решительно добавлял: "Живыми они нас не возьмут!.." Лицо его пожелтело и вытянулось от бессонных ночей. Петровский устало усмехнулся: "Может быть, завтра мы уснем... и уснем надолго...". Худой рыжебородый Лозовский сказал: "Какие у нас шансы?.. Мы одиноки... Толпа - против обученных солдат!"

К югу и юго-западу от Петрограда Советы бежали от Керенского, а гатчинский, павловский и царскосельский гарнизоны раскололись: половина хотела оставаться нейтральной, а остальные без офицеров в хаотическом беспорядке отходили к столице.

В залах был развешен следующий бюллетень:

"Из Красного Села. 28 октября (10 ноября по новому стилю.- Ред.), в 6 час. утра.

Передать всем адресам Наштаверх, Главкосев, Начвосев, всюду и всем, всем, всем.

Бывшим министром Керенским по адресу всюду и всем дана заведомо ложная телеграмма о том, что войска революционного Петрограда добровольно сдали оружие и присоединились к войскам бывшего правительства, правительства измены, и что солдаты получили приказание от Военно-революционного комитета

отступать. Не отступают и не сдаются войска свободного народа. Из Гатчины наши войска вышли ради избежания кровопролития между собою и своими заблуждающимися братьями казаками и для того, чтобы занять вне города более удобное положение, которое теперь настолько прочно, что если бы Керенский и его ближайшие соратники удесятирили свои силы, то все равно тревожиться не приходится. В наших войсках настроение прекрасное. В Петрограде все спокойно.

Начальник обороны города Петрограда я Петроградского района подполковник Муравьев".

Когда мы выходили из Военно-революционного комитета, в комнату вошел мертвенно бледный Антонов. В руках его была какая-то бумага.

"Разошлите это!" - сказал он.

"Всем районным Советам рабочих депутатов и фабрично-заводским комитетам.

Приказ

Корниловские банды Керенского угрожают подступам к столице. Отданы все необходимые распоряжения для того, чтобы беспощадно раздавить контрреволюционное покушение против народа и его завоеваний.

Армия и Красная гвардия революции нуждаются в немедленной поддержке рабочих.

Приказываем районным Советам и фабрично-заводским комитетам:

- 1) Выдвинуть наибольшее количество рабочих для рытья окопов, воздвигания баррикад и укрепления проволочных заграждений.
- 2) Где для этого потребуются прекращение работ на фабриках и заводах, немедленно исполнить.
- 3) Собрать всю имеющуюся в запасе колючую и простую проволоку, а равно все орудия, необходимые для рытья окопов и возведения баррикад.
- 4) Все имеющееся оружие иметь при себе.
- 5) Соблюдать строжайшую дисциплину и быть готовыми поддержать армию революции всеми средствами.

Председатель Петроградского Совета раб. и солд. депутатов народный комиссар
Лев Троцкий.

Председатель Военно-революционного комитета главнокомандующий округом
Николай Подвойский"

Когда мы вышли из Смольного и очутились на темной, и мрачной улице, со всех сторон неслись фабричные гудки, резкие, нервные, полные тревоги. Рабочий народ - мужчины и женщины - выходил на улицу десятками тысяч. Гудящие предместья выбрасывали наружу свои обтрепанные толпы. Красный Петроград в опасности! Казаки!.. Мужчины, женщины и подростки с ружьями, ломami,

заступами, мотками проволоки, патронташами поверх своей рабочей одежды тянулись по грязным улицам к югу и юго-западу, к Московской заставе... Город никогда не видал такого огромного и стихийного людского потока. Люди катились, как река, попеременно с солдатскими ротами, пушками, грузовиками, повозками. Революционный пролетариат шел грудью на защиту столицы рабочей и крестьянской республики!

Перед дверью Смольного стоял автомобиль. К его крылу прислонился худой человек в толстых очках, под которыми его покрасневшие глаза казались еще больше. Засунув руки в карманы потертого пальто, он через силу произносил какие-то слова. Тут же беспокойно похаживал взад и вперед рослый бородатый матрос с ясными молодыми глазами. На ходу он рассеянно поигрывал неразлучным огромным револьвером синей стали. Это были Антонов и Дыбенко.

Несколько солдат пытались привязать к подножке автомобиля два велосипеда военного образца. Шофер резко протестовал. Он говорил, что велосипеды поцарапают эмаль. Конечно, он сам большевик, а автомобиль реквизирован у какого-то буржуа; конечно, на этих велосипедах поедут ординарцы, но все-таки его шоферская профессиональная гордость была возмущена... И велосипеды остались на месте...

Народные комиссары по военным и морским делам отправлялись инспектировать революционный фронт, где бы он ни находился. "Нельзя ли нам будет поехать вместе с ними?" - "Разумеется, нет! В автомобиле всего пять мест - для двоих комиссаров, двоих ординарцев и шофера". Тем не менее один мой русский знакомый, которого я назову Трусишкой, преспокойно уселся в автомобиль и, несмотря ни на какие просьбы, не соглашался очистить место...

У меня нет никаких оснований не верить рассказу Трусишки об этом путешествии. Уже на Суворовском проспекте кто-то из ехавших вспомнил о еде. Объезд фронта мог затянуться на три-четыре дня, а местность была не слишком богата продовольствием. Остановили машину. У кого есть деньги? Военный комиссар вывернул все свои карманы - в них не оказалось ни копейки. Комиссар по морским делам тоже оказался банкротом. Не было денег и у шофера. Трусишка купил провизии.

Когда они заворачивали на Невский, у автомобиля лопнула шина.

"Что делать?" - спросил Антонов.

"Реквизировать другой автомобиль!" - предложил Дыбенко, размахивая револьвером.

Антонов встал среди улицы и замахал проезжающей машине, у руля которой сидел какой-то солдат.

"Мне нужна эта машина", - заявил Антонов.

"Не дам!" - ответил солдат.

"Да вы знаете, кто я такой?" - и Антонов показал бумагу, в которой значилось, что он назначен главнокомандующим всеми армиями Российской республики и что все и каждый обязаны повиноваться ему без всяких разговоров.

"Хоть бы вы были сам дьявол, мне все равно! - с жаром ответил солдат.- Эта машина принадлежит первому пулеметному полку, и мы везем в ней боеприпасы. Не видать вам этой машины..."

Затруднение было разрешено появлением старого и разбитого такси под итальянским флагом. (Во время беспорядков владельцы частных автомобилей во избежание реквизиции регистрировали их в иностранных консульствах.) Из этого такси высадили толстого гражданина в роскошной шубе, и высшее командование поехало дальше.

Покрыв около десяти миль и добравшись до Нарвской заставы, Антонов спросил, где командующий красногвардейскими силами. Его проводили до самой окраины, где несколько сот рабочих отрыли окопы и ждали казаков.

"Как у вас дела, товарищи?" - спросил Антонов.

"Все в полном порядке, товарищ,- ответил командир. - Войска в превосходном настроении... Одно только - боеприпасов нет..."

"В Смольном лежит два миллиарда обойм,- сказал ему Антонов.- Сейчас я дам вам ордер...- Он стал рыться в карманах.- Нет ли тут у кого-нибудь клочка бумаги?"

У Дыбенко не было. У ординарцев тоже. Трусишка предложил свой блокнот.

"А чёрт! У меня нет карандаша! - вскрикнул Антонов. - Кто даст карандаш?.." Нечего и говорить, что единственным, у кого был карандаш, оказался Трусишка...

Не попав в автомобиль верховного командования, мы отправились на Царскосельский вокзал. На Невском мы видели проходящих красногвардейцев с винтовками. Штыки были не у всех. Наступали ранние зимние сумерки. Высоко подняв головы, шли они сквозь холодное ненастье неровными рядами, без музыки, без барабанов. Над их головами развевался красный флаг, на котором корявыми золотыми буквами было написано: "Мира! Земли!". Все они были очень молоды. На лицах - выражение людей, сознательно идущих на смерть... Тротуарная толпа полубоязливо, полупрезрительно провожала их взглядами в ненавидящем молчании...

На вокзале никто не знал, где Керенский и где фронт. Впрочем, поезда ходили только до Царского...

Наш вагон был набит деревенскими жителями, возвращавшимися домой. Они везли с собой всякие покупки и вечерние газеты. Разговор шел о восстании большевиков. Но если бы не эти разговоры, то по виду нашего вагона никто не догадался бы, что вся Россия расколота гражданской войной на два непримиримых лагеря, что поезд идет к театру военных действий. Выглядывая в окна, мы видели в быстро сгущающихся сумерках толпы солдат, тянувшихся по грязным дорогам к городу. Они спорили между собой, размахивая винтовками. На боковой ветке

стоял товарный поезд, набитый солдатами и освещенный кострами. Вот и все. Далеко позади, на плоском горизонте, ночь освещалась отблесками городских огней. Мы видели трамвай, ползший по далекому предместью.

В Царском Селе на станции все было спокойно, но там и сям виднелись кучки солдат, тихо перешептывавшихся между собой и беспокойно поглядывавших вдоль пустынной дороги в сторону Гатчины. Я спрашивал их, за кого они. "Что ж, сказал мне один солдат,- ведь мы дела не знаем... Конечно, Керенский провокатор, но, думается нам, нехорошо русским людям стрелять в русских людей".

В помещении начальника станции дежурил высокий приветливый и бородатый солдат с красной повязкой полкового комитета на рукаве. Наши удостоверения из Смольного внушили ему большое уважение. Он был, безусловно, за Советы, но находился в некотором смущении.

"Красногвардейцы были здесь два часа назад, но потом ушли. Утром явился комиссар, но, когда пришли казаки, он вернулся в Петроград".

"А сейчас здесь казаки?"

Он мрачно кивнул головой. "Здесь был бой. Казаки пришли рано утром. Они взяли в плен двести-триста человек наших и человек двадцать пять убили".

"А где же они теперь?"

"Да вряд ли далеко ушли. Точно не знаю. Где-нибудь там..." - и он неопределенно махнул рукой на запад.

Мы пообедали в станционном буфете, пообедали прекрасно, гораздо дешевле и лучше, чем в Петрограде. По соседству с нами сидел французский офицер, только что вернувшийся пешком из Гатчины. Он говорил, что там все спокойно. Город в руках Керенского. "Ах, эти русские! - восклицал он. - Что за оригиналы!.. Хороша гражданская война! Все, что угодно, только не дерутся..."

Мы пошли в город. У выхода из вокзала стояло двое солдат с винтовками и примкнутыми штыками. Их окружало до сотни торговцев, чиновников и студентов. Вся эта толпа набрасывалась на них с криками и бранью. Солдаты чувствовали себя неловко, как несправедливо наказанные дети.

Атаку вел высокий молодой человек в студенческой форме, с очень высокомерным выражением лица.

"Я думаю, вам ясно,- вызывающе говорил он,- что, поднимая оружие против своих братьев, вы становитесь орудием в руках разбойников и предателей".

"Нет, братишка,- серьезно отвечал солдат,- не понимаете вы. Ведь на свете есть два класса: пролетариат и буржуазия. Так что ли? Мы..."

"Знаю я эту глупую болтовню! - грубо оборвал его студент. - Темные мужики вроде вот тебя наслушались лозунгов, а кто это говорит и что это значит - это вам невдомек. Повторяешь, как попугай!.." В толпе засмеялись... "Я сам марксист!

Говорю тебе, что то, за что вы сражаетесь,- это не социализм. Это просто анархия, и выгодно это только немцам".

"Ну да, я понимаю,- отвечал солдат. На лбу его выступил пот. - Вы, видно, человек ученый, а я ведь простой человек. Но только думается мне..."

"Ты, верно, думаешь,- презрительно перебил студент,- что Ленин - истинный друг пролетариата?"

"Да, думаю",- отвечал солдат. Ему было очень тяжело.

"Хорошо, дружок! А знаешь ли ты, что Ленина прислали из Германии в запломбированном вагоне? Знаешь, что Ленин получает деньги от немцев?"

"Ну, этого я не знаю,- упрямо отвечал солдат. - Но мне кажется, Ленин говорит то самое, что мне хотелось бы слышать. И весь простой народ говорит так. Ведь есть два класса: буржуазия и пролетариат..."

"Дурак! Я, брат, два года высидел в Шлиссельбурге за революцию, когда ты еще стрелял в революционеров да распевал "Боже, царя храни"! Меня зовут Василий Георгиевич Панин. Ты обо мне никогда не слыхал?"

"Не слыхал, извиняюсь...- смиренно отвечал солдат.- Я ведь человек неученый. Вы, должно быть, большой герой..."

"Вот именно,- уверенно заявил студент. - И я борюсь с большевиками потому, что они губят Россию и нашу свободную революцию. Что ты теперь скажешь?"

Солдат почесал затылок. "Ничего я не могу сказать! - его лицо было искажено умственным напряжением. - По-моему, дело ясное, только вот неученый я человек!.. Выходит словно бы так: есть два класса - пролетариат и буржуазия..."

"Опять ты с этой глупой формулой!" - закричал студент.

"...только два класса,- упрямо продолжал солдат.- И кто не за один класс, тот, значит, за другой..."

Мы пошли по улицам. Редкие фонари давали мало света, прохожих почти не встречалось. Над городом нависло угрожающее молчание, нечто вроде чистилища между раем и адом, политически ничейная земля. Только парикмахерские были ярко освещены и набиты посетителями да у бани стояла очередь: дело было в субботу вечером, когда вся Россия моется и чистится. Я нисколько не сомневаюсь, что в тот вечер и тут и там мирно встречались советские бойцы и казаки.

Чем ближе мы подходили к дворцовому парку, тем пустынее становились улицы. Перепуганный священник показал нам, где помещается Совет, и торопливо скрылся. Совет находился во флигеле одного из великокняжеских дворцов, напротив парка. Двери были заперты, в окнах темно. Солдат, бродивший поблизости, с мрачной подозрительностью оглядел нас и, не вынимая рук из карманов брюк, заявил: "Совет уехал уже два дня назад".- "Куда?" Он пожал плечами: "Не знаю..."

Пройдя немного дальше, мы наткнулись на большое и ярко освещенное здание. Изнутри доносился стук молотка. Мы стояли в нерешительности, но в это время к нам подошли, держась под руки, солдат и матрос. Я показал им свой мандат из Смольного. "Вы за Советы?" - спросил я их. Они испуганно переглянулись и ничего не ответили. "Что это там делается?" - спросил матрос, показывая на здание. "Не знаю..."

Солдат боязливо протянул руку и приоткрыл дверь. За дверью оказался огромный зал, увешанный кумачом и еловыми ветками. Там стояли ряды стульев, а перед ними возводились подмости.

К нам вышла дородная женщина с молотком в руках. Рот ее был полон гвоздей. "Вам чего?" - спросила она.

"Будет вечером представление?" - нервно спросил матрос. "В воскресенье вечером любители будут играть, - сурово ответила она. - Проваливайте!"

Мы пытались втянуть солдата и матроса в разговор, но они казались запуганными и расстроеными. Скоро они исчезли в темноте.

Мы направились к императорскому дворцу, вдоль огромных и темных садов. Фантастические павильоны и орнаментальные мосты смутно маячили сквозь ночной мрак; слышно было мягкое журчание фонтана. Вдруг, разглядывая смешного металлического лебедя, выплывавшего из искусственного грота, мы неожиданно заметили, что за нами следят. Человек шесть дюжих вооруженных солдат подозрительно и пристально приглядывались к нам с соседнего газона. Я двинулся к ним и спросил: "Кто вы такие?"

"Здесьняя стража", - ответил один из солдат. Все они казались очень утомленными, да, конечно, так оно и было: долгие недели непрерывного митингования даром не проходят. "Вы за Керенского или за Советы?"

Воцарилось короткое молчание. Солдаты неуверенно переглядывались. "Мы нейтральные", - ответили они, наконец.

Мы прошли под аркой огромного Екатерининского дворца, вошли за ограду и спросили, где здесь штаб. Часовой, стоявший у дверей изогнутого белого крыла здания, сказал нам, что комендант находится где-то внутри.

В изящном белом зале, разделенном на неравные части двусторонним камином, беспокойно переговаривалась группа офицеров. Все они были бледны и рассеянны и явно не спали ночь. Мы подошли к одному из них - седобородому старику в увешанном орденами мундире; нам сказали, что это сам полковник. Я показал ему наши большевистские удостоверения.

Он казался изумленным. "Как же вы добрались сюда живыми? - вежливо спросил он. - Сейчас на улицах очень опасно. В Царском Селе кипят политические страсти. Сегодня утром был бой, а завтра утром опять будут драться. Керенский войдет в город к 8 часам".

"А где же казаки?"

"Так в миле отсюда, вон в том направлении", - он взмахнул рукой.

"И вы будете защищать от них город?"

"О, нет, дорогой мой! - он усмехнулся.- Мы держим город для Керенского". У нас упали сердца, потому что в наших мандатах удостоверялась наша глубокая революционность. Полковник откашлялся. "Кстати, о ваших пропусках,- продолжал он. - Если вас поймают, то вы окажетесь в большой опасности. Поэтому если вы хотите видеть бой, то я прикажу отвести вам комнату в офицерской гостинице. Приходите ко мне завтра в 7 часов утра, я дам вам новые пропуска".

"Значит, вы за Керенского?" - спросили мы.

"Ну, не совсем за Керенского. (Полковник, видимо, колебался.) Видите ли, большинство солдат нашего гарнизона - большевики. Сегодня после боя они ушли в Петроград и увели артиллерию. Можно сказать, что ни один солдат за Керенского не встанет. Но многие из них вовсе не хотят драться. Что до офицеров, то почти все они уже перешли к Керенскому или просто ушли. А мы... гм... мы, как видите, находимся в самом затруднительном положении..."

Мы не поверили, что здесь будет какой-либо бой... Полковник любезно послал своего ординарца проводить нас на станцию. Ординарец был южанин. Он родился в Бессарабии в семье французских эмигрантов.

"Ах,- повторял он,- я не думаю ни об опасности, ни о лишениях. Но я так долго не видал моей бедной матери... Целых три года..."

Мчась в Петроград сквозь холод и мрак, я видел через окно вагона кучки солдат, жестикулирующих вокруг костров. На перекрестках стояли группы броневиков. Их водители перекрикивались между собой, высовывая головы из башенок.

Всю эту тревожную ночь по холодным равнинам блуждали без предводителей команды солдат и красногвардейцев. Они сталкивались и смешивались между собой, а комиссары Военно-революционного комитета торопились от одной группы к другой, пытаясь организовать оборону...

Вверх и вниз по Невскому, точно волны, двигались возбужденные толпы. Что-то нависло в воздухе. С Варшавского вокзала можно было слышать отдаленную канонаду. В юнкерских училищах царило лихорадочное оживление. Члены думы переходили из казармы в казарму, уговаривая, умоляя и заклиная солдат, рассказывая им ужасные истории о большевистских зверствах - об избиении юнкеров и насилиях над женщинами в Зимнем дворце, о расстреле девушки перед зданием думы, об убийстве князя Туманова... В Александровском зале думы шло чрезвычайное заседание Комитета спасения, вбегали и убегали торопливые комиссары... Здесь были все журналисты, выгнанные из Смольного. Они были в приподнятом настроении и не поверили нашему рассказу о положении в Царском. Помилуйте, всем известно, что Царское в руках Керенского, что казаки уже в Пулкове. Была избрана специальная комиссия для встречи Керенского на вокзале. Его ожидали к утру...

Один журналист под строжайшим секретом сообщил мне, что контрреволюционное выступление начнется в полночь. Он показал мне два воззвания; одно было подписано Гоцем и Полковниковым и приказывало всем юнкерским училищам, всем выздоравливающим солдатам, находящимся в госпиталях, и георгиевским кавалерам приготовиться к военным действиям и ждать приказов от Комитета спасения. Другое было подписано самим Комитетом спасения, и значилось в нем следующее:

«К населению Петрограда!»

Товарищи рабочие, солдаты и граждане революционного Петрограда!

Большевики, призывая к миру на фронте, в то же время призывают к братоубийственной войне в тылу.

Не подчиняйтесь их провокационному призыву!

Не ройте окопов!

Долой оружие!

Долой предательские засады!

Солдаты, возвращайтесь в казармы!

Бойня, начатая в Петрограде, - подлинная гибель революции.

Во имя свободы, земли и мира сплывайте вокруг Комитета спасения родины и революции!"

Когда мы выходили из думы, нам встретился отряд красногвардейцев. Вид у них был суровый и решительный. Они шли по темной и пустынной улице, ведя с собой дюжину пленников - членов местного отдела Совета казачьих войск, пойманных в помещении этого Совета в тот самый момент, когда они были заняты подготовкой контрреволюционного заговора.

Солдат, сопровождаемый мальчиком с ведерком клейстера, расклеивал огромные ослепительно белые объявления:

"Настоящим гор. Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении. Всякие собрания и митинги на улицах и вообще под открытым небом запрещаются впредь до особого распоряжения..."

Председатель Военно-революционного комитета

Н. Подвойский».

Мы шли домой. Воздух был полон смутных звуков. Автомобильные рожки, чьи-то вскрики, отдаленная пальба... Город сердито и беспокойно шевелился...

Рано утром перед самой сменой караула на телефонную станцию явилась рота юнкеров, переодетых в форму Семеновского полка. Они знали большевистский пароль и совершенно беспрепятственно сменили караулы. Спустя несколько минут явился Антонов, производивший инспекцию. Юнкера схватили его и заперли в

маленькую комнату. Когда пришла подмога, она была встречена грохотом ружейного огня. Несколько человек было убито. Контрреволюция началась...

Глава VIII. Контрреволюция.

На следующее утро, в воскресенье 11 ноября (29 октября), казаки под колокольный звон всех церквей вступили в Царское Село, причем сам Керенский ¹ ехал на белом коне. С вершины невысокого холма они могли видеть золотые шпили и разноцветные купола, огромную серую массу столицы, расстилавшуюся по тоскливой равнине, а за ней - стальные воды Финского залива.

Боя не было. Но Керенский допустил роковую ошибку. В 7 часов утра он послал 2-му Царскосельскому стрелковому полку приказ сложить оружие. Солдаты ответили, что они соблюдают нейтралитет, но разоружаться не желают. Керенский дал им десять минут на размышление. Это озлобило солдат; вот уже восемь месяцев, как они сами управляли собой через свои полковые комитеты, а теперь запахло старым режимом... Через несколько минут казачья артиллерия открыла по казармам огонь и убила восемь человек. С этого момента в Царском не осталось ни одного "нейтрального" солдата...

Петроград был разбужен треском ружейной перестрелки и громким топотом марширующих людей. Под серым небом дул холодный ветер, предвещающий снег. На рассвете сильные отряды юнкеров заняли военную гостиницу и телеграф, но после кровопролитного боя были выбиты. Телефонная станция была осаждена матросами, которые залегли за баррикадами, построенными из бочек, ящиков и листов жести посреди Морской, или укрылись на углу Гороховой и Исаакиевской площади, обстреливая всех проходящих и проезжающих. Время от времени мимо них **проезжал автомобиль под флагом Красного Креста. Матросы не трогали его...**

Альберт Рис Вильямс (Альберт Рис Вильямс - друг Джона Рида, видный американский прогрессивный деятель и публицист; автор нескольких книг о борьбе трудящихся СССР за социализм. - Ред.) был на телефонной станции. Он уехал оттуда в автомобиле Красного Креста, якобы наполненном ранеными. Покружив по городу, автомобиль боковыми улочками добрался до штаб-квартиры контрреволюции - Михайловского юнкерского училища. Во дворе училища находился французский офицер, который, по-видимому, распоряжался всем происходившим... Таким путем на телефонную станцию доставлялись боеприпасы и продовольствие. Целые десятки таких автомобилей якобы Красного Креста служили юнкерам для связи и снабжения...

В их руках было пять-шесть броневиков из расформированного английского броневозного дивизиона. Когда Луиза Брайант (Луиза Брайант (1890-1936) американская писательница, жена и соратница Джона Рида.- Ред.) шла вдоль Исаакиевской площади, ей встретился один из них, направлявшийся от Адмиралтейства к телефонной станции. На углу улицы Гоголя машина остановилась, как раз напротив Луизы Брайант. Несколько матросов, скрывавшихся за штабелями дров, открыли стрельбу. Пулемет в башенке

броневика завертелся во все стороны, осыпая градом пуль штабели дров и толпу. Под аркой, где стояла мисс Брайант, было убито семь человек, в том числе два маленьких мальчика. Вдруг матросы с криком выскочили из своего прикрытия и кинулись вперед. Окружив огромную машину, они принялись тыкать штыками во все ее щели, не обращая внимания на стрельбу... Шофер броневика притворился раненым, и матросы оставили его в покое, а он помчался в думу дополнять сказки о большевистских зверствах... В числе убитых был один английский офицер...

Позднее газеты сообщили, что на юнкерском броневике был пойман один французский офицер, которого отправили в Петропавловскую крепость. Французское посольство немедленно опровергло это сообщение, но один из членов думы говорил мне, что он сам добился освобождения этого офицера... Каково бы ни было официальное поведение союзных посольств, отдельные **английские и французские офицеры вели себя в эти дни весьма активно**, вплоть до участия в качестве экспертов на заседаниях Комитета спасения...

Целый день во всех частях города шли стычки между юнкерами и красногвардейцами, битвы между броневиками... Залпы, отдельные выстрелы, резкий треск пулеметов слышались издали и вблизи. Железные ставни магазинов были опущены, но торговые дела шли своим чередом. Даже кинематографы с потушенными наружными огнями работали и были набиты зрителями. Трамваи ходили, как всегда. Телефон действовал. Вызвав станцию, можно было ясно слышать перестрелку. Все аппараты Смольного были выключены, но дума и Комитет спасения находились в постоянной телефонной связи со всеми юнкерскими училищами, а также с Керенским в Царском Селе.

В 7 часов утра во Владимирское юнкерское училище явился отряд, солдат, матросов и красногвардейцев. Он потребовал от юнкеров сдачи оружия в двадцать минут. Юнкера ответили отказом. Через час, подготовившись, они попытались выступить, но были отбиты сильным огнем с угла Гребецкой и Большого проспекта. Советские войска окружили училище и начали обстрел, вдоль здания взад и вперед двигались два бронированных автомобиля, ведя огонь из пулеметов. Юнкера по телефону просили помощи. Казаки ответили, что не решаются выступить, так как перед их казармой расположился сильный матросский отряд с двумя орудиями. Павловское училище было окружено. Большинство юнкеров-михайловцев сражалось на улицах...

В половине двенадцатого прибыли три полевых орудия. Юнкерам снова предложили сдаться, но вместо ответа они открыли стрельбу и убили двух советских делегатов, шедших под белым флагом. Тогда началась настоящая бомбардировка. В стенах училища были пробиты огромные бреши. Юнкера отчаянно защищались; шумные волны красногвардейцев, шедших в атаку, разбивались ожесточенным огнем... Керенский по телефону отдал из Царского приказ - не вступать ни в какие переговоры с Военно-революционным комитетом.

Советские силы, доведенные до бешенства неудачами и потерями, заливали разбитое здание морем стали и огня. Сами их предводители не могли остановить ужасной бомбардировки. Комиссар Смольного, по фамилии Кириллов, попытался

сделать это, но ему пригрозили самосудом. Красногвардейцев ничто не могло остановить.

В половине третьего юнкера подняли белый флаг: они готовы сдаться, если им гарантируют безопасность. Обещание было дано. Тысячи солдат и красногвардейцев с криком и шумом ворвались во все окна, двери и бреши в стенах. Прежде чем удалось остановить их, пять юнкеров были заколоты насмерть. Остальных, около двухсот, под конвоем отправили в Петропавловскую крепость группами по несколько человек, чтобы не привлекать внимания толпы. Однако по дороге толпа набросилась на одну из таких групп и растерзала еще восемь юнкеров... В бою пало свыше ста солдат и красногвардейцев... Через два часа в думу было сообщено по телефону, что победители двинулись к Инженерному замку. Дума немедленно послала двенадцать своих членов для распространения среди них последнего воззвания Комитета спасения. Некоторые из посланных не вернулись назад... Все другие училища сдались без сопротивления, и юнкера без всяких осложнений были в полной безопасности доставлены в Петропавловскую крепость и в Кронштадт...

Телефонная станция держалась до самого вечера, когда появился большевистский броневик, и матросы пошли на приступ. Перепуганные телефонистки с криком бегали по зданию. Юнкера срывали с себя все знаки различия, а один из них, решивший скрыться, предлагал Вильямсу за его пальто все, что он захочет... "Они нас перебьют! Они нас перебьют!" - кричали юнкера, ибо многие из них еще в Зимнем дворце обещали не подымать оружия против народа. Вильямс предложил им свое посредничество, если они выпустят Антонова. Это было немедленно исполнено. Антонов и Вильямс обратились с речью к победителям-морьякам, озлобленным большими потерями, и юнкера снова были отпущены на свободу... Но некоторые из них, перепугавшись, пытались бежать по крыше или спрятаться на чердаке. Их переловили и выбросили на улицу.

Измученные, покрытые кровью, торжествующие матросы и рабочие ворвались в аппаратный зал и, увидев сразу столько хорошеньких девушек, смутились и нерешительно затоптались на месте. Ни одна девушка не пострадала, ни одна не подверглась оскорблению. Перепуганные, они забились в угол и затем, почувствовав себя в безопасности, дали волю своей злости, "У, грязные мужики, невежды! Дураки!.." Матросы и красногвардейцы совсем растерялись. "Звери! Свиньи!" - визжали девушки, с негодованием надевая пальто и шляпы. Как романтичны были их переживания, когда они передавали патроны и делали перевязки своим смелым молодым защитникам, юнкерам, из которых многие были из лучших русских семей и сражались за возвращение обожаемого царя! А тут все были рабочие да крестьяне - "темный народ"...

Комиссар Военно-революционного комитета, маленький Вишняк, пытался убедить девушек остаться. Он был необычайно вежлив. "С вами очень плохо обращались, говорил он.- Телефонная сеть находилась в руках городской думы. Вам платили по 60 рублей в месяц, заставляли работать по десять часов в сутки и больше... Отныне все будет по-другому. Правительство передаст сеть министерству почт и

телеграфов. Вам немедленно подымут жалование до 150 рублей и уменьшат рабочий день. В качестве членов рабочего класса вы должны быть счастливы..."

"Члены рабочего класса! Уж не думает ли он, что между этими... этими животными и нами есть что-нибудь общее? Остаться? Да хоть бы вы нам дали по тысяче рублей!.." И девушки с величайшим презрением покинули здание.

Остались только служащие, монтеры и рабочие. Но коммутаторы должны работать: телефон был жизненно необходим... Имелось же всего полдюжины опытных телефонисток. Вызвали добровольцев. На призыв ответило до сотни матросов, солдат и рабочих. Шестеро девушек носились кругом, инструктируя, помогая, бранясь... Дело пошло кое-как, но все-таки пошло, и провода снова загудели. Прежде всего установили связь между Смольным, казармами и фабриками, затем отрезали сообщение с думой и юнкерскими училищами... Поздно вечером слух об этом распространился по всему городу, и сотни представителей буржуазии орали в телефонные трубки: "Дураки! Черти! Вы думаете, это надолго? Погодите, вот придут казаки!".

Наступала ночь. На Невском, по которому завывал жестокий ветер, не было почти ни души, только против Казанского собора собралась толпа и продолжала бесконечный спор; несколько рабочих, несколько солдат, а все остальные торговцы, чиновники и им подобные.

"Ленин не заставит немцев заключить мир!" - кричал кто-то.

Молодой солдат с жаром возражал: "А кто виноват? Все Керенский ваш, проклятый буржуй! К черту Керенского! Не хотим его! Хотим Ленина!..".

Около думы офицер с белой повязкой на руке, громко ругаясь, срывал со стены плакаты. Один из них гласил:

"Гласные большевики - населению Петрограда.

В тревожный час, когда городская дума должна была бы направить все свои силы на успокоение населения, обеспечить его хлебом и самым необходимым, правые социал-революционеры и кадеты, забывая свой долг, превратили городскую думу в контрреволюционный митинг, стараясь натравить одну часть населения на другую и тем самым облегчить победу Корнилову - Керенскому. Вместо исполнения прямых своих обязанностей правые социал-революционеры и кадеты превратили городскую думу в арену политической борьбы против Советов р., с. и кр. депутатов, против революционного правительства мира, хлеба и свободы.

Граждане Петрограда! Мы, гласные большевики, избранные вами, доводим до вашего сведения, что правые социал-революционеры и кадеты увлеклись контрреволюционной борьбой, забыли свои прямые обязанности и ведут население к голоду, к гражданской войне, к кровопролитию. Мы, избранники 183 000 населения, считаем своим долгом довести все происходящее в городской думе до сведения избирателей и заявляем, что мы слагаем с себя всякую ответственность за грядущие печальные последствия".

Издали доносились случайные выстрелы, но город был холоден и спокоен, словно обессилев от судорог, сотрясавших его.

В Николаевском зале подходило к концу заседание думы. Казалось, даже яростная дума несколько притихла. Комиссары один за другим сообщали: захвачена телефонная станция, на улицах идет бой, взято Владимирское училище... "Дума, говорил Трупп,- на стороне демократии в ее борьбе против насилия и произвола; но во всяком случае, какая бы сторона ни взяла верх, дума всегда будет против самосудов и пыток..."

Кадет Коновский, высокий старик с жестким лицом, заявил: "Когда войска законного правительства войдут в Петроград, они расстреляют бунтовщиков, и это не будет самосудом". Протестующие крики со всех концов зала, не исключая и кадетов.

Здесь царило явное сомнение и упадок сил. Контрреволюция шла на убыль. Центральный комитет партии социалистов-революционеров выразил недоверие своим вождям - собственным представителям. Левое крыло распорядилось положением. Авксентьев подал в отставку. Курьер принес известие, что комиссия, посланная на вокзал с приветствием навстречу Керенскому, арестована. На улицах был слышен глухой гул отдаленной канонады, доносившийся с юга и юго-востока. Керенского все еще не было...

В этот день вышло всего три газеты: "Правда", "Дело Народа" и "Новая Жизнь". Все они уделяли очень много места вопросу о новом, "коалиционном" правительстве. Эсеровская газета требовала создания кабинета, в котором не было бы ни кадетов, ни большевиков. Горький был исполнен надежд; Смольный шел на уступки. Оформлялось чисто социалистическое правительство, представляющее все элементы, кроме буржуазии. Но "Правда" только издевалась:

"...Это не коалиция с "партиями", из которых значительная часть маленькие кучки журналистов, за которыми нет ничего, кроме буржуазного сочувствия и полусгнившей репутации, за которыми не идут больше ни рабочие, ни крестьяне. Наша коалиция та, которую заключили мы, это коалиция революционной партии пролетариата с революционной армией и крестьянской беднотой..."

По стенам были расклеены самонадеянные объявления Викжеля, грозившего, что если стороны не придут к соглашению, то он объявит забастовку:

"Из всех этих мятежей и смут, терзающих родину, победителями выйдут не большевики, не Комитет спасения и не войска Керенского, - победителями выйдем мы, союз железнодорожников".

Красногвардейцы не смогут управиться с таким сложным делом, как железные дороги; что до Временного правительства, то оно уже показало себя совершенно неспособным удержать власть...

"Мы отказываемся работать с какой бы то ни было партией, не уполномоченной... правительством, опирающимся на доверие всей демократии..."

Смольный весь дрожал от безграничной активности неисчерпаемых человеческих сил.

В главном штабе профессиональных союзов Лозовский познакомил меня с делегатом рабочих Николаевской железной дороги, рассказавшим, что у них состоялись массовые митинги, на которых вынесено порицание их вождям.

"Вся власть Советам! - кричал он, стуча кулаком по столу. Оборонцы в Центральном Комитете играют на руку Корнилову. Они пробовали послать делегацию в ставку, но мы арестовали ее в Минске... Наше отделение потребовало Всероссийского съезда, а они отказываются созвать его..."

И здесь то же самое, что и в Советах и армейских комитетах. Одна за другой различные демократические организации по всей России переживали глубокую и резкую ломку. Кооперативы были охвачены внутренней борьбой; собрания исполнительного комитета крестьянских депутатов проходили в отчаянных спорах; даже среди казаков начались волнения...

А в верхнем этаже Смольного полным ходом, не слабея, действовал, нанося удары, Военно-революционный комитет. Люди входили туда свежими и полными сил, дни и ночи крутились они в этой ужасной машине и выходили оттуда бледными, измученными, охрипшими и грязными, чтобы тут же свалиться на пол и заснуть... Комитет спасения был объявлен вне закона. Пачки и связки новых прокламаций загромождали весь пол ²:

"...Заговорщики, не имея никакой опоры ни в гарнизоне, ни в рабочем населении, надеялись исключительно на внезапность удара. Но план их оказался своевременно раскрыт комиссаром Петропавловской крепости прапорщиком Благонравовым благодаря революционной бдительности красногвардейца, имя которого будет установлено. В центре заговора стоял так называемый "Комитет спасения". Командование войсками было возложено на полковника Полковникова. Его ордера подписывались отпущенным на честное слово бывшим членом ЦИК Гоцем..."

Извещая об этом население Петрограда, Военно-революционный комитет постановляет:

Арестовать замешанных в заговоре лиц и предать их военно-революционному суду".

Из Москвы пришло известие, что юнкера и казаки окружили Кремль и потребовали от советских войск сдачи оружия. Советские войска исполнили требование, но, когда они выходили из Кремля, враги набросились на них и расстреляли. Слабые большевистские отряды выбиты с телефонной станции и телеграфа. Центр города находится в руках юнкеров... Но вокруг них уже собираются новые советские силы. Уличный бой постепенно разгорается. Все попытки соглашения провалились... На стороне Советов десяти тысячный солдатский гарнизон и немного красногвардейцев. На стороне правительства шесть тысяч юнкеров, двадцать пять сотен казаков и две тысячи белогвардейцев.

Шло заседание Петроградского Совета, а по соседству работал новый ЦИК, рассматривал декреты и постановления, непрерывно поступающие к нему из Совета Народных Комиссаров³, заседавшего этажом выше. Здесь были рассмотрены: порядок утверждения и опубликования законов, закон о восьмичасовом рабочем дне и "Основы системы народного просвещения", предложенные Луначарским. На обоих заседаниях присутствовало всего несколько сот человек, в большинстве вооруженных. В Смольном почти пусто. Только охрана работала у окон, устанавливая пулеметы, чтобы можно было держать под огнем боковые флигели.

В ЦИК выступал делегат Викжеля:

"Мы отказываемся перевозить войска как той, так и другой стороны. Мы послали к Керенскому делегацию с заявлением, что, если он продолжит свое движение на Петроград, мы прервем все его коммуникационные линии..."

Затем он по обыкновению предложил созвать конференцию всех социалистических партий для формирования нового правительства...

Каменев отвечал очень осторожно. Большевики были бы рады присутствовать на такой конференции. Однако центр тяжести вопроса лежит не в составлении правительства, а в том, примет ли оно программу съезда Советов... ЦИК обсудил декларацию левых эсеров и социал-демократов интернационалистов и принял предложение о пропорциональном представительстве на конференции, включая даже делегатов от армейских комитетов и крестьянских Советов...

В Большом зале Троцкий давал отчет о событиях дня.

"Мы предложили юнкерам-владимирцам сдаться, - говорил он. - Мы хотели избежать кровопролития. Но теперь, когда кровь уже пролита, есть только один путь - беспощадная борьба. Думать, что мы можем победить какими-либо другими средствами,- ребячество... Наступил решительный момент. Все должны помогать Военно-революционному комитету, сообщать ему обо всех запасах колючей проволоки, бензина и оружия... Мы завоевали власть, теперь надо удержать ее".

Меньшевик Иоффе хотел прочесть декларацию от имени своей партии, но Троцкий отказался допустить "спор о принципах".

"Наши споры теперь разрешаются на улицах,- воскликнул он. - Решительный шаг сделан. Мы все и, в частности, лично и берем на себя ответственность за все происходящее..."

Выступали солдаты, прибывшие с фронта, из Гатчины. Один из них - от ударников 481-й артиллерийской бригады: "Когда об этом узнают в окопах, там скажут: вот оно - наше правительство". Юнкер Петергофской школы прапорщиков рассказал, как он и двое других отказались идти против Советов и как товарищи, вернувшись после боя из Зимнего дворца, выбрали его своим комиссаром и послали в Смольный предложить услуги настоящей революции.

И снова на трибуне Троцкий, легко загорающийся, отдающий приказы, отвечающий на вопросы.

"Чтобы разбить рабочих, солдат и крестьян, мелкая буржуазия готова пойти на соглашение хотя бы с самим дьяволом",- сказал он. За последние два дня наблюдалось много случаев пьянства. "Не пить, товарищи! После 8 часов вечера никому не выходить на улицу, кроме тех, кто в карауле по нарядам. Необходимо обыскать все помещения, в которых могут оказаться запасы крепких напитков, и уничтожить все спиртное⁴. Никакой пощады тем, кто продает вино..."⁵

Военно-революционный комитет послал за делегатами Выборгского района, затем за делегатами Путиловского завода. Они спешно собрались.

"За каждого убитого революционера,- заявил Троцкий,- мы убьем пять контрреволюционеров".

Мы снова пошли в город, Дума сверкала огнями, и целые толпы вливались туда. В нижнем этаже слышались рыдания и горестные крики; толпа сгрудилась вокруг бюллетеней со списком юнкеров, убитых в бою, или, вернее, предполагавшихся убитыми в бою, потому что очень скоро многие из этих мертвецов оказались живы и здоровы... Наверху, в Александровском зале, заседал Комитет спасения. Здесь были видны золотые с красным офицерские погоны, знакомые лица интеллигентов из меньшевиков и эсеров, жесткие глаза и безвкусно шикарные костюмы банкиров и дипломатов; попадались старорежимные чиновники и изящно одетые женщины...

Давали показания телефонистки. Одна за другой появлялись на трибуне крикливо одетые девушки, подражавшие светским манерам, но с истощенными лицами и в стоптанных ботинках... Они краснели от удовольствия при звуках аплодисментов "изящной" петроградской публики - офицеров, богачей, известных политических деятелей; одна за другой рассказывали они о своих страданиях в руках пролетариата и клялись в своей верности всему старому, твердо установленному и могущественному...

В Николаевском зале снова заседала дума. Городской голова в обнадеживающем тоне рассказывал, что петроградские полки начинают стыдиться своих действий; пропаганда делает свое дело... Вбегали и выбегали эмиссары. Они приносили новости о большевистских зверствах и убийствах, пытались спасти юнкеров, предпринимали расследования... "Большевики,- говорил Трупп,- будут побеждены нравственной силой, не штыками..."

Между тем на революционном фронте не все было благополучно. Неприятель подтянул бронированные поезда, вооруженные пушками. Советские отряды, состоявшие главным образом из необученных красногвардейцев, не имели ни офицеров, ни определенного плана действий. К ним присоединилось всего пять тысяч регулярных солдат. Остальные части гарнизона либо разделялись с мятежом юнкеров, либо охраняли порядок в столице, либо все еще не могли решить, на чью сторону стать. В десять часов вечера Ленин выступил с речью перед собранием делегатов гарнизонных полков, и они подавляющим большинством

голосов постановили вступить в борьбу. Был создан комитет из пяти солдат нечто вроде генерального штаба, и рано утром полки в полном боевом порядке вышли из казарм... Я встретил их, когда шел домой. Мерным и твердым шагом боевых ветеранов шли они штык к штыку в отличном равнении по пустынным улицам завоеванного города...

А в то же время на Садовой в помещении Викжеля происходила конференция всех социалистических партий, собравшаяся для формирования нового правительства. Абрамович от имени меньшевиков центра заявил, что не должно быть ни побежденных, ни победителей, что о старом вспоминать нечего... Все левые группы и партии согласились с ним. Дан от имени правых меньшевиков предложил большевикам следующие условия перемирия: Красная Гвардия должна сложить оружие, а петроградский гарнизон - подчиниться городской думе; войска Керенского не сделают ни одного выстрела и не арестуют ни одного человека; будет составлено министерство из представителей всех социалистических партий, кроме большевиков. Рязанов и Каменев заявили от имени Смольного, что коалиционное правительство всех социалистических партий приемлемо, но протестовали против предложения Дана. Эсеры раскололись. Но исполнительный комитет крестьянских депутатов и народные социалисты наотрез отказались работать с большевиками... После резких споров была избрана комиссия для выработки приемлемого плана...

В комиссии борьба шла всю ночь, весь следующий день и следующую ночь. Подобная попытка соглашения была уже сделана однажды, 9 ноября (27 октября), по инициативе Мартова и Горького. Однако тогда эта попытка провалилась: Керенский приближался, Комитет спасения проявлял огромную активность, и правые меньшевики, а также эсеры и народные социалисты неожиданно отказались от переговоров. Теперь они были уstraшены подавлением юнкерского мятежа...

Понедельник 12 ноября (30 октября) прошел в неизвестности. Взоры всей России были устремлены к серой равнине у предместья Петрограда, где все силы старого порядка, какие только можно было собрать, стояли лицом к лицу с не организовавшейся еще властью нового, неизведанного. В Москве было объявлено перемирие; стороны вели переговоры и выжидали, чем кончится дело в столице. А между тем делегаты съезда Советов, поспешно разъехавшиеся по всем направлениям, вплоть до отдаленнейших пределов Азии, возвращались к своим домам и везли с собой пылающие факелы революции. Вести о чудесных событиях расходились по всей стране, как волны расходятся по водной глади, и все города и дальние деревни шевелились и подымались. Советы и военно-революционные комитеты против дум, земств и правительственных комиссаров... Красногвардейцы против белогвардейцев... Уличные бои и страстные речи... Исход зависел от того, что скажет Петроград...

Смольный был почти пуст, но дума кишела народом. Престарелый городской голова с присущим ему достоинством протестовал против воззвания гласных большевиков.

"Дума вовсе не является центром контрреволюции,- горячо говорил он. - Дума не принимает никакого участия в происходящей борьбе партий. Но в тот момент, когда в стране нет никакой законной власти, единственным центром порядка является городское самоуправление. Этот факт признается мирным населением; иностранные посольства считаются только с теми официальными документами, которые подписаны городским головой. Европейец по самому своему складу не может допустить иного положения, чем то, при котором городское самоуправление является единственным органом, способным охранять интересы граждан. Город обязан оказать гостеприимство всем организациям, желающим воспользоваться этим гостеприимством, а потому дума не может препятствовать распространению в своем здании каких бы то ни было газет. Сфера нашей деятельности расширяется, мы должны получить полную свободу действий, наши права должны признаваться обеими сторонами..."

Мы совершенно нейтральны. Когда телефонная станция была занята юнкерами, Полковников приказал выключить все телефоны Смольного, но я заявил протест, и эти телефоны продолжали работать..."

Иронический смех на большевистских скамьях и негодующие выкрики справа.

"И все же,- продолжал Шрейдер,- большевики считают нас контрреволюционерами и соответственно аттестуют нас населению. Они лишают нас наших транспортных средств, отнимая у нас последние автомобили. Не наша будет вина. если в результате в городе начнется голод. Никакие протесты не помогают..."

Большевик член городской управы Кобозев заявил, что он сомневается, чтобы Военно-революционный комитет реквизирует городские автомобили. Если даже допустить, что подобные случаи имели место, то это, вероятно, сделали неуполномоченные лица под влиянием крайней необходимости.

"Городской голова,- продолжал он,- говорит, что мы не имеем права превращать думу в политическое собрание. Но все, что говорят здесь любой меньшевик и эсер, есть не что иное, как партийная пропаганда, а у дверей они распространяют свои нелегальные газеты - "Искру", "Солдатский Голос" и "Рабочую Газету", подстрекающие к восстанию. Что если бы мы, большевики, тоже начали распространять здесь свои газеты? Но мы этого не сделаем, потому что уважаем думу. Мы не нападаем и не собираемся нападать на городское самоуправление. Но, раз вы обратились к населению с призывом, мы имели право сделать то же самое..."

После этого выступил кадет Шингарев. Он заявил, что с людьми, которых надо просто отправить к прокурору и предать суду по обвинению в государственной измене, не может быть общего языка... Он снова предложил исключить из думы всех большевиков. Но это предложение было отвергнуто, потому что против гласных большевиков нельзя было выдвинуть никаких персональных обвинений, а между тем все они активно работали в городских учреждениях.

Тогда двое меньшевиков-интернационалистов заявили, что воззвание большевистских членов думы было прямым призывом к погрому. "Если всякий, кто против большевиков, есть контрреволюционер,- говорил Пинкевич,- то я не понимаю, в чем же разница между революцией и анархией... Большевики подчиняются всем страстям разнузданных масс, а у нас нет ничего, кроме нравственной силы. Мы протестуем против насилий и погромов как с той, так и с другой стороны. Наша цель - найти мирный выход из положения..."

"Прокламация под заглавием "К позорному столбу", расклеенная по улицам, и призывающая народ уничтожить меньшевиков и эсеров,- заявил Назарьев,- есть преступление, которого вам, большевикам, никогда не смыть с себя. Вчерашние ужасы - это только пролог к тому, что подготавливается такими прокламациями... Я все время пытался примирить вас с другими партиями, но теперь я испытываю по отношению к вам только презрение!"

Большевики вскочили с мест, гневно крича. Им отвечали хриплые ненавидящие голоса, яростные жесты...

Выйдя из зала, я встретил городского инженера меньшевика Гомберга и трех-четыре репортеров. Все они были в очень радужном настроении.

"Ну, что! - говорили они. - Эти трусы боятся нас. Они не посмеют арестовать думу! Их Военно-революционный комитет не смеет послать сюда комиссара. Да что там! Сегодня я видел на углу Садовой как красногвардеец пытался задержать мальчишку, продававшего "Солдатский Голос"... Мальчишка только смеялся ему в лицо, а толпа чуть не расправилась с разбойником самосудом. Теперь все решится в течение нескольких часов. Пусть Керенский даже и не придет, все равно у них людей, которые могли бы руководить правительством, нет. Абсурд!.. Я слышал, что они там дерутся между собой в Смольном!"

Один эсер, мой приятель, отвел меня в сторону. "Я знаю, где скрывается Комитет спасения, - сказал он мне. - Хотите пойти поговорить с ними?"

Уже наступили сумерки. В городе снова шла обычная жизнь: торговали магазины, горели по улицам огни, и в обоих направлениях медленно двигались густые толпы народа, продолжая всегдашние споры.

Дойдя по Невскому до дома №86, мы прошли во двор, окруженный высокими корпусами. Мой друг особенным образом постучал в дверь 229-й квартиры. Внутри послышалась возня, хлопнула внутренняя дверь. Затем наружная дверь слегка приоткрылась, и мы увидели женское лицо. Быстро оглядевшись, женщина впустила нас. То была женщина средних лет, со спокойным выражением лица. "Кирилл! крикнула она,- все в порядке!" В столовой кипел самовар, на столе стояли тарелки с хлебом и селедкой. Из-за оконной гардины вышел человек в офицерской форме, из чулана появился другой человек, переодетый рабочим. Оба были очень рады видеть американского корреспондента и не без удовольствия заявили мне, что их наверняка расстреляют, если они попадутся большевикам. Имен своих они не назвали, но оба были эсеры.

"Почему вы печатаете в своих газетах такую невероятную ложь?" - спросил я.

Офицер без всякой обиды ответил: "Да, знаю. Но что же нам делать? (Он пожал плечами.) Должны же вы понять, что нам необходимо создать в народе известное настроение...",

Второй перебил его. "Все это со стороны большевиков - сплошная авантюра! У них нет интеллигенции. Министерства не будут работать... Россия - это не город, а целая страна... Мы понимаем, что им не удержаться больше нескольких дней, потому мы и решились поддержать крупнейшую из выступающих против него сил - Керенского и помочь восстановить порядок".

"Все это прекрасно,- заметил я. - Но зачем же вы объединяетесь с кадетами?"

Лжерабочий откровенно усмехнулся. "Говоря по правде, сейчас народные массы идут за большевиками. У нас пока что нет последователей. Мы не можем мобилизовать ни горсточку солдат. Настоящего оружия у нас нет... До известной степени большевики правы. В настоящий момент в России имеются всего две сколько-нибудь сильные партии - это большевики и реакционеры, прячущиеся под крылышком у кадетов. Кадеты думают, что они пользуются нами, но на самом-то деле мы пользуемся ими. Когда мы разгромим большевиков, то повернем против кадетов..."

"А будут ли большевики допущены в новое правительство?"

Он почесал в затылке. "Это сложный вопрос,- проговорил он. - Конечно, если их не пустить, они, наверно, опять начнут все сначала. Во всяком случае тогда у них будут шансы на то, чтобы определять равновесие сил в Учредительном собрании, если только Учредительное собрание вообще будет собрано".

"И, кроме того,- перебил офицер - это вызывает вопрос о допущении в правительство кадетов. Основания те же самые. Вы ведь знаете, что кадеты фактически не хотят созыва Учредительного собрания, не хотят, поскольку большевики могут быть теперь же разбиты". Он покачал головой. "Нелегко дается нам, русским, политика! Вы, американцы, рождаетесь политиками, вы занимаетесь политикой всю жизнь, а у нас, сами знаете, всему этому нет еще и года..."

"Что вы думаете о Керенском?" - спросил я.

"О, Керенский виноват во всех грехах Временного правительства,- ответил другой собеседник. - Он заставил нас войти в коалицию с буржуазией. Если бы он исполнил свою угрозу и подал в отставку, то получился бы министерский кризис всего за шестнадцать недель до Учредительного собрания, а этого мы хотели избежать".

"Но разве в конце концов не так получилось?"

"Да, но как же мы могли это знать? Керенские и Авксентьевы обманули нас. Гоц тоже ненамного радикальнее их. Я стою за Чернова, ибо он настоящий

революционер... Вы знаете, не далее, как сегодня Ленин велел передать, что он не возражал бы против вхождения Чернова в правительство.

Конечно, мы тоже хотели отделаться от правительства Керенского, но нам казалось, что лучше дождаться Учредительного собрания... Когда все это началось, я стоял за большевиков, но ЦК моей партии единогласно высказался против. Что же мне было делать? Партийная дисциплина...

Через неделю большевистское правительство развалится на куски. Если бы только эсеры могли стоять в стороне и ждать, то власть прямо упала бы им в руки. Но если мы будем ждать целую неделю, то в стране настанет такая разруха, что немецкие империалисты одержат полную победу. Вот почему мы начали восстание, имея за собой только два полка солдат, обещавших поддержать нас, но и те оказались против нас... Остались одни юнкера..."

"А как же казаки?"

Офицер вздохнул. "Не двинулись с места. Сначала они сказали, что выступят, если их поддержит пехота. Кроме того, они говорили, что у Керенского и так есть казаки, а, стало быть, они уже сделали свое... Потом они стали говорить, что казаков всегда считают прирожденными врагами демократии... А в конце концов "большевики, говорят, обещали не отбирать у нас земли, нам бояться нечего, мы держим нейтралитет"".

Пока шел этот разговор, все время входили и выходили какие-то люди - в основном офицеры со срезанными погонами. Мы могли видеть их в прихожей и слышать их тихие, но энергичные голоса. Сквозь отвернувшуюся портьеру я случайно увидел приоткрытую дверь в ванную комнату, где на стульчике сидел плотный офицер в полковничьей форме и что-то писал в блокнот, лежавший у него на коленях. Я узнал бывшего петроградского коменданта полковника Полковникова, за арест которого Военно-революционный комитет не пожалел бы целого состояния.

"Наша программа? - говорил офицер. - Вот она. Передать землю земельным комитетам. Рабочим должна быть предоставлена полная возможность участвовать в управлении промышленностью. Энергичная мирная политика, но без такого ультиматума, с каким большевики обратились ко всем странам. Большевикам не удастся исполнить те обещания, которые они дали массам, не удастся даже внутри страны. Мы им не позволим ...Они украли у нас программу по аграрному вопросу, чтобы добиться поддержки крестьянства. Это нечестно. Если бы они дождались Учредительного собрания..."

"Дело не в Учредительном собрании! - прервал его другой офицер. - Если большевики собираются разводить здесь социалистическое государство, то мы ни в коем случае не можем работать с ними! Керенский сделал огромную ошибку, когда заявил в Совете республики, что он уже отдал приказ арестовать большевиков. Он просто открыл им свои карты..."

"Но что же вы собираетесь делать теперь?" - спросил я.

Оба поглядели друг на друга. "Увидите через несколько дней... Если на нашей стороне будет достаточно фронтовых войск, то мы не станем входить с большевиками в какие-либо соглашения. А если нет, ну тогда, может быть, придется..."

Выйдя на Невский, мы вскочили на подножку переполненного трамвая, площадка которого осела под тяжестью людей и тащилась по земле. Трамвай медленно полз к Смольному.

По коридору шел маленький, хрупкий и изящный Мешковский. У него был очень озабоченный вид. Забастовка всех министерств, сообщил он нам, производит свое действие. Так, например, Совет Народных Комиссаров обещал опубликовать секретные договоры, но Нератов, который ведает делами, исчез и унес их с собой. Есть предположение, что они спрятаны в английском посольстве...

Но хуже всего то, что бастуют банки. "Без денег,- сказал Менжинский,- мы совершенно беспомощны. Необходимо платить жалованье железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим... Банки закрыты; главный ключ положения Государственный банк тоже не работает. Банковские служащие по всей России подкуплены и прекратили работу..."

Но Ленин распорядился взорвать подвалы Государственного банка динамитом, а что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!"

Петроградский Совет работал полным ходом, зал был переполнен вооруженными людьми. Троцкий докладывал:

"Казачьи отступают от Красного Села (громкие восторженные аплодисменты). Но сражение только еще начинается. В Пулкове идут ожесточенные бои. Туда нужно спешно бросить все имеющиеся силы..."

Сведения из Москвы неутешительны. Кремль в руках юнкеров, а у рабочих очень мало оружия. Исход зависит от Петрограда.

На фронте декреты о мире и о земле вызвали огромный энтузиазм. Керенский засыпает окопы сказками о том, что Петроград в огне и крови, об избиении большевиками женщин и детей. Но ему никто не верит...

Крейсера "Олег", "Аврора" и "Республика" стали на якорь на Неве и направили орудия на подступы к городу..."

"Почему вы не там, где дерутся красногвардейцы?" - крикнул чей-то резкий голос.

"Я отправляюсь сейчас же!" - ответил Троцкий, сходя с трибуны. Лицо его было несколько бледнее, чем обычно. Окруженный преданными друзьями, он вышел из комнаты по боковому проходу и поспешил к автомобилю.

Теперь говорил Каменев. Он изложил ход примирительной конференции. Условия перемирия, предложенные меньшевиками, сказал он, отвергнуты с презрением.

Даже некоторые отделы союза железнодорожников голосовали против подобных предложений...

"Теперь, когда мы завоевали власть и подняли всю Россию,- продолжал Каменев,- они всего-навсего требуют от нас следующие пустяки: во-первых, отдать власть, во-вторых, заставить солдат продолжать войну и, в-третьих, заставить крестьян позабыть о земле..."

На минуту появился Ленин. Он дал ответ на обвинения со стороны эсеров:

"Они обвиняют нас в том, что мы украли у них аграрную программу... Ну что ж, если это так, то мы можем их поблагодарить. С нас и этого довольно..."

Так шло это собрание. Вожди по очереди входили па трибуну, разъясняя, увещевая и доказывая. Солдат за солдатом, рабочий за рабочим вставали и высказывали все, что было у них на уме и на сердце... Аудитория была текучая: она все время менялась и обновлялась. Время от времени появлялись в зале люди, вызывая членов того или иного отряда для отправки на фронт. Приходили другие, окончившие смену, раненые или за оружием и снаряжением...

Почти в 3 часа ночи, когда мы уже уходили, в вестибюль Смольного сбежал по лестнице Гольцман из Военно-революционного комитета. Лицо его сияло.

"Все прекрасно! - закричал он, сжимая мне руку. - Телеграмма с фронта! Керенский разбит! Вот взгляните..."

И он протянул мне клочок бумаги, торопливо исписанный карандашом. Видя, что мы ничего ко можем разобрать, он прочел вслух:

"Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 минут ночи.

Ночь с 30 на 31 октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контрреволюционные войска па столицу революции получила решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и рабочие Петрограда показали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить волю и власть демократии. Буржуазия стремилась изолировать армию революции, Керенский пытался сломить ее силой казачества. И то и другое потерпело жалкое крушение.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократии сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть не преходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам. Отпор Керенскому есть утверждение права народа на мирную, свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди еще борьба, препятствия и жертвы! Но путь открыт и победа обеспечена.

Революционная Россия и Советская власть вправе гордиться своим пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена. Вечная память павшим! Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная, народная, социалистическая Россия!

Именем Совета народный комиссар Л. Троцкий".

Возвращаясь домой по Знаменской площади, мы заметили необычную толпу, напиравшую на Николаевский вокзал. Здесь было несколько тысяч матросов, над которыми вздымалась щетина ружейных штыков.

Член Викжеля, стоя на ступеньке, молил:

"Товарищи, мы не можем везти вас в Москву. Мы нейтральны. Мы не перевозим никаких войск. Не можем мы везти вас в Москву, где идет ужасная гражданская война...".

Площадь кипела и гремела негодованием. Матросы начинали подвигаться вперед. Вдруг в здании вокзала широко открылась другая дверь. В ней стояло двое или трое кондукторов, кочегар или кто-то еще.

"Сюда, товарищи! - кричали они.- Мы повезем вас в Москву, во Владивосток куда хотите! Да здравствует революция!"

Глава IX. Победа.

ПРИКАЗ №1

частям пулковского отряда.

31 октября 1917 г., 9 ч. 38 м. пополудни

"После ожесточенного боя части пулковского отряда одержали полную победу над силами контрреволюции, которые в беспорядке покинули свои позиции и под прикрытием Царского Села отступают к Павловскому 2-му и Гатчине.

Наши наступающие части заняли северо-восточную оконечность Царского Села и станцию Александровскую. На правом фланге у нас был колпинский отряд, на левом - красносельский.

Приказываю пулковскому отряду занять Царское Село и укрепить подступы к нему, особенно со стороны Гатчины.

Затем продвинуться дальше, занять Павловское, укрепить его с южной стороны и захватить линию железной дороги до станции Дно.

Отряд должен принимать все меры к укреплению занятых им позиций, возводя окопы и другие оборонительные сооружения.

Он обязан войти в тесную связь с колпинским и красносельским отрядами, а также со штабом начальника обороны г. Петрограда.

Главнокомандующий войсками, действующими против контрреволюционных отрядов Керенского, подполковник Муравьев".

Вторник, утро. Что случилось? Всего два дня назад по окрестностям Петрограда бесцельно бродили беспорядочные, лишенные руководителей команды. У них не

было ни продовольствия, ни артиллерии, ни какого бы то ни было плана действий. Что сплотило эти массы красногвардейцев и солдат, у которых не было ни организации, ни навыков воинской дисциплины, ни офицеров, в армию, подчиняющуюся своему выборному командованию, способную выдержать и отразить удар артиллерии и казачьей конницы¹?

Восставший народ по-своему отбрасывает прочь военные шаблоны. Никогда не будут забыты одетые в лохмотья армии французской революции, победители при Вальми и Вейсербурге. Против Советов соединились юнкера, казаки, дворяне, помещики, черносотенцы, а за ними уже снова маячили царь, охранка, сибирские рудники и, наконец, безграничная и страшная угроза со стороны немцев... Победа, выражаясь словами Карлейля, означала "Торжество и Золотой век без конца".

В воскресенье вечером комиссары Военно-революционного комитета вернулись с фронта в полном отчаянье, и петроградский гарнизон выбрал свой Комитет пяти, свой боевой штаб, в составе трех солдат и двух офицеров, несомненно свободных от контрреволюционной заразы. Общее командование было возложено на экспатриота полковника Муравьева - дельного человека, за которым, однако, было необходимо зорко следить. В Колпине, Обухове, Пулкове, в Красном Селе были сформированы временные отряды, постепенно увеличивавшиеся, по мере того как к ним присоединялись бродившие по окружающей местности группы, в которых были перемешаны солдаты, матросы, красногвардейцы, отдельные части разных полков, пехота, кавалерия, артиллерия и несколько броневиков.

На рассвете показались казачьи разъезды Керенского. Началась беспорядочная ружейная перестрелка, сопровождаемая требованиями сдаться. Над холодной равниной ясный морозный воздух наполнился звуками боя. Их услышали блуждавшие команды, собравшиеся в ожидании у костров... Итак, началось! Они кинулись туда, где шел бой. Отряды рабочих, шедшие по главным дорогам, ускорили шаг... Ко всем атакованным пунктам сами собой стекались огромные массы охваченных гневом людей. Их встречали комиссары, указывавшие, какую позицию занять, что делать. Это была их битва за их собственный мир; командиры были избраны ими самими. В тот момент все многообразные и разнородные проявления воли многих слились в одну волю...

Участники этих боев рассказывали мне, как сражались матросы: расстреляв все патроны, они бросились в штыки; как необученные рабочие ринулись на казачью лаву и вышибли казаков из седел; как в темноте какие-то неизвестно откуда взявшиеся толпы народа внезапно, как волны, обрушились на врага... В понедельник еще до полуночи казаки дрогнули и побежали, бросая артиллерию. Пролетарская армия двинулась "перед длинным, изломанным фронтом и ворвалась в Царское, не дав врагу времени разрушить правительственную радиостанцию. Теперь эта станция метала в мир торжествующие гимны победы...

"Всем Советам рабочих и солдатских депутатов.

30 октября, в ожесточенном бою под Царским Селом, революционная армия наголову разбила контрреволюционные войска Керенского и Корнилова.

Именем революционного правительства призываю все вверенные полки дать отпор врагам революционной демократии и принять все меры к захвату Керенского, а также к недопущению подобных авантюр, грозящих завоеваниям революции и торжеству пролетариата.

Да здравствует революционная армия!

Муравьев".

Новости из провинции...

В Севастополе власть захвачена местным Советом. Грандиозный митинг матросов боевых кораблей, стоящих на севастопольском рейде, заставил офицеров торжественно присягнуть новому правительству. Нижний Новгород управляется Советом. Из Казани сообщают об уличных боях, юнкера и артиллерийская бригада бьются с большевистским гарнизоном...

В Москве снова вспыхнули отчаянные бои. Юнкера и белогвардейцы удерживают Кремль и центр города, но их со всех сторон атакуют войска Военно-революционного комитета. Советская артиллерия бомбардирует со Скобелевской площади городскую думу, комендатуру и гостиницу "Метрополь". На Тверской и Никитской разворочена вся мостовая; булыжник использован при постройке окопов и баррикад. Кварталы, в которых помещаются крупные банки и торговые дома, усиленно обстреливаются из пулеметов. Электрического освещения нет, телефон не работает; буржуазное население попряталось н подвалах... В последнем бюллетене сообщалось, что Военно-революционный комитет ультимативно потребовал от Комитета общественной безопасности (Комитет общественной безопасности - главный центр контрреволюции в Москве в октябрьские дни 1917 г.- Ред.) немедленной сдачи Кремля, угрожая в противном случае бомбардировкой.

"Бомбардировать Кремль! - кричали обыватели. - Не посмеют!"

Гражданская война пылала от Вологды до Читы в далекой Сибири, от Пскова до Севастополя на Черном море, в огромных городах и в маленьких деревушках. От тысяч фабрик и заводов, крестьянских обществ, полков и армий, кораблей в открытом море текли приветствия в Петроград - приветствия правительству народа.

Казачье правительство в Новочеркасске телеграфировало Керенскому: "Войсковое правительство Донского войска приглашает Временное правительство и членов Совета Российской республики, если возможно, прибыть в Новочеркасск, где возможна организация борьбы с большевиками...".

В Финляндии тоже неспокойно. Гельсингфорсский совет и Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота) сообща ввели осадное положение и объявили, что все попытки помешать деятельности большевистских отрядов и оказывать вооруженное сопротивление советским постановлениям будут сурово подавлены. Одновременно союз финских железнодорожников объявил по всей Финляндии всеобщую забастовку, чтобы добиться проведения в жизнь законов,

установленных в июне 1917 г. социалистическим сеймом, который был разогнан Керенским.

Рано утром я пошел в Смольный. Идя от внешних ворот по длинным деревянным мосткам, я заметил, что в сером безветренном воздухе порхают первые снежинки. "Снег! - весело улыбаясь, закричал часовой, стоявший у двери. - Здорово!" Внутри длинные мрачные коридоры и холодные залы казались пустынными. Громадное здание точно вымерло. Но тут до меня донеслись какие-то странные, глухие звуки. Я оглянулся. Вдоль стен на полу спали люди. Взлохмаченные, немые люди - рабочие и солдаты, перепачканные и забрызганные грязью, лежали в одиночку и группами, погруженные в тяжелый сон и безразличные ко всему. На многих были разорванные и окровавленные повязки. Тут же рядом валялись винтовки и патронные ленты... То была победоносная армия пролетариата.

Наверху, в буфете, спало столько народу, что с трудом можно было пройти. Воздух был невероятно спертый. Сквозь запотевшие окна еле проникал бледный свет. На прилавке стоял холодный помятый самовар, а вокруг него - масса немых стаканов. Тут же лежал экземпляр последнего бюллетеня Военно-революционного комитета лицевой стороной вниз, исписанный малограмотным почерком. Какой-то солдат писал эти слова в память о его товарищах, погибших в бою против Керенского,- писал, пока не свалился тут же па пол. Лист был закапан чем-то похожим на слезы...

Алексей Виноградов

Д. Москвин

С. Столбиков

А. Воскресенский

Д. Леонский

Д. Преображенский

В. Лайданский

М. Берчиков

Все эти люди поступили в армию 15 ноября 1916 г. Из них остались в живых трое:

Михаил Берчиков

Алексей Воскресенский

Дмитрий Леонский

* * *

Спите, орлы боевые, Спите с спокойной душой!

Вы заслужили, родные, Славу и вечный покой...

Только Военно-революционный комитет все еще бодрствовал и работал. Из дальней комнаты вышел Скрыпник. Он рассказал мне, что Гоц арестован, но категорически заявляет, что не подписывал прокламации Комитета спасения, как это сделал Авксентьев. Сам Комитет спасения отказался от своего призыва к гарнизону. В полках, расположенных в городе, сообщил Скрыпник, наблюдается недовольство; Волынский полк отказался драться против Керенского.

В Гатчине было несколько "нейтральных" отрядов с Черновым во главе; он пытался убедить Керенского прекратить наступление на Петроград.

Скрипник рассмеялся. "Теперь не может быть никаких "нейтральных",- сказал он. - Мы победили!" Его резкое бородатое лицо пылало почти религиозным воодушевлением. "С фронта прибыло больше шестидесяти делегатов, привезших решения о поддержке от всех армий, за исключением частей Румынского фронта, от которых еще нет известий. Армейские комитеты не пропускают петроградских газет, но мы уже наладили регулярную связь через курьеров..."

В вестибюле появился Каменев, совершенно измученный заседанием конференции по созданию нового правительства, затянувшимся на всю ночь, но все-таки довольный. "Эсеры уже склонны допустить нас в новое правительство,- сказал он мне,- Правые группы запуганы революционными трибуналами. Они в какой-то панике и требуют, чтобы мы прежде всего распустили трибуналы... Мы согласились на предложение Викжеля сформировать однородное социалистическое министерство, и теперь там вырабатывают проект... А знаете, ведь все это только потому, что мы одержали победу. Когда наши дела были плохи, они ни за что не хотели пускать нас в правительство, а теперь все стараются так или иначе столкнуться с Советами... Нам нужна действительно окончательная победа. Керенский хочет перемирия, но мы заставим его сдаться..."²

Таково было настроение большевистских вождей. Один иностранный корреспондент спросил Троцкого, какое сообщение он хотел бы сделать миру. Троцкий ответил: "В настоящий момент возможно только то сообщение, которое мы уже делаем жерлами пушек".

Но сквозь все это победное воодушевление прорывалось явное беспокойство. Финансовый вопрос. Вместо того чтобы открыть банки, как приказал Военно-революционный комитет, Союз банковских служащих созвал собрание своих членов и формально объявил забастовку. Смольный затребовал от Государственного банка около тридцати пяти миллионов рублей, но кассир запер подвалы и выдавал деньги только представителям Временного правительства. Контрреволюционеры пользовались Государственным банком, как политическим орудием. Так, например, когда Викжель требовал денег на жалованье рабочим и служащим государственных железных дорог, ему отвечали: "Обратитесь в Смольный...".

Я отправился в Государственный банк, чтобы повидать нового комиссара, рыжеволосого украинского большевика, по имени Петрович. Он пытался навести хоть какой-нибудь порядок в делах банка, оставленных в хаотическом состоянии забастовавшими служащими. Во всех отделах огромного учреждения работали добровольцы: рабочие, солдаты, матросы. Высунув языки от напряжения, они тщетно старались разобраться в огромных бухгалтерских книгах...

Здание думы было переполнено людьми. Все еще наблюдались случаи вызывающего поведения по отношению к новому правительству, но они становились все реже. Центральный земельный комитет обратился к крестьянам с

призывом не признавать декрета о земле, изданного съездом Советов, потому что этот декрет ведет к смуте и гражданской войне. Городской голова Шрейдер заявлял, что в результате большевистского восстания выборы в Учредительное собрание придется отложить на неопределенный срок.

В сознании большинства людей, потрясенном жестокостью гражданской войны, на первый план выдвигались два вопроса: во-первых, прекращение кровопролития³ и, во-вторых, создание нового правительства. Никто уже не говорил об "уничтожении большевиков", и мало кто говорил даже об их исключении из правительства. Разве только народные социалисты и Совет крестьянских депутатов еще носились с такой мыслью. Даже Центральный армейский комитет, работавший в ставке и всегда выступавший как заклятый враг Смольного, телефонировал из Могилева: "Если для создания нового министерства необходимо соглашение с большевиками, то мы согласны на предоставление им меньшинства в кабинете".

"Правда", иронически отзываясь о призывах Керенского к "гуманитарным чувствам", перепечатала его обращение к Комитету спасения:

"Согласно предложению Комитета спасения и всех демократических организаций, объединившихся вокруг него, мною приостановлены действия против повстанческих войск и послан представитель-комиссар при Верховном главнокомандующем Станкевич для вступления в переговоры. Примите меры к прекращению возможности напрасного кровопролития...".

Викжель разослал по всей России телеграмму:

"Совещание всероссийского жел.-дор. союза с представителями враждующих сторон и организаций, стоящих на почве соглашения, категорически отвергая применение политического террора в гражданской войне, особенно между отдельными частями революционной демократии, заявляет, что применение такого террора в какой-либо форме одной из сторон против другой в данный момент противоречит самой сущности и цели переговоров...".

Конференция (Имеется в виду "конференция по примирению".- Ред.) посылала делегации на фронт, в Гатчину. На самой конференции дело, как казалось, шло к окончательному разрешению вопроса. Было даже решено избрать временный народный совет, в который должно было войти около четырехсот членов: семьдесят пять от Смольного, столько же - от старого ЦИК, а остальные - от городских самоуправлений, профессиональных союзов, земельных комитетов и политических партий. В министры-председатели выдвигали Чернова. Ходили слухи, что Ленина и Троцкого исключат...

Около полудня я уже снова стоял перед Смольным и разговаривал с шофером санитарного автомобиля, который должен был отправиться на революционный фронт. Нельзя ли мне поехать вместе с ним? Разумеется, можно! Этот шофер был доброволец, студент и по дороге он слегка повернулся ко мне и через плечо закричал на ужасном немецком языке: "Also, gut! Wir nach die Kasernen zu essen gehen!". Я так понял, что в какой-то казарме можно будет позавтракать.

На Кирочной мы завернули в огромный двор, окруженный казарменными строениями, и поднялись по темной лестнице в низкую комнату, освещенную одним окном. За длинным деревянным столом сидело десятка два солдат. Они ели деревянными ложками щи из большого жестяного бака, громко разговаривая, шутя и смеясь.

"Батальонному комитету 6-го запасного саперного батальона здравия желаю!" - закричал мой спутник и тут же представил меня сидевшим как американского социалиста. Все встали и протянули мне руки, а один старый солдат заключил меня в объятия и сердечно расцеловал. Меня снабдили деревянной ложкой и усадили за стол. В комнату внесли новый бак, наполненный кашей, огромный каравай черного хлеба и, разумеется, неизбежный чайник. Все принялись задавать мне вопросы об Америке. Правда ли, что в вашей свободной стране голоса продают за деньги? Если правда, то каким же образом народ добивается исполнения своих требований? А что это за штука "Таммани"? («Таммани» или «Таммани холл» - местонахождение руководства демократической партии в Нью-Йорке стало синонимом всевозможных злоупотреблений и уголовных преступлений в связи со вскрытыми в то время многочисленными случаями участия в этих преступлениях лидеров демократов в Нью-Йорке) Правда ли, что в вашей свободной стране группка из нескольких человек может как угодно вертеть целым городом и пользоваться им для своей личной выгоды? Как же народ терпит это? В России таких вещей не бывало даже при царе; правда, всегда было взяточничество, но покупать и продавать целые города, в которых живет масса народу!.. Да еще в свободной стране! Неужели в народе совсем нет революционного чувства? Я попробовал втолковать им, что у нас народ пытается изменить положение вещей законными путями.

"Конечно,- кивнул мне молодой унтер-офицер, по фамилии Бакланов, объяснявшийся по-французски. - Но ведь у вас имеется сильно развитый капиталистический класс? В таком случае капиталистический класс, безусловно, должен подчинить себе и законодательство, и суд. Как же народ может изменить это положение? Может быть, вы бы убедили меня в своей правоте, поскольку я не знаю вашу страну, но для меня это совершенно невероятно..."

Я сказал, что еду в Царское Село. "Я тоже",- неожиданно заявил Бакланов. "И я... И я..." Все, кто был в комнате, тут же решили ехать в Царское Село.

В этот момент кто-то постучал в дверь. Она открылась, и в ней появилась фигура полковника. Никто не встал, но все громко поздоровались с ним. "Можно войти?" - спросил полковник. "Просим, просим!" - радушно ответили солдаты.

Полковник вошел, улыбаясь,- высокая, представительная фигура в барашковой папахе с золотым галуном. "Кажется, вы говорили, что едете в Царское Село, товарищи,- сказал он. - Нельзя ли и мне с вами?"

Бакланов что-то прикинул в уме. "Не думаю, чтобы здесь сегодня были какие-нибудь особо важные дела,- ответил он. - Едемте, товарищ. Мы с удовольствием

примем вас в свою компанию". Полковник поблагодарил его, уселся и налил себе стакан чаю.

Бакланов, понизив голос, чтобы не задеть полковника, объяснил мне положение. "Видите ли,- сказал он,- я председатель комитета. Мы всецело распоряжаемся батальоном, а полковник получает от нас права командира только во время боя, когда батальон подчинен ему и его приказы обязательны для всех. Но он отвечает перед нами за все. В казармах он ничего не может сделать без нашего разрешения... Можно считать его нашим служащим..."

Нам роздали револьверы и винтовки - "знаете, ведь можно и на казаков наткнуться..." - и мы забрались в санитарный автомобиль, прихватив с собой три большие пачки газет для фронта. Автомобиль помчался прямо по Литейному, затем по Загородному проспекту. Рядом со мной сидел молодой поручик, который, по-видимому, с одинаковой легкостью говорил на всех европейских языках. Он был членом батальонного комитета.

"Я не большевик,- горячо уверял он меня. - Ведь я из старинного дворянского рода. Я, собственно, можно сказать, кадет..."

"Но как же..." - изумился я.

"Да, да, я член комитета! Я не скрываю своих политических взглядов, но никто не обращает на это внимания, потому что все знают, что я никогда не выступлю против воли большинства... Я отказался принимать какое бы то ни было участие в гражданской войне, потому что не считаю возможным подымать оружие против моих братьев русских..." "Провокатор! Корниловец!" - шутливо кричали наши спутники, похлопывая его по плечу.

Мы проскочили под огромной серой каменной аркой Московских ворот, покрытой золотой вязью надписей, тяжеловесными императорскими орлами и именами царей, и вылетели на широкую прямую дорогу, посеревшую от первого снега. Она была забита красногвардейцами, которые с шумом и песнями двигались пешком на революционный фронт. Другие - бледные, грязные, возвращались оттуда в город. Большинство красногвардейцев казались совсем юнцами. Тут же проходили и женщины с лопатами, а иногда и с винтовками и патронташами или с повязками Красного Креста - согбенные, измученные трудом женщины трущоб. Группы солдат, шедших не в ногу, дружески подшучивали над красногвардейцами; попадались суровые матросы, дети, тащившие еду своим отцам и матерям, и все они, двигаясь туда и обратно, ожесточенно месили глубокую грязь, покрывавшую шоссе на несколько дюймов. Мы обгоняли пушки и зарядные ящики, с грохотом катившиеся на юг. Нам встречались грузовики, оцетинившиеся штыками бойцов; с фронта ехали санитарные автомобили, а однажды встретилась медленно подвигавшаяся со скрипом крестьянская телега, в которой корчился и протяжно стонал смертельно бледный юноша, тяжело раненный в живот. На полях по обе стороны дороги женщины и старики рыли окопы и строили проволочные заграждения.

Позади, на севере, сквозь эффектный разрыв туч выглянуло бледное солнце. На плоской болотистой равнине блестел Петроград. Справа вздымались белые, позолоченные и разноцветные купола и шпили; слева - высокие трубы, извергавшие черный дым, а за всем этим низко спускалось небо над Финляндией. Со всех сторон виднелись церкви и монастыри... Время от времени можно было заметить монаха, молча наблюдавшего прохождение пролетарской армии, заполнившей дорогу.

В Пулкове дорога разделилась, здесь мы застряли в огромной толпе, куда с трех сторон стекались людские потоки и где встречались оживленные и веселые друзья, рассказывавшие друг другу о пережитом в боях. Дома, стоявшие у перекрестка, были пробиты пулями, а земля была затоптана и превращена в грязь на полмили кругом. В этом месте произошел ожесточенный бой... Поблизости кружили голодные казачьи кони без всадников в тщетных поисках корма: вся трава на равнине уже давно сошла. Прямо перед нами какой-то неловкий красногвардеец пытался сесть на одного из коней, но все время падал, что по-детски забавляло многотысячную толпу простых людей.

Дорога налево, по которой отступали остатки казаков, вела к деревушке на вершине невысокого холма, откуда открывался великолепный вид на огромную серую, как безветренное море равнину, с нависшими над ней тяжелыми тучами; все дороги были полны людскими толпами, направляющимися из столицы. Далеко слева виднелся невысокий холм Красного Села, где помещались гвардейские летние лагеря и находилась императорская ферма. Поблизости однообразие равнины нарушали только несколько обнесенных каменными стенами монастырей да уединенных фабрик, а также приютов и убежищ - больших строений с запущенными садами...

"Вот здесь, - сказал шофер, когда мы поднялись на голый холм, - вот здесь приняла смерть Вера Слуцкая. Да, да, та самая, большевичка и член думы. Это случилось сегодня, рано утром. Она находилась в автомобиле с Залкиндом и еще одним товарищем. Было перемирие, и они направились к передовым окопам. Они разговаривали и смеялись, когда вдруг с бронированного поезда, в котором ехал сам Керенский, кто-то увидел автомобиль и выстрелил из пушки. Снаряд попал в Слуцкую и убил ее..."

Так доехали мы до Царского, где шумно расхаживали герои пролетарских отрядов. Теперь дворец, в котором заседал Совет, был местом делового оживления. Во дворе толпились и красногвардейцы и матросы, у дверей стояли часовые, беспрерывно входили и выходили курьеры и комиссары. В помещении Совета кипел самовар, более пятидесяти рабочих, солдат, матросов и офицеров стояли вокруг него, пили чай и громко разговаривали. В углу двое непривычных к этому делу рабочих пытались пустить в ход ротатор. У стола, стоявшего в центре, огромный Дыбенко склонился над картой, отмечая красным и синим карандашом расположение войск. В свободной руке у него, как и всегда, был большущий револьвер синей стали. Потом он сел за пишущую машинку и стал стучать одним

пальцем. Прекращая работу хотя бы на секунду, он снова брал револьвер и любовно вертел его барабан.

У стены стоял диван, на котором лежал молодой рабочий. Двое красногвардейцев склонились над ним, но прочие не обращали на него никакого внимания. Он был ранен в грудь; при каждом ударе сердца сквозь его одежду проступала свежая кровь. Глаза его были закрыты, молодое лицо, окаймленное бородкой, стало зеленовато-белым. Он дышал медленно и трудно и при каждом вздохе шептал: "Мир будет... Мир будет...".

Дыбенко взглянул на нас. "А! - сказал он, увидев Бакланова.- Не угодно ли вам, товарищ, отправиться в комендантское управление и принять там дела? Погодите, сейчас я напишу вам мандат".

Он подошел к машинке и принялся медленно выстукивать букву за буквой.

Вместе с новым комендантом Царского Села я отправился в Екатерининский дворец. Бакланов был очень возбужден и полон сознания своей роли, В том самом белом зале, где я уже был в прошлый приезд, мы застали несколько красногвардейцев, с любопытством оглядывавшихся кругом, в то время как мой старый знакомый полковник стоял у окна и нервно кусал усы. Он приветствовал меня, словно без вести пропавшего брата. За столом у двери сидел француз из Бессарабии. Большевики велели ему оставаться здесь и продолжать свою работу. "Что мне было делать? - шептал он мне. - В такой войне, как эта, люди, подобные мне, не могут драться ни на той, ни на другой стороне, какое бы инстинктивное отвращение они ни чувствовали к диктатуре черни... Мне только жаль, что я нахожусь так далеко от моей матушки, оставшейся в Бессарабии!"

Бакланов официально принимал дела от старого коменданта. "Вот ключи от стола",- нервно сказал полковник.

Один из красногвардейцев перебил его: "А где деньги?" - резко спросил он. Полковник казался удивленным. "Деньги? деньги?.. Ах, вы говорите о денежном ящике!.. Вот он, в том самом виде, как я получил его три дня назад. Ключи?.. Полковник пожал плечами. - Ключей у меня нет".

Красногвардеец улыбнулся хитрой улыбкой. "Ловко!" - сказал он.

"Откроем ящик! - сказал Бакланов. - Принесите топор! Вот здесь американский товарищ. Пусть он собьет замок и запишет, что окажется в ящике".

Я взмахнул топором, деревянный ящик оказался пустым. "Арестовать его, злобно сказал красногвардеец. - Он за Керенского. Он украл деньги и отдал их Керенскому".

Бакланов не соглашался. "Нет,- ответил он. - Ведь до него здесь были корниловцы. Он не виноват".

"Черт побери! - кричал красногвардеец. - Говорю вам, он за Керенского! Не арестуете его вы, так арестуем мы! Мы отвезем его в Петроград и посадим в

Петропавловку. Туда ему и дорога!" Остальные красногвардейцы поддержали его. Полковник печально взглянул на нас, и его увели...

Перед дворцом, где помещался Совет, стоял грузовик, отправлявшийся на фронт. Полдюжины красногвардейцев, несколько матросов и один или два солдата, которыми командовал рослый рабочий, забрались в кузов. Они крикнули мне, чтобы я ехал с ними. Из Совета выходили красногвардейцы, сгибаясь под грузом небольших бомб из рифленого железа, наполненных грубитом, который, как они говорили, в десять раз сильнее и впятеро чувствительнее динамита. Они взваливали все эти бомбы на грузовик. Потом зарядили трехдюймовку и прикрутили ее веревками и проволокой к грузовику.

Мы отправились при шумных криках, разумеется, полным ходом. Тяжелый грузовик мотался из стороны в сторону. Пушка переваливалась с колеса на колесо, а грубитные бомбы катались у нас под ногами, звонко стучаясь о боковые стенки автомобиля.

Рослый красногвардеец, которого звали Владимиром Николаевичем, закидал меня вопросами об Америке: "Зачем Америка вступила в войну? Готовы ли американские рабочие разделаться с капиталистами? В каком положении сейчас дело Муни (Том Муни - активный деятель рабочего движения США, литейщик, был приговорен к смертной казни по провокационному обвинению в том, будто бросил бомбу во время парада в Сан-Франциско 22 июля 1916 г. Под давлением огромного возмущения среди трудящихся президент Вильсон был вынужден вмешаться, и приговор был изменен: смертная казнь была заменена Тому Муни пожизненным тюремным заключением. Несмотря на доказанную невиновность Тома Муни, он просидел в тюрьме свыше двадцати лет и был освобожден во время президентства Рузвельта.) Будет ли Беркмэн (Беркмэн - один из сопроцессников Тома Муни.Ред.) выдан Сан-Франциско?" - и так далее. Нелегко было отвечать на все эти вопросы, выкрикивавшиеся под грохот машины, в то время как мы держались друг за друга и пританцовывали среди катавшихся бомб.

Время от времени патрули пытались остановить нас. Солдаты выбегали на дорогу и, вскидывая винтовки, кричали: "Стой!"

Но мы не обращали на них никакого внимания. "Черт вас дери! - кричали красногвардейцы. - Станем мы останавливаться для всякого! Мы Красная Гвардия!.." И мы гордо, с шиком грохотали дальше, а Владимир Николаевич продолжал выкрикивать мне что-то об интернационализации Панамского канала и тому подобных материях...

Отъехав около пяти миль, мы встретили группу матросов, шедших к Царскому. Мы замедлили ход.

"Братишки, где фронт?"

Передний матрос остановился и поскреб в затылке. "Утром был вон там, так, в полуверсте по дороге. А теперь - черт его знает где. Мы вот ходили, ходили, да так и не нашли".

Они влезли к нам на грузовик, и мы двинулись дальше. Мы, вероятно, проехали еще около мили, когда Владимир Николаевич вдруг прислушался и крикнул шоферу, чтобы остановил машину.

"Стреляют! - сказал он. - Слышите?" На мгновение наступило мертвое молчание, а затем впереди и слева от нас раздалось три быстрых, следовавших один за другим выстрела. По обе стороны дороги расстился густой лес. В состоянии сильного возбуждения мы осторожно поехали дальше, разговаривая шепотом, и остановились только тогда, когда грузовик оказался как раз почти напротив того места, откуда стреляли. Соскочив на землю, мы рассыпались в цепь и, крадучись, вошли в лес, сжимая винтовки.

Тем временем двое товарищей отвязали пушку и вертели ее до тех пор, пока ствол не оказался направленным прямо нам в спину.

В лесу царило глубокое молчание. Листья уже опали, и стволы деревьев тускло серели под лучами низкого и чахлого осеннего солнца. Все было недвижно. Слышно было только, как под нашими ногами хрустит лед, покрывавший мелкие лесные лужицы. Неужели засада?..

Мы беспрепятственно шли вперед, пока деревья не начали редеть и впереди не открылся просвет, и тогда остановились. Впереди, на маленькой полянке, трое солдат беспечно болтали у небольшого костра.

Владимир Николаевич шагнул вперед. Здравствуйте, товарищи! - сказал он. Наша пушка, двадцать винтовок и целый грузовик грубитных бомб - всё это, казалось, висело на волоске. Солдаты вскочили на ноги.

"Что у вас тут за стрельба?"

Один из солдат, облегченно вздохнув, ответил: Да это мы, товарищ, пару зайцев подстрелили...".

Наш грузовик мчался к Романову, рассекая светлый и пустынный воздух. На первом же перекрестке навстречу нам, размахивая винтовками, выскочили двое солдат. Мы замедлили ход и остановились.

"Пропуска, товарищи!"

Красногвардейцы подняли крик. "Мы Красная Гвардия. Не надо нам никаких пропусков... Валяй дальше, нечего разговаривать!.."

Но тут вмешался матрос. "Нельзя так, товарищи. Надо держать революционную дисциплину. Этак всякий контрреволюционер влезет на грузовик да скажет: "Не надо мне никаких пропусков!" Ведь эти товарищи нас не знают..."

Начался спор. Однако все мало-помалу согласилось с мнением матроса. Красногвардейцы с ворчанием вытащили свои грязные бумажки. Все удостоверения были одинаковы, и только мое, выданное революционным штабом в Смольном, имело совсем особый вид. Часовые заявили, что мне придется идти с ними. Красногвардейцы яростно запротестовали, но тот матрос, который первым

заговорил о дисциплине, вступился за часовых. "Мы знаем, что этот товарищ человек верный,- говорил он,- но ведь есть комитетские приказы, и этим приказам надо подчиняться. Такова революционная дисциплина..."

Чтобы не вызывать дальнейших споров, я слез с грузовика, и он умчался вперед, причем вся компания махала мне руками в знак прощального приветия. Солдаты с минуту пошептались, потом подвели меня к стене и поставили. Вдруг я понял все: они хотели расстрелять меня.

Я оглянулся: кругом ни души. Только один признак жилья - дымок над трубой деревянной дачи примерно в миле от дороги. Солдаты отошли от меня на дорогу. Я в отчаянии подбежал к ним.

"Да поглядите же, товарищи! Ведь это печать Военно-Революционного Комитета!"

Они тупо уставились на мой пропуск, потом друг на друга.

"Он не такой, как у других. - мрачно сказал один из них. - Мы, брат, читать не умеем".

Я схватил его за руку. "Идем! - заявил я.- Идем к тому-дому. Там, наверно, есть кто-нибудь грамотный". Солдаты заколебались. "Нет",- сказал один. Но другой еще раз поглядел на меня, "Почему нет? - проговорил он. - Убить невинного тоже не шутка..."

Мы подошли к двери дачи и постучались. Невысокая полная женщина открыла дверь и отпрянула назад с криком: "Я ничего об них не знаю! Ничего не знаю!"

Один из моих конвоиров протянул ей пропуск. Она снова закричала, "Да вы только прочтите, товарищ",- сказал солдат. Она неуверенно взяла бумажку и быстро прочла вслух:

"Настоящее удостоверение дано представителю американской социал-демократии интернационалисту товарищу Джону Риду..."

Вернувшись на дорогу, солдаты начали советоваться между собой. "Нам придется доставить вас в полковой комитет",- сказали они. Мы шли по грязной дороге сквозь густые сумерки. Время от времени нам встречались группы солдат. Они останавливались, подозрительно оглядывали меня, передавали из рук в руки мой пропуск и ожесточенно спорили о том, следует ли расстрелять меня или нет.

Было уже совсем темно, когда мы дошли до казарм 2-го Царскосельского стрелкового полка - низкого и длинного здания, тянувшегося вдоль дороги. Несколько солдат, болтавшихся у ворот, засыпали моих провожатых нетерпеливыми вопросами: "Шпион? Провокатор?" Мы поднялись по винтовой лестнице и вошли в огромную комнату с голыми стенами. В самой середине стояла печь, вдоль стен тянулись нары, на которых играли в карты, разговаривали, пели или просто спали солдаты. Их было до тысячи человек. В потолке зияла брешь, пробитая пушками Керенского.

Когда я появился на пороге, сразу воцарилось молчание. Все уставились на меня. Потом началось движение, сначала медленное, потом порывистее, зазвучали злобные голоса. "Товарищи! Товарищи! - кричал один из моих провожатых. Комитет! Комитет!" Толпа остановилась и с ропотом сомкнулась вокруг меня. Сквозь нее проталкивался худощавый юноша с красной повязкой на рукаве.

"Кто это?" - резко спросил он. Мои провожатые доложили. "Дайте его бумаги!" Он внимательно прочел и окинул меня пронизывающим взглядом. Затем улыбнулся и вернул мне пропуск.

"Товарищи, это американский товарищ. Я председатель комитета. Добро пожаловать в наш полк..." Злобный ропот внезапно перешел в гул радостных приветствий. Все бросились ко мне, стали пожимать мне руки.

"Вы еще не обедали? У нас обед уж кончился. Идите в офицерский клуб, там есть кому поговорить с вами на вашем языке..."

Председатель комитета проводил меня через двор к дверям другого здания. Как раз в это же время туда шел молодой человек аристократического вида, с погонами поручика. Председатель представил меня ему, пожал мне руку и ушел.

"Степан Георгиевич Моровский, к вашим услугам». - сказал поручик на прекрасном французском языке.

Из роскошного вестибюля вверх вела парадная лестница, освещенная сверкающими люстрами. Во втором этаже на площадку выходила биллиардная, карточная и библиотека. Мы вошли в столовую где в центре сидело человек двадцать офицеров в полной форме, с шашками, отделанными золотом и серебром, при крестах и ленточках императорских орденов. Когда я вошел, все вежливо встали и усадили меня рядом с полковником. Это был очень видный широкоплечий мужчина с седеющей бородой. Денщики бесшумно подавали обед. Атмосфера была точно такая же, как и в любом офицерском собрании. Где же тут революция?..

«Вы не большевик?» - спросил я Моровского.

Вокруг стола заулыбались, но я заметил, что двое или трое боязливо взглянули на денщиков.

«Нет, - ответил мой новый друг. – В нашем полку всего один офицер – большевик. Но сейчас он в Петрограде. Полковник – меньшевик. Капитан Херлов – кадет. А я сам – правый эсер. Должен сказать вам, что большинство офицеров нашей армии не большевики. Но они, как и я, верят в демократию и считают своей обязанностью следовать за солдатской массой...»

Когда обед кончился, денщики принесли карту, и полковник разложил ее на столе. Остальные столпились вокруг него.

«Вот здесь, - сказал полковник, указывая на карандашные пометки на карте, - утром были наши позиции. Владимир Кириллович, где теперь ваш отряд?»

Капитан Херлов указал. «Согласно приказу мы заняли позиции вдоль этой дороги. Красавин сменил меня в пять часов...»

Тут дверь открылась, и в столовую вошел председатель полкового комитета с каким-то солдатом. Они присоединились к группе, окружавшей полковника, и наклонились над картой.

«Отлично, - сказал полковник. – Казаки отошли в нашем секторе на десять километров. Я не считаю необходимым переносить позиции вперед. Господа, сегодня ночью вы будете удерживать вот эту линию, укрепляя позиции путем...»

«Виноват, - перебил председатель полкового комитета. – Имеется приказ двигаться вперед как можно скорее и готовиться наутро вступить в бой с казаками к северу от Гатчины. Необходимо окончательно разбить их. Будьте любезны сделать соответствующие распоряжения...»

Наступило короткое молчание. Полковник снова повернулся к карте. «Хорошо, - сказал он изменившимся голосом. – Степан Георгиевич, не у годно ли вам...» И, быстро проведя на карте линии синим карандашом, он отдал несколько приказаний, которые стоявший тут же унтер-офицер стенографически записал. Затем унтер-офицер ушёл и через десять минут вернулся с готовым приказом, переписанным на машинке в двух экземплярах. Председатель комитета взял копию приказа и сверил её с картой.

«Всё в порядке», — сказал он, вставая. Он сложил копию и сунул её в карман. Затем подписал основной экземпляр, приложил к нему круглую печать, которую вынул из кармана, и передал подписанный приказ полковнику...

Вот она где была революция!

Я вернулся во дворец Совета в Царское в автомобиле полкового штаба. Здесь всё оставалось, как было: толпы рабочих, солдат и матросов прибывали и уходили, всё кругом было запружено грузовиками, броневиками и пушками, всё ещё звучали в воздухе крики и смех — торжество необычной победы. Сквозь толпу проталкивалось с полдюжины красногвардейцев, среди которых шёл священник. Это был отец Иван, говорили они, тот самый, который благословлял казаков, когда они входили в город. Позже мне пришлось услышать, что этот священник был расстрелян.⁴

Из дверей Совета, раздавая направо и налево быстрые приказания, вышел Дыбенко. В руках у него был всё тот же большой револьвер. Во дворе стояла заведённая машина. Дыбенко уселся один на заднее сиденье и умчался — умчался в Гатчину, разделяваться с Керенским.

К ночи он доехал до предместья, вышел из автомобиля и дальше пошёл пешком. Никому неизвестно, что говорил Дыбенко казакам, но верно то, что генерал Краснов сдался со всем своим штабом и несколькими тысячами казаков, а Керенскому посоветовал сделать то же самое.⁵

Что до Керенского, то я привожу здесь выписку из показаний генерала Краснова от 14 ноября (1 ноября):

«1 ноября 1917 г. из г. Гатчины.

Около 15 час. сегодня меня к себе потребовал верховный главнокомандующий. Он был очень взволнован и нервен.

«Генерал, — сказал он, — вы меня предали. Тут ваши казаки определённо говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам».

«Да, — отвечал я, — разговоры об этом идут, и я знаю, что сочувствия к вам нигде нет».

«Но и офицеры говорят то же».

«Да, офицеры особенно недовольны вами».

«Что же мне делать? Приходится покончить с собой!»

«Если вы честный человек, вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в революционный комитет, где переговорите как глава правительства».

«Да, я это сделаю, генерал».

«Я вам даю охрану и попрошу, чтобы с вами поехал матрос».

«Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?»

«Я не знаю, кто такой Дыбенко».

«Это мой враг».

«Ну что же делать? Раз ведёте большую игру, то надо уметь и ответ дать».

«Да, только я уеду ночью».

«Зачем? Это будет бегство. Поезжайте спокойно и открыто, чтобы все видели, что вы не бежите».

«Да, хорошо. Только дайте мне конвой надёжный».

«Хорошо».

Я пошёл, вызвал казака 10-го Донского казачьего полка Русакова и приказал назначить восемь казаков для окарауливания верховного главнокомандующего. Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, что он бежал. Я поднял тревогу и приказал его отыскать, полагая, что он не мог убежать из Гатчины и скрывается где-либо здесь же».

Так бежал Керенский, один, переодетый матросом. Бежал и тем самым потерял последние остатки той популярности, которой когда-то пользовался у русских масс.

Я возвращался в Петроград, сидя вместе с шофёром-рабочим в кабине грузовика, переполненного красногвардейцами. Керосина у нас не было, так что зажечь фонари не пришлось. Дорога была забита пролетарской армией, возвращавшейся домой, и свежими резервами, двигавшимися на фронт, чтобы занять её место. Во мраке смутно вырисовывались огромные грузовики вроде нашего, артиллерийские колонны, повозки — всё это, подобно нам, без огней. Мы отчаянно неслись вперёд, резко сворачивая то вправо, то влево, чтобы избежать столкновений, которые казались неизбежными, и задевая чужие колёса. Вслед нам неслась брань пешеходов.

А на горизонте сверкали огни столицы, которая ночью выглядела гораздо более великолепной, чем днём. Казалось, что по голой равнине была рассыпана целая груда бриллиантов.

Старик-рабочий, правивший нашей машиной, восторженным жестом взмахнул в сторону сиявшей вдали столицы.

«Мой! — кричал он, и лицо его сияло. — Теперь весь мой! Мой Петроград!»

Глава X. Москва.

Военно-революционный комитет с неослабевающим напряжением развивал свои победы.

«Ноября 14-го (1-го):

Всем армейским, корпусным, дивизионным, полковым комитетам, всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Всем, всем, всем.

На основании соглашения казаков, юнкеров, солдат, матросов и рабочих решено было Александра Фёдоровича Керенского предать гласному народному суду. Просим задержать Керенского, предать гласному народному суду. Просим задержать Керенского и требовать от него от имени вышепоименованных организаций немедленно явиться в Петроград для передачи себя суду.

Подписи: казаки 1-й Донской казачьей Уссурийской конной дивизии, комитет юнкеров партизанского отряда Петроградского округа, представитель 5 армии.

Народный комиссар Дыбенко».

Комитет спасения, дума, Центральный комитет партии социалистов-революционеров, с гордостью числившей Керенского своим членом, — все горячо возражали, утверждая, что Керенский несёт ответственность только перед Учредительным собранием.

Вечером 16 (3) ноября я наблюдал, как по Загородному проспекту двигались две тысячи красногвардейцев с военным оркестром, игравшим «Марсельезу» (как верно попадала она в тон этому войску!), и кроваво-красными флагами, реявшими над густыми рядами рабочих, шедших приветствовать своих братьев, вернувшихся домой с фронта защиты красного Петрограда. В холодных сумерках шагали они, мужчины и женщины, и длинные штыки их винтовок качались над ними; они шли по еле освещённым и скользким от грязи улицам, сопровождаемые взглядами буржуазной толпы, молчаливой, презрительной и напуганной.

Все были против них: дельцы, спекулянты, рантье, помещики, армейские офицеры, политические деятели, учителя, студенты, люди свободных профессий, лавочники, чиновники, служащие. Все другие социалистические партии ненавидели большевиков самой чёрной ненавистью. На стороне Советов были массы рядовых

рабочих, матросы, все не деморализованные солдаты, безземельные крестьяне да горсточка, крохотная горсточка, интеллигенции.

Из отдалённых уголков необъятной России, по которой прокатилась волна отчаянных уличных боёв, весть о разгроме Керенского отозвалась громовым эхом пролетарской победы; Казань, Саратов, Новгород, Винница, где улицы залиты кровью, Москва, где большевики направили артиллерию на последнюю цитадель буржуазии — на Кремль.

«Они бомбардируют Кремль!» Эта новость почти с ужасом передавалась на петроградских улицах из уст в уста. Приезжие из «матушки Москвы белокаменной» рассказывали страшные вещи. Тысячи людей убиты. Тверская и Кузнецкий в пламени, храм Василия Блаженного превращён в дымящиеся развалины, Успенский собор рассыпается в прах, Спасские ворота Кремля вот-вот обрушатся, дума сожжена дотла.¹

Ничто из того, что было совершено большевиками, не могло сравниться с этим ужасным святотатством в самом сердце святой Руси. Набожным людям слышался гром пушек, палящих прямо в лицо святой православной церкви и разбивающих вдребезги святая святых русской нации.

15 (2) ноября комиссар народного просвещения Луначарский разрыдался на заседании Совета Народных Комиссаров и выбежал из комнаты с криком:

«Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого разрушения всей красоты и традиции...»

Вечером в газетах появилось его заявление об отставке:

«Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве.

Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется.

Жертв тысячи.

Борьба ожесточается до звериной злобы.

Что ещё будет? Куда идти дальше?

Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён.

Работать под гнётом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя.

Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров.

Я сознаю всю тяжесть этого решения, но я не могу больше...»²

В тот же день белогвардейцы и юнкера сдали Кремль. Их беспрепятственно отпустили на свободу. В мирном договоре значилось:

«1. Комитет общественной безопасности прекращает своё существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружия. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Всё остальное оружие юнкерами

возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписания мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются...».

Большевики держали город в своих руках уже в течение двух дней. Перепуганные обитатели вылезли из подвалов и отправились на розыски своих покойников. С улиц убрали баррикады. Однако рассказы о разрушении Москвы не только не стихала, но разрастались... Именно эти-то ужасные слухи и побудили нас отправиться в Москву.

В сущности, Петроград, хотя он вот уже двести лет является резиденцией русского правительства, всё же так и остался искусственным городом. Москва — настоящая Россия, Россия, какой она была в прошлом и станет в будущем; в Москве мы сможем почувствовать истинное отношение русского народа к революции. Там жизнь была более напряжённой.

В течение минувшей недели Петроградский военно-революционный комитет при поддержке рядовых железнодорожных рабочих овладел Николаевским вокзалом и гнал один за другим эшелоны матросов и красногвардейцев на юго-восток. В Смольном нам выдали пропуска, без которых никто не мог уехать из столицы... Как только подали состав, толпа оборванных солдат, нагруженных огромными мешками с продуктами, кинулась в вагоны, вышибая двери и ломая оконные стёкла, забила все купе и проходы, многие влезли даже на крыши вагонов. Кое-как трое из нас пробилась в своё купе, но к нам сейчас же втиснулось около двадцати солдат. Мест было всего для четверых; мы спорили и требовали, кондуктор поддерживал нас, но солдаты только смеялись. С какой стати им заботиться об удобствах кучки буржуев! Мы показали мандаты из Смольного. Солдаты немедленно переменили отношение.

«Идём отсюда, товарищи! — закричал один из них. — Это американские товарищи! Они приехали посмотреть нашу революцию за тридцать тысяч верст... Здорово, небось, устали!»

Вежливо и дружелюбно извинившись, солдаты очистили наше купе. Скоро мы услышали, как они выламывали дверь в соседнем купе, где заперлось двое толстых и хорошо одетых русских, давших взятку кондуктору.

Около семи часов вечера мы двинулись. Маленький и слабый паровоз, топившийся дровами, еле-еле тянул за собой наш огромный, перегруженный поезд и часто

останавливался. Солдаты, ехавшие на крыше, стучали каблуками и пели заунывные крестьянские песни. В коридоре, забитом так, что пройти было совершенно невозможно, всю ночь шли ожесточённые политические споры. Время от времени появлялся кондуктор и по привычке спрашивал билеты. Но, кроме нас, билетов почти ни у кого не было, и, поругавшись с полчаса, кондуктор в отчаянии воздевал руки к потолку и уходил. Воздух был спёртый, прокуренный и зловонный. Если бы не разбитые окна, мы, наверное, задохнулись бы в ту ночь.

Утром, опоздав на много часов, мы увидели кругом заснеженный мир. Стоял жестокий холод. Около 12 часов дня появилась какая-то крестьянка с корзинкой, полной ломтями хлеба, и большим чайником тепловатого суррогата кофе. С тех пор и до самой ночи мы уже ничего не видели, кроме нашего тряского, переполненного народом и поминутно останавливающегося поезда да редких станций, на которых прожорливая толпа моментально заполняла буфеты и опустошала их скудные запасы. На одной из таких станций я увидел Ногина и Рыкова, отколовшихся комиссаров, которые возвращались в Москву для того, чтобы изложить свои жалобы перед собственным Советом. Тут же был и Бухарин, невысокий рыжебородый человек с глазами фанатика, о котором говорили, что он «более левый, чем Ленин».

Третий звонок, и мы кидаемся к поезду, пробивая себе путь сквозь проход, забитый шумливой толпой. То была необычайно добродушная толпа, переносившая все лишения с каким-то юмористическим спокойствием, без конца спорившая обо всём на свете, от положения в Петрограде до организации английских тред-юнионов, и вступавшая в громкие пререкания с немногими «буржуями», какие были в поезде. Пока мы доехали до Москвы, почти в каждом вагоне организовался комитет по добыванию и распределению продовольствия, и эти комитеты также распались на политические фракции, не замедлившие вступить в споры об основных принципах.

В Москве вокзал был совершенно пуст. Мы зашли в помещение комиссара, чтобы сговориться об обратных билетах. Комиссар оказался мрачным и очень юным поручиком. Когда мы показали ему свои мандаты из Смольного, он вышел из себя и заявил, что он не большевик, а представитель Комитета общественной безопасности. Характерная чёрточка: в общей сумятице, поднявшейся при завоевании города, победители позабыли о главном вокзале...

Кругом ни одного извозчика. Впрочем, пройдя несколько кварталов, мы нашли, кого искали. До смешного закутанный извозчик дремал на козлах своих узеньких санок. «Сколько до центра города?»

Извозчик почесал в затылке.

«Вряд ли, барин, вы найдёте комнату в гостинице, — сказал он. — Но за сотню, так и быть, сvezу...» До революции это стоило всего два рубля! Мы стали торговаться, но он только пожимал плечами. «В такое время не всякий и поедет-то, — говорил он. — Тоже храбрость нужна». Больше пятидесяти рублей нам выторговать не удалось. Пока ехали по молчаливым и снежным, еле освещённым улицам,

извозчик рассказывал нам о своих приключениях за время шестидневных боёв. «Едешь себе или стоишь у угла, — говорил он, — и вдруг — бац! — ядро. Бац! — другое. Та-та-та!... — пулемёт... Я скорей в сторону, нахлёстываю, а кругом эти черти орут. Только найдёшь спокойную улочку, станешь на месте да задремлешь — бац! — опять ядро. Та-та-та... Вот черти, право, черти!...»

В центре города, занесённые снегом улицы затихли в безмолвии, точно отдыхая после болезни. Редкие фонари, редкие торопливые пешеходы. Ледяной ветер пробирал до костей. Мы бросились в первую попавшуюся гостиницу, где горели две свечи.

«Да, конечно, у нас имеются очень удобные комнаты, но только все стёкла выбиты. Если господа не возражают против свежего воздуха...»

На Тверской окна магазинов были разбиты, булыжная мостовая была разворочена, часто попадались воронки от снарядов. Мы переходили из гостиницы в гостиницу, но одни были переполнены, а в других перепуганные хозяева упорно твердили одно и то же. «Комнат нет! Нет комнат...». На главных улицах, где сосредоточены банки и крупные торговые дома, были видны зияющие следы работы большевистской артиллерии. Как говорил мне один из советских работников, «когда нам не удавалось в точности установить, где юнкера и белогвардейцы, мы прямо палили по их чековым книжкам».

Наконец, нас приютили в огромном отеле «Националь» (как-никак мы были иностранцами, а Военно-революционный комитет обещал охранять местожительство иностранных подданных). Хозяин гостиницы показал нам в верхнем этаже окна, выбитые шрапнелью. «Скоты! — кричал он, потрясая кулаками по адресу воображаемых большевиков. — Ну, погодите! Придёт день расплаты! Через несколько дней ваше смехотворное правительство пойдёт к чёрту! Вот когда мы вам покажем! ...»

Мы пообедали в вегетарианской столовой с соблазнительным названием: «Я никого не ем». На стенах были развешаны портреты Толстого. После обеда мы вышли пройтись по улицам.

Московский Совет помещался в импозантном белом здании на Скобелевской площади — в бывшем дворце генерал-губернатора. Вход охранялся красногвардейцами. Поднявшись по широкой парадной лестнице, стены которой были заклеены объявлениями о комитетских собраниях и воззваниями политических партий, мы прошли через ряд величественных приёмных залов, увешанных картинами в золотых рамах, затянутых красным, и вошли в роскошный парадный зал с великолепными хрустальными люстрами и позолоченными карнизами. Тихий говор многих голосов и стрёкот нескольких швейных машин заполняли помещение. На полу и на столах были разостланы длинные полосы красной и чёрной материи, и около полсотни женщин кроили и шивали ленты и знамёна для похорон жертв революции. Лица этих женщин сморщились и огрубели в тяжёлой борьбе за существование. Они работали, печальные и суровые, у многих были слёзы на глазах... Потери Красной Армии были тяжелы...

В углу за письменным столом сидел Рогов, с умным лицом, в очках и чёрной рабочей блузе. Он пригласил нас принять участие вместе с членами исполнительного комитета в похоронной процессии, назначенной на следующее утро.

«Меньшевиком и эсером ничему не выучишь! — воскликнул Рогов. — Они соглашательствуют просто по привычке... Представьте себе, они предложили нам организовать похороны совместно с юнкерами! ...»

Через зал шёл человек в потрёпанной солдатской шинели и в шапке. Лицо его показалось мне знакомым: **я узнал Мельничанского, с которым мне приходилось встречаться в Байоне (штат Нью-Джерси) во время знаменитой забастовки на предприятиях компании «Стандарт ойл». В те времена он был часовщиком и звался Джорджем Мельчером.** Теперь из его слов я узнал, что он является секретарём Московского профессионального союза металлистов, а во время уличных боёв был комиссаром Военно-революционного комитета.

«Вот полюбуйтесь! — кричал он, показывая на свои жалкие лохмотья. — Когда юнкера в первый раз явились в Кремль, я как раз был там с нашими хлопцами. Меня бросили в подвал, отняли у меня пальто, деньги, часы, даже кольцо с пальца сняли. Вот в чём теперь приходится ходить! ...»³

Он рассказал мне много подробностей о кровавом шестидневном сражении, которое разделило Москву на две части. Московская дума не в пример Петроградской непосредственно руководила юнкерами и белогвардейцами. Городской голова Руднев и председатель думы Минор направляли действия Комитета общественной безопасности и войск. Комендант города Рябцев был настроен демократически и сомневался, следует ли ему вступать в борьбу с Военно-революционным комитетом. Вступить в эту борьбу заставила его именно дума. Захват Кремля был произведён по настоянию городского головы. «Если вы будете в Кремле, большевики не посмеют обстрелять вас», — говорил он.

Обе борющиеся стороны старались привлечь к себе совершенно деморализованный долгим бездействием один из полков гарнизона. Этот полк устроил собрание и на нём обсудил положение. В конце концов солдаты решили оставаться нейтральными и продолжать свою прежнюю деятельность, т.е. торговать камушками для зажигалок и подсолнухами.

«Но хуже всего, — рассказывал Мельничанский, — было то, что нам приходилось организовывать свои силы уже во время боя. Враги прекрасно знали, чего хотели, а на нашей стороне у солдат был свой Совет, а у рабочих свой... Страшные пререкания начались из-за того, кому быть командующим. Некоторые полки, прежде чем решиться, что им делать, митинговали по нескольку дней. А когда офицеры вдруг ушли от нас, мы оказались без военного штаба...»

Он набросал предо мной много живых картинок. Однажды в серый холодный день он стоял на углу Никитской, который обстреливался пулемётным огнём. Тут же скопилась кучка уличных сорванцов, обычно торговавших газетами. Они придумали себе новую игру: дождавшись момента, когда обстрел несколько

стихал, они принимались бегать взад и вперёд через улицу. Вся компания была очень возбуждена и увлечена игрой. Многие были убиты, но остальные продолжали перебегать с тротуара на тротуар, подбивая друг друга.

Поздно вечером я отправился в Дворянское собрание, где московские большевики собрались для обсуждения доклада Ногина, Рыкова и других, вышедших из состава Совета Народных Комиссаров.

Собрание происходило в театральном зале, где при старом режиме любители разыгрывали перед публикой, состоявшей из офицеров и блестящих дам, французские комедии.

Сначала зал был наполнен одними интеллигентами: они жили ближе к центру города. Выступал Ногин, и большинство аудитории было вполне на его стороне. Рабочие стали появляться гораздо позже: они жили на окраинах, а трамваи в те дни не ходили. Но около полуночи они уже начали подниматься по лестницам группами по десяти-двенадцати человек. То были крупные, крепкие люди в грубой одежде, только что покинувшие места боёв. Целую неделю сражалась они, как черти, видя кругом себя смерть своих товарищей.

Как только собрание было формально открыто, Ногина осыпали градом насмешек и злобных выкриков. Напрасно пытался он объясняться и оправдываться, его не хотели слушать. Он оставил Совет Народных Комиссаров, он дезертировал со своего поста в самом разгаре боя! ... Что до буржуазной печати, то здесь, в Москве, её уже не было. Даже городская дума была распущена.⁴ На трибуну поднялся взбешённый, ядовитый Бухарин, чей голос извергал удар за ударом. Собравшиеся слушали его с горящими глазами. Резолюция о поддержке действий Совета Народных Комиссаров собрала подавляющее большинство голосов. Так сказала своё слово Москва...

Поздней ночью мы прошли по опустевшим улицам и через Иверские ворота вышли на огромную Красную площадь, к Кремлю. В темноте были смутно видны фантастические очертания ярко расписанных, витых и резных куполов Василия Блаженного, не было заметно никаких признаков каких-либо повреждений. На одной стороне площади вздымались ввысь тёмные башни и стены Кремля. На высокой стене вспыхивали красные отблески невидимых огней. Через всю огромную площадь до нас долетали голоса и стук ломов и лопат. Мы перешли площадь.

У подножия стены были навалены горы земли и булыжника. Взобравшись повыше, мы заглянули вниз и увидели две огромные ямы в десять-пятнадцать футов глубины и пятьдесят ярдов ширины, где при свете больших костров работали лопатами сотни рабочих и солдат.

Молодой студент заговорил с нами по-немецки. «Это братская могила, — сказал он, — завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию».

Он свёл нас в яму. Кирки и лопаты работали с лихорадочной быстротой, и гора земли всё росла и росла. Все молчали. Над головой небо было густо усеяно звёздами, да древняя стена царского Кремля уходила куда-то ввысь.

«Здесь, в этом священном месте, — сказал студент, — самом священном во всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь — народ...» Рука у него была на перевязи, её пробил пуля во время уличных боев. Студент глядел на неё. «Вы, иностранцы, — продолжал он, — смотрите на нас, русских, сверху вниз, потому что мы так долго терпели средневековую монархию. Но мы видели, что царь был не единственным тираном в мире; капитализм ещё хуже, а ведь он повелевает всем миром, как настоящий император... Нет революционной тактики лучше русской...»

Когда мы уходили, рабочие, уже сильно уставшие и мокрые от пота, несмотря на мороз, стали медленно выбираться из ям. Через Красную площадь уже торопилась на смену масса людей. Они соскочили в ямы, схватились за лопаты и, не говоря ни слова, принялись копать, копать, копать...

Так всю эту долгую ночь добровольцы от народа сменяли друг друга, ни на минуту не останавливая своей спешной работы, и холодный утренний свет уже озарил на огромной белоснежной площади две зияющие коричневые ямы совершенно готовой братской могилы.

Мы поднялись ещё до восхода солнца и поспешили по тёмным улицам к Скобелевской площади. Во всём огромном городе не было видно ни души. Но со всех сторон издали и вблизи был слышен тихий и глухой шум движения, словно начинался вихрь. В бледном полусвете раннего утра перед зданием Совета собралась небольшая группа мужчин и женщин с целым снопом красных знамён с золотыми надписями — знамён исполнительного комитета Московского Совета. Светало... Доносившийся издали приглушённый движущийся шум крепчал, становился всё громче, переходя в рокот. Город поднимался на ноги. Мы двинулись вниз по Тверской, неся над собой реющие знамёна. Часовенки, мимо которых нам пришлось идти, были заперты. В них было темно. Заперта была и часовня *Иверской божьей матери*, которую некогда посещал перед коронаванием в Кремле каждый новый царь и которая обычно была открыта и наполнена толпой круглые сутки, сияя огнями, отражавшими на золоте, серебре и драгоценных камнях её икон отблески свечей, зажжённых набожной рукой. А теперь, как уверяли, впервые со времени наполеоновского нашествия свечи погасли.

Святая православная церковь лишила своего благословения Москву — это гнездо ядовитых ехидн, осмеливавшихся бомбардировать Кремль. Церкви были погружены в мрак, безмолвие и холод, священники исчезли. Для красных похорон нет попов, не будет панихид по усопшим, над могилой святотатцев не вознесётся никаких молитв. А вскоре московский митрополит Тихон наложит на Советы отлучение.

Магазины были тоже закрыты, и представители имущих классов сидели дома по другим причинам. Этот день был днём народа, и молва о его пришествии гремела, как морской прибой.

Через **Иверские ворота** уже потекла людская река, и народ тысячами запрудил обширную Красную площадь. Я заметил, что, проходя мимо Иверской, никто не крестился, как это делалось раньше...

Мы протолкались сквозь густую толпу, сгрудившуюся у Кремлёвской стены, и остановились на вершине одной из земляных гор. Здесь уже было несколько человек, в том числе солдат Муралов, избранный на пост московского коменданта, высокий, бородатый человек с добродушным взглядом и простым лицом.

Со всех улиц на Красную площадь стекались огромные толпы народа. Здесь были тысячи и тысячи людей, истощённых трудом и бедностью. Пришёл военный оркестр, игравший «Интернационал», и вся толпа стихийно подхватила гимн, медленно и торжественно разлившийся по площади, как морская волна. С зубцов Кремлевской стены свисали до самой земли огромные красные знамёна с белыми и золотыми надписями: «Мученикам авангарда мировой социалистической революции» и «Да здравствует братство рабочих всего мира!».

Резкий ветер пролетал по площади, развевая знамёна. Теперь начали прибывать рабочие фабрик и заводов отдалённых районов города; они несли сюда своих мертвецов. Можно было видеть, как они идут через ворота под трепещущими знамёнами, неся красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетёсаных досок, покрытые красной краской, и их высоко держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами. За гробами шли женщины, громко рыдая или молча, окаменевшие, мертвенно-бледные; некоторые гробы были открыты, и за ними отдельно несли крышки; иные были покрыты золотой или серебряной парчой, или к крышке была прикреплена фуражка солдата. Было много венков из неживых искусственных цветов...

Процессия медленно подвигалась к нам по открывавшемуся перед нею и снова сдвигавшемуся неровному проходу. Теперь через ворота лился бесконечный поток знамён всех оттенков красного цвета с золотыми и серебряными надписями, с чёрным крепом на верхушках древков. Было и несколько анархистских знамён, чёрных с белыми надписями. Оркестр играл революционный похоронный марш, и вся огромная толпа, стоявшая с непокрытыми головами, вторила ему. Печальное пение часто прерывалось рыданиями...

Между рабочими шли отряды солдат также с гробами, сопровождаемыми воинским эскортом — кавалерийскими эскадронами и артиллерийскими батареями, пушки которых увиты красной и чёрной материей, увиты, казалось, навсегда. На знамёнах воинских частей надписи: «Да здравствует III Интернационал!» или «Требуем всеобщего справедливого демократического мира!». Похоронная процессия медленно подошла к могилам, и те, кто нёс гробы, опустили их в ямы. Многие из них были женщины — крепкие, коренастые

пролетарки. А за гробами шли другие женщины — молодые, убитые горем или морщинистые старухи, кричавшие нечеловеческим криком. Многие из них бросались в могилу вслед за своими сыновьями и мужьями и страшно вскрикивали, когда жалостливые руки удерживали их. Так любят друг друга бедняки...

Весь долгий день до самого вечера шла эта траурная процессия. Она входила на площадь через Иверские ворота и уходила с неё по Никольской улице, поток красных знамён, на которых были написаны слова надежды и братства, ошеломляющие пророчества. И эти знамёна развевались на фоне пятидесятитысячной толпы, а смотрели на них все трудящиеся мира и их потомки отныне и навеки...

Один за другим уложены в могилу пятьсот гробов. Уже спускались сумерки, а знамёна всё ещё развевались и шелестели в воздухе, оркестр играл похоронный марш, и огромная толпа вторила ему пением. Над могилой на обнажённых ветвях деревьев, словно странные многокрасочные цветы, повисли венки. Двести человек взялись за лопаты и стали засыпать могилу. Земля гулко стучала по гробам, и этот резкий звук был ясно слышен, несмотря на пение.

Зажглись фонари. Пронесли последнее знамя, прошла, с ужасной напряжённостью оглядываясь назад, последняя плачущая женщина. Пролетарская волна медленно схлынула с Красной площади...

И вдруг я понял, что набожному русскому народу уже не нужны больше священники, которые помогали бы ему вымалывать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какого не найдёшь ни на каком небе, такое царство, за которое умереть — счастье...

Глава XI. Завоевание власти. ¹

«Декларация прав народов России» ²

...Съезд Советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение.

Второй Съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определёнno.

Исполняя волю этих съездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

- 1) Равенство и суверенность народов России.
- 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
- 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Вытекающие отсюда конкретные декреты будут выработаны немедленно после конструирования комиссии по делам национальностей.

Именем Республики Российской

Председатель Совета Народных Комиссаров

В.Ульянов (Ленин)

Народный Комиссар по делам национальностей

Иосиф Джугашвили-Сталин».

Центральная рада в Киеве немедленно объявила Украину самостоятельной республикой. То же самое сделало и финское правительство в лице Гельсингфорского сената. В Сибири и на Кавказе тоже появились независимые «правительства». Польский главный военный комитет немедленно выделил из русской армии все польские отряды, собрав их в одно целое, упразднил их комитеты и ввёл в них железную дисциплину...

Все эти «правительства» и «движения» отличались двумя общими характерными чертами: ими заправляли имущие классы, и они боялись и ненавидели большевиков.

Среди всего этого хаоса, ошеломляющих перемен Совет Народных Комиссаров неустанно продолжал строить социалистический порядок. Декрет за декретом: о социальном обеспечении, о рабочем контроле, правила для волостных земельных комитетов, отмена чинов и сословий, уничтожение старой судебной системы, создание народных трибуналов... ³

Армия за армией, флот за флотом слали в Петроград делегации, «радушно приветствуя новое народное правительство».

Однажды я увидел против Смольного обтрёпанный полк, только что вернувшийся из окопов. Солдаты выстроились перед большими воротами, исхудалые, с землистыми лицами, и смотрели на Смольный так, как будто бы ожидали увидеть в нём самого господ бога. Некоторые со смехом поглядывали на всё ещё красовавшихся над входом императорских орлов. В это время к Смольному подошёл отряд красногвардейцев сменять караул. Все солдаты с большим любопытством повернулись поглядеть на них, потому что они много слышали о красногвардейцах, но никогда их не видели. Они добродушно посмеивались, выходили из рядов и хлопали красногвардейцев по плечу с полунасмешливыми, полувосторженными замечаниями...

Временного правительства уже не было. 15 (2) ноября священники всех петроградских церквей перестали поминать его на ектеньях. Но, как сказал во ВЦИК сам Ленин, «завоевание власти только ещё начиналось». Лишённые оружия,

оппозиционные силы, всё ещё державшие в своих руках экономическую жизнь страны, принялись за организацию хозяйственного разгрома и со всей способностью к совместным действиям, свойственной русскому народу, старались мешать Советам в их работе, разваливать и дискредитировать их.

Забастовка государственных служащих была хорошо организована и финансировалась банками и коммерческими предприятиями. Всякая попытка большевиков взять в свои руки правительственный аппарат встречала сопротивление.

Троцкий явился в министерство иностранных дел. Чиновники отказались признавать его и заперлись в своих помещениях, а когда двери были взломаны, они все подали в отставку. Он потребовал ключи от архивов, ключи были выданы ему только после того, как вызванные им рабочие явились взламывать замки. Тогда оказалось, что бывший товарищ министра иностранных дел Нератов скрылся и унёс с собой тайные договоры...

Шляпников пытался овладеть министерством труда. Стояла жестокая стужа, а в министерстве некому было затопить печи. Служащих было несколько сот, но ни один из них не захотел показать Шляпникову, где находится кабинет министра...

Александра Коллонтай, назначенная 13 ноября (31 октября) комиссаром социальной обеспечения, была в министерстве встречена забастовкой; на работу вышло всего сорок служащих. Это сейчас же крайне тяжело отразилось на всей бедноте крупных городских центров и на лицах, содержащихся в приютах и благотворительных учреждениях, — все они попали в безвыходное положение. Здание министерства осаждалось делегациями голодающих калек и сирот с бледными, истощёнными лицами. Расстроенная до слёз Коллонтай велела арестовать забастовщиков и не выпустила их, пока они не отдали ключей от учреждения и сейфа. Но когда она получила эти ключи, то выяснилось, что её предшественница, графиня Панина, скрылась со всеми фондами. Графиня отказалась сдавать их кому бы то ни было, кроме Учредительного собрания. ⁴

То же самое творилось в министерстве земледелия, в министерстве продовольствия, в министерстве финансов. Чиновники, которым было приказано выйти на работу под страхом лишения места и права на пенсию, либо продолжали бастовать, либо возобновляли работу только для того, чтобы саботировать. Так как почти вся интеллигенция была против большевиков, то набирать новые штаты Советскому правительству было не из кого.

Частные банки упрямо не желали открываться, но спекулянты отлично обделывали в них свои дела с заднего крыльца. Когда появлялись большевистские комиссары, служащие уходили, причём прятали книги и уносили с собой фонды. Бастовали и все чиновники Государственного банка, кроме служащих в подвалах и в экспедиции заготовления государственных бумаг, которые отвечали отказами на все требования Смольного и при этом частным образом выдавали большие суммы Комитету спасения и городской думе.

В банк два раза являлся комиссар с ротой красногвардейцев и официально требовал выдачи крупных сумм на нужды правительства. В первый раз его встретили члены думы, а также меньшевистские и эсеровские вожди. Их было так много и они так серьёзно говорили о возможных последствиях насильственных действий, что комиссар оказался устрешённым. Во второй раз он явился с официальным мандатом и прочитал его вслух. Но тут кто-то заметил ему, что на мандате не было ни даты, ни печати. И традиционное для России почтение к «бумаге» заставило комиссара снова удалиться ни с чем.

Чиновники кредитной канцелярии уничтожили свои книги, так что установить картину финансовых отношений России с другими государствами оказалось совершенно невозможным.

Продовольственные комитеты и администрация муниципальных предприятий общественного пользования либо не работали вовсе, либо саботировали. А когда большевики, видя ужасную нужду городского населения, пытались помочь делу или взять его в свои руки, служащие немедленно бросали работу, а дума наводняла всю Россию телеграммами о том, что большевики «нарушают автономию городского самоуправления».

В военных штабах, в учреждениях военного и морского министерств, служащие которых согласились продолжать работать, ожесточённое сопротивление Советам оказывали армейские комитеты и высшее командование. Они саботировали, как только могли, даже если это отражалось на положении фронта. Викжель был настроен враждебно и отказывался перевозить советские войска. Каждый эшелон, отправляемый из Петрограда, буквально пробивал себе дорогу силой, приходилось постоянно арестовывать железнодорожных служащих. Тут на сцену выступал Викжель и требовал освобождения арестованных, угрожая немедленно объявить всеобщую забастовку.

Смольный был явно бессилён. Газеты твердили, что через три недели все петроградские фабрики и заводы останутся из-за отсутствия топлива. Викжель объявлял, что к первому декабря прекратится железнодорожное движение. В Петрограде оставалось хлеба всего на три дня, а новых запасов не подвозилось. Армия на фронте голодала... Комитет спасения и всевозможные центральные комитеты рассылали по всей стране призывы к населению не обращать никакого внимания на декреты правительства. Союзные посольства выказывали либо холодное безразличие, либо открытую враждебность.

Оппозиционные газеты, ежедневно закрываемые и на следующее же утро выходящие под новыми названиями, осыпали новый режим ядовитыми насмешками.⁵ Даже «Новая Жизнь» характеризовала его как «комбинацию из демагогии и бессилия». «С каждым днём, — писала она, — правительство Народных Комиссаров запутывается всё более и более в проклятой прозе обыденщины. Так легко захватив власть, большевики никак не могут вступить фактически во владение ею.

Бессильные овладеть существующим механизмом государства, они не могут в то же время создать новый, который легко и свободно работал бы по указке социалистов-экспериментаторов.

Ведь если ещё так недавно большевикам не хватало людей для очередной работы в растущей партии, — работы прежде всего языком и пером, то откуда же могли бы появиться у них люди для выполнения многообразных и сложнейших специальных задач государственной жизни?

Новая власть рвёт и мечет, засыпает страну декретами, один другого “радикальнее и социалистичнее”. Но в этом бумажном социализме, предназначенном более на предмет ошеломления наших потомков, нет ни желания, ни умения разрешить очередные вопросы дня...»

А между тем созванная Викжелем конференция по формированию нового правительства продолжала работать дни и ночи напролёт. В принципе стороны уже приняли общие основы создания правительства, обсуждался состав Народного Совета. Был предположительно намечен кабинет министров с Черновым во главе, большевики получили в нём значительное меньшинство, а Ленин и Троцкий были отведены. Центральные комитеты меньшевистской и эсеровской партий, а также исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов решили непоколебимо продолжать свою оппозицию «преступной политике» большевиков, но «во избежание дальнейшего братоубийства» не сопротивляться их вхождению в Народный Совет.

Однако бегство Керенского и повсеместный поразительный успех Советов изменили положение. 16 (3) числа левые эсеры требовали на заседании ЦИК, чтобы большевики сформировали коалиционное правительство с участием других социалистических партий; в противном случае они грозили уйти из Военно-революционного комитета и ЦИК. Малкин заявил: «Последние сведения из Москвы, где по обе стороны баррикад умирают наши товарищи, заставляют нас ещё раз поставить вопрос об организации власти, и постановка этого вопроса является не только нашим правом, но и долгом... Мы завоевали право сидеть вместе с большевиками в стенах Смольного института и говорить с этой трибуны. Если вы откажетесь идти на соглашение, то после ожесточённой борьбы внутри партии мы будем вынуждены перейти к открытому бою вовне... Мы обязаны предложить демократии условия приемлемого соглашения...»

После перерыва, объявленного, чтобы дать возможность обсудить ультиматум на фракциях, большевики вернулись в зал и Каменев огласил следующий проект резолюции:

«Центральный Исполнительный Комитет считает желательным, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий из Советов Раб., Солдат. и Крест. Депутатов, которые признают завоевания революции 24 — 25 октября, т.е. власть Советов, декреты о земле и о мире, рабочем контроле и вооружении рабочих. Центральный Исполнительный Комитет постановляет

поэтому продолжать переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивает на следующих условиях соглашения:

Правительство ответственно перед Центральным Исполнительным Комитетом. Центральный Исполнительный Комитет расширяется до 150 чел. К этим 150 делегатам Сов., Раб. и Солд. Депутатов добавляется 75 делегатов от губернских крестьянских Советов, 80 — от войсковых частей и флота, 40 — от профессиональных союзов (25 — от всероссийских профессиональных объединений пропорционально количеству организаций, 10 — от Викжеля и 5 — от почтово-телеграфных служащих) и 50 делегатов — от социалистической Петроградской городской думы.

В правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам. Министерства труда, внутренних дел и иностранных дел должны быть представлены большевистской партией во всяком случае. Распоряжение войсками Московского и Петроградского округов принадлежит уполномоченным Московского и Петроградского Советов Р. и С. Д. Правительство ставит своей задачей систематическое вооружение рабочих по всей России. Постановляется настаивать на кандидатурах тт. Ленина и Троцкого».

Каменев добавил:

«Так называемый “Народный Совет”, предлагаемый нам конференцией, будет включать около 420 членов, в том числе около 150 большевиков. Кроме нас, в него войдут делегаты контрреволюционного старого ЦИК, 100 представителей городских самоуправлений — все корниловцы, 100 делегатов от крестьянских Советов, назначенных Авксентьевым, и 80 делегатов от старых армейских комитетов, уже не представляющих солдатских масс.

Мы отказываемся допустить сюда старый ЦИК и представителей городских дум. Делегаты крестьянских Советов должны быть избраны назначенным нами Крестьянским съездом, который одновременно изберёт и новый Исполнительный Комитет. Предложение исключить Ленина и Троцкого есть предложение обезглавить нашу партию, и на такое предложение мы не пойдём. И, наконец, мы вообще не видим никакой надобности в “Народном Совете”. Советы рабочих и солдатских депутатов открыты для всех социалистических партий, а ЦИК вполне точно отражает реальное соотношение их популярности в массах...».

Карелин заявил от имени левых эсеров, что они будут голосовать за большевистскую резолюцию, но оставляют за собой право видоизменить некоторые детали, так, например, порядок представительства от крестьян, и требуют сохранения за собой портфеля министерства земледелия. Эти требования были приняты...

Позднее, на заседании Петроградского Совета, Троцкому был задан вопрос относительно формирования нового правительства.

«Об этом я ничего не знаю, — ответил Троцкий. — Я в переговорах участия не принимаю... Впрочем, я не думаю, чтобы они имели большое значение...»

В эту ночь на конференции царила большая тревога. Делегаты городской думы вышли из её состава...

Но и в самом Смольном в рядах большевистской партии нарастала сильная оппозиция политике Ленина. В ночь на 17 (4) ноября огромный зал ЦИК был набит битком. Атмосфера была зловещая.

Большевик Ларин заявил, что уже приближается срок выборов в Учредительное собрание и что пора покончить с «политическим террором».

«Необходимо смягчить мероприятия, принятые против свободы печати. Они были необходимы во время борьбы, но теперь не имеют никакого оправдания. Печать должна быть свободна, поскольку она не призывает к погромам и мятежам».

Под крик и свист своих же партийных товарищей Ларин предложил следующую резолюцию:

«Декрет Совета Народных Комиссаров о печати отменяется... Политические репрессии подчиняются предварительному разрешению трибунала, избираемого ЦИК (на основе пропорционального представительства) и имеющего право пересмотреть также все уже произведённые аресты, закрытие газет и т.д.»

Эта резолюция была встречена громом аплодисментов не только с левоэсеровских, но и с части большевистских скамей.

Аванесов поспешно предложил от имени сторонников Ленина отложить вопрос о печати до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение между политическими партиями. Это предложение было отвергнуто огромным большинством голосов.

«Революция, завершающаяся в настоящий момент, — говорил Аванесов, — не побоялась поднять руку на частную собственность, а вопрос о печати должен рассматриваться нами именно как вопрос о частной собственности...»

Затем он прочёл следующую резолюцию, официально предлагаемую большевиками:

«1. Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но и являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты — собственники типографий и бумаги — не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения.

Дальнейшей мерой должна быть конфискация частных типографий и запасов бумаги, передача их в собственность Советской власти в центре и на местах с тем, чтобы партии и группы могли пользоваться техническими средствами печатания

сообразно своей действительной идейной силе, т.е. пропорционально числу своих сторонников.

Восстановление так называемой “свободы печати”, т.е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам — отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции, т.е. мерой безусловно контрреволюционного характера.

ЦК предлагает поэтому большевистской фракции ЦИК категорически отвергнуть всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати, и безоговорочно поддержать в этом вопросе Совет Народных Комиссаров против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии».

Чтение этой резолюции прерывалось ироническими замечаниями левых эсеров и негодующими криками оппозиционных большевиков. Карелин вскочил со своего места и запротестовал: «Три недели назад большевики были самыми яростными защитниками свободы печати... Аргументы, приводимые в этой резолюции, странным образом напоминают точку зрения старых черносотенцев и царских цензоров: они ведь тоже говорили об “отравителях народного сознания”».

Троцкий произнёс большую речь в защиту резолюции. Он проводил различие между положением печати во время гражданской войны и её положением после победы: «Во время гражданской войны право на насилие принадлежит только угнетённым...». (Крики: «Кто же теперь угнетённый? Каннибал!»)

«Наша победа над врагами ещё не завершена, — продолжал Троцкий, — а газеты являются оружием в их руках. При таких условиях закрытие газет есть вполне законная мера самозащиты...» Затем Троцкий перешёл к вопросу о положении печати после победы.

«Позиция социалистов в вопросе о свободе печати должна быть точным отражением соответствующей их позиции в вопросе о свободе торговли... Власть демократии, организуемая ныне в России, требует полного уничтожения господства частной собственности над печатью, точно так же, как и над промышленностью... Советская власть должна конфисковать все типографии. (Крики: «Конфискуйте типографию “Правды”!») Буржуазная монополия печати должна быть разрушена. Иначе нам не стоило бы брать власть! Каждая группа граждан должна иметь доступ к бумаге и типографскому станку... Право собственности на типографии и бумагу принадлежит прежде всего рабочим и крестьянам и только после них буржуазным партиям, составляющим меньшинство... Переход власти в руки Советов влечёт за собой коренное изменение всех основных условий существования, и это изменение не может не коснуться печати... Если мы не остановились перед национализацией банков, то с какой стати нам терпеть газеты финансистов? Старый строй должен умереть, и это должно быть понято раз навсегда...» Аплодисменты и злобные крики.

Карелин заявил, что ЦИК не может решить этот важный вопрос. Надо передать его в особую комиссию. Затем он произнёс страстную речь в защиту свободы печати.

Затем выступил Ленин, спокойно, бесстрастно. Он морщил лоб, говорил, медленно подбирая слова; каждая его фраза падала, как молот.

«Гражданская война ещё не закончена, перед нами всё ещё стоят враги, следовательно, отменить репрессивные меры по отношению к печати невозможно.

Мы, большевики, всегда говорили, что, добившись власти, мы закроем буржуазную печать. Терпеть буржуазные газеты — значит перестать быть социалистом. Когда делаешь революцию, стоять на месте нельзя: приходится идти либо вперёд, либо назад. Тот, кто говорит теперь о “свободе печати”, пятится назад и задерживает наше стремительное продвижение к социализму.

Мы сбросили иго капитализма, как первая революция сбросила иго царского самодержавия. Если первая революция имела право воспретить монархические газеты, то и мы имеем право закрывать буржуазные газеты. Нельзя отделять вопрос о свободе печати от других вопросов классовой борьбы. Мы обещали закрыть эти газеты и должны закрыть их. Огромное большинство народа идёт за нами!

Теперь, когда восстание уже позади, мы не имеем ни малейшего намерения запрещать газеты других, социалистических партий, поскольку они не призывают к вооружённому восстанию или к неповиновению Советскому правительству. Однако мы не позволим им под предлогом свободы социалистической печати захватить бумажную и типографскую монополию, пользуясь тайной поддержкой буржуазии... Технические средства печати должны стать собственностью Советского правительства и распределяться в первую голову между социалистическими партиями в строгом соответствии с относительной численностью их последователей...»

Перешли к голосованию. Резолюция Ларина и левых эсеров была отвергнута тридцатью одним голосом против двадцати двух. Точка зрения Ленина собрала тридцать четыре голоса против двадцати четырёх. Большевики Рязанов и Лозовский голосовали с меньшинством; они заявили, что не могут подавать голос за какое бы то ни было ограничение свободы печати.

После этого левые эсеры заявили, что больше не могут принимать на себя ответственность за происходящее, и ушли из Военно-революционного комитета, а также со всех прочих ответственных постов.

Из Совета Народных Комиссаров вышли пять членов: Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович и Шляпников. При этом они сделали следующее заявление:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни.

Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведёт к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя пред ЦИК звание Народных Комиссаров».

Это заявление было подписано и некоторыми другими комиссарами, впрочем, не оставившими своих постов: Рязановым, Дербышевым из управления печати, Арбузовым из государственной типографии, Юрневым из Красной Гвардии, Фёдоровым из комиссариата труда и секретарём отдела разработки законодательных предположений Лариным.

В то же время Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин вышли из Центрального Комитета большевистской партии, сделав публичное заявление о причинах этого шага:

«...Мы считаем, что создание такого правительства (составленного из представителей всех советских партий) необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции калединцами, обеспечения созыва Учредительного собрания в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой II Всероссийским съездом Советов Р. и С. Депутатов...

Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии.

Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать своё мнение массе рабочих и солдат...

Мы уходим из ЦК в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим потому, что не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведёт к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата...».

Рабочие и солдаты гарнизона волновались, посылали делегации в Смольный и на конференцию по формированию нового правительства, где раскол между большевиками вызвал живейшую радость.

Но ответ ленинцев был быстрым и беспощадным. Шляпников и Теодорович подчинились партийной дисциплине и вернулись на свои посты. Каменев был смещен с поста председателя ЦИК, и на его место выбрали Свердлова. Зиновьева устранили от председательствования в Петроградском Совете. Утром 20 (7) ноября «Правда» вышла с яростным обращением к русскому народу, написанным Лениным, размноженным в сотнях тысячах экземпляров, расклеенным на всех стенах и распространённым по всей России:

«Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является, поэтому, Советским

правительством. И всем известно, что Центральный Комитет партии большевиков, за несколько часов до образования нового правительства и до предложения списка его членов Второму Всероссийскому съезду Советов, призвал на своё заседание трёх виднейших членов группы левых эсеров, товарищей Камкова, Спири и Карелина, и предложил им участвовать в новом правительстве. Мы крайне сожалеем, что товарищи левые эсеры отказались, мы считаем их отказ недопустимым для революционера и сторонника трудящихся, мы во всякое время готовы включить левых эсеров в состав правительства, но мы заявляем, что, как партия большинства на Втором Всероссийском съезде Советов, мы вправе и обязаны перед народом составить правительство...

Товарищи! Несколько членов ЦК нашей партии и Совета Народных Комиссаров, Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин и немногие другие, вышли вчера, 4-го ноября, из ЦК нашей партии и — три последних — из Совета Народных Комиссаров... Ушедшие товарищи поступили, как дезертиры, не только покинув вверенные им посты, но и сорвав прямое постановление ЦК нашей партии о том, чтобы обождать с уходом хотя бы до решений петроградской и московской партийных организаций. Мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, так же решительно осудят поступок дезертиров...

Припомните, товарищи, что двое из дезертиров, Каменев и Зиновьев, уже перед восстанием в Петрограде выступили, как дезертиры и как штрейкбрехеры, ибо они не только голосовали на решающем собрании ЦК 10 октября 1917 г. против восстания, но и после состоявшегося решения ЦК выступали перед партийными работниками с агитацией против восстания... и великий подъём масс, великий героизм миллионов рабочих, солдат и крестьян в Питере и Москве, на фронте, в окопах и в деревнях, отодвинул дезертиров с такой же лёгкостью, с какой железнодорожный поезд отбрасывает щепки.

Пусть же устыдятся все малoverы, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам её прямых и косвенных пособников. Ни тени колебаний в массах петроградских, московских и других рабочих и солдат нет... Но никаким ультиматумам интеллигентских группок, за коими массы не стоят, за коими на деле стоят только корниловцы, савинковцы, юнкера и пр., мы не подчинимся...».

Страна ответила громом негодования. Оппозиционерам так и не удалось «открыто высказать свое мнение перед рабочими и солдатскими массами». Народ негодовал на «дезертиров», и это негодование заливало ЦИК. Несколько дней Смольный буквально затоплялся яростными делегациями и целыми комитетами от фронта, от Поволжья, от петроградских заводов. «Как они смеют уходить из правительства? Или они продались буржуазии и хотят погубить революцию? Они обязаны вернуться и подчиниться решениям Центрального Комитета!»

Невыясненным оставалось только настроение петроградского гарнизона. 24 (11) ноября состоялся большой солдатский митинг, на котором выступали

представители всех партий. Огромным большинством митинг одобрил позицию Ленина и высказался за то, чтобы левые эсеры вступили «в состав Народного правительства».⁶

Меньшевики предъявили решительный ультиматум, требуя освобождения всех министров и юнкеров, полной свободы для всех газет, разоружения Красной Гвардии и подчинения гарнизона городской думе. Смольный ответил, что все социалистические министры и почти все, за очень редкими исключениями, юнкера уже отпущены, что все газеты, кроме буржуазных, совершенно свободны, но что во главе вооружённых сил останется Совет. 19 (6) ноября конференция по формированию нового правительства разошлась, и оппозиционеры друг за другом улизнули в Могилёв, где и продолжали организовывать под крылышком ставки правительство за правительством, пока всем им не пришёл конец...

Тем временем большевики подрывали власть Викжеля. Петроградский Совет выпустил воззвание ко всем железнодорожным рабочим, призывая их заставить Викжель сложить свои полномочия. 15 (2) ноября ЦИК назначил на 1 декабря (18 ноября) Всероссийский съезд железнодорожников; в этом случае он в точности повторял свою политику по отношению к крестьянам. Викжель немедленно назначил свой особый съезд железнодорожников двумя неделями позже. 16 (3) ноября члены Викжеля заняли свои места в ЦИК. В ночь на 2 декабря (19 ноября) ЦИК при открытии Всероссийского съезда железнодорожников формально предложил Викжелю портфель комиссара путей сообщения. Предложение было принято.

Разрешив вопрос о власти, большевики обратились к задачам практического управления. Прежде всего надо было накормить город, страну и армию. Отряды матросов и красногвардейцев обыскивали торговые склады, железнодорожные вокзалы и даже баржи, стоявшие в каналах, открывая и отбирая тысячи пудов продовольствия, припрятанного частными спекулянтами. В провинции были посланы эмиссары, которые с помощью земельных комитетов реквизируют склады крупных хлеботорговцев. На юг и в Сибирь отправлялись хорошо вооружённые пятитысячные матросские отряды с поручением захватывать города, всё ещё находящиеся в руках белогвардейцев, устанавливать порядок и, главное, добывать продовольствие. На великой сибирской магистрали пассажирское сообщение было прервано на целые две недели. В это время из Петрограда двинулось на восток тринадцать поездов, гружённых железом и мануфактурой, для товарообмена с сибирскими крестьянами. Эти товары были собраны фабрично-заводскими комитетами. С каждым поездом ехал особый комиссар, прилагавший все усилия, чтобы выменять у сибирских крестьян как можно больше хлеба и картофеля...

Донецкий каменноугольный бассейн находился в руках Каледина, так что вопрос о топливе тоже становился всё острее. Смольный прекратил подачу электрической энергии в театры, магазины и рестораны, сократил число трамваев и конфисковал у частных торговцев все запасы дров... А когда петроградские заводы оказались перед непосредственной угрозой остановки работы из-за отсутствия топлива,

матросы Балтийского флота передали рабочим двести тысяч пудов каменного угля из запасов боевых кораблей...

В конце ноября разразились «винные погромы»⁷ (разграбление винных подвалов), начавшиеся с разгрома погребов Зимнего дворца. Улицы наполнялись пьяными солдатами... Во всём этом была видна рука контрреволюционеров, распространявших по всем полкам планы города, на которых были отмечены винные склады. Комиссары Смольною выбивались из сил, уговаривая и убеждая, но таким путём не удалось прекратить беспорядки, за которыми последовали ожесточённые схватки между солдатами и красногвардейцами... Наконец, Военно-революционный комитет разослал несколько рот матросов с пулемётами. Матросы открыли безжалостную стрельбу по погромщикам и многих убили. После этого особые комиссии согласно приказу отправились по всем винным погребам, разбивая бутылки топорами или взрывая эти погреба динамитом...

В помещениях районных Советов днём и ночью дежурили роты дисциплинированных и хорошо оплачиваемых красногвардейцев, заменивших собой старую милицию. Для борьбы с мелкими преступлениями по всем кварталам города были созданы небольшие выборные революционные трибуналы...

Крупные гостиницы, в которых спекулянты всё ещё выгодно обделывали свои дела, были окружены красногвардейцами. Спекулянты попали в тюрьму...⁸

Бдительный и осторожный петроградский пролетариат создал обширную систему разведки, выслеживая через прислугу всё, что творилось в буржуазных квартирах. Все добытые этим способом сведения сообщались Военно-революционному комитету, неутомимо наносившему удары железной рукой. Так был открыт монархический заговор, руководимый бывшим членом думы Пуришкевичем и группой дворян и офицеров, которые проектировали офицерское восстание и написали Каледину письмо с приглашением в Петроград.⁹ Точно так же была раскрыта и подпольная деятельность петроградских кадетов, поддерживавших Каледина деньгами и людьми...

Нератов, испуганный взрывом негодования, которым народ ответил на его бегство, вернулся и передал Троцкому тайные договоры. Троцкий немедленно же начал публиковать их в «Правде», чем вызвал потрясение во всём мире...

Ограничения свободы печати были усилены декретом,¹⁰ отдавшим монополию на объявления официальным правительственным газетам. Все прочие газеты в знак протеста перестали выходить или не подчинились декрету и были закрыты... Только через три недели они, наконец, сдались.

Министерства всё ещё бастовали, старые чиновники всё ещё саботировали и не давали возможности наладить экономическую жизнь. За Смольным стояла только воля широких неорганизованных масс, и Совет Народных Комиссаров опирался на неё, направляя революционные массовые действия против своих врагов.¹¹ В ярко и просто написанных и распространённых по всей России обращениях¹² Ленин разъяснял цели революции и призывал народ взять власть в свои руки, силой

сломить сопротивление имущих классов, силой овладеть государственными учреждениями. Революционный порядок! Революционная дисциплина! Строгая отчётность и контроль! Никаких стачек! Никакого разгильдяйства!

20 (7) ноября Военно-революционный комитет опубликовал следующее предостережение:

«Богатые классы оказывают сопротивление новому, Советскому правительству, правительству рабочих, солдат и крестьян. Их сторонники останавливают работу государственных и городских служащих, призывают прекращать службу в банках, пытаются прервать железнодорожные и почтово-телеграфные сообщения и т.п..

Мы предостерегаем их — они играют с огнём. Стране и армии грозит голод. Для борьбы с голодом самое тщательное исполнение всех работ в продовольственных учреждениях, на железных дорогах, на почте, в банках, — безусловно необходимо. Рабочее и крестьянское правительство принимает все необходимые меры для обеспечения страны всем необходимым.

Сопротивление этим мерам — преступление против народа. Мы предупреждаем богатые классы и их сторонников: если они не прекратят свой саботаж и доведут до приостановки подвоза продовольствия, первыми тяготу созданного ими положения почувствуют они сами. Богатые классы и их прислужники будут лишены права получать продукты. Все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы, имущество главных виновников будет конфисковано.

Мы выполнили свой долг — мы предостерегли играющих с огнём.

Мы уверены, что в этих решительных мерах, если они окажутся необходимыми, мы встретим полную поддержку всех рабочих, ¹³ солдат и крестьян».

22 (9) ноября по всем стенам города было расклеено «Экстренное извещение»:

«Советом Народных Комиссаров получена срочная военная телеграмма вне очереди от штаба Северного фронта, в которой сообщается следующее: «Медлить больше нельзя, не дайте умереть с голоду. Армия Северного фронта уже несколько дней не имеет ни крошки хлеба, а через два-три дня не будет иметь и сухарей, которые выдаются из неприкосновенных доселе запасов. Эти запасы подходят к концу. Уже делегаты, приезжающие из армии, говорят о необходимости планомерного отвода частей армии в тыл, предвидя, что на днях начнётся повальное бегство умирающих с голода, истерзанных трёхлетней борьбой в окопах, больных, раздетых, разутых, обезумевших от нечеловеческих лишений людей...».

Военно-революционный комитет доводит о сём до сведения петроградского гарнизона и петроградских рабочих. Положение на фронте требует самых неотложных и решительных мер... Между тем верхи чиновничества правительственных учреждений, банков, казначейств, дорог, почт и телеграфов саботируют и подрывают работу правительства, направленную на обеспечение фронта продовольствием... Каждый час промедления может стоить жизни тысячам солдат.

Контрреволюционные чиновники являются самыми бесчестными преступниками по отношению к голодающим и умирающим братьям на фронте.

Военно-революционный комитет делает этим преступникам последнее предостережение. В случае малейшего сопротивления или противодействия с их стороны по отношению к ним будут приняты меры, суровость которых будет отвечать размерам совершённого ими преступления».

Рабочие и солдатские массы ответили на это бешеным взрывом негодования, прокатившимся по всей России. В столице государственные и банковские служащие выпускали сотни прокламаций и воззваний,¹⁴ протестовали и оправдывались. Вот одна из таких прокламаций:

«Вниманию всех граждан.

Государственный банк закрыт.

Почему?

Потому что насилия, чинимые большевиками над Государственным банком, не дали возможности дальше работать. Первые шаги народных комиссаров выразились в требовании 10 миллионов рублей, а 14 ноября они потребовали уже 25 миллионов без указания, на что пойдут эти деньги...

Мы, чиновники Государственного банка, не можем принять участия в разграблении народного достояния. Мы прекратили работу.

Граждане, деньги Государственного банка — это ваши народные деньги, добытые вашим трудом, потом и кровью.

Граждане, оградите народное достояние от разграбления, а нас — от насилия, и мы сейчас же встанем на работу.

Служащие Государственного банка».

Министерство продовольствия, министерство финансов, особый комитет по снабжению — все заявляли, что Военно-революционный комитет не даёт служащим возможности работать, и умоляли население о поддержке против Смольного... Но рядовой рабочий и солдат не верили им; народное сознание было твёрдо уверено в том, что чиновники саботируют, морят голодом армию и народ... В длинных хлебных очередях, по-прежнему стоявших на холодных улицах, бранили не правительство, как это было при Керенском, а саботажников-чиновников. Ибо все эти люди знали, что правительство — это их правительство, правительство их Советов, и что служащие министерств — против него...

В центре всей этой оппозиции стояла дума и её боевой орган — Комитет спасения, протестовавший против каждого декрета Совета Народных Комиссаров, вновь и вновь выносивший резолюции о непризнании Советского правительства, открыто сотрудничавший с новыми контрреволюционными «правительствами», создававшимися в Могилёве... Так, например, 17 (4) ноября Комитет спасения обратился «ко всем городским самоуправлениям и земствам, ко всем

демократическим и революционным организациям крестьян, рабочих, солдат и прочих граждан» со следующими словами:

«...1) Не признавать большевистского правительства и бороться с ним; 2) образовать местные комитеты спасения родины и революции, которые должны объединить все демократические силы для содействия Всероссийскому комитету спасения в его задачах...».

А между тем выборы в Учредительное собрание дали в Петрограде¹⁵ огромное преобладание большевикам. После этого даже меньшевики-интернационалисты заявили, что дума должна быть переизбрана, так как она уже не отражает политического настроения населения Петрограда... В то же время думу затоплял поток резолюций рабочих организаций, воинских частей и даже окрестных крестьян, и все они называли думу «контрреволюционной и корниловской» и требовали, чтобы она сложила с себя полномочия. Последние дни думы были особенно бурны, потому что рабочие городских учреждений требовали введения хотя бы сносных ставок и грозили забастовкой...

23 (10) ноября Военно-революционный комитет официальным приказом объявил Комитет спасения распущенным. 29 (16) числа Совет Народных Комиссаров постановил распустить и переизбрать петроградскую городскую думу:

«Ввиду того, что избранная 20 августа... Центральная городская дума явно и окончательно утратила право на представительство петроградского населения, придя в полное противоречие с его настроениями и желаниями... ввиду того, что наличный состав думского большинства, утратившего всякое политическое доверие, продолжает пользоваться своими формальными правами для контрреволюционного противодействия воле рабочих, солдат и крестьян, для саботажа и срыва планомерной общественной работы, Совет Народных Комиссаров считает необходимым призвать население столицы вынести своё решение по поводу политики городского самоуправления.

С этой целью Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Петроградскую городскую думу распустить; днём роспуска считать 17 ноября 1917 года.
2. Всем должностным лицам, избранным думой настоящего состава, оставаться на своих местах и исполнять все лежащие на них обязанности, впредь до вступления в отправление этих обязанностей должностных лиц, избранных думой нового состава.
3. Всем служащим петроградского городского самоуправления оставаться при исполнении своих прямых обязанностей, самовольно оставивших службу считать немедленно уволенными.
4. Новые выборы в Петроградскую думу произвести 26 ноября 1917 года, на основании одновременно с этим издаваемого «Положения о выборах гласных Петроградской городской думы 26-го ноября 1917 года».

5. Петроградской городской думе нового состава собраться 28 ноября 1917 года в 2 часа вечера.

6. Виновные в неподчинении настоящему декрету, а также в умышленной порче или уничтожении городского имущества, подвергаются немедленному аресту для предания их Военно-Революционному Суду...».

Несмотря на этот декрет, дума продолжала собираться, выносить резолюции о «защите своих позиций до последней капли крови» и отчаянно взывать к населению, чтобы оно спасло «своё выборное городское самоуправление». Но население оставалось безразличным или враждебным. 30 (17) ноября городской голова Шрейдер и ещё несколько членов думы были арестованы, допрошены и выпущены. В этот и в следующий день дума всё ещё собиралась, причём её заседания часто прерывались красногвардейцами и матросами; они вежливо приглашали собрание разойтись. 2 декабря (20 ноября) во время речи одного из членов думы в Николаевский зал вошёл офицер с несколькими матросами и приказал собранию разойтись, угрожая в противном случае применить силу. Дума вынесла последнюю резолюцию протеста, но в конце концов «уступила насилию».

Новая дума, избранная через 10 дней, оказалась почти поголовно большевистской. 16 «Умеренные» социалисты отказались принять участие в выборах.

Но ещё оставалось несколько центров опасной оппозиции. Таковы были Украинская и Финляндская «республики», совершенно не скрывавшие своих антисоветских тенденций. Гельсингфорское и Киевское правительства собирали вокруг себя надёжные воинские части и принимались за искоренение большевизма, за разоружение и высылку русских войск. **Украинская рада захватила власть над всей южной Россией** и поддерживала Каледина людьми и снаряжением. Финляндия и Украина вступили в тайные переговоры с немцами и, кроме того, были немедленно признаны правительствами союзников, которые предоставили им крупные займы, поддерживая их имущие классы в создании контрреволюционных центров для нападения на Советскую Россию. В конце концов, когда большевизм победил в обеих этих странах, разбитая буржуазия призвала немцев, которые и восстановили её власть...

Но наиболее страшная опасность грозила Советскому правительству со стороны внутреннего врага о двух головах — калединское движение и ставка в Могилёве, где командование было в руках генерала Духонина.

Вездесущий Муравьёв был назначен командующим войсками, сражавшимися против казаков. Среди рабочих фабрик и заводов производился набор в Красную Армию. На Дон отправились сотни пропагандистов. Совет Народных Комиссаров выпустил воззвание к казакам,¹⁷ в котором разъяснялось, что такое Советское правительство, и рассказывалось, как имущие классы — чиновники, помещики, банкиры и их союзники, казачья знать и генералы — пытались задуть революцию, чтобы тем самым не допустить перехода своих богатств в народные руки.

27 (14) ноября в Смольный, к Ленину и Троцкому, явилась казачья делегация. Делегаты спросили, правда ли, что Советское правительство собирается разделить казачьи земли между крестьянами Великороссии? «Нет», — отвечал Троцкий. Казаки пошептались между собой. «А не собирается ли Советское правительство, — спросили они, — отобрать имения у наших помещиков и разделить их между трудящимися казаками?» Им ответил Ленин. «Это, — сказал он, — уже ваше дело. Мы поддержим трудовых казаков во всех их действиях... Начинать лучше всего с создания казачьих Советов. Тогда вы получите представительство в ЦИК, и тогда он станет и вашим правительством».

Казаки ушли в глубоком раздумье. Через две недели к генералу Каледину явилась делегация от его войск. «Обещаете ли вы, — спросили делегаты, — разделить помещичьи имения между трудовыми казаками?» «Только перешагнув через мой труп», — ответил Каледин. Через месяц, видя, что его армия тает на глазах, он застрелился. Казачье движение прекратилось...

В это же время в Могилеве собрался старый ЦИК — «умеренно»-социалистические вожди от Авксентьева до Чернова, активные руководители старых армейских комитетов, реакционное офицерство. Штаб упорно отказывался признать Совет Народных Комиссаров. Он стянул вокруг себя батальоны смерти, георгиевских кавалеров и фронтовых казаков и тайно завязал тесные связи с союзными военными атташе, с калединским движением и с Украинской радой...

Союзные правительства не дали никакого ответа на декрет о мире от 8 ноября (26 октября), в котором съезд Советов предлагал всеобщее перемирие.

20 (7) ноября Троцкий обратился к союзным послам со следующей нотой:¹⁸

«Сим честь имею известить вас, господин посол, что Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов организовал 26 октября новое правительство Российской республики в виде Совета Народных Комиссаров. Председателем этого правительства является Владимир Ильич Левин, руководство внешней политикой поручено мне в качестве народного комиссара по иностранным делам.

Обращая ваше внимание на одобренный Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов текст предложения перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, честь имею просить вас смотреть на указанный документ, как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров, — предложение, с которым полномочное правительство Российской республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам.

Примите уверение, господин посол, в глубоком уважении Советского Правительства к Народу Франции, который не может не стремиться к миру, как и все остальные народы, истощённые и обескровленные этой беспримерной бойней...».

В ту же ночь Совет Народных Комиссаров телеграфировал генералу Духонину:

«Совет Народных Комиссаров считает необходимым безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях. Соответственное извещение послано народным комиссаром по иностранным делам всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде. Вам, гражданин верховный главнокомандующий, Совет Народных Комиссаров поручает... обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров.

Возлагая на вас ведение этих предварительных переговоров, Совет Народных Комиссаров приказывает вам: 1) непрерывно докладывать Совету по прямому проводу о ходе ваших переговоров с представителями неприятельских армий; 2) подписать акт перемирия только с предварительного согласия Совета Народных Комиссаров...».

Союзные послы встретили ноту Троцкого презрительным молчанием и дали в газеты анонимные интервью, полные пренебрежительных насмешек. Приказ, отправленный Духонину, открыто характеризовался как акт измены...

Что до Духонина, то он не подавал никаких признаков жизни. В ночь на 22 (9) ноября его вызвали по прямому проводу и спросили, намерен ли он подчиниться приказу. Духонин ответил, что он может подчиниться только приказам, исходящим от «правительства, поддерживаемого армией и страной».

Немедленно, по телеграфу, он был смещён с поста верховного главнокомандующего, и на его место назначили Крыленко. Следуя своей тактике обращения к массам, Ленин разослал радиogramму по всем полковым, дивизионным и корпусным комитетам, ко всем солдатам и матросам армии и флота, сообщая об отказе Духонина и приказывая: «пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем...».

23 (10) ноября военные атташе союзных держав, действуя на основании инструкции своих правительств, адресовали Духонину ноту, в которой официально предупреждали его, чтобы он «не нарушал договоров, заключённых между державами Антанты». Дальше в ноте говорилось, что заключение сепаратного перемирия с Германией «повлечёт за собою самые серьёзные последствия» для России. Духонин немедленно разослал эту ноту по всем солдатским комитетам...

На следующее утро Троцкий обратился к войскам с новым призывом, в котором охарактеризовал ноту союзных представителей как явное вмешательство во внутренние дела России и как дерзкую попытку «путём угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключённых царём...».

Из Смольного непрерывным потоком неслись прокламация за прокламациями, ¹⁹ разоблачая Духонина и сгруппировавшееся вокруг него контрреволюционное офицерство, разоблачая реакционных политиканов, собравшихся в Могилёве, подымая по всему тысячевёрстному фронту миллионы гневных и подозрительных

солдат. И в то же время Крыленко в сопровождении трёх отрядов беззаветно преданных матросов отправился в ставку, грозя беспощадным возмездием. ²⁰ Солдаты повсюду принимали его восторженными овациями — сплошной триумф. Центральный армейский комитет выпустил декларацию, в которой заступался за Духонина, и тотчас же на Могилёв двинулось десять тысяч войска...

2 декабря (19 ноября) могилёвский гарнизон восстал, захватил город, арестовал Духонина и армейский комитет и с победными красными знамёнами вышел навстречу новому верховному главнокомандующему. На следующее утро Крыленко прибыл в Могилёв и застал ревущую, беснующуюся толпу у вагона, в котором содержался арестованный Духонин. Крыленко произнёс речь, в которой умолял солдат не трогать Духонина, поскольку его следовало увезти в Петроград, где он должен был предстать перед судом революционного трибунала. Когда он кончил, Духонин неожиданно появился у окна вагона, как бы собираясь тоже обратиться к толпе. Народ с диким воплем кинулся к вагону, вытащил старого генерала и тут же, на платформе, растерзал его.

Так кончился мятеж ставки...

Советское правительство, колоссально усилившееся в результате падения последней цитадели враждебных ему военных сил, уверенно принялось за организацию нового государства. Многие старые чиновники стали под его знамёна, многие члены других партий поступили на советскую службу. Впрочем, те из них, которые рассчитывали на большое жалованье, были разочарованы декретом о ставках советских служащих, который установил оклад народного комиссара, т.е. самый высший оклад, — в 500 рублей (около 50 долларов) в месяц... Забастовка государственных служащих, руководимая Союзом союзов, провалилась, финансовые и коммерческие группы, стоявшие за ней, перестали поддерживать её. Банковские служащие тоже вернулись на работу...

Декрет о национализации банков, создание Высшего совета народного хозяйства, проведение в жизнь декрета о земле, демократическая реорганизация армии, стремительные изменения во всех отраслях государственного управления и жизни — всё это, осуществляясь волей рабочих, солдатских и крестьянских масс, начинало постепенно, со многими ошибками и задержками выковывать пролетарскую Россию.

Не компромиссами с господствующими классами или с другими политическими лидерами, не примирением со старым правительственным аппаратом завоевали большевики власть. Но они сделали это и не путём организованного насилия маленькой клики. Если бы широкие массы российского населения не были готовы к восстанию, оно потерпело бы неудачу. Единственная причина огромного успеха большевиков кроется в том, что они осуществили глубокие и простые стремления широчайших слоёв населения, призвав их к работе по разрушению и искоренению старого, чтобы потом вместе с ними возвести в пыли падающих развалин остов нового мира...

Глава XII. Крестьянский съезд.

18 (5) ноября выпал снег. Проснувшись утром, мы увидели, что карнизы окон совсем побелели. Снег был такой густой, что в десяти шагах ничего не было видно. Грязь исчезла. Хмурый город вдруг стал ослепительно белым. Дрожки сменились санками, с головокружительной быстротой несущимися по неровным улицам. Бороды до смешного закутанных извозчиков замёрзли и превратились в ледяные сосульки... Несмотря на революцию, с ошеломляющей быстротой увлекавшей Россию в неизвестное и грозное будущее, город встретил первый снег общей радостью. На всех устах была улыбка, люди выбегали на улицу и со смехом ловили мягкие, кружащиеся в воздухе снежинки. Все серые тона пропали, только золотые и разноцветные шпили и купола просвечивали из-под белоснежного покрова. Снег только усилил их своеобразную первобытную красоту.

В полдень даже вошло солнце, бледное и немощное, но всё-таки солнце. Исчезли насморки и ревматизмы, одолевавшие город в дождливые месяцы. Жизнь пошла веселей, и даже революция стала развёртываться ускоренным ходом...

Однажды вечером я сидел в трактире напротив ворот Смольного. Трактир назывался «Хижина Дяди Тома», и красногвардейцы часто посещали его шумное и низкое помещение. Теперь они тоже толпились здесь вокруг покрытых грязными скатертями столиков с огромными фарфоровыми чайниками, наполняя комнаты густым табачным дымом. Половые летали во все стороны, выкрикивая: «Сейчас! Сейчас!».

В одном углу сидел человек в форме капитана и пытался произнести речь, но присутствующие прерывали его через каждые несколько слов.

«Вы не лучше убийц! — шумел он. — Расстреливаете на улицах своих же русских братьев!»

«Когда мы это делали?» — спросил рабочий.

«В прошлое воскресенье, когда юнкера...»

«А они разве не стреляли в нас? (Один из присутствующих приподнял руку, висевшую на перевязи.) Они мне оставили памятку, дьяволы!»

Капитан напрягал голос изо всех сил. «Вам надо было держать нейтралитет! — кричал он. — Вам надо было держать нейтралитет! Кто вы такие, что смеете низвергать законное правительство? Кто такой ваш Ленин? Германский...»

«А ты кто такой?! Контрреволюционер! Провокатор!» — кричали ему со всех сторон.

Когда шум несколько стих, капитан встал. «Ладно, — сказал он, — вы называете себя русским народом, но русский народ — это не вы! Русский народ — это крестьяне! Вот погодите, крестьяне...»

«И погодим, — кричали ему спорщики, — и посмотрим, что скажут крестьяне! Мы-то знаем, что они скажут!... Разве они не такие же трудящиеся, как и мы?...»

В конечном счёте всё зависело именно от крестьян. Хотя крестьяне были политически плохо развиты, но всё-таки они имели свои собственные взгляды, а кроме того, составляли больше 80% населения России. Среди крестьянства у большевиков было сравнительно мало последователей, а прочная диктатура одних промышленных рабочих в России была невозможна... Традиционным представителем крестьянства была партия эсеров. Поэтому руководство им, естественно, отходило к левым эсерам, а не к какой-либо другой из партий, поддерживавших Советское правительство. И левые эсеры, зависевшие от милости организованного городского пролетариата, бесконечно нуждались в крестьянской поддержке...

Но Смольный вовсе не забывал о крестьянах. Издав декрет о земле, новый ЦИК первым делом созвал Всероссийский крестьянский съезд, действуя через голову исполнительного комитета крестьянских Советов. Спустя несколько дней были опубликованы подробно разработанные правила для волостных земельных комитетов, а за ними последовали ленинские письма к крестьянам,¹ просто и понятно рассказывавшие о большевистской революции и о новом правительстве. Наконец, 16 (3) ноября Ленин и Милютин опубликовали «Инструкцию эмиссарам, посылаемым в провинцию». Тысячи таких эмиссаров Советское правительство разослало по деревням.

«1. Эмиссар по прибытии в указанную губернию созывает совещание Исполнительного Комитета Советов Р., С. и Кр. Депутатов, где докладывает о земельном законе, ставит вопрос о созыве совещания уездных и губернских Советов Р., С. и Кр. Д..

2. Выясняет положение земельного вопроса в губернии:

- а) были или нет взяты помещичьи земли на учёт и где и в каких уездах;
- б) кто распоряжается помещичьими землями: земельные комитеты или по-прежнему помещики;
- в) как поступали с инвентарём.

3. Увеличивался ли посев у крестьян.

4. Сколько грузится из того наряда, который назначен на губернию.

5. Указывать, что раз крестьяне получили землю, то необходимо как можно больше усилить погрузку и ускорить доставку хлеба по городам, и только таким увеличением доставки хлеба можно устранить угрозу голода.

6. Какие меры намечаются и принимались для перехода помещичьей земли в руки волостных и земельных комитетов и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

7. Имена хорошо устроенные и оборудованные желательно передать в распоряжение Советов батрацких депутатов под соответствующим руководством агрономов...».

В деревне началось брожение, чреватое переменами, и причиной его было не только мощное действие декрета о земле, но и тысячи революционно настроенных солдат-крестьян, возвращавшихся с фронта... Именно эти люди с особенной радостью приветствовали созыв Крестьянского съезда.

Как старый ЦИК пытался не допустить II съезда рабочих и солдатских депутатов, так и исполнительный комитет крестьянских Советов пытался предотвратить Крестьянский съезд, созванный Смольным. А увидя, что сорвать этот съезд не удаётся, исполнительный комитет тоже подобно старому ЦИК принялся с лихорадочной поспешностью рассылать телеграммы, предписывая избирать консервативных делегатов. Среди крестьян даже распространили слух, будто съезд соберётся в Могилёве, и некоторые из делегатов действительно туда и направились. Но к 23 (10) ноября в Петрограде собралось около четырёхсот делегатов, и начались фракционные совещания...

Первое заседание съезда состоялось в Александровском зале городской думы, и первое же голосование показало, что больше половины делегатов съезда были левыми эсерами, тогда как большевиков оказалось около одной пятой, правых эсеров — четверть, а остальные делегаты объединялись только оппозицией к старому исполнительному комитету, возглавляемому Авксентьевым, Чайковским и Пешехоновым...

Огромный зал был набит шумной толпой. Глубокая, упорная вражда разделила делегатов на непримиримые группы. На правой стороне сверкали офицерские погоны, были видны патриархальные бородатые лица пожилых, более зажиточных крестьян, в центре было немного крестьян, унтер-офицеров и несколько солдат, слева же сидели почти исключительно рядовые солдаты. То было молодое поколение, служившее в армии... Галереи были переполнены рабочими, которые в России ещё помнят о своём крестьянском происхождении...

Открывая заседание, исполнительный комитет не в пример старому ЦИК отказал съезду в официальном признании: официальный съезд был назначен на 13 декабря (30 ноября). Под гром аплодисментов и яростных криков представитель исполнительного комитета заявил, что настоящее собрание является не более как «Чрезвычайной конференцией»... Но «Чрезвычайная конференция» очень скоро показала своё отношение к исполнительному комитету, избрав в председатели вождя левых эсеров Марию Спиридонову.

Почти весь первый день ушёл на ожесточённые споры о том, допускать ли к участию в съезде представителей волостных Советов или только делегатов от губернских организаций. Но в конце концов, как было и на съезде рабочих и солдат, подавляющее большинство высказалось за самое широкое представительство. После этого старый исполнительный комитет покинул зал заседания...

Почти непосредственно после этого стало очевидным, что большинство делегатов настроено враждебно к правительству народных комиссаров. Зиновьев пытался

говорить от имени большевиков, но его освистали и ошкали, и, когда он среди смеха уходил с трибуны, раздались выкрики: «Сел в лужу народный комиссар!»

«Мы, левые социалисты-революционеры, — кричал провинциальный делегат Назарьев, — отказываемся признать это так называемое рабоче-крестьянское правительство, пока в нём не будут представлены крестьяне. В настоящее время это есть не что иное, как диктатура рабочих... Мы настаиваем на создании нового правительства, которое представляло бы всю демократию!»

Реакционные делегаты из всех сил поддерживали такое настроение и, несмотря на громкие протесты с большевистских скамей, утверждали, что Совет Народных Комиссаров намерен либо подчинить себе съезд, либо распустить его вооружённой силой. Крестьяне встретили это заявление бурей негодования...

На третий день на трибуне неожиданно появился Ленин. Зал бесновался не меньше десяти минут. «Долой его! — ревел зал. — Не хотим слушать ваших народных комиссаров! Не признаём вашего правительства!»

Ленин стоял совершенно спокойно, охватив пюпитр обеими руками, и вдумчиво оглядывал беснующуюся толпу своими прищуренными глазами. Наконец, шум в зале как бы иссяк, за исключением правых скамей, где всё ещё продолжали кричать и свистеть.

«Я пришёл сюда не как член Совета Народных Комиссаров, — сказал Ленин и снова подождал, пока спадет шум, — а как член большевистской фракции, надлежащим образом избранный на настоящий Съезд». И он высоко поднял над головой мандат, так, чтобы все могли его видеть.

«Впрочем, — продолжал он совершенно спокойным голосом, — никто не станет отрицать, что теперешнее русское правительство сформировано большевистской партией... — он подождал ещё секунду... — так что, в сущности, это одно и то же...» Тут правые скамьи разразились оглушительным криком, но центр и левая заинтересовались и добились тишины.

Аргументация Ленина была проста. «Скажите откровенно, вы, крестьяне, которым мы отдали помещичьи земли: неужели вы теперь хотите помешать рабочим захватить контроль над производством? Ведь это классовая борьба. Помещики, разумеется, борются с крестьянами, а фабриканты борются с рабочими. Неужели вы хотите довести до раскола в рядах пролетариата? На какой стороне вы хотите быть?»

Мы, большевики, являемся партией пролетариата, — точно так же крестьянского пролетариата, как и пролетариата промышленного. Мы, большевики, стоим за Советы, — точно так же за крестьянские Советы, как и за Советы рабочих и солдат. Современное правительство есть правительство советское, — и мы не только предложили крестьянским Советам принять участие в этом правительстве, но и пригласили представителей левых эсеров войти в Совет Народных Комиссаров...

Советы являются наиболее совершенным представительством народа, — как того, который работает на заводах и в рудниках, так и того, который работает на полях.

Всякий, кто пытается подорвать Советы, повинен в антидемократических контрреволюционных действиях. И я позволю себе заметить вам, товарищи правые эсеры, и вам, господа кадеты, что если Учредительное Собрание попытается разрушить Советы, то мы этого Учредительному Собранию не позволим!»

К вечеру 25 (12) ноября спешно прибыл из Могилёва Чернов, вызванный исполнительным комитетом. Всего два месяца назад он считался крайним революционером и пользовался очень большой популярностью среди крестьянства, а теперь его вызывали, чтобы он удержал опасный уклон съезда влево. По прибытии в Петроград Чернов был арестован и доставлен в Смольный, где его быстро допросили и выпустили.

Первым его делом было жестоко разнести исполнительный комитет за уход со съезда. Исполнительный комитет согласился вернуться. При входе в зал Чернов был встречен сильными аплодисментами большинства, свистками и насмешками большевиков.

«Товарищи, я был в отсутствии. Я принимал участие в конференции XII армии по вопросу о созыве съезда всех крестьянских делегатов армий Западного фронта и очень мало знаю о происшедшем здесь восстании...»

Зиновьев вскочил с места и закричал: «Да, вас не было — несколько минут!». Страшный шум, крики: «Долой большевиков!».

Чернов продолжал: «Выдвигаемое против меня обвинение в том, что я будто помогал вести целую армию на Петроград, лишено всякого основания и является сплошной ложью. Откуда исходит подобное обвинение? Укажите мне источники!».

Зиновьев: «Оно исходит из ваших собственных газет, из “Известий” и “Дела Народа”!»

Широкое лицо Чернова, окаймлённое седеющей бородой и вьющимися волосами, побагровело от гнева. Его маленькие глазки сверкали. Но он сдержался и продолжал: «Повторяю, я фактически ничего не знаю о том, что здесь произошло. Я не вёл никакой армии, кроме вот этой. (Он жестом указал на крестьянских депутатов.) И я полностью беру на себя ответственность в том, что довёл её до этого зала!» Смех, крики «браво!».

«Вернувшись в Петроград, я посетил Смольный. Там мне таких обвинений не предъявляли... После очень короткого разговора меня отпустили — вот и всё! Пусть кто-нибудь из присутствующих повторит это обвинение!»

Поднялся страшный шум. Большевики и некоторые из левых эсеров вскочили с мест и принялись кричать, потрясая кулаками, а остальные делегаты пытались перекричать их.

«Это не заседание, а сплошное безобразие!» — воскликнул Чернов. С этими словами он ушёл из зала. Из-за шума и беспорядка пришлось прервать заседание...

Между тем всех очень волновал вопрос о положении исполнительного комитета. Объявляя собрание «Чрезвычайной конференцией», он имел в виду не допустить переизбрания исполнительного комитета, но это оказалось палкой о двух концах: левые эсеры решили, что если съезд не имеет власти над исполнительным комитетом, то и исполнительный комитет не имеет власти над съездом. 25 (12) ноября собрание постановило, что полномочия исполнительного комитета переходят к Чрезвычайной конференции и что право голоса имеют только те члены исполкома, которые избраны в качестве делегатов...

На следующий день, несмотря на отчаянное противодействие большевиков, была принята поправка к этой резолюции, давшая право совещательного и решающего голоса всем членам исполнительного комитета, независимо от того, были ли они избраны делегатами, или нет.

27 (14) состоялись прения по земельному вопросу, вскрывшие различие аграрных программ большевиков и левых эсеров.

Качинский, выступавший от имени левых эсеров, сделал краткий обзор истории земельного вопроса за время революции. Первый съезд крестьянских Советов, сказал он, совершенно точно и формально высказался за немедленную передачу помещичьих имений земельным комитетам. Но руководители революции и представители буржуазии во Временном правительстве настояли на том, что вопрос не может быть решён до открытия Учредительного собрания... Второй период революции, период «соглашательский», отмечен вхождением Чернова в министерство. Крестьяне были уверены, что теперь немедленно начнётся практическое разрешение земельного вопроса. Но, несмотря на недвусмысленно выраженную волю Первого крестьянского съезда, реакционеры и соглашатели из исполнительного комитета не допускали никаких действий. Такого рода политика повела к целому ряду аграрных волнений, явившихся вполне естественным выражением нетерпения и подавленной энергии крестьянства. Крестьяне поняли истинную сущность революции и пытались перейти от слов к делу...

«Последние события, — продолжал оратор, — это не простой мятеж и не “большевистская авантюра”, а, наоборот, настоящее народное восстание, сочувственно встреченное всей страной...

В общем, большевики заняли в земельном вопросе правильную позицию; но, советуя крестьянам захватывать землю силой, они совершили очень серьёзную ошибку... Большевики с первых же дней заявили, что крестьяне должны захватить землю “путём массового революционного действия”. Это не что иное, как анархия. Земля может быть взята организованно... Для большевиков было важно как можно скорее разрешить все проблемы революции, но тем, как будут разрешены эти проблемы, большевики не интересовались...

Декрет о земле, изданный съездом Советов, в основном вполне соответствует решениям Первого крестьянского съезда. Почему же новое правительство не хочет следовать и тактике, намеченной этим съездом? Потому что Совет Народных

Комиссаров хотел ускорить разрешение вопроса о земле так, чтобы Учредительному собранию нечего было делать...

Но правительство видело, что необходимы и практические меры. Поэтому оно без дальнейших размышлений утвердило “Правила для земельных комитетов” и тем самым создало очень странное положение: ведь Совет Народных Комиссаров отменил частную собственность на землю, а правила, созданные земельными комитетами, основаны на принципе частной собственности... Однако это не беда, потому что земельные комитеты не обращают на советские декреты никакого внимания и проводят в жизнь свои собственные практические решения — решения, опирающиеся на волю огромного большинства крестьян...

Земельные комитеты не пытаются разрешать земельный вопрос законодательным путём, что является прерогативой одного лишь Учредительного собрания... Но захочет ли Учредительное собрание исполнить волю русского крестьянства? В этом мы не можем быть уверены... Мы можем быть уверены только в том, что революционная решимость крестьянства сильно возросла и что Учредительное собрание будет вынуждено разрешить вопрос о земле так, как того хотят крестьяне... Учредительное собрание не осмелится пойти на разрыв с ясно выраженной волей народа...»

После Качинского выступил Ленин, которого на этот раз слушали с огромным вниманием.

«В настоящий момент мы пытаемся разрешить не только вопрос о земле, но и вопрос о социальной революции, — и притом не только здесь, в России, но и во всём мире. Вопрос о земле не может быть разрешён вне зависимости от прочих вопросов социальной революции... Так, например, конфискация крупных имений вызовет сопротивление не только со стороны русских помещиков, но и со стороны иностранного капитала, с которым крупная земельная собственность связана через посредство банков...

В России частная собственность на землю представляет собой основу громадного гнёта, и конфискация земли крестьянами есть один из важнейших шагов нашей революции. Но он не может быть отделён от других шагов, что совершенно ясно видно во всех стадиях, через которые прошла наша революция... Ошибка левых эсеров состояла в том, что в то время они не боролись с соглашательской политикой, ибо они придерживались теории, что сознание масс ещё недостаточно развито...

Если социализм может быть осуществлён только тогда, когда это позволит умственное развитие народных масс, тогда мы не увидим социализма даже и через пятьсот лет... Социалистическая политическая партия — авангард рабочего класса; она не должна позволить, чтобы её останавливал **низкий уровень развития масс**, а должна вести массы за собой, пользуясь Советами, как органами революционной инициативы... Но для того, чтобы вести за собой колеблющихся, товарищи левые эсеры должны сами перестать колебаться...

Народные массы начали отходить от соглашателей ещё в июле, — а теперь, в ноябре, левые эсеры всё ещё протягивают руку Авксентьеву, цепляющемуся за жалкие остатки своей популярности... Если будет продолжаться соглашательство, то революция погибнет. Не может быть никакого соглашения с буржуазией; её власть должна быть окончательно свергнута.

Мы, большевики, не меняли своей земельной программы, мы не отказывались и не собираемся отказываться от уничтожения частной собственности на землю. Мы приняли “Правила для земельных комитетов”, — которые вовсе не основаны на принципе частной собственности, — потому что хотели исполнить волю народа тем самым путём, который избрал для этого сам народ, и, таким образом, ещё теснее сплотить союз всех элементов, борющихся за социалистическую революцию.

Мы приглашаем левых эсеров войти в этот союз, но при этом настаиваем, чтобы они перестали оглядываться назад и порвали с соглашательским крылом своей партии...

Что же касается Учредительного Собрания, то совершенно верно, что, как сказал предыдущий оратор, работа Учредительного Собрания будет определяться революционной решимостью масс. **На революционную решимость надейся, — говорю я, — а винтовку из рук не выпускай!»**

После этого Ленин огласил резолюцию большевиков:

«Крестьянский съезд всецело и всемерно поддерживает закон (декрет) о земле от 26 октября 1917 г., утверждённый Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов и изданный Советом Народных Комиссаров, как временным рабочим и крестьянским правительством Российской республики. Крестьянский съезд выражает свою твёрдую и непреклонную решимость отстаивать грудью осуществление этого закона, призывает всех крестьян к единодушной поддержке его и к немедленному проведению в жизнь на местах самими крестьянами, а равно призывает крестьян выбирать на все и всякие ответственные посты и должности исключительно таких людей, которые не словами, а делами доказали свою полнейшую преданность интересам трудящихся и эксплуатируемых крестьян, свою готовность и способность отстаивать эти интересы вопреки какому бы то ни было сопротивлению помещиков, капиталистов и их сторонников или пособников.

Крестьянский съезд заявляет вместе с тем своё убеждение в том, что осуществление полностью всех мероприятий, составляющих закон о земле, возможно только при успехе начавшейся 25 октября рабочей социалистической революции, ибо только социалистическая революция в состоянии обеспечить и безвозмездный переход земли к трудящемуся крестьянству, и конфискацию помещичьего инвентаря, и полную охрану интересов наёмных рабочих в земледелии, наряду с немедленными началами безусловного уничтожения всей системы наёмного капиталистического рабства, и правильное и планомерное распределение между областями и жителями государства продуктов земледелия и продуктов промышленности, и господство над банками (без

какого господства невозможно господство народа над землёй при отмене и частной собственности на землю), и всестороннюю помощь именно трудящимся и эксплуатируемым со стороны государства и т.д..

Поэтому крестьянский съезд, всецело поддерживая революцию 25 октября, и поддерживая её именно как революцию социалистическую, выражает свою непреклонную решимость в должной постепенности, но без всяких колебаний, проводить в жизнь меры социалистического преобразования Российской республики.

Необходимым условием победы социалистической революции, которая одна лишь обеспечивает прочный успех и полное осуществление закона о земле, является полный союз трудового, эксплуатируемого и трудящегося крестьянства с рабочим классом — пролетариатом — во всех передовых странах. В Российской республике отныне всё устройство и управление государством сверху донизу должно быть построено на таком союзе. Такой союз, отметая все и всяческие, прямые и косвенные, открытые и прикрытые попытки вернуться к осуждённому жизнью соглашательству с буржуазией и с проводниками буржуазной политики, один лишь обеспечит победу социализма во всём мире».

Реакционеры из исполнительного комитета уже не решались на открытые выступления. Однако Чернов несколько раз выходил на трибуну и говорил со скромной и подкупающей беспристрастностью. Ему предложили место в президиуме... На вторую ночь съезда председателю была подана анонимная записка с предложением избрать Чернова почётным председателем. Устинов огласил эту записку, но тут Зиновьев вскочил с места и закричал, что это уловка старого исполнительного комитета, желающего овладеть собранием. Зал заседания немедленно превратился в ревущую массу яростных лиц и размахивающих кулаков, обе стороны буквально выходили из себя... Однако Чернов всё ещё сохранял большую популярность.

Во время бурных споров о земельном вопросе и о ленинской резолюции большевики дважды собирались уходить со съезда, но вожди всё-таки удержали их... Мне казалось, что съезд безнадежно раскололся.

Но никто не знал, что в Смольном уже ведутся секретные переговоры между левыми эсерами и большевиками. Сначала левые эсеры требовали, чтобы было создано правительство из представителей всех социалистических партий, как входящих, так и не входящих в Советы. Они требовали, чтобы это правительство было ответственно перед Народным Советом, состоящим из равного числа делегатов от рабочих и солдатских организаций и организаций крестьян, пополненным представителями городских дум и земств. Они требовали исключения Ленина и Троцкого из правительства, а также роспуска Военно-революционного комитета и других репрессивных органов.

Соглашение было достигнуто утром в среду, 28 (15) ноября, после ожесточённой борьбы, тянувшейся всю ночь. В ЦИК, состоявший из 108 членов, было решено

вести ещё 108 членов, избранных пропорционально от Крестьянского съезда, 100 делегатов, избираемых непосредственно армией и флотом, и 50 представителей от профессиональных союзов (35 от всероссийских союзов, 10 от железнодорожников и 5 от почтово-телеграфных служащих). Думы и земства были отведены, Ленин и Троцкий остались в правительстве, и Военно-революционный комитет продолжал свою работу.

Заседания съезда были перенесены в императорское училище правоведения, на Фонтанку, 6, где помещался исполком крестьянских Советов. Здесь, в огромном зале заседаний, собрались делегаты в среду вечером. Старый исполнительный комитет ушёл и открыл своё особое заседание в другой комнате того же дома, при участии отколовшихся делегатов и представителей армейских комитетов.

Чернов переходил из собрания в собрание, зорко следя за всем происходящим. Он знал, что соглашение с большевиками уже обсуждалось, но не знал, что оно уже достигнуто.

«Теперь, когда все стоят за создание общесоциалистического правительства, — говорил он на собрании отколовшихся, — многие забывают о первом министерстве, которое не было коалиционным и в котором был только один социалист — именно Керенский. В своё время это правительство было ведь очень популярно. Теперь все обвиняют Керенского, все забывают, что он был поставлен у власти не только Советами, но и народными массами...

Почему же общественное мнение повернулось против Керенского? Дикари делают себе богов и молятся им, но если боги не исполняют их молитв, то дикари их наказывают. То же самое происходит и сейчас... Вчера Керенский, сегодня Ленин и Троцкий, а завтра ещё кто-нибудь...

Мы предложили уйти от власти и Керенскому, и большевикам. Керенский согласился, — сегодня он заявил из своего убежища, что отказывается от поста министра-председателя. Большевики же хотят удержать власть, но не знают, что с ней делать...

Удержатся ли большевики или нет, судьбы России от этого не изменятся. Русская деревня великолепно знает, чего она хочет, и принимает свои собственные меры. И в конце концов спасёт нас та же деревня...»

Между тем в большом зале Устинов сообщил о соглашении между Крестьянским съездом и Смольным. Делегаты приняли это сообщение с бурной и необузданной радостью. Вдруг в зале появился Чернов и потребовал слова.

«Я вижу, — начал он, — что между Крестьянским съездом и Смольным заключается соглашение. Такого рода соглашение будет незаконно, потому что настоящий съезд крестьянских Советов соберётся только на той неделе...

Кроме того, я должен предупредить вас, что большевики никогда не исполнят ваших требований...».

Его речь была прервана взрывом хохота. Он быстро учёл положение, сошёл с трибуны, вышел из зала заседания — и унёс с собой всю свою популярность...

Поздно вечером в четверг 29 (16) ноября было открыто чрезвычайное заседание съезда. В воздухе чувствовался праздник, на всех устах была улыбка. Последние деловые вопросы, ещё остававшиеся нерешёнными съездом, были быстро покончены, и тогда выступил седобородый старейшина левых эсеров, старик **Натансон**. Дрожащим голосом, со слезами на глазах, огласил он отчёт о «брачном союзе» крестьянских и рабоче-солдатских Советов. Каждый раз, как ему приходилось произносить слово «союз», зал разражался громовыми аплодисментами... Когда Натансон кончил, Устинов возвестил о прибытии делегации Смольного в сопровождении представителей Красной Гвардии. Их встретили грандиозной овацией. Рабочий, солдат и матрос по очереди всходили на трибуну, приветствуя съезд.

Затем выступил представитель Американской социалистической рабочей партии **Борис Рейнштейн**. «День заключения союза между Крестьянским съездом и Советами рабочих и солдатских депутатов есть один из величайших дней революции. Весть о нём громким эхом облетит весь мир, она раздастся и в Париже, и в Лондоне, и за океаном — в далёком Нью-Йорке. Этот союз наполнит радостью сердца всех трудящихся!

Великая идея восторжествовала. Запад и Америка давно ожидали от России, от русского пролетариата, чего-то необычайного и потрясающего... Мировой пролетариат давно ждал русской революции, давно ждал великих дел, ныне осуществляемых ею...»

После приветствия председателя ЦИК Свердлова огромная крестьянская толпа устремилась на улицу с криками: «Конец гражданской войне! Да здравствует объединённая демократия!».

Ночь уже наступила, и на обледенелом снегу отражались бледные блики луны и звёзд. На набережной выстроился в полном походном порядке Павловский полк. Его оркестр играл «Марсельезу». Под громкие приветственные крики солдат крестьяне выстроились в колонну и развернули огромное красное знамя Исполнительного комитета всероссийских Советов крестьянских депутатов, на котором было заново вышито золотом: «Да здравствует союз революционных трудящихся масс!». Затем следовали другие знамёна, знамёна районных Советов. На знамени Путиловского завода было написано: «Мы преклоняемся перед этим знаменем, чтобы создать братство всех народов!».

Откуда-то появились факелы, осветившие ночь тёмно-багровым светом. Тысячекратно отражаясь на гранях льда, дымились они над толпой, с пением двигавшейся по набережной Фонтанки под взглядами многочисленных и молчаливых изумлённых зрителей.

«Да здравствует революционная армия! Да здравствует Красная Гвардия! Да здравствует крестьянство!»

Так шла через весь город эта огромная процессия. К ней беспрестанно примыкали, над ней развёртывались всё новые красные знамёна, шитые золотом. Двое согбённых трудом старых крестьян шли рука об руку, и на их лицах сияла детская радость.

«Ну, — сказал один из них, — теперь посмотрим, как у нас отымут землю!...»

Около Смольного по обеим сторонам улицы выстроились восторженные красногвардейцы.

«Я совсем не устал, — сказал своему спутнику второй старик-крестьянин. — Я всю дорогу летел, как на крыльях...».

На ступенях Смольного столпилось около ста рабочих и крестьянских депутатов со знамёнами, черневшими на фоне яркого света, бившего из дома. Как волна в бурю, бросились они вниз по лестнице, обнимая крестьян и целуя их. И вся процессия хлынула в двери и с громким шумом стала подыматься по лестнице...

В огромном белом зале заседаний её ждал весь ЦИК, весь Петроградский Совет и тысячи зрителей. Обстановка была торжественная: все сознавали величие переживаемого исторического момента.

Зиновьев огласил соглашение с Крестьянским съездом. Его сообщение было встречено громом восторга, который превратился в настоящую бурю, когда в коридоре зазвучала музыка и в зал вошли передние ряды шествия. Президиум встал, дал место крестьянскому президиуму и встретил его объятиями. За возвышением, на белой стене, над пустой рамой, из которой был вырезан царский портрет, красовалось два знамени...

И вот открылось торжественное заседание. После нескольких приветственных слов, произнесённых Свердловым, на трибуну вошла худая, бледная женщина в очках, с гладко причёсанными волосами, похожая на учительницу из Новой Англии, — самая популярная и влиятельная женщина в России, Мария Спиридонова.

«...Перед русскими рабочими открываются ещё невиданные в истории горизонты... До сих пор все рабочие движения неизменно кончались разгромом. Но теперешнее движение интернационально, и потому непобедимо! Нет в мире той силы, которая могла бы погасить огонь революции! Старый мир гибнет. Нарождается новый мир...»

Потом выступил полный огня Троцкий: «Добро пожаловать, товарищи крестьяне! Вы приходите сюда не как гости, а как хозяйева этого дома, в котором бьётся сердце русской революции! В этом зале ныне сконцентрирована воля миллионов рабочих... Отныне русская земля знает только одного хозяина — союз рабочих, солдат и крестьян...»

Он с едким сарказмом заговорил о дипломатах союзных стран (Антанты), всё ещё пренебрегавших русским предложением перемирия, уже принятым центральными державами.

В этой войне родится новое человечество... «Здесь, в этом зале, мы клянёмся перед трудящимися всех стран оставаться на своём революционном посту. Если мы будем разбиты, то мы умрём, защищая своё знамя...»

За ним последовал Крыленко, рассказавший о положении на фронте, где Духонин готовил сопротивление Совету Народных Комиссаров. «Пусть Духонин и иже с ним хорошенько поймут, что мы не станем миндальничать с теми, кто загоразживает нам дорогу к миру!»

Дыбенко приветствовал собрание от имени флота, а член Викжеля Крушинский сказал:

«С этого момента, с момента, когда осуществился союз всех истинных социалистов, — вся армия железнодорожников всецело отдаётся в распоряжение революционной демократии!».

Потом выступали еле удерживавший слёзы Луначарский и Прошьян от левых эсеров и, наконец, Сахарашвили, который заявил от объединённых социал-демократов интернационалистов, состоящих из групп Мартова и Горького:

«Мы ушли из ЦИК'а в виде протеста против непримиримой политики большевиков и с целью заставить их сделать уступки для осуществления союза всей революционной демократии. Теперь, когда этот союз осуществлён, мы считаем своим священным долгом снова занять места в ЦИК'е... Мы заявляем, что все ушедшие из ЦИК'а теперь должны вернуться!...»

Сташков, почтенный старик-крестьянин из президиума Крестьянского съезда, взошёл на трибуну и поклонился собранию на все четыре стороны. «Поздравляю вас, товарищи, с крещением новой русской жизни и свободы!»

Потом выступали Бронский — от имени польской социал-демократии, Скрыпник — от фабрично-заводских комитетов, Трифионов — от русских солдат, сражавшихся в Салониках, и другие ораторы, изливавшие сердца с радостным красноречием людей, видящих исполнение самых заветных своих надежд.

Стояла поздняя ночь, когда была предложена и единогласно принята следующая резолюция:

«Всероссийский ЦИК Советов Кр., Раб. и Сол. Депутатов совместно с чрезвычайным Всероссийским крестьянским съездом и исп. Советов подтверждает законы о мире и земле, принятые II Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а равно закон о рабочем контроле, принятый Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

Соединённое заседание ЦИК и Всероссийского крестьянского Съезда, выражая твёрдую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян — этот братский союз всех трудящихся и эксплуатируемых, укрепив завоёванную ими государственную

власть, примет со своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс других более передовых стран и обеспечит, таким образом, прочную победу делу справедливого мира и делу социализма...»²

Приложения

К Главе I

1

Оборонцы – все «умеренные» социалистические группы приняли или получили это название, потому что они соглашались на продолжение войны под руководством Союзников, на том основании, что это была война Национальной Обороны. Большевики, Левые социал-революционеры, Меньшевики-интернационалисты (фракция Мартова) и Социал-демократы интернационалисты (группа Горького) выступали за принуждение Союзников объявить демократические цели войны и предложить Германии мир на этих условиях

2

Заработная плата и цены на предметы первой необходимости до и во время революции

Заработная плата в день – (рубли и копейки)			
Профессия	Июль 1914	Июль 1916	Август 1917
Плотник, столяр	1,60 - 2	4 – 6	8,50
Землекоп	1,30 – 1,50	3 – 3,50	
Каменщик, штукатур	1,70 – 2,35	4 - 6	8
Маляр, драпировщик	1,80 – 2,20	3 – 5,50	8
Кузнец	1 – 2,25	4 - 5	8,50
Трубочист	1,50 - 2	4 – 5,50	7,50
Слесарь	0,90 - 2	3,50 - 6	9
Подсобный рабочий	1 – 1,50	2,50 – 4,50	8

Не смотря на многочисленные рассказы о огромном повышении зарплат сразу же после Революции Марта 1917 года, эти цифры, опубликованные Министерством Труда в качестве характеристики условий жизни по всей России, показывают, что зарплаты не увеличивались сразу же после Революции, а повышались понемножку. В среднем, заработная плата увеличилась чуть более чем на 500 процентов.

Но в то же самое время ценность рубля упала до менее чем одной трети его бывшей покупательной способности, и стоимость предметов первой необходимости чрезвычайно возросла.

Следующая таблица была составлена городской Думой Москвы, где еда была дешевле и разнообразней, чем в Петрограде:

Стоимость Еды – (Рубли и копейки)			
	Август 1914	Август 1917	Процент роста
Черный хлеб (фунт)	0,02 1/2	0,12	330
Белый хлеб (фунт)	0,05	0,20	300
Говядина (фунт)	0,22	1,10	400
Телятина (фунт)	0,26	2,15	727
Свинина (фунт)	0,23	2	770
Сельдь (фунт)	0,06	0,52	767
Сыр (фунт)	0,40	3,50	754
Масло (фунт)	0,48	3,20	557
Яйца (десяток)	0,30	1,60	443
Молоко (кружка)	0,07	0,40	471

В среднем цена продовольствия возросла в цене на 556 процентов, или увеличилась на 51 процент больше, чем заработная плата.

Что до остальных товаров первой необходимости, цены на них ужасно возросли.

Следующая таблица была составлена Экономическим отделом Московских Советов Рабочих Депутатов, и принятая в качестве соответствующей действительности Министерством Снабжения Временного Правительства.

Стоимость других товаров первой необходимости – (Рубли и копейки)			
	Август 1914	Август 1917	Процент роста
Набивной ситец (аршин)	0,11	1,40	1173
Хлопчатобумажная ткань (аршин)	0,15	2	1233
Плательные ткани (аршин)	2	40	1900
Кастор (аршин)	6	80	1233
Мужские туфли (пара)	12	144	1097
Подошвенная кожа	20	400	1900
Галоши (пара)	2,50	15	500
Мужская одежда (костюм)	40	400 - 455	900 -1109
Чай (фунт)	4,50	18	300
Спички (картонная коробка)	0,10	0,50	400
Мыло (пуд)	4,50	40	780
Бензин (ведро)	1,70	11	547
Свечи (пуд)	8,50	100	1076
Карамель (фунт)	0,30	4,50	1400

Дрова (кладь)	10	120	1100
Уголь	0,80	13	1525
Разные изделия из металла	1	20	1900

В среднем, вышеперечисленные категории товаров первой необходимости возросли в цене на 1109 процентов, более чем в два раза по сравнению с заработной платой. Разница, конечно же, пошла в карманы спекулянтов и торговцев.

В сентябре 1917 года, когда я прибыл в Петроград, средняя дневная зарплата опытного промышленного рабочего – например металлурга на Путиловском Заводе – составляла 8 рублей. В то же самое время прибыль была огромной.... Один из владельцев Фабрики Шерстяной Одежды Торнтонна – английского концерна на окраине Петрограда, сказал мне, что в то время, как зарплаты на его фабрике увеличились на 300 процентов, его прибыль возросла на 900 процентов.

3

Министры-социалисты

История стараний социалистов во Временном Правительстве в июле по реализации их программы в союзе с буржуазными Министрами, является ярким примером классовой борьбы в политике. Ленин говорит в своем объяснении этого феномена:

«Капиталисты, ... видя, что положение Правительства было несостоятельным, прибегли к методу, который с 1848 года десятилетиями практиковался ими чтобы запутать, разделить и в конце концов подавить рабочий класс. Этот метод – так называемое «Коалиционное Министерство» - состоящее из буржуазии и перебежчиков из социалистического лагеря.

В тех странах, где политическая свобода и демократия существовала бок о бок с революционным движением рабочих – например в Англии и Франции – капиталисты воспользовались этой уловкой, и даже очень успешно. Лидеры «социалистов» входя в Министерства, неизменно оказывались скорее подставными лицами, марионетками, просто ширмой для капиталистов, инструментом, с помощью которого обманывали рабочих. «Демократические» и «республиканские» капиталисты в России запустили ту же самую схему. Социалисты-революционеры и Меньшевики стали ее жертвой, и 1 июля «Коалиционное» Министерство с участием Чернова, Церетели, Скобелева, Авксентьева, Савинкова, Зарудного и Никитина стало свершившимся фактом....» - Проблемы Революции)

4

Сентябрьские выборы в Московскую Городскую Думу

В первую неделю октября 1917, Новая Жизнь опубликовала следующую сравнительную таблицу результатов выборов, указывающую на несостоятельность политики Коалиции с имущими классами. «Если гражданскую войну все еще можно избежать, то сделать это можно только с помощью объединенного фронта всей революционной демократии...»

	Июнь 1917	Сентябрь 1917
Социалисты-революционеры	58 членов	14 членов
Кадеты	17 членов	30 членов
Меньшевики	12 членов	4 члена
Большевики	11 членов	47 членов

5

Рост Самонадеянности Реакционеров

18 сентября. Кадет Шульгин в киевской газете говорил, что заявление Временного Правительства о том, что Россия является республикой являлось грубым злоупотреблением своими полномочиями. «Мы не можем признать ни Республику, ни нынешнее Республиканское Правительство. И мы не уверены, что мы хотим Республику в России...»

23 октября. На съезде партии Кадетов, проходившем в Рязани, М. Духонин объявил, «1 марта мы должны установить Конституционную Монархию. Мы не должны отвергать законного наследника трона, Михаила Александровича...»

27 октября. Решение, принятое на конференции коммерсантов в Москве:

«Конференция ... настаивает, чтобы Временное Правительство приняло следующие безотлагательные меры в армии:

1. Запрет любой политической пропаганды; Армия должна быть вне политики.
2. Пропаганда анти-национальных и интернациональных идей и теорий отрицает необходимость армий, и разлагает дисциплину; ее следует запретить, а всех агитаторов наказать.
3. Функция Армейских Комитетов должна быть ограничена только экономическими вопросами. Все их решения должны быть подтверждены их старшими офицерами, имеющими право распустить Комитеты в любое время.
4. Выполнение воинского приветствия следует восстановить и сделать обязательным. Полное восстановление дисциплинарных прав – за которые отвечают офицеры, с правом пересмотра приговора.
5. Исключение из корпуса офицеров тех, кто обесчестил его участием в движении солдатских масс, которое учит их неповиновению... С этой целью восстановить Суды Чести.
6. Временному Правительству следует принять необходимые меры, чтобы сделать возможным возвращение в армию генералов и других офицеров,

несправедливо разжалованных под влиянием Комитетов и других безответственных организаций)

К Главе II

1

(Мятеж Корнилова детально рассматривается в моей грядущей книге «От Корнилова до Брест-Литовска». Ответственность Керенского за ситуацию, которая способствовала мятежу Корнилова сейчас довольно точно установлена. Многие сторонники Керенского говорят, что он знал о планах Корнилова и обманом преждевременно выманил его и затем сокрушил. Даже мистер А. Дж. Сак в своей книге «Рождение Российской Демократии» говорит:

«Некоторые вещи ... почти достоверны. Во-первых, Керенский знал о движении нескольких отрядов с Фронта на Петроград, и возможно, что как Премьер-Министр и Военный Министр осознавая возрастающую угрозу со стороны большевиков, он вызвал их...»

Единственный изъян в этом аргументе заключается в том, что в то время не было «большевистской угрозы», большевики все еще были бессильным меньшинством в Советах, а их лидеры сидели по тюрьмам или скрывались)

2

Демократическое совещание.

Когда Демократическое Совещание было впервые предложено Керенскому, он высказался за собрание всех элементов национальных «живых сил», как он их называл – включая банкиров, промышленников, землевладельцев, и представителей партии Кадетов. Совет отказался и составил следующую таблицу представительства, которую одобрил Керенский:

100 делегатов	Всероссийские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов
100 делегатов	Всероссийские Советы Крестьянских Депутатов
50 делегатов	Провинциальные Советы Рабочих и Солдатских Депутатов
50 делегатов	Крестьянские Районные Земельные Комитеты
100 делегатов	Профсоюзы
84 делегата	Армейские Комитеты на Фронте
150 делегатов	Кооперативные Общества Рабочих и Крестьян
20 делегатов	Союз Железнодорожников
10 делегатов	Союз Работников Почты и Телеграфа
20 делегатов	Работники Торговли
15 делегатов	Свободные Профессии – Доктора, Юристы, Журналисты и т.д.
50 делегатов	Провинциальные Земства
59 делегатов	Националистические Организации – Поляки, Украинцы и т.д.
Это соотношение менялось два или три раза. Окончательная расстановка делегатов такова:	
300 делегатов	Всероссийские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов

300 делегатов	Кооперативные Общества
300 делегатов	Муниципалитеты
150 делегатов	Армейские Комитеты на Фронте
150 делегатов	Провинциальные Земства
200 делегатов	Профсоюзы
100 делегатов	Националистические Организации
200 делегатов	Несколько небольших групп

3

Миссия Советов Закончена

28 сентября «Известия» - орган ЦИК, опубликовал статью, в которой говорилось о последнем Временном Министерстве:

«Наконец-то сформировалось действительно демократическое правительство, рожденное волей всех классов русского народа, первая твердая форма будущего либерального парламентского режима. Впереди у нас Учредительное Собрание, которое решит все вопросы конституции, и чей состав будет значительно демократичней. Функция Советов подходит к концу, и наступает время, когда они должны будут уйти вместе с остатками революционной машины со сцены свободного и победившего народа, чье оружие в дальнейшем будет служить мирным целям в политике».

Передовая статья Известий за 23 октября называлась «Кризис Советских Организаций». Она начиналась словами о том, что путешественники сообщают о повсеместном снижении активности местных Советов. «Это естественно», говорил автор. «Потому что народ начинает интересоваться более постоянных законодательных органах – Городских Думах и Земствах...

«В главных центрах – Петрограде и Москве, где Советы были организованы лучше всего, они не приняли все демократические элементы... Большая часть интеллигенции не участвовала в них, так же там не было и многих рабочих; некоторые рабочие – потому что были политически безграмотными, другие потому что центр тяжести для них находился в их профсоюзах... Мы не можем отрицать что эти организации были крепко спаяны с массами, чьи каждодневные нужды ими лучше обслуживались...

«Очень важно то, что местные демократические администрации активно организуются. Городские Думы избираются всеобщим избирательным правом, и в чисто местных делах имеют больше авторитета чем Советы. Ни один демократ не увидит в этом ничего плохого...

Выборы в городские думы проводятся лучше и более демократично чем выборы в Советы. Все классы представлены в городских думах. И как только местные Самоуправления начнут налаживать жизнь на местах, роль местных Советов естественно уменьшается.

В падении интереса к Советам виноваты два фактора. Первый мы можем приписать снижению политического интереса у народных масс; второй – росту достижений провинциальных и местных руководящих органов по организации строительства новой России. Чем больший уклон будет в этом последнем направлении, тем быстрее исчезнет значимость Советов.

Мы сами являемся могильщиками своей организации. На самом деле, мы сами прилежные рабочие, строящие новую Россию.

Когда пало самодержавие, а с ним и весь бюрократический режим, мы построили Советы как казармы в которых вся демократия могла найти временное прибежище. Сейчас, вместо казарм, мы воздвигаем постоянное здание новой системы, и естественно люди будут постепенно покидать казармы для размещения в более комфортных помещениях.

4

Речь Троцкого на заседании Совета Российской Республики

Цель демократического совещания, созванного ЦИК Советов Рабочих и Солдатских Депутатов состояла упразднении безответственного личного режима, который подпитывал Корнилова, и создании ответственного правительства, которое сможет закончить войну, и обеспечить созыв Учредительного Собрания в назначенный срок. Тем временем за спиной Демократического Совещания, путем закулисных сделок гражданина Керенского, кадетов, вождей эсэров и меньшевиков достигнуты результаты, прямо противоположные официально заявленным целям.

Создана власть, в которой и вокруг которой явные и тайные корниловцы играют руководящую роль. Безответственность этой власти отныне закреплена и провозглашена формально.

«Совет Российской республики» объявлен совещательным учреждением; на восьмом месяце революции безответственная власть создала для себя прикрытие из нового издания булыгинской Думы.

Имущие классы вошли во Временный Совет в таком соотношении, на которое, как показывают выборы по всей стране, они не имеют никакого права. Не смотря на то, что партия Кадетов которая до вчерашнего дня настаивала на зависимости Временного Правительства от Думы г. Родзянко, добилась независимости Временного Правительства от Совета Республики.

В Учредительном Собрании имущие классы будут занимать несравненно менее благоприятное положение, чем во Временном Совете. Перед учредительным Собранием власть не сможет не быть ответственной. Если бы имущие классы действительно готовились к Учредительному собранию через полтора месяца, у них не было бы никаких мотивов отстаивать безответственность власти сейчас. Вся суть в том, что буржуазные классы, направляющие политику Временного Правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное Собрание. Это

сейчас основная их задача, которой подчинена вся их политика, внутренняя и внешняя.

В промышленности, аграрной и продовольственной областях политика правительства и имущих классов усугубляет естественную разруху, порожденную войной. Имущие классы, провоцировавшие крестьянское восстание, теперь приступают к его подавлению и открыто держат курс на «костлявую руку голода», которая должна задушить революцию и в первую очередь Учредительное Собрание.

Не менее преступной является внешняя политика буржуазии и ее правительства.

После сорока месяцев войны столице грозит смертельная опасность. В ответ на это выдвигается план переселения правительства в Москву. Мысль о сдаче революционной столицы немецким войскам нисколько не возмущает буржуазные классы, наоборот, принимается ими как естественное звено общей политики, которое должно облегчить им их контрреволюционный заговор.

Вместо того, чтобы признать, что спасение страны в заключении мира; вместо того чтобы через головы всех империалистических правительств и дипломатических канцелярий открыто бросить предложение немедленного мира всем истощенным народам и сделать таким образом фактически невозможным дальнейшее ведение войны, - Временное Правительство, по указке кадетских контрреволюционеров и союзных империалистов, без смысла, без силы и без плана тянет убийственную лямку войны, обрекая бесцельной гибели все новые сотни тысяч солдат и матросов и подготавливая сдачу Петрограда и удушение революции. В то время, как солдаты и матросы – большевики гибнут вместе с другими матросами и солдатами в результате чужих ошибок и преступлений, так называемый Верховный Главнокомандующий (Керенский) продолжает громить большевистскую прессу...

Руководящие партии Временного Совета служат для всей этой политики добровольным прикрытием.

Мы, фракция социал-демократов большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены мы не имеем ничего общего. Той убийственной для народа работы, которая совершается за официальными кулисами, мы не хотим ни прямо, ни косвенно прикрывать ни одного дня.

Революция в опасности! В то время, как войска Вильгельма угрожают Петрограду, правительство Керенского – Коновалова готовится бежать из Петрограда, чтобы превратить Москву в оплот контрреволюции.

Мы вызываем к бдительности московских рабочих и солдат!

Покидая Временный Совет, мы взываем к мужеству и бдительности рабочих, солдат и крестьян всей России.

Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности!

Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии помогают ему.

Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу.

Вся власть Советам!

Вся земля народу!

Да здравствует немедленный, честный, демократический мир!

Да здравствует Учредительное Собрание!

5

Наказ Скобелеву

(Выдержки)

Этот наказ был одобрен ЦИК и вручен в качестве инструкции Скобелеву, как представителю российской революционной демократии на Парижской конференции.

Договор должен быть построен на принципе «Мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение».

Территориальные вопросы

1. Непременным условием мира является вывод немецких войск из занятых областей России. Россия предоставляет полное самоопределение Польше, Литве и Латвии.
2. Турецкая Армения получает полную автономию, а затем и право самоопределения, после того, как там будут введены местные власти и созданы международные гарантии.
3. Эльзас-лотарингский вопрос должен быть разрешен на основе опроса эльзас-лотарингского населения, при условии полной свободы голосования. Опрос должен быть организован местным самоуправлением после вывода войск обеих коалиций из провинции.
4. Бельгия должна быть восстановлена в прежних границах. Возмещение убытков должно быть произведено из международного фонда
5. Сербия и Черногория должны быть восстановлены и получить материальную помощь из интернационального фонда помощи. Сербия должна иметь доступ к Адриатическому морю. Автономия Боснии и Герцеговины.
6. Спорные области на Балканах получают временную автономию с последующим плебисцитом.
7. Румыния восстанавливается в прежних границах, с обязательством дать полное самоопределение Добрудже, которая получает немедленно временную автономию. **Румыния обязывается немедленно привести в исполнение постановление Берлинского трактата о евреях и признать их равноправными румынскими гражданами.**
8. В итальянских областях Австрии вводится автономия с последующим плебисцитом по вопросу о государственной принадлежности.
9. Германские колонии возвращаются обратно.

10. Греция и Персия восстанавливаются.

Свобода морей

Нейтрализуются все проливы, служащие подступом к внутренним морям, а также Суэцкий и Панамские каналы. Торговое пароходство объявляется свободным. Право каперства отменяется. Воспрещается торпедирование торговых судов.

Контрибуция

Все воюющие отказываются от требований возмещения всяких издержек в прямом или скрытом виде (содержание пленных). Все взысканные во время войны контрибуции возвращаются обратно.

Экономические условия

Торговые договоры не являются составной частью условий мира. Каждая сторона Автономна в своей торговой политике, в договоре о мире ей не может быть навязано обязательство заключить тот или иной договор или не заключить его. Однако все государства должны мирным договором обязаться не вести экономической блокады после войны; не заключать сепаратных таможенных союзов и предоставлять права наиболее благоприятствуемой нации всем государствам без различия.

Гарантии мира

Мир заключается на мирном конгрессе через уполномоченных, выбранных органами народного представительства. Условия мира утверждаются парламентами.

Отменяется тайная дипломатия: все обязуются не заключать тайных договоров. Такие договоры объявляются противоречащими международному праву и недействительными. Недействительными остаются и все договоры до утверждения их парламентами.

Постепенное разоружение на суше и на море и переход к системе милиции.

Предложенная Вильсоном «лига мира» может быть ценным завоеванием международного права только при условии

- обязательного участия в ней всех государств с равными правами;
- при демократизации внешней политики, как указано выше.

Пути к миру

Как бы конкретно ни были формулированы цели войны, в договоре должно быть указано и опубликовано, что союзники готовы начать мирные переговоры, как только противная сторона заявит свое согласие на мирные переговоры при условии отказа всех сторон от всяких насильственных захватов.

Союзники обязываются не начинать тайных переговоров о мире и не заключать мира иначе, как на конгрессе с участием всех нейтральных стран.

Кроме того, делегату даются следующие указания:

Должны быть устранены все препятствия к созыву Стокгольмской социалистической конференции, и, в частности, должны быть немедленно выданы паспорта делегатам всех партий и фракций, согласившихся принять в пей участие».

(Исполнительный комитет крестьянских Советов тоже составил свой наказ, отличающийся от вышеприведенного лишь в мелочах.)

6

Мир за счет России

Разоблачения Рибо относительно мирных предложений, сделанных Франции Австрией; так называемая «Мирная конференция» в Берне, Швейцария, летом 1917 г. при участии делегатов от всех воюющих стран, представлявших все крупные финансовые интересы этих стран; и попытки одного английского агента войти в сношения с иерархами болгарской церкви — все это указывало на тот факт, что в обеих воюющих коалициях имелось сильное течение, стремившееся к заключению мира за счет России. В следующей моей книге — «От Корнилова до Бреста» — я надеюсь изложить этот вопрос довольно подробно и опубликовать несколько относящихся сюда секретных документов, найденных в министерстве иностранных дел в Петрограде.

7

РУССКИЕ СОЛДАТЫ ВО ФРАНЦИИ.

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ»

С получением известия о происшедшей революции в Париже возник ряд русских газет самого крайнего направления. Газеты эти, а также отдельные лица, получив свободу проникать в солдатскую массу, начали в ней большевистскую пропаганду, давая зачастую неверные информации, почерпнутые из отрывочных телеграмм французских газет. При отсутствии официальных известий и указаний все это вызвало брожение среди солдат. Последнее выразилось в желании немедленного отправления в Россию и огульной враждебности к офицерам. По поручению военного министра Керенского эмигрант Рапп 18 мая выехал к войскам, где обошел отдельные части, вводя в них новые организации в согласии с приказом № 213. Однако брожение не прекращалось. Им руководил 1-й полковой исполнительный комитет, который начал выпускать бюллетени ленинского направления. 18 июня по желанию солдат войска были собраны из разных деревень в лагерь Лакуртин. Здесь начались митинги, на которых 1-й полк и его вожак стремились захватить главную роль. Только что созданный отрядный комитет, составленный из наиболее развитых и сознательных солдат, парировал, насколько мог, разрушительную работу 1-го полка, успокаивая брожение и призывая солдат к нормальной жизни на основе ныне введенных в армии демократических начал. Опасаясь возрастающего влияния отрядного комитета, руководители 1-го полка в ночь с 23 на 24 собрали митинг, на коем, кроме 1-го

полка, присутствовали почти весь 2-й и небольшие Части 5-го и 6-го полков. На этом митинге отрядный комитет был объявлен низложенным, хотя он был избран всего две недели назад. Одновременно с этим приказание начальника дивизии о выходе не были исполнены солдатами 1-й бригады. Воззвание, выпущенное ими, выяснило, что заниматься не имеет смысла, так как решено более не воевать. Тем временем враждебные отношения между 1-й и 2-й бригадами начали угрожать острым конфликтом. Сами солдаты 2-й бригады настоятельно просили отделить их от мятежной 1-й, грозя в противном случае самовольно покинуть лагерь.

Поэтому ген. Занкевичем, прибывшим в лагерь вместе с уполномоченным военного министра Раппом, по соглашению с последним отдано приказание, чтобы солдаты, безусловно подчиняющиеся Временному правительству, покинули лагерь Лакуртин, захватив с собой все снаряжение. 25 июня приказание это было исполнено, и в лагере остались солдаты, подичившиеся Временному правительству «лишь условно». Крайне враждебное отношение солдат к офицерам, дошедшее до насилия над ними, принудило генерала Занкевича удалить офицеров из Лакуртина, оставив лишь несколько человек для обеспечения хозяйственной части. По инициативе уполномоченного военного министра гражданина Раппа к солдатам лагеря Лакуртин неоднократно выезжали с ним вместе политические эмигранты, чтобы повлиять на солдат, однако все эти попытки оказались безуспешными. Назначенный комиссаром гражданин Рапп издал приказ, в котором настаивал на немедленном безусловном подчинении Временному правительству. 22 июля комиссар Рапп выехал из Лакуртин в сопровождении приезжих через Париж делегатов Исполнительного комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов – Русанова, Гольденберга, Эрлиха и Смирнова с целью сделать новую попытку повлиять на мятежников. Однако эта попытка не привела ни к каким результатам, а делегаты Совета Р. и С. Д. были встречены явно враждебно. Столь же безрезультатна была поездка в Лакуртин временно находящегося во Франции комиссара Временного правительства Сватикова. Получив от Временного правительства разъяснение, что русских войск во Франции не предполагается возвращать в Россию, а также категорическое требование привести к повиновению мятежных солдат, не останавливаясь перед применением вооружённой силы, после неоднократных и бесплодных попыток комиссара и наших политических эмигрантов убедить мятежников подчиниться ген. Занкевич потребовал от мятежников-солдат положить оружие и в знак повиновения выйти в походном порядке в местечко Клораво. Однако требование это не было выполнено во всей полноте: вначале вышло около 500 человек, среди которых было арестовано 22 солдата, затем через 24 часа – еще около 6000 человек, остальные – около 2000 – были преднамеренно оставлены для охранения оружия, которое они сдать не пожелали.

На отданное тогда же генералом приказание – сдать оружие по возвращении в лагерь – мятежники ответили согласием, однако это приказание исполнено ими не было. Оставление в руках дезорганизованной толпы, среди которой скрывались, несомненно, провокационные элементы, представлялось явно опасным. Сложение оружия являлось основным условием для приведения этой толпы в

порядок. При этих обстоятельствах и имея в виду некоторую неустойчивость состояния духа части войск, оставшейся верной Временному правительству, вследствие чего явилось сомнение в возможности применения их в качестве вооруженной силы для приведения к порядку мятежников, решено было прибегнуть к давлению длительного характера: мятежники были переведены на меньшее довольствие, денежное довольствие было прекращено, выход из лагеря в соседний город Оккуртин был загражден французскими постами. Меры эти вызвали подавленность духа мятежников в массе, но в то же время усилилось на нее влияние вожаков, стремившихся спрятаться за массу и растворить в ней свою ответственность. В то же время мятежные солдаты стали позволять себе насилия над чинами французских войск. Так, ими был арестован и продержан 6 часов французский офицер с двумя французскими унтер-офицерами, которые по приказанию французского коменданта расклеивали в лагере телеграмму главнокомандующего. 9 августа ген. Занкевич ездил в лагерь Лакуртин, чтобы в последний раз попытаться убедить мятежников-солдат сложить оружие. Однако на его приказ вызвать представителей от рот комитет от лагеря ответил отказом исполнить это требование. Получив сведения о проезде через Францию артиллерийской бригады, находившейся в отличном порядке, ген. Занкевич по соглашению с комиссаром Раппом решил воспользоваться этой частью для приведения силой оружия мятежных солдат в покорность; командиру было поручено формирование и командование сводным отрядом, составленным из частей вышеупомянутой артиллерийской бригады и пехотной дивизии.

27 августа солдатам лагеря Лакуртин было объявлено распоряжение Временного правительства об отозвании наших войск из Франции, однако и после этого мятежники упорно отказывались сдать оружие. По просьбе артиллеристов из их состава была послана к мятежным солдатам выборная депутация, которая вернулась через несколько дней, придя к убеждению в бесполезности переговоров. Такие же отрицательные результаты дали уговоры мятежников выборными от пехотной дивизии. К вечеру 1 сентября была прекращена доставка пищевых продуктов в бунтующий лагерь, однако эта мера могла иметь только моральный характер, так как в распоряжении бунтовщиков имелись значительные запасы продовольствия; войска заняли назначенные позиции. В тот же день был передан членам комитета лагеря Лакуртин и в толпу мятежников-солдат ультимативный приказ ген. Занкевича о сложении оружия бунтовщиками с угрозой открыть артиллерийский огонь в случае неисполнения этого приказа к 10 часам утра 1 сентября. После неоднократных предупреждений в 10 часов утра 3 сентября был открыт по лагерю редкий артиллерийский огонь, всего 18 снарядов, и мятежники были оповещены, что огонь станет интенсивным. Ввиду того, что в ночь с 3-го на 4-е сдалось около 160 человек, 4 сентября вновь начался обстрел лагеря, и в 11 часов утра после выпуска 30 снарядов мятежники выкинули два белых флага и начали выходить без оружия из лагеря. К вечеру вышедших оказалось около 8300 человек. Они были приняты французскими войсками. В этот день артиллерийская стрельба более не производилась. Оставшиеся в лагере — 150 — с вечера открыли сильный пулеметный огонь.

Вечером был отправлен в лагерь врач с 4 фельдшерами для оказания медицинской помощи раненым. 5 сентября с целью ликвидации дела был открыт интенсивный огонь по лагерю, и наши части постепенно занимали лагерь. Мятежники упорно отвечали стрельбой из пулемета. К 9 часам 6-го лагерь был занят целиком. Всего зарегистрировано вышедших из лагеря 8515 солдат. Потери наших частей: 1 убитый, 5 раненых. Мятежников — 8 убитых, 44 раненых. Среди французов были лишь две случайные жертвы: один убитый и один раненый; оба — почтальоны, сбившиеся с дороги и попавшие в полосу попадания пуль мятежников. Таким образом, куртинский мятеж был ликвидирован нашими войсками без какого-либо активного участия французских войск. По обезоружению среди мятежников был произведен 81 арест. По выделении арестованных из остальной массы мятежников были сформированы особые безоружные маршевые роты, из коих две, составленные из особенно беспокойных элементов, выделены и отправлены в Бурд-Лаотие, другая — на Ильд-Экс, остальные оставлены в лагере Куртин для выяснения виновных и степени их ответственности. Распоряжением представителя Временного правительства военным комиссаром образована особая следственная комиссия».

После этого победители хладнокровно расстреляли свыше 200 восставших.

8

РЕЧЬ ТЕРЕЩЕНКО

(Выдержки)

«...Вопросы обороны и внешней политики тесно связаны между собой... Таким образом, если вопросы национальной обороны вы считаете необходимым обсуждать при закрытых дверях, то иногда нам приходится соблюдать такую же тайну и в вопросах внешней политики...

Работа германской дипломатии определенно идет в направлении воздействия на общественное мнение... Поэтому заявления руководителей крупных демократических организаций, которые говорят о возможности или близости революционного конвента и о невозможности зимней кампании, представляют собою величайшую опасность... Всякие такие заявления оплачиваются человеческими жизнями.

Я хочу говорить исключительно с точки зрения государственной целесообразности, т. е. совершенно оставляя в стороне вопросы о чести и достоинстве нашего государства. С точки зрения целесообразности международная политика России должна руководиться правильно понятыми государственными интересами России... Эти интересы говорят, что нельзя нашей родине оставаться одинокой и что та группировка сил, которая в настоящее время создалась, для нас целесообразна... Все человечество жаждет мира, но в России никто не допустит такого мира, который был бы унижителен для нее и нарушил бы государственные интересы нашей родины...».

Оратор указывает, что подобный мир на долгие годы, если не на столетия, задержал бы торжество демократических принципов во всем мире и неизбежно вызвал бы новые войны.

«Все помнят апрельские и майские дни, когда братание на нашем фронте грозило прервать войну путем простого прекращения боевых действий и довести страну до позорного сепаратного мира... Какие усилия потребовались тогда для того, чтобы заставить фронтовые солдатские массы понять, что не этим путем должно Российское государство закончить войну и обеспечить свои интересы...»

Далее Терещенко говорит об изумительном действии июньского наступления, о том, какой вес оно придало за границей всякому слову русских послов, о том, какое отчаяние распространили в Германии русские победы. Затем он рассказывает о разочаровании, каким сопровождалось в союзных странах поражение русской армии.

«Что до российского правительства, то оно твердо держится апрельской формулы: «Мир без аннексий и контрибуций». Мы считаем необходимым не только провозгласить принцип самоопределения народов, но и отказаться от империалистических целей...»

Германия непрерывно делает попытки заключить мир. В Германии говорят только о мире. Немцы знают, что добиться победы они не могут.

«Я отвергаю все упреки, делаемые правительству в том, что российская внешняя политика недостаточно ясно говорит о целях войны...»

Если возникает вопрос о том, какие цели преследуют союзники, то прежде необходимо спросить, на каких целях сошлись центральные державы...

Часто приходится слышать требования, чтобы мы опубликовали все подробности договоров между союзниками; но все забывают, что мы до сих пор не знаем тех договоров, которыми связаны центральные державы...»

Терещенко утверждает, что Германия явно стремится отделить Россию от Запада рядом мелких буферных государств.

«Мы должны обратить самое напряженное внимание на эту тенденцию, пытающуюся нанести удар самым жизненным интересам России...»

И неужели российская демократия, начертавшая на своем знамени право народов на распоряжение своей судьбой, — неужели она и впредь допустит угнетение самых культурных народов, совершаемое Австро-Венгрией?!

Тот, кто боится, что союзники попытаются воспользоваться нашим затруднительным положением, чтобы заставить нас взять на себя слишком большую часть военных тягот, и чтобы разрешить вопросы мира за наш счет, находится в глубочайшем заблуждении... Наш враг смотрит на Россию, как на рынок для сбыта своих продуктов. С прекращением войны мы оказались бы в

очень слабом положении; границы наши оказались бы открытыми для потока германских товаров, которые на долгие годы задержали бы развитие нашей промышленности. Против такого положения дел необходимо принять решительные меры...

Я заявляю прямо и открыто: соотношение сил, связывающее нас с союзниками, благоприятно для интересов России. Поэтому очень важно, чтобы наши взгляды по вопросам войны и мира находились в возможно точном и ясном соответствии с точкой зрения союзников по тем же вопросам... Во избежание всяких недоразумений я должен прямо заявить, что на Парижской конференции Россия должна выражать единую точку зрения...»

Оратор не стал комментировать скобелевского наказа, но зато он сослался на только что опубликованный в Стокгольме манифест германо-скандинавского комитета. Этот манифест требовал автономии для Литвы и Латвии; «Но, — заявил Терещенко, — это явно невозможно, ибо Россия не может обойтись без незамерзающих портов на Балтийском море...

В этом пункте вопросы внешней политики тесно связываются с вопросами политики внутренней, ибо если бы у нас существовало сильное чувство единства всей великой России, то мы не были бы свидетелями повсеместных и повторяющихся манифестаций, говорящих о желании различных народов отложиться от центрального правительства... Подобный сепаратизм противоречит интересам России, и русские делегаты не могут поддерживать его...»

9

БРИТАНСКИЙ ФЛОТ (и т. д.)

Во время морской битвы в Рижском заливе не только большевики, но и сами министры Временного правительства считали, что британский флот покинул Балтийское море с определенным умыслом и что этот его поступок был выражением позиции, часто и открыто излагавшейся в английской прессе и полуофициально высказывавшейся английскими представителями в России: «С Россией кончено, с ней больше не стоит возиться...».

См. интервью с Керенским (приложение 13, стр. 278—279).

Генерал Гурко был при царской власти начальником штаба русской армии. Он занимал выдающееся положение при разложившемся императорском дворе. После революции он был одним из немногих деятелей, высланных по политическим и личным мотивам. Поражение русского флота в Рижском заливе совпало по времени с аудиенцией, данной в Лондоне королем Георгом этому генералу, человеку, которого русское Временное правительство считало опасным германофилом, а также реакционером!

10

ПРИЗЫВЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ ВОССТАНИЯ

«Рабочим и солдатам.

Товарищи! Темные силы усиленно работают над тем, чтобы вызвать в Петрограде и в других городах в ближайшие дни беспорядки и погромы. Они нужны, чтобы получить возможность потопить в крови все революционное движение. Под предлогом восстановления нарушенного порядка и охраны жизни обывателей они надеются водворить ту самую корниловщину, которую революционному народу удалось раздавить недавно. Горе народу, если эти расчеты удадутся! Торжествующая контрреволюция уничтожит Советы и войсковые комитеты, сорвет Учредительное собрание, приостановит переход земли к крестьянам, покончит со всеми надеждами народа на скорый мир и заполнит тюрьмы революционными солдатами и рабочими.

В своих расчетах контрреволюционеры и черносотенцы опираются на стихийное недовольство темной части народа продовольственной разрухой, продолжающейся войной и общим настроением жизни. Они надеются всякое выступление солдат и рабочих превратить в погром, который запугает мирное население и бросит его в объятия водворителей порядка.

При этих обстоятельствах будет преступным легкомыслием всякая попытка организовать в эти дни выступление или демонстрацию хотя бы с самыми революционными целями. Сознательные рабочие и солдаты, недовольные политикой правительства, нанесли бы выступлением вред не кому-либо иному, а лишь собственному делу и революции. Они сыграли бы в руку контрреволюции.

Поэтому Центральный Исполнительный Комитет требует от всех рабочих и солдат не повиноваться призывам к выступлению.

Рабочие и солдаты! Не поддавайтесь провокации! Помните о вашем долге перед страной и революцией! Не нарушайте единства революционного фронта обреченными на неудачу выступлениями!

Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов.»

«РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

ОПАСНОСТЬ БЛИЗКА.

Всем рабочим и солдатам.

(Прочтите и передайте другим.)

Товарищи рабочие и солдаты! Родина в опасности. Наша свобода и наша революция вступили в труднейшие свои дни. Враг стоит на подступах к Петрограду. Разруха растет с каждым часом. Получать хлеб для Петрограда становится все труднее и труднее. Все, все от мала до велика должны удвоить усилия, должны всячески стараться уладить положение... Спасем нашу родину, спасем нашу

свободу... Оружия и припасов — для армии! Хлеба — большим городам! Порядок и организация — всей стране!

И в эти грозные, решительные дни распространяются слухи, что где-то готовится выступление, что кто-то призывает рабочих и солдат сорвать революционный мир и порядок... Большевистская газета «Рабочий Путь» подливает масла в огонь; она льстит темным и несознательным элементам, вкрадывается в их доверие, обольщает рабочих и солдат, поднимает их против правительства, суля им золотые горы... Доверчивые, темные люди не рассуждают, а верят... А с другой стороны, идут слухи — слухи о том, что темные силы, царские прислужники, германские агенты радостно потирают руки. Они готовятся соединиться с большевиками и вместе с ними раздуть беспорядки в гражданскую войну.

Большевики и сбитые ими с толку невежественные рабочие и солдаты бессмысленно кричат: «Долой правительство! Вся власть Советам!», а темные царские прислужники и вильгельмовские шпионы будут вторить им: «Бей евреев, бей лавочников, грабь рынки, громи заводы и магазины, разбивай винные погреба! Бей, жги, грабь!».

И тогда начнется страшная смута, междоусобная война в народе. Еще больше увеличится разруха, и, быть может, снова польется кровь по улицам столицы. А тогда — что тогда?

Тогда дорога на Петроград будет открыта Вильгельму. Тогда в Петроград вовсе не будет приходить хлеб, и дети будут умирать с голоду. Тогда армия на фронте останется без поддержки, и наши братья в окопах будут выданы немцам на расстрел. Тогда Россия потеряет всякое уважение у иностранных государств, наши деньги потеряют ценность, все станет так дорого, что невозможно будет жить. Тогда долгожданное Учредительное собрание будет отложено, ибо собрать его в срок будет невозможно. И тогда — смерть революции, смерть нашей свободе...

Этого ли хотите вы, рабочие и солдаты? Нет! Но если нет, то идите, идите к темным людям, сбитым с толку обманщиками, и скажите им всю ту истину, которую мы уже сказали вам! Пусть все знают, что каждый, кто в эти грозные дни призывает вас выйти на улицу против правительства, есть либо тайный царский прислужник, провокатор, либо бессознательный помощник врагов народа, либо подкупленный шпион Вильгельма.

Все сознательные рабочие-революционеры, все сознательные крестьяне, все революционные солдаты, все те, кто понимает, в какое несчастье может вовлечь наш народ выступление или бунт против правительства, должны объединиться и не позволить врагам народа погубить нашу свободу!

Петроградский избирательный комитет меньшевиков-оборонцев».

«ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ» ЛЕНИНА

Это ряд статей, последовательно помещавшихся в «Рабочем Пути» во второй половине октября 1917 г. Привожу только отрывки из двух статей.

«...«У нас нет большинства в народе, без этого условия восстание безнадежно»...

Люди, которые способны говорить это, либо искажители правды, либо педанты, которые желают, во что бы то ни стало, не считаясь ни капли с реальной обстановкой революции, получить наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровнехонько половину голосов плюс один голос...

Наконец, самый крупный факт современной жизни в России есть крестьянское восстание... Движение крестьян в Тамбовской губернии было восстанием и в физическом и в политическом смысле, восстанием, давшим столь великолепные политические результаты, как, во-первых, согласие передать земли крестьянам. Недаром вся запуганная восстанием эсеровская шваль вплоть до «Дела Народа» вопит теперь о необходимости передачи земель крестьянам!..

Другое великолепное политическое и революционное последствие крестьянского восстания... это — подвоз хлеба к станциям железных дорог Тамбовской губ...

И прекрасные плоды такого (единственно реального) решения вопроса о хлебе вынуждена была признать буржуазная пресса, даже «Русская Воля», напечатавшая сообщение, что станции железных дорог Тамбовской губернии оказались завалены хлебом... После того как крестьяне восстали!!..

...«Мы недостаточно сильны, чтобы взять власть, а буржуазия недостаточно сильна, чтобы сорвать Учредительное собрание»...

Первая часть этого довода есть простой пересказ довода предыдущего. Он не выигрывает в силе и убедительности, если свою растерянность и запуганность буржуазией выражают пессимизмом насчет рабочих, оптимизмом насчет буржуазии. Если юнкера и казаки говорят, что будут драться до последней капли крови против большевиков, то это заслуживает полного доверия; если же рабочие и солдаты на сотнях собраний выражают полное доверие большевикам и подтверждают готовность грудью встать за переход власти к Советам, то «уместно» вспомнить, что одно дело голосовать, а другое дело драться!

Конечно, если рассуждать так, то восстание «опровергнуто». Только, спрашивается, чем же отличается этот своеобразно направленный, своеобразно устремленный «пессимизм» от политического перехода на сторону буржуазии?..

А что доказала корниловщина? Она доказала, что Советы действительно сила...

Как можно доказать, что буржуазия недостаточно сильна для срыва Учредительного собрания?

Если буржуазия не в силах свергнуть Советы, то, значит, она достаточно сильна для срыва Учредительного собрания, ибо больше помешать некому. Верить обещаниям Керенского и К⁰, верить резолюциям лакейского предпарламента — неужели это достойно члена пролетарской партии и революционера?

Буржуазия не только в силах сорвать Учредительное собрание, если теперешнее правительство не будет свергнуто, но она может и косвенно достигнуть этого результата, сдавая Питер немцам, открывая фронт, усиливая локауты, саботируя подвоз хлеба...

...«Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва Учредительного собрания и отказа от корниловских попыток»... Отказ от восстания есть отказ от лозунга «вся власть Советам»... С сентября в партии обсуждается вопрос о восстании...

Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» созвать Учредительное собрание... При власти в руках Советов Учредительное собрание обеспечено и его успех обеспечен...

[Отказ от восстания] — это прямой переход к Либерданам...

Либо переход к Либерданам и открытый отказ от лозунга «вся власть Советам», либо восстание. Середины нет.

...«Буржуазия не может сдать Питера немцам, хотя Родзянко и хочет этого, ибо воюют не буржуа, а наши геройские матросы»... Ставка не реформирована... командный состав корниловский...

Если корниловцы (с Керенским во главе, ибо он тоже корниловец) захотят сдать Питер, они могут сделать это двойко и даже «трояко».

Во-первых, они могут предательством корниловского командного состава открыть сухопутный северный фронт.

Во-вторых, они могут «сговориться» насчет свободы действий всего немецкого флота, который сильнее нас, сговориться и с немецкими и с английскими империалистами. Кроме того, «скрывшиеся адмиралы» могли передать немцам и планы.

В-третьих, локаутами и саботажем доставки хлеба они могут довести войска наши до полного отчаяния и бессилия.

Ни одного из этих трех путей отрицать нельзя. Факты доказали, что во все эти три двери буржуазно-казацкая партия России уже стучалась, их пробовала открыть...

Мы не вправе ждать, пока буржуазия задушит революцию... Родзянко — человек дела... Политику капитала Родзянко верой и правдой проводил десятилетия.

Следовательно? Следовательно, колебаться по вопросу о восстании, как единственном средстве спасти революцию, значит впасть в ту наполовину либердановскую, эсеровски-меньшевистскую трусливую доверчивость к буржуазии, наполовину «мужицки»-бессознательную доверчивость, против которой больше всего большевики боролись.

...«Мы усиливаемся с каждым днем, мы можем войти сильной оппозицией в Учредительное собрание, к чему нам все ставить на карту»...

Довод филистера, который «читал», что Учредительное собрание созывается, и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лояльнейшем, конституционном пути.

Жаль только, что ни вопроса о голоде, ни вопроса о сдаче Питера ожиданиями Учредительного собрания решить нельзя. Эту «мелочь» забывают наивные или растерявшиеся, или давшие себя запугать люди.

Голод не ждет. Крестьянское восстание не ждало. Война не ждет. Скрывшиеся адмиралы не ждали...

И слепые люди дивятся еще, что голодный народ и предаваемые генералами и адмиралами солдаты равнодушны к выборам! О, мудрецы!

...«Вот если бы корниловцы опять начали, тогда мы бы показали! А начинать самим, к чему рисковать»?.. История не повторяется, но если мы повернемся к ней задом и будем, созерцая корниловщину первую, твердить: «вот кабы корниловцы начали»; если мы это сделаем, какая это превосходная революционная стратегия!.. Какое это серьезное обоснование пролетарской политики?

А если корниловцы... дождутся голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, не начиная до тех пор? Что тогда?

Тактику пролетарской партии нам предлагают построить на возможном повторении корниловцами одной из своих старых ошибок!

Забудем все, что сотни раз доказывали и доказали большевики, что доказала полугодовая история нашей революции, именно, что выхода нет, объективно нет, не может быть, кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата, забудем это, отречемся от всего этого и будем ждать! Ждать чего? Ждать чуда...»

«...Кажется, становится общепризнанным, что оборона государства — главнейшая задача момента и что для ее успеха необходима дисциплина в армии и порядок в стране. Чтобы создать эти условия, у нас должна быть власть, способная действовать не только убеждением, но и силой... Основую всех наших несчастий является оригинальная, чисто русская точка зрения по вопросам внешней политики, именуемая обычно интернационалистической точкой зрения.

Когда г. Ленин полагает, что в России родится новый мир, через который обновится и старый Запад, что этот новый мир заменит старое знамя доктринерского социализма новым прямым действием голодающих масс, когда он полагает, что таким образом человечество будет сразу двинуто вперед и разобьет двери, отделяющие нас от социалистического рая, то в этом он только подражает Керенскому...

Эти люди искренне верили, что распад в России приведет к распаду всего буржуазного мира. Исходя из этой точки зрения, они способны бессознательно совершать государственную измену в военное время или с полным хладнокровием внушать солдатам, что солдаты должны уйти из окопов и, вместо того чтобы бороться с неприятелем, создавать внутреннюю гражданскую войну, нападать на помещиков и капиталистов...»

Здесь речь Милюкова была прервана бешеными криками слева. Депутаты требовали, чтобы он указал, кто из социалистов призывал к такого рода действиям.

«Мартов говорит, что только революционное давление пролетариата может подавить и победить злую волю империалистических клик и уничтожить их диктатуру... Это может быть сделано не путем соглашения между правительствами об ограничении вооружений, но лишь путем обезоружения этих правительств и радикальной демократизации всего военного устройства...»

После ряда злобных и несправедливых нападок на Мартова Милюков перешел к меньшевикам и эсерам, обвиняя их в том, что они вошли в правительство только для того, чтобы вести в нем классовую борьбу.

«Социалисты Германии и союзных стран смотрят на этих господ с еле скрываемым презрением; но они решили, что это дело России, и прислали нам несколько проповедников всемирного пожара.

Формула нашей революционной демократии весьма проста: ни внешней политики, ни дипломатического искусства, немедленный демократический мир, декларация к союзникам: «нам ничего не надо, нам не за что сражаться». Тогда наши противники немедленно выпустят такую же декларацию, и братство народов станет совершившимся фактом».

Милюков осмеял Циммервальдский манифест и заявил, что даже Керенский не смог ускользнуть от влияния «этого злополучного документа, который навсегда останется обвинительным актом против вас». Затем он напал на Скобелева, утверждая, что положение его на Парижской конференции, где он явится среди иностранных дипломатов в качестве правительственного делегата, состоящего в

оппозиции к иностранной политике своего же правительства, окажется настолько странным, что все будут говорить: «Чего добивается этот господин и о чем, собственно, нам говорить с ним?». Что до наказа, то Милюков заявил, что он и сам пацифист, что он тоже верит в создание международного арбитражного бюро, в необходимость ограничения вооружений и парламентского контроля над тайной дипломатией, откуда, впрочем, не следует, чтобы эту тайную дипломатию надо было вовсе уничтожить.

Перейдя же к социалистическим идеям наказа, к тем идеям, которые он называл «стокгольмскими идеями» (мир без победы, самоопределение народов, прекращение экономической войны), Милюков заявил:

«Успехи Германии прямо пропорциональны успехам тех людей, которые называют себя революционной демократией. Я не говорю, что они прямо пропорциональны «успехам революции», ибо полагаю, что поражения революционной демократии это и есть победы революции...

Влияние советских деятелей на все окружающее вовсе не так слабо. Достаточно было прослушать речь министра иностранных дел, чтобы убедиться, что в этом зале влияние революционной демократии на внешнюю политику настолько сильно, что лицом к лицу с этой революционной демократией министр отказывается говорить вслух о чести и о достоинстве России.

Из наказа Советов мы можем видеть, что идеи Стокгольмского манифеста выработывались в двух направлениях: в направлении утопизма и в духе германских интересов».

Яростные выкрики слева прерывают оратора, и председатель делает ему замечание. Милюков настаивает, что мирное предложение, выработываемое не дипломатами, а народными собраниями, предложение начать мирные переговоры, как только враг откажется от аннексий, играет в руку немцам. Недавно Кульман сказал, что личное заявление связывает только того человека, который выступил с ним... «Во всяком случае, скорее мы будем подражать немцам, чем Совету рабочих и солдатских депутатов» ...

«Параграфы, говорящие о независимости Литвы и Латвии, являются симптомами националистической агитации, ведущейся в разных частях страны и, по словам Милюкова, поддерживаемой немецкими деньгами...»

Несмотря на дикие крики и шум на левых скамьях, оратор сопоставляет те статьи наказа, которые касаются Эльзаса-Лотарингии, Румынии и Сербии, со статьями того же наказа, говорящими о разных национальностях Германии и Австрии. Наказ защищает австро-германскую точку зрения, утверждает Милюков.

Переходя к речи Терещенко, оратор с презрением обвиняет этого последнего в том, что он не посмел открыто высказать то, что думал, и даже не посмел думать в тех терминах, которые соответствуют величию России. Дарданеллы должны быть русскими...

«Вы постоянно говорите, что солдат не знает, за что он сражается, и что если бы он знал, он сражался бы... Совершенно верно, что солдат не знает, за что он сражается, но теперь вы сказали ему, что драться ему не за что, что у нас никаких национальных интересов нет, что сражаемся мы за чужие цели...»

Воздавая должное союзникам, которые, по его словам, с помощью Америки «спасают ныне общее дело человечества», Милюков закончил:

«Да здравствует свет человечества — передовые демократии Запада, давно прошедшие значительную часть того пути, на который мы теперь только что вступаем еще неверными, нетвердыми шагами! Да здравствуют наши доблестные союзники!».

13

ИНТЕРВЬЮ С КЕРЕНСКИМ

Представитель «Associated Press» решил попытать счастья. «Г. Керенский,— начал он,— в Англии и Франции все разочарованы революцией...»

«Да, знаю,— насмешливо прервал Керенский,— за границей революция уже вышла из моды».

«Чем вы объясняете то, что русские перестали сражаться?»

«Глупый вопрос! — досадливо отвечал Керенский.— Россия вступила в войну прежде всех прочих союзников и долгое время несла на себе всю ее тяжесть. Ее потери гораздо больше, чем потери всех прочих народов вместе. Теперь Россия имеет право требовать от союзников, чтобы они пустили в дело все свои силы». Он замолк на секунду и взглянул на собеседника: «Вы спрашиваете, почему русские перестали сражаться, а русские спрашивают, где находится британский флот, когда по Рижскому заливу ходят германские броненосцы?». Он снова помолчал и вдруг выпалил: «Русская революция не побеждена, и революционная армия тоже не побеждена. Развал армии создан не революцией, развал совершился гораздо раньше, еще при старом режиме. Почему русские перестали сражаться? Я вам скажу почему. Потому, что народ разорен экономически и изверился в союзниках!».

Интервью, из которого мы только что привели выдержки, было передано по телеграфу в Соединенные Штаты и через несколько дней возвращено государственным департаментом с требованием внести «изменения». Это Керенский сделать отказался, но это сделал его секретарь д-р Давид Соскис. Из интервью были выкинуты все неприятные для союзников выражения, и в таком виде оно было сообщено всему миру.

К Главе III

1

«РЕЗОЛЮЦИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ФРАКЦИИ, ПРИНЯТАЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ ПО ДОКЛАДУ тов. ЛАРИНА

I

1. Низвергнув самодержавие в политической области, рабочий класс стремится доставить торжество демократическому строю и в области своей производительной деятельности. Выражением этого стремления является идея рабочего контроля, естественно возникшая в обстановке хозяйственного развала, созданного преступной политикой господствующих классов.

2. Организация рабочего контроля является таким же здоровым проявлением рабочей самостоятельности в области производства, как организация партийной деятельности в области политики, организация профессиональных союзов в области отношения найма, организация кооперативов в области потребления, организация клубов в области культуры.

3. Рабочие более владельцев заинтересованы в правильной и непрерывной работе предприятий. Наличие рабочего контроля более обеспечивает в этом отношении интересы всего современного общества, всего народа, чем одно только самодержавное усмотрение владельцев, руководящих соображениями своекорыстной материальной или политической выгоды. Поэтому рабочий контроль является не только требованием пролетариата, но лежит и в интересах всей страны и должен быть поддержан революционным крестьянством и революционной армией.

II

4. Ввиду отрицательного отношения большинства капиталистов к революции правильное распределение материалов и топлива и нормальное руководство работами, как это достаточно показал опыт, невозможны без рабочего контроля.

5. Только рабочий контроль над капиталистическими предприятиями, закрепляя осмысленное отношение к делу и уясняя его общественное значение, создаст благоприятные условия для наличия твердой рабочей самодисциплины и для развития возможной производительности труда.

6. Предстоящий переход хозяйства на мирное положение и в связи с этим новое перераспределение рабочих сил по стране между предприятиями мыслимы без самых тяжелых потрясений, только в случае демократического самоуправления самих рабочих в деле распоряжения их личностями в процессе перераспределения рабочих сил. Поэтому осуществление рабочего контроля является одним из обязательнейших предварительных условий для демобилизации промышленности.

III

7. Согласно выставленному политической партией русского пролетариата — Российской Социал-Демократической Рабочей Партией (большевиков) лозунгу «рабочий контроль в общегосударственном масштабе» рабочий контроль, чтобы принести все плодотворные результаты, должен быть обнимающим все

капиталистические предприятия, а не случайным, организованным, а не бессистемным, планомерным, а не оторванным от хозяйственной жизни страны в целом.

8. Экономическая жизнь страны, как сельское хозяйство, так и промышленность, торговля и транспорт, должна быть подчинена одному плану, составленному в интересах удовлетворения личных и хозяйственных нужд широких масс народа, утвержденному их выборными представителями и исполняемому под руководством этих представителей в лице соответственных государственных и местных учреждений по проведению хозяйственного плана.

9. Та часть плана, которая относится к сельскому хозяйству, осуществляется под контролем крестьянских и батрацких организаций, а та часть, которая откосится к предприятиям, ведущимся наемным трудом в промышленности, торговле и транспорте, — под рабочим контролем, причем естественными органами рабочего контроля внутри предприятия являются фабрично-заводские и соответствующие им комитеты, а на рынке труда — профессиональные союзы.

IV

10. Коллективные тарифные соглашения, заключаемые профессиональными союзами для большей половины рабочих какой-либо отрасли труда, должны соблюдаться всеми хозяевами предприятий этой отрасли в соответственной местности.

11. Биржи труда должны перейти в управление профессиональных союзов как классовые пролетарские организации, действующие в рамках общего хозяйственного плана, согласованно с ним.

12. Профессиональные союзы должны получить право возбуждать судебные дела по своему усмотрению по поводу всяких нарушений договора найма или рабочего законодательства в применении к какому бы то ни было рабочему соответственной отрасли труда.

13. По всем делам, имеющим отношение к рабочему контролю над производством, распределением и рынком труда, профессиональные союзы должны сноситься с рабочими отдельного предприятия через его фабрично-заводский комитет.

14. Внутренний распорядок, прием, увольнение, отпуска, расценки, браковка, степень работоспособности и умелости, наличность оснований для расторжения договора найма, споры с администрацией и подобные вопросы внутренней жизни предприятия после введения рабочего контроля должны разрешаться только с согласия и утверждения фабрично-заводского комитета, которому должно принадлежать также право отвода всех лиц администрации предприятия.

15. Фабрично-заводский комитет образует контрольную комиссию в целях контроля над правильностью и обеспеченностью как снабжения предприятия

материалами, топливом, заказами, рабочими и техническими силами (в том числе оборудованием) и всякими потребными предметами и мероприятиями, так и в целях контроля над согласованностью всей деятельности предприятия с общим хозяйственным планом. Управление предприятием обязано сообщать контролерам от рабочих с целью контроля и осведомления все данные, представлять, возможность их проверки и открывать им все деловые книги предприятия.

16. При обнаружении рабочим контролем каких-либо сомнений или неправильностей, которые не могут быть устранены или выяснены средствами и силами рабочих отдельного предприятия, фабрично-заводский комитет обращается за содействием к собранию всех фабрично-заводских комитетов соответственной отрасли производства данной местности, которое в подлежащих учреждениях по проведению хозяйственного плана возбуждает вопрос о принятии всех нужных мер, вплоть до полного секвестра предприятия включительно.

17. Объединение фабрично-заводских комитетов отдельных предприятий должно совершаться по производствам для облегчения контроля за всею отраслью промышленности в целом в смысле согласованности работы ее с общим хозяйственным планом и в смысле деловой целесообразности распределения между предприятиями заказов, материалов, топлива, технических и рабочих сил, а также для облегчения совместной деятельности с профессиональными союзами, организуемыми по производствам.

18. Общегородские советы профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов представляют пролетариат в государственных и местных учреждениях по выработке и проведению хозяйственного плана и по организации обмена между городом и деревней, осуществляют высшее руководство фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами в деле рабочего контроля в данной местности и издают обязательные правила рабочей дисциплины в деле производства работ, утверждаемые всеобщим голосованием рабочих.

19. Требуя рабочего контроля в общегосударственном размере, конференция приглашает товарищей уже теперь осуществлять его в той степени, в какой это возможно по соотношению сил на местах, и объявляет несоединимым с целями рабочего контроля захват рабочими отдельных предприятий в свою пользу»

2

БУРЖУАЗНАЯ ПРЕССА О БОЛЬШЕВИКАХ

«Русская Воля» от 28(15) октября: «Критический, момент приближается. Это критический момент для большевиков. Либо они дадут нам... второе издание событий 3—5 июля, либо им придется признать, что они со своими планами и стремлениями, со своей наглой политикой разрыва со всеми сознательными национальными элементами потерпели полное поражение.

Каковы шансы большевиков на успех?

На этот вопрос ответить трудно, ибо основным ресурсом большевиков является... невежество народных масс. Они спекулируют на этом невежестве, они пользуются им для непрерывной демагогии...

Правительство должно вмешаться в это дело. Пользуясь моральной поддержкой Совета республики, оно должно открыто занять антибольшевистскую позицию...

Если же большевики спровоцируют выступление против законной власти, создавая тем самым возможность германского нашествия, то с ними надо будет поступить, как с бунтовщиками и изменниками...».

«*Биржевые Ведомости*» от 28(15) октября: «Теперь, когда большевики сами откололись от всей прочей демократии, бороться с ними стало гораздо легче, и теперь уже не имеет смысла ждать для этой борьбы их выступления. Наоборот, правительство не должно такого выступления допустить...

Призывы большевиков к восстанию и анархии суть уголовно наказуемые действия, и даже в самой свободной стране авторы подобных призывов понесли бы строгую кару. Ибо то, что делают большевики, есть не политическая борьба против правительства или даже за власть, это — пропаганда анархии, погромов и гражданской войны. Подобная пропаганда должна быть уничтожена в корне; чтобы начать борьбу против погромной агитации, странно было бы ждать, пока фактически начнутся погромы...».

«*Новое Время*» от 1 ноября (19 октября): «...Почему правительство тревожит только дата 20 октября, а не тревожили 20 сентября и 30 августа. Россия горит и разрушается уже не первый день, и дым от страшного пожара давно ест глаза наших союзников.

Было ли за это время хоть одно распоряжение правительства, направленное к тому, чтобы остановить анархию, и пытался ли кто-нибудь потушить всероссийский пожар?

До того ли бы[ло]?!

Правительство избрало себе более неотложную задачу. Оно усмиряло тот мятеж (корниловский), о котором со всех сторон недоумевающе спрашивают: «Был ли он?»...»

3

УМЕРЕННАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРЕССА О БОЛЬШЕВИКАХ

«*Дело Народа*» (газета социалистов-революционеров) от 28(15) октября: «Тягчайшее преступление большевиков против революции состоит в том, что все несчастья, от которых так жестоко страдают массы, они объясняют исключительно злыми намерениями революционного правительства, между тем как на самом деле эти несчастья вызываются объективными причинами.

Они обещают массам золотые горы, зная вперед, что ни одного из своих обещаний они не смогут исполнить; они ведут массы по ложному пути, они обманывают их в вопросе о причинах всех затруднений...

Большевики — это опаснейшие враги революции...».

«*День*» (газета меньшевиков) от 30(17) октября: «В этом ли состоит «свобода печати»? «Новая Русь» и «Рабочий Путь» ежедневно и открыто призывают к восстанию. Каждый день эти две газеты совершают на своих столбцах настоящие преступления. Каждый день они призывают к погромам... Это ли «свобода печати»?»

Правительство должно защитить себя и нас. Мы имеем право требовать, чтобы правительственная машина не оставалась бездейственной, когда над жизнью граждан нависла угроза кровавых погромов».

4

«ЕДИНСТВО»

Плехановская газета «Единство» перестала выходить через несколько недель после захвата власти большевиками. В противоположность очень распространенной версии «Единство» не было закрыто Советским правительством: в последнем его номере было напечатано извещение о том, что выпуск газеты прекращается за слишком малым числом подписчиков...

5

БЫЛИ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ЗАГОВОРЩИКАМИ?

В петроградской французской газете «Entente» от 15(2) ноября была напечатана статья, в которой говорилось:

«Правительство Керенского рассуждает и колеблется. Правительство Ленина и Троцкого действует и нападает.

Его называют правительством заговорщиков, но на деле это неверно. Конечно, это, как и всякое революционное правительство, восторжествовавшее над своими противниками, правительство узурпаторов. Но правительство заговорщиков — нет!

Нет! Эти люди — не заговорщики. Они не конспирируют. Наоборот, они действуют смело, открыто, без смягчающих слов, без маскировки намерений; они всеми силами ведут открытую агитацию, усиливаемую пропагандой на заводах, в казармах, на фронте, в стране — повсюду. Они вперед открыто назначают день вооруженного восстания, день захвата власти...

Они — заговорщики? Никогда!».

6

ПРИЗЫВ ПРОТИВ ВОССТАНИЯ

От Центрального армейского комитета

«...Прежде всего мы настаиваем на неуклонном исполнении организованной воли большинства народа, выражаемой органом народной власти — Временным правительством в согласии с Советом республики и ЦИК...

Всякая попытка низложить эту власть путем насилия в тот момент, когда правительственный кризис неизбежно создаст дезорганизацию, разруху в стране и гражданскую войну, будет рассматриваться армией как контрреволюционное дело и будет подавлена силою оружия...

Интересы всех отдельных групп и классов должны подчиниться единому общему интересу — делу повышения производительности нашей промышленности и делу справедливого распределения всех предметов первой необходимости.

Всех людей, способных на саботаж, дезорганизацию и беспорядки, всех дезертиров, всех грабителей и разгильдяев надо заставить нести черную работу в тылу армии...

Мы предлагаем Временному правительству создать из этих нарушителей народной воли, из этих врагов революции особые рабочие отряды и заставить их работать в тылу, на фронте, в окопах, под неприятельским огнем...»

7

СОБЫТИЯ В НОЧЬ НА 7 НОЯБРЯ (25 ОКТЯБРЯ)

Вечером отряды красногвардейцев стали занимать типографии буржуазных газет и печатать сотни тысяч экземпляров «Рабочего Пути», «Солдата» и различных прокламаций. Городской милиции был отдан приказ очистить типографии от красногвардейцев, но она наткнулась на забаррикадированные двери и вооруженную охрану. Солдаты, которым было поручено атаковать типографии, не подчинились приказу.

Около 12 часов ночи в клуб «Свободомыслящих» явился полковник с ротой юнкеров и приказом арестовать редактора «Рабочего Пути». На улице немедленно собралась огромная толпа народа, угрожавшая юнкерам самосудом. Тогда полковник стал просить, чтобы его арестовали вместе с юнкерами и отправили для безопасности в Петропавловскую крепость. Эта просьба была исполнена.

В час пополудни отряд солдат и матросов из Смольного занял телеграф. В 35 минут второго был занят почтамт. Под утро была взята военная гостиница, а в пять часов утра — телефонная станция. В 10 часов Зимний дворец был оцеплен войсками

К Главе IV

1

СОБЫТИЯ 7 НОЯБРЯ (25 ОКТЯБРЯ)

С 4 часов ночи до утра Керенский оставался в Петрограде, в помещении главного штаба, откуда рассылал приказы по казачьим частям и по юнкерским училищам, находящимся в городе и окрестностях. Все эти части и училища отвечали, что выступить не могут.

Комендант города полковник Полковников метался между штабом и Зимним дворцом, очевидно не имея никакого плана. Керенский приказал развести мосты; в течение трех часов ничего не предпринималось, а затем один офицер при пяти солдатах по собственной инициативе отправился к Николаевскому мосту, сбил охранявший его красногвардейский пикет и развел мост. Однако, как только он двинулся дальше, какие-то матросы навели мост снова.

Керенский приказал занять типографию «Рабочего Пути». Офицеру, назначенному на это дело, был обещан взвод солдат; два часа спустя ему обещали дать отряд юнкеров, а затем и вовсе забыли о приказе.

Имела место попытка отбить у большевиков почтамт и телеграф; после нескольких выстрелов правительственный отряд заявил, что не желает более противиться Советам.

Делегации юнкеров Керенский заявил: «Как глава Временного правительства и верховный главнокомандующий, я ничего не знаю и ничего не могу вам посоветовать. Но в качестве ветерана революции я призываю вас, юные революционеры, оставаться на своих постах и защищать завоевания революции».

ПРИКАЗ КИШКИНА ОТ 7 НОЯБРЯ (25 ОКТЯБРЯ)

«Указом Временного правительства постановлено: возложить на члена Временного правительства Н. М. Кишкина исключительные полномочия по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений, откуда бы они ни исходили, с подчинением ему военных и гражданских властей».

«На основании полномочий, данных мне Временным правительством, освобождаю главнокомандующего Петроградским военным округом полковника Георгия Полковникова от исполнения возложенных на него обязанностей»..

Призыв к населению

заместителя министра, — председателя

Временного правительства Коновалова

от 25 октября (7 ноября).

«Граждане, спасайте родину, республику и свободу! Безумцы подняли восстание против единственной государственной власти, установленной народом впредь до Учредительного собрания, — против Временного правительства. Члены Временного правительства исполняют свой долг, остаются на своих местах и будут продолжать свою работу на благо родины, для восстановления порядка и для созыва в назначенный срок Учредительного собрания — будущего полномочного хозяина земли русской и всех народов, ее населяющих.

Граждане, вы должны помочь Временному правительству. Вы должны укрепить его власть. Вы должны помешать безумцам, к которым присоединились все враги свободы и порядка, сторонники старого строя, сорвать Учредительное собрание, уничтожить все завоевания революции, все будущее нашей дорогой родины.

Граждане, организуйтесь вокруг Временного правительства для защиты временной власти его во имя порядка и счастья всех народов нашей великой родины.

25 октября 1917 г.».

Радиограмма Временного Правительства

«...Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов объявил Временное правительство низложенным, потребовал передачи ему всей власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоящего на Неве.

Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, а посему постановило не сдаваться и передать себя на защиту народа и армии, о чем послало телеграмму ставке. Ставка ответила о посылке отряда.

Пусть страна и народ ответят на безумную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии.

25 октября, 9 час. веч.».

Около 9 часов утра Керенский выехал на фронт...

Под вечер в помещение главного штаба явились два солдата на велосипедах, объявившие себя делегатами от гарнизона Петропавловской крепости. Войдя в конференц-зал, где совещались Кишкин, Рутенберг, Пальчинский, генерал Багратуни, полковник Параделов и граф Толстой, они потребовали немедленной сдачи штаба, угрожая в противном случае бомбардировкой... После двух совещаний совершенно панического характера штаб перебрался в Зимний дворец, а помещение было занято красногвардейцами...

В конце дня по Дворцовой площади разъезжали большевистские броневики, и советски настроенные солдаты безуспешно пытались войти в переговоры с юнкерами...

Обстрел дворца начался около 7 часов вечера...

Около 10 часов вечера началась артиллерийская бомбардировка. Впрочем, почти все снаряды были холостые, и фасад дворца только слегка был поврежден тремя небольшими шрапнелями.

2

КЕРЕНСКИЙ В ДВИЖЕНИИ

Покидая Петроград утром 7 ноября (25 октября) Керенский на автомобиле прибыл в Гатчину, где потребовал себе особый поезд. К вечеру он был в Острове, Псковская

область. На следующее утро, когда состоялось внеочередное заседание местных Советов Рабочих и Крестьянских депутатов с участием Казацких делегатов – в Острове было 6 тысяч казаков.

Керенский обратился к собранию, прося помощи против большевиков. Данное обращение было адресовано главным образом казакам. Солдатские делегаты выразили протест.

«Зачем вы сюда приехали?» - раздавались крики. Керенский отвечал, «Чтобы просить казаков о помощи в подавлении большевистского восстания!». В этот момент начались ожесточенные протесты, которые увеличились, когда он продолжил, «Я подавил попытку восстания Корнилова, и я подавлю большевиков!» Шум настолько возрос что ему пришлось покинуть трибуну...

Солдатские депутаты и уссурийские казаки решили арестовать Керенского, но донские казаки не позволили им, и дали ему уехать на поезде... Военный Революционный Комитет, созданный в течение дня пытался предупредить псковский гарнизон, но телефонные и телеграфные линии были выведены из строя...

Керенский не приехал в Псков. Революционные солдаты перекрыли железную дорогу, чтобы предотвратить возможность отправки войск на столицу. Ночью 8 ноября (26 октября) он на автомобиле прибыл в Лугу, где его хорошо приняли Батальоны Смерти, находившиеся там.

На следующий день он взял поезд на Юго-Западный Фронт, и посетил Армейский комитет в штабе. Однако у Пятой Армии был дикий энтузиазм по поводу известий об успехах большевиков, и Армейский Комитет не смог обещать Керенскому какую-либо поддержку.

Оттуда он поехал в Ставку в Могилеве, где приказал 10 полкам с разных частей Фронта выдвигаться на Петроград. Солдаты практически единогласно отказались; а те полки, что выступили, были задержаны по пути. В конце концов за ним последовало приблизительно 5 тысяч казаков...

3

ГРАБЕЖИ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Я не намерен утверждать, что никакого грабежа в Зимнем дворце не было. Однако следует сказать, что очень много вещей было украдено из него не только после, но и до взятия. Тем не менее заявления эсеровской газеты «Народ» и некоторых членов городской думы, гласящие, что из дворца было похищено на 500 миллионов рублей ценных предметов, являются большим преувеличением.

Важнейшие произведения искусства, хранившиеся во дворце, — картины, статуи, ковры и гобелены, редкий фарфор, старинное оружие — были вывезены в Москву еще в сентябре месяце, и через десять дней, по занятии Кремля большевиками я лично видел их там, в подвале Большого кремлевского дворца. Могу засвидетельствовать, что все это было в полном порядке и сохранности...

Однако некоторые люди из числа всех вообще граждан, которым на протяжении нескольких дней по занятии дворца разрешалось беспрепятственно бродить по его комнатам, крали и уносили с собою столовое серебро, часы, постельные принадлежности, зеркала, фарфоровые вазы и камни средней ценности. Всего было расхищено, таким образом, на сумму около 50 тысяч рублей.

Для возвращения похищенных вещей Советское правительство создало особую комиссию из художников и археологов. 14(1) ноября эта комиссия выпустила следующие два воззвания:

«Граждане Петрограда!

Мы убедительно просим всех граждан приложить все усилия к разысканию по возможности всех предметов, похищенных из Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября), и к возвращению их коменданту Зимнего дворца.

Скупщики краденых вещей, а также антиквари, у которых будут найдены похищенные предметы, будут привлечены к законной ответственности и понесут строгое наказание.

Комиссары по охране музеев и художественных ценностей

Г. Ятманов, Б. Мандельбаум»

«Всем полковым и флотским комитетам

В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) из Зимнего дворца, представляющего собою неотъемлемое достояние русского народа, был похищен ряд ценных предметов искусства.

Настойчиво призываем всех приложить все усилия к возвращению похищенных вещей в Зимний дворец.

Комиссары — *Г. Ятманов, Б. Мандельбаум».*

Около половины пропавших вещей удалось разыскать, причем кое-что было обнаружено в багаже иностранцев, уезжавших из России.

На совещании художников и археологов, собранном по инициативе Смольного, была выбрана комиссия для составления инвентаря Зимнего дворца, на которую и были возложены все функции, связанные с петроградскими художественными собраниями и государственными музеями.

16(3) ноября Зимний дворец был закрыт для публики, так как комиссия приступила к составлению инвентаря.

В середине ноября Советом Народных Комиссаров был издан особый декрет, которым Зимний дворец переименовывался в «Народный музей». Тем же самым декретом дворец был передан в полное распоряжение художественно-археологической комиссии, и всякая правительственная или политическая деятельность в его стенах была воспрещена.

НАСИЛИЕ НАД ЖЕНСКИМ БАТАЛЬОНОМ

Непосредственно после взятия Зимнего дворца в антибольшевистской прессе и в заседаниях городской думы распространились самые сенсационные истории об участии женского батальона, защищавшего дворец. Говорилось, что некоторые женщины-солдаты были выкинуты на мостовую из окон, почти все остальные были изнасилованы, а многие сами покончили с собою, не будучи в состоянии пережить все эти ужасы.

Городская дума назначила для расследования дела особую комиссию. 16(3) ноября эта комиссия вернулась из Левашова, где квартировал женский батальон. Г-жа Тыркова сообщила, что женщины были сначала отправлены в Павловские казармы, где с некоторыми из них действительно обращались дурно, но что теперь большая часть их находится в Левашове, а остальные рассеяны по частным домам в Петрограде. Другой член комиссии — д-р Мандельбаум сухо засвидетельствовал, что из окон Зимнего дворца не было выброшено ни одной женщины, что изнасилованы были трое и что самоубийством покончила одна, причем она оставила записку, в которой пишет, что «разочаровалась в своих идеалах».

В ноябре женский батальон был официально расформирован Военно-революционным комитетом, расформирован по просьбе самих женщин, которые с тех пор снова стали носить обыкновенное платье.

Любопытное описание этих женщин-солдат читатель найдет в книге Луизы Брайант «Шесть красных месяцев в России».

К Главе V

ОБРАЩЕНИЯ И ВОЗЗВАНИЯ

От военно-революционного комитета

26 октября

«Всем армейским комитетам
действующей армии.

Всем Советам солдатских депутатов.

Петроградский гарнизон и пролетариат низверг правительство Керенского, восставшее против революции и народа...

Оповещая об этом армию на фронте и в тылу, Военно-революционный комитет призывает революционных солдат бдительно следить за поведением командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к совершившейся революции, должны быть немедленно арестованы, как враги.

Программу новой власти Петроградский Совет видит в немедленном предложении демократического мира, в немедленной передаче помещичьих

земель крестьянам, в передаче всей власти Советам и в честном созыве Учредительного собрания. Народная революционная армия должна не допустить отправки с фронта ненадежных войсковых частей на Петроград. Действовать словом и убеждением, а где не помогает — препятствовать отправке беспощадным применением силы.

Настоящий приказ немедленно огласить перед воинскими частями всех родов оружия. Утайка армейскими организациями этого приказа от солдатских масс будет равносильна тягчайшему преступлению перед революцией и будет караться по всей строгости революционного закона.

Солдаты! За мир, за хлеб, за землю, за народную власть!

Военно-революционный комитет»

«Всем фронтовым и тыловым армейским,
корпусным, дивизионным, полковым и ротным
комитетам и Советам рабочих, солдатских
и крестьянских депутатов.

Солдаты и революционные офицеры!

Военно-революционный комитет в согласии с общим голосом солдат, рабочих и крестьян постановил немедленно доставить ген. Корнилова и всех изобличенных участников его заговора, как врагов народа и революции, в Петроград для заключения в Петропавловской крепости и для немедленного предания строгому военно-революционному суду. Сопrotивляющихся этому постановлению комитет объявляет изменниками революции и распоряжения их объявляет недействительными и не подлежащими исполнению.

Военно-Революционный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских
Депутатов»

«Всем губернским и уездным Советам Рабочих
Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Постановлением Всероссийского съезда Советов все арестованные члены земельных комитетов немедленно освобождаются. Арестовавшие их комиссары подлежат аресту. Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с революционным правительством».

2

ПРОТЕСТ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

В заседании 8 ноября (26 октября) городская дума постановила опубликовать следующее обращение:

«Избранная на самых демократических основах Центральная петроградская городская дума приняла на себя в момент величайшей хозяйственной разрухи всю тяжесть ведения городского хозяйства и продовольствия населения. В настоящий момент партия большевиков за три недели до выборов в Учредительное собрание и перед лицом внешнего врага, вооруженной силой устранив единственно законную, революционно-преемственную власть, посягает на полномочия и самостоятельность городского самоуправления, требуя от него подчинения назначенным комиссарам и новой незаконной власти.

В этот грозный трагический момент Петроградская городская дума перед лицом своих избирателей и всей России громко заявляет, что она не подчинится никаким посягательствам на ее права и независимость и останется на своем ответственном посту, на который она поставлена волей населения столицы.

Петроградская центральная городская дума обращается ко всем городским и земским самоуправлениям Российской республики с призывом присоединиться к ней и выступить на защиту одного из величайших завоеваний русской революции — свободы и независимости общественного самоуправления».

3

«КРЕСТЬЯНСКИЙ НАКАЗ О ЗЕМЛЕ

Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема.

Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. п. не подлежат разделу, а превращаются в

показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства, и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности на этот срок, прийти к нему на помощь, путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности, утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землею должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению».

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов».

4

По вопросу о дезертирах и земле правительству не пришлось принимать никаких решений. Эта проблема была автоматически разрешена окончанием войны и демобилизацией армии.

5

Сначала Совет Народных Комиссаров был составлен из одних большевиков. Однако ответственность за это несут не они одни: 8 ноября (26 октября) они предлагали левым эсерам ряд портфелей, но левые эсеры отказались. См. стр. . . .

К Главе VI

1

ПРИЗЫВЫ И ПРОКЛАМАЦИИ

«Всем гражданским и военным организациям партии с.-р.

Безумная попытка большевиков — накануне краха. Среди гарнизона — раскол, подавленность. Министерства не работают. Хлеб — на исходе. Все фракции, кроме кучки максималистов, покинули съезд. Партия большевиков изолирована. Репрессии против типографии Центрального комитета, аресты товарищей Маслова, Циона и других членов партии, грабежи и насилия, сопровождавшие

взятие Зимнего дворца, еще более раздражают значительную часть матросов и солдат. Центрофлот призывает к неповиновению большевикам!

Предлагаем:

во-первых, оказать полнейшее содействие войсковым организациям, комиссарам и командному составу в деле окончательной ликвидации безумной затеи и объединения вокруг Комитета Спасения Родины и Революции, долженствующего создать однородную революционную, демократическую власть на основе программы немедленной передачи земли в ведение земельных комитетов, немедленного предложения всеобщего демократического мира всем воюющим странам;

во-вторых, принять самостоятельные меры для охраны партийных учреждений;

в-третьих, быть наготове, дабы в нужный момент по призыву Центрального комитета оказать активное противодействие стремлениям контрреволюционных элементов использовать большевистскую авантюру для уничтожения завоеваний революции, и,

в-четвертых, проявить сугубую бдительность для противодействия врагу, пожелавшему использовать ослабление фронта.

Центральный Комитет и Военная комиссия Центрального Комитета партии социалистов-революционеров.

27 октября 1917 г.

Из «Правды»

«...Кто же Керенский? Самозванец, которому место в Петропавловке вместе с Корниловым и Кишкиным. Преступник — против доверившихся ему солдат, крестьян и рабочих.

Керенский — убийца солдат.

Керенский — палач крестьян.

Керенский — усмиритель рабочих.

Вот кто этот Корнилов второй, тщетно надеющийся покуситься на завоеванную рабочими, солдатами и крестьянами свободу! »

К Главе VII

1

ДВА ДЕКРЕТА

Декрет о печати

«В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая, социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.

Рабочее и крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественных орудий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть — власть рабочих и крестьян только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса.

Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены; для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону.

Считаясь, однако, с тем, что стеснение печати, даже в критические моменты, допустимо только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Закротию подлежат лишь органы прессы:
 1. Призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству.
 2. Сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов.
 3. Призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно-наказуемого, характера.
2. Запрещение органов прессы, временное или постоянное, проводится лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.
3. Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Владимир Ульянов (Ленин).

О рабочей милиции

- «1. Все Советы Рабочих и Солдатских Депутатов учреждают рабочую милицию.
2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами, вплоть до снабжения ее казенным оружием.

4. Настоящий закон вводится в действие по телеграфу.

Народный комиссар по внутренним делам

А. И. Рыков.

Петроград, 28 октября 1917 года».

В результате этого декрета по всей стране началось формирование красногвардейских отрядов, ставших впоследствии основной силой Советской власти в гражданской войне.

2

ЗАБАСТОВОЧНЫЙ ФОНД

Забастовочный фонд чиновников и банковских служащих образовался из пожертвований петроградских и иногородних банков и торговых фирм, а также иностранных предприятий, ведших дела в России. Все лица, отказывавшиеся работать с большевиками, получали полное, а иногда и повышенное жалование. Стоило вкладчикам фонда понять, что большевики укрепились во власти, и прекратить взнос денег, чтобы забастовка немедленно прекратилась.

К Главе VIII

1

НАСТУПЛЕНИЕ КЕРЕНСКОГО

9 ноября (27 октября) Керенский и его казаки прибыли в Гатчину, где гарнизон безнадежно разделенный на две фракции, немедленно сдался. Члены Совета Гатчины были арестованы, и первоначально им угрожали смертью, а позднее отпустили за хорошее поведение.

Авангард казаков, практически без всякого сопротивления занял Павловск, Александровск и другие станции, и достиг окраин Царского Села на следующее утро – 10 ноября (28 октября). Тотчас же гарнизон разделился на три группы - офицеры, преданные Керенскому; часть солдат и унтер-офицеров, провозгласивших себя «нейтральными»; и большинство рядовых, которые были за большевиков. Солдаты большевики, у которых не было лидеров или отсутствовала организация, отступили к столице. Местный Совет так же отступил в деревню Пулково.

Из Пулково шесть членов Совета Царского Села поехали на автомобиле, груженном прокламациями в Гатчину, заниматься пропагандой среди казаков. Они провели большую часть дня объезжая Гатчину от одной казацкой казармы к другой, умоляя, споря и объясняя. К вечеру некоторые офицеры обнаружили их присутствие и арестовали их. Они предстали перед генералом Красновым, который сказал, «вы

сражались против Корнилова; теперь вы противостоите Керенскому. Я вас всех расстреляю!»

После прочтения им вслух приказа о назначении его верховным главнокомандующим Петроградского округа, Краснов спросил, являются ли они большевиками. Они ответили утвердительно – после чего Краснов ушел; некоторое время спустя офицер пришел и освободил их, сказав, что это приказ Генерала Краснова...

Тем временем делегации продолжали прибывать из Петрограда; из Думы, Комитета Спасения, и, в последнюю очередь от Викжеля. Союз Железнодорожников настаивал, чтобы было достигнуто хоть какое-то соглашение по прекращению гражданской войны, и требовал, чтобы Керенский договорился с большевиками, и чтобы прекратил наступление на Петроград. В случае отказа, Викжель угрожал общей забастовкой в полночь 11 ноября (29 октября).

Керенский попросил разрешения обсудить вопрос с Министрами-Социалистами и с Комитетом Спасения. Он был откровенно нерешителен.

11 ноября (29 октября) казацкие форпосты достигли Красного Села, которое стремительно покинули местный Совет и разнородные силы Военного Революционного Комитета, некоторые из них сдались... Этой ночью они так же дошли до Пулково, где было оказано первое реальное сопротивление...

Казаки дезертиры начали просачиваться в Петроград, объявляя, что Керенский их обманул, что он распространял по фронту воззвания, в которых говорилось, что Петроград в огне, что большевики пригласили немцев, и что они убивают женщин и детей и грабят без разбора...

Военный Революционный Комитет немедленно выслал несколько десятков «агитаторов» с тысячами отпечатанных призывов, чтобы информировать казаков о реальной ситуации...

2

ПРОКЛАМАЦИИ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

«Всероссийский Съезд Советов постановил:

Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется. На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты и офицеры-революционеры, находящиеся под арестом по так называемым «политическим» преступлениям, освобождаются немедленно».

«Ко всему населению

Бывший министр Керенский, низложенный народом, отказывается подчиниться решению Всероссийского Съезда Советов и пытается преступно противодействовать законному правительству, избранному Всероссийским Съездом — Совету Народных Комиссаров. Фронт отказал Керенскому в поддержке. Москва присоединилась к новому правительству. В целом ряде других

городов (Минск, Могилев, Харьков) власть перешла к Советам. Ни одна пехотная часть не идет против рабочего и крестьянского правительства, которое в согласии с твердой волей армии и народа приступило к мирным переговорам и передало землю крестьянам...

Мы заявляем во всеобщее сведение: если казаки не арестуют обманувшего их Керенского и будут двигаться к Петрограду, войска революции всей силой своего оружия выступят на защиту драгоценных завоеваний революции — мира и земли.

Граждане Петрограда! Керенский бежал из города, бросив вас на попечение Кишкина — сторонника сдачи Петрограда немцам, на попечение Руттенберга — черносотенца, саботировавшего продовольствие города, на попечение Нальчикского, стяжавшего единодушную ненависть всей демократии. Керенский бежал, обрекая вас на сдачу немцам, на голод, на кровавую баню. Восставший народ арестовал министров Керенского, и вы видели, что порядок и продовольствие Петрограда только выиграли от этого. Керенский по требованию дворян-помещиков, капиталистов, спекулянтов идет на вас, чтобы вернуть земли помещикам, чтобы вновь продолжать губительную, ненавистную войну.

Граждане Петрограда! Мы знаем, что огромное большинство вас за власть революционного народа, против корниловцев, руководимых Керенским. Не давайте обманывать себя ложными заявлениями бессильных буржуазных заговорщиков, которые будут раздавлены беспощадно.

Рабочие, солдаты, крестьяне, мы требуем от вас революционной готовности и революционной дисциплины.

Многомиллионное крестьянство, многомиллионная армия с нами.

Победа народной революции неизбежна.

*Военно-Революционный Комитет Петроградского Совета
Рабочих и Солдатских Депутатов.*

Петроград, 28 октября 1917 г.».

3

ДЕКРЕТЫ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

В этой книге я привожу только те декреты, которые, по моему мнению, непосредственно связаны с захватом власти большевиками. Что до дальнейшей законодательной работы, связанной с строительством Советского государства, то ее я в этой книге не касаюсь по соображениям места. О ней подробно рассказывается в следующей моей работе — «От Корнилова до Бреста».

О передаче жилищ в ведение городов

«1. Городские самоуправления имеют право секвестровать все пустующие помещения, пригодные для жилья.

2. Городские самоуправления имеют право на основании утверждаемых ими правил и норм вселять в имеющиеся жилые помещения граждан, нуждающихся в помещении или живущих в перенаселенных или опасных для здоровья квартирах.
3. Городские самоуправления имеют право учреждать жилищную инспекцию, определять круг ее ведения и устройство.
4. Городские самоуправления имеют право издавать обязательные постановления об учреждении домовых комитетов, об их устройстве и круге ведения и о предоставлении им прав юридического лица.
5. Городские самоуправления имеют право учреждать жилищные суды, определять круг их ведения, устройство и полномочия.
6. Настоящее постановление вводится в действие по телеграфу.

Народный комиссар по внутренним делам

А. И. Рыков».

Правительственное сообщение
о социальном страховании

«Пролетариат России поставил на своем знамени полное социальное страхование наемных рабочих, а также городской и сельской бедноты. Царское правительство помещиков и капиталистов, равно как и коалиционно-соглашательское правительство, не осуществило рабочих страховых требований.

Рабочее и крестьянское правительство, опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, оповещает рабочий класс России, а также городскую и сельскую бедноту, что оно немедленно приступает к изданию декретов о полном социальном страховании на основе рабочих страховых лозунгов:

1. Распространение страхования на всех без исключения наемных рабочих, а также городскую и сельскую бедноту.
2. Распространение страхования на все виды потери трудоспособности, именно: на случай болезни, увечья, инвалидности, старости, материнства, вдовства и сиротства, а также и безработицы.
3. Возложение всех расходов по страхованию целиком на предпринимателей.
4. Возмещение по меньшей мере полного заработка в случае утраты трудоспособности и безработицы.
5. Полное самоуправление застрахованных во всех страховых организациях.

Именем правительства Российской республики народный комиссар труда
Александр Шляпников».

От народного комиссара по просвещению

«Граждане России!

Восстанием 25 октября трудящиеся массы впервые достигли подлинной власти.

Всероссийский Съезд Советов временно передал эту власть Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров.

Волею революционного народа я назначен народным комиссаром по просвещению.

Дело общего руководства народным просвещением, поскольку таковое остается за центральной государственной властью, поручается впредь до Учредительного Собрания государственной комиссии по народному просвещению, председателем и исполнителем которой является народный комиссар.

На какие же основные положения будет опираться государственная комиссия? Как определяется круг ее компетенции?

Общее направление просветительной деятельности

Всякая истинно демократическая власть в области просвещения в стране, где царит безграмотность и невежество, должна поставить своей первой целью борьбу против этого мрака. Она должна добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения, а вместе с тем устройства ряда таких учительских институтов и семинарий, которые как можно скорее дали бы могучую армию народных педагогов, потребную для всеобщего обучения населения необъятной России...

Обучение и образование

Следует подчеркнуть разницу между обучением и образованием.

Обучение есть передача готовых знаний учителем ученику. Образование есть творческий процесс. Всю жизнь «образуется» личность человека, ширится, обогащается, усиливается и совершенствуется.

Трудовые народные массы — рабочие, солдаты, крестьяне — жаждут обучения грамоте и всяким наукам. Но они жаждут также и образования. Его не может дать им ни государство, ни интеллигенция, ни какая бы то ни была сила вне их самих. Школа, книга, театр, музей и т. д. могут быть здесь лишь помощниками. Народные массы будут сами вырабатывать свою культуру сознательно или бессознательно. У них имеются свои идеи, созданные их общественным положением, столь отличным от положения творивших до сих пор культуру господствующих классов и интеллигенции, свои чувства, свои подходы ко всем задачам личности и общества. Городской рабочий по-своему, сельский труженик по-своему будут строить свое светлое, проникнутое классовой трудовой мыслью мирозерцание. Нет явления более величественного и прекрасного, чем-то, свидетелями которого и участниками будут ближайшие поколения, — построение трудовыми коллективами своей общей богатой и свободной души.

Обучение явится тут важным, но не решающим моментом. Здесь важнее критика и творчество самих масс, ибо наука и искусство лишь в некоторых своих частях

имеют общечеловеческое значение: они претерпевают существенные изменения при каждом глубоком классовом перевороте.

Повсюду в России, среди городских рабочих в особенности, а также и среди крестьян, поднялась кипучая волна культурно-просветительного движения, множатся без числа рабочие и солдатские организации этого рода: идти им навстречу, всемерно поддерживать их, расчищать путь перед ними — первейшая задача революционного и народного правительства в области народного просвещения.

Децентрализация

Государственная комиссия по народному просвещению отнюдь не является центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, все школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления. Самостоятельная работа самочинных классов — рабочих, солдатских, крестьянских, культурно-просветительных организаций должна обладать полной автономией как по отношению к государственному центру, так и по отношению к центрам муниципальным.

Дело государственной комиссии — служить связью и помощницей, организовать источники материальной, идейной и моральной поддержки муниципальным и частным, особенно же трудовым и классовым просветительным учреждениям в государственном общенародном масштабе.

Государственный комитет по народному образованию

Целый ряд ценных законопроектов был разработан с начала революции Государственным комитетом по народному просвещению, довольно демократическим по своему составу и богатым опытными специалистами. Государственная комиссия искренно желает планомерного сотрудничества с этим Комитетом.

Она обратится в бюро Комитета с просьбой немедленно созвать экстренную сессию комитета для выполнения следующей программы:

1. Просмотр норм представительства в Комитете в духе еще большей его демократизации.
2. Пересмотр прав комитета в духе их расширения и превращения его в основной государственный институт по выработке законопроектов для полной реорганизации народного обучения и образования в России на демократических началах.
3. Пересмотр уже созданных Комитетом законопроектов совместно с новой государственной комиссией, требуемый тем обстоятельством, что при редактировании их Комитет считался с буржуазным духом предшествовавших министерств, тормозивших их, впрочем, и в этом обуженном виде.

После такого пересмотра законопроекты будут проведены в жизнь без всякой канцелярской волокиты, в революционном порядке.

Педагоги и общество

Государственная комиссия приветствует педагогов на арене светлого и почетного труда просвещения народа — хозяина страны.

Ни одна мера в области народного просвещения не должна приниматься какой бы то ни было властью без внимательного извещения голоса представителей педагогического мира.

С другой стороны, решения отнюдь не могут приниматься исключительно корпорацией специалистов. Это относится также к реформам учреждений общего образования.

Сотрудничество педагогов и сил общественных — вот что будет преследоваться комиссией и при составлении ее, и в Государственном комитете, и во всей ее деятельности.

Первейшей задачей своей комиссия считает улучшение положения учителей, и прежде всего самых обездоленных, едва ли не самых важных работников культурного дела — народных учителей начальных школ. Их справедливые требования должны быть удовлетворены немедленно и во что бы то ни стало. Пролетариат школ тщетно требует повышения заработка до 100 руб. в месяц. Было бы позором держать дольше в нищете учителей огромного большинства российских детей.

Учредительное собрание

Несомненно, что Учредительное собрание начнет свои работы вскоре. Лишь оно длительно установит порядок государственной и общественной жизни в нашей стране, в том числе и общий характер организации народного просвещения.

Но теперь, с переходом власти к Советам, истинно народный характер Учредительного собрания обеспечен. Линия, которую поведет Государственная комиссия, опираясь на Государственный комитет, вряд ли может существенно изогнуться под влиянием воли Учредительного собрания. Не предрешая ее, новое, народное правительство считает себя вправе и в этой области проводить в жизнь ряд мероприятий, имеющих целью обогатить и осветить как можно скорее духовную жизнь страны.

Министерство

Текущие дела должны пока идти своим чередом через министерство народного просвещения. О всех непосредственно необходимых изменениях в его составе и конструкции будет иметь суждение Государственная комиссия, избранная Исполнительным комитетом Советов, и Государственный комитет. Окончательно порядок государственного руководства в области народного просвещения будет, разумеется, установлен Учредительным собранием. До тех пор министерство должно играть роль исполнительного аппарата при Государственной комиссии по народному просвещению и Государственном комитете по народному образованию.

Залог спасения страны — в сотрудничестве живых и подлинных демократических сил ее.

Мы верим, что дружные усилия трудового народа и честной просвещенной интеллигенции выведут страну из мучительного кризиса и поведут ее через законченное народовластие к царству социализма и братства народов.

Народный комиссар по просвещению *А. В. Луначарский*,

Петроград, 29 октября 1917 г.».

«О порядке утверждения и опубликования законов

1. Впредь до созыва Учредительного Собрания составление и опубликование законов производится в порядке настоящего постановления Временным рабочим и крестьянским правительством, избранным Всероссийским Съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.
2. Каждый законопроект поступает на рассмотрение правительства из соответственного министерства за подписью надлежащего народного комиссара или из учрежденного при правительстве стола законодательных предположений непосредственно за подписью заведующих отделом.
3. После утверждения правительством состоявшееся постановление в окончательной редакции подписывается именем Российской республики председателем Совета Народных Комиссаров или за него внесшим его на рассмотрение правительства народным комиссаром и публикуется во всеобщее сведение.
4. Днем вступления постановления в законную силу считается день опубликования его в официальной «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства».
5. В постановлении может быть также указан иной срок вступления его в законную силу, а равно оно может быть введено в действие по телеграфу, в каком случае считается в каждой местности вступившим в законную силу по опубликовании там соответственной телеграммы.
6. Распубликование законодательных постановлений правительства через правительствующий сенат отменяется. Отдел законодательных предположений при Совете Народных Комиссаров издает периодически сборники узаконений и распоряжений правительства, имеющих силу закона.
7. Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов во всякое время имеет право приостановить, изменить или отменить всякое постановление правительства.

Именем Российской республики председатель Совета
Народных Комиссаров *В. Ульянов-Ленин*»,

«ПРИКАЗ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

1. Впредь до особого распоряжения воспрещается производство алкоголя и всяких алкогольных напитков.
2. Предписывается всем владельцам спиртовых и винных складов, всем фабрикантам алкоголя и алкогольных напитков не позже 27-го сего месяца довести до сведения о точном местонахождении склада.
3. Виновные в неисполнении приказа будут преданы Военно-революционному суду.

Военно-Революционный Комитет».

5

«ПРИКАЗ № 2

От комитета гвардейского Финляндского
резервного полка всем домовым комитетам
и гражданам Васильевского острова

Буржуазия избрала подлый способ борьбы с пролетариатом, она в разных частях города устроила огромные винные склады и наталкивает на них солдат, стараясь вином внести раскол в ряды революционной армии.

Приказывается всем домовым комитетам в 3-часовой срок по расклейке этого приказа сообщить лично и секретно об имеющихся у них запасах вина председателю полкового комитета гвардейского Финляндского полка.

Лица, не исполнившие этого приказа, будут арестованы и преданы самому беспощадному суду, а имущество их будет конфисковано, обнаруженные же запасы вина будут взрываться динамитом через 2 часа после предупреждения, ибо менее решительные меры, как нам показал опыт, не приводят к желанной цели.

Объявляем, что особых предупреждений перед началом взрыва не будет.

Полковой Комитет гвардейского Финляндского полка»

К Главе IX

1

«БЮЛЛЕТЕНЬ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА № 2

30 октября (12 ноября) вечером Керенский прислал предложение революционным войскам «сложить оружие». Банда Керенского открыла артиллерийский огонь. Наша артиллерия отвечала и заставила противника замолчать. Казаки перешли в наступление. Убийственный огонь матросов, красногвардейцев и солдат заставил казаков отхлынуть назад. Наши броневые машины врезались в ряды противника. Противник бежит. Наши войска преследуют его. Дан приказ арестовать Керенского. Царское Село взято революционными войсками.

Латышские стрелки. — Военно-революционным комитетом получены точные сведения о том, что доблестные латышские стрелки прибыли с фронта и заняли позицию в тылу у банд Керенского».

От штаба Военно-Революционного Комитета

«Захват отрядами Керенского Гатчины и Царского Села объяснялся почти полным отсутствием в этих пунктах артиллерии и пулеметов, тогда как при кавалерии Керенского имелась с самого начала артиллерия.

Последние два дня были для нашего штаба днями усиленной работы по обеспечению революционных войск необходимым количеством орудий, пулеметов, полевых телефонов и пр. Когда эта работа при энергичнейшем содействии районных Советов и заводов (Путиловский, Обуховский и др.) была совершена, исход предстоящего столкновения не мог более оставлять места сомнениям; на стороне революционных войск имелся не только численный перевес, не только такая могучая материальная база, как Петроград, но и огромный моральный перевес. Все петроградские полки выступили на позиции с огромным воодушевлением. Гарнизонное совещание избрало контрольную комиссию из пяти солдат и этим обеспечило полное единство главнокомандующего и гарнизона. На гарнизонном совещании решено было единогласно начать решительные действия.

Артиллерийская пальба 30 октября развернулась с исключительной силой в 3 часа дня. Казаки были совершенно деморализованы. От них явился в штаб Красносельского отряда парламентар, который предлагал прекратить пальбу, угрожая в противном случае «решительными» мерами. Ему было отвечено, что пальба будет немедленно прекращена после того, как Керенский сложит оружие.

В развернувшейся борьбе все части войск: моряки, солдаты и красногвардейцы— обнаружили беззаветную храбрость. Матросы продвигались вперед, пока не расстреляли всех патронов. Количество жертв еще не установлено, но их во всяком случае больше на стороне контрреволюционных войск, которым большой урон был нанесен одним из наших броневиков.

Штаб Керенского, боясь полного окружения, отдал приказ об отступлении, которое приняло беспорядочный характер. К 12 часам ночи Царское Село, включая и радиотелеграфную станцию, было целиком занято войсками Советов, казаки отступали на Гатчину и Колпино.

Настроение наших войск выше всякой похвалы. Отдан приказ преследовать отступающих казаков. С Царкосельской станции немедленно разослана была радиотелеграмма на фронт и в местные Советы.

(Дальнейшие события будут немедленно опубликовываться.) ».

2

СОБЫТИЯ 13 НОЯБРЯ (31 ОКТЯБРЯ) В ПЕТРОГРАД Б

На заседании Петроградского Совета Зиновьев говорил: «...Противник может быть сломлен только борьбой. Опасность в том, что мы себя усыпим иллюзией, что борьба кончена. Было бы преступлением отказаться хотя бы от общей попытки склонить казаков на нашу сторону. Все попытки будут сделаны, но, с другой стороны, было бы преступлением усыпить красногвардейцев и солдат мыслью, что делегациями все будет сделано. Если вчера было спокойно в городе, то это результат военной победы, результат того, что в городе было разбито восстание юнкеров...

Сообщение о том, что заключено перемирие, неверно.

Штаб революции вполне будет готов к перемирию, когда враги будут обезврежены. Сейчас под впечатлением победы революционных войск выдвигаются другие условия, чем вчера, когда Дан предлагал нам разоружить и впустить Керенского в город. Эсер Ракитников от лица ЦК эсеров великодушно соглашался допустить некоторых большевиков, которые им понравятся, в правительство. Это отзвук ночных побед. Есть группы выжидающие: Керенский ли одолеет или революция, и в зависимости от колебания весов шатающиеся туда и сюда. Пока не будет известно, что Керенский сломлен, эти группы будут колебаться».

В городской думе всеобщее внимание было целиком сосредоточено на формировании нового правительства.

Кадет Шингарев заявил, что городское управление не должно входить с большевиками ни в какие соглашения... «Никакие соглашения с этими манаками невозможны, пока они не сложат оружия и не признают авторитета независимых судебных учреждений».

Ярцев заявил от имени группы «Единство», что соглашение с большевиками было бы равносильно победе большевиков.

Городской голова Шрейдер, выступавший от имени социалистов-революционеров, заявил, что он против соглашения с большевиками... «Что до правительства, то оно должно иметь своим началом народную волю, а поскольку народная воля была выражена в городских выборах, то вся воля народа, способная создать правительство, в настоящее время сосредоточена в городской думе».

Заслушав еще ряд ораторов, из которых только представители меншевикова-интернационалистов были склонны рассматривать вопрос о допущении большевиков в новое правительство, дума постановила продолжать свое представительство на совещании Викжеля, но при этом прежде всего настаивать на восстановлении Временного Правительства и на недопущении большевиков в новый кабинет».

3

ОТВЕТ КРАСНОВА КОМИТЕТУ СПАСЕНИЯ РОДИНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

«В ответ на вашу телеграмму об установлении немедленного перемирия верховный главнокомандующий, не желая проливать братской крови, согласился на переговоры и установление естественных отношений между войсками правительства и мятежниками, почему предлагает штабу отряда мятежников отозвать свои войска в Петроград, установив линию Лигово — Пулково — Колпино нейтральной, и допустить беспрепятственно для обеспечения спокойствия в Царском Селе конные авангарды правительственных войск. Ответ на это предложение передать с посланными парламентарями не позже восьми часов утра завтра.

Командующий 3-м конным корпусом
генерал-майор Краснов».

4

СОБЫТИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Вечером, когда войска Керенского отступили из Царского Села, несколько священников организовали крестный ход по улицам, причем обращались к гражданам с речами и уговаривали их поддерживать законную власть, т. е. Временное правительство. Когда казаки очистили город и на улицах появились первые красногвардейцы, то, по рассказам очевидцев, священники стали возбуждать народ против Советов, произнося соответствующие речи на могиле Распутина, находящейся за императорским дворцом. Один из этих священников, о. Иван Кучуров, был арестован и расстрелян раздраженными красногвардейцами.

В самый момент вступления Красной Гвардии в город кто-то перерезал провода электрического освещения, так что улицы сразу погрузились в полный мрак. Директор электрической станции Любович был арестован советскими войсками. Его спросили, не он ли перерезал провода. Через некоторое время он был найден в той самой комнате, где был арестован. В руке у него был револьвер, а на виске — пулевая рана.

На следующий день петроградские антибольшевистские газеты вышли с заголовком: «У Плеханова температура 39°». Плеханов жил в Царском Селе и лежал в постели больной. Красногвардейцы вошли в его дом, сделали обыск (искали оружия) и допросили старика.

- К какому классу общества вы принадлежите? — спросили они его.
- Я революционер и еще сорок лет тому назад посвятил всю свою жизнь борьбе за свободу, — отвечал Плеханов.
- Все равно, — заявил рабочий, — теперь вы продались буржуазии.

Рабочие уже не знали пионера российской социал-демократии Плеханова!

5

ВОЗЗВАНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

«Гатчинские отряды, обманутые Керенским, сложили оружие и постановили арестовать Керенского. Вождь контрреволюционного похода Керенский бежал. Армия в ее подавляющем большинстве высказалась за решение II Всероссийского съезда Советов и за поддержку созданной им власти. Десятки делегатов с фронта поспешили в Петроград, чтобы засвидетельствовать верность армии советской власти. Никакие извращения фактов, никакие клеветы на революционность рабочих, солдат и матросов не помогли врагам народа. Рабочая и солдатская революция победила.

Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов обращается к тем отдельным военным отрядам, которые идут за контрреволюционными мятежниками: сложите немедленно оружие, не проливайте братской крови за интересы кучки помещиков и капиталистов. Каждая новая капля народной крови ляжет на вас. Рабочая, солдатская, крестьянская Россия проклянет тех, которые еще хоть одну минуту останутся под знаменами врагов народа.

Казачи! Переходите на сторону победившего народа! Железнодорожники, почтово-телеграфные служащие — все, как один человек, поддержите новую, народную власть».

К Главе X

1

ПОВРЕЖДЕНИЯ КРЕМЛЯ

В Кремле я был лично непосредственно после его бомбардировки и сам осматривал все повреждения. Малый Николаевский дворец — здание, не имеющее особой ценности, которым лишь иногда пользовались для приемов одной великой княгини, — служил казармой юнкерам. Он был обстрелян артиллерийским огнем и, действительно, очень сильно пострадал. Но, к счастью, в нем нет ничего такого, что представляло бы собою особую историческую ценность.

В Успенском соборе пробита брешь в одном из куполов, но снаряд повредил лишь несколько квадратных футов мозаики, покрывающей потолок. Значительно повреждены снарядами фрески на портале Благовещенского собора. Другим снарядом отбит угол колокольни Ивана Великого. В Чудов монастырь попало до 30 снарядов, но только один из них пролетел через окно внутрь помещения, все же прочие разорвались, ударившись о прочные кирпичные стены или карнизы крыши.

Испорчены часы на Спасской башне. Троицкие ворота повреждены обстрелом, но их легко отремонтировать. С одной из угловых башен сорвана остроконечная крыша.

Церковь Василия Блаженного осталась нетронутой, точно так же, как и Большой Кремлевский дворец, в подвалах которого хранятся все сокровища Москвы и Петрограда, и Грановитая палата, где находятся коронные драгоценности. В эти места никто даже не входил.

2

ОТ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

«Товарищи!

...Вы — молодой хозяин страны, и, хотя о многом вам сейчас нужно подумать и позаботиться, вы сумеете защитить и это ваше художественное и научное имущество.

Товарищи! Стяслась в Москве страшная, непоправимая беда. Гражданская война привела к бомбардировке многих частей города. Возникли пожары. Имели место разрушения. Непередаваемо страшно быть комиссаром просвещения в дни свирепой, беспощадной, уничтожающей войны и стихийного разрушения. В эти тяжелые дни только надежда на победу социализма, источника новой, высшей культуры, которая за все вознаградит нас, даст утешение. Но на мне лежит ответственность за охрану художественного имущества народа...

Нельзя оставаться на посту, где ты бессилен. Поэтому я подал в отставку.

Но я умоляю вас, товарищи, поддержите меня, помогите мне. Храните для себя и потомства красоты нашей земли. Будьте стражами народного достояния.

Скоро и самые темные, которых гнет так долго держал в невежестве, просветятся и поймут, каким источником радости, силы, мудрости являются художественные произведения.

Русский трудовой народ, будь хозяином рачительным, бережливым!

Граждане, все, все граждане, берегите наше общее богатство.

Народный комиссар по просвещению *А. Луначарский*.

3 ноября 1917 г.».

3

Джон Рид, приводя этот документ, указывает, что по приказу Московского военно-революционного комитета отбираемые у буржуазии запасы должны были служить фондом распределения среди беднейших рабочих и солдат.

«Вопросник для буржуазии»

Район №	Фамилия Имя Отчество	Домовой к-т №
Адрес д. № кв. № улица или переулок		

Пол	Возраст	Имеются запасы			
		Тканей	Арш.	Готовых вещей	Шт.
Средний месячный				Пальто (зимних, летних и осенних)	
Доход	Расход	Бельевых		Платье и костюм	
		Легк. платьевых (для костюмов)		Смен белья	
Месячная плата		Тяж. платьевых (для пальто)		Пар обуви	
За квартиру	За комнату			Пар галош	
		Прочих сортов			

Даю подписку в том, что показанные сведения правильны и что карточек в другом месте не получал

Москва, дня 191 г.

Подпись

Печать домового комитета

*Подпись квартирананимателя**

4

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МЕРЫ В ФИНАНСОВОЙ ОБЛАСТИ

Приказ

«В силу предоставленных мне Военно-Революционным Комитетом при Московских Советах Р. и С. Д. полномочий постановляю:

- 1) Все банки с отделениями, Центральная государственная сберегательная касса с отделениями и сберегательные кассы при почтово-телеграфных отделениях открываются с 9 ноября, с 11 до 1 часа дня — впредь до особого приказа.
- 2) По текущим счетам и книжкам сберегательных касс выдача производится названными учреждениями совершенно свободно не более 150 рублей на одного вкладчика в течение ближайшей недели.

3) Выдача свыше 150 рублей в неделю по текущим счетам и книжкам сберегательных касс, а равно выдачи с других счетов всяких наименований разрешаются в ближайшие 3 дня — 9, 10 и 11 ноября только:

а) Со счетов воинских частей для удовлетворения их нужд;

б) для уплаты жалованья служащим и заработной платы рабочим по спискам и табелям, заверенным фабрично-заводскими комитетами или советами служащих и удостоверенными подписью комиссаров или, представителей Военно-революционного комитета и районных военно-революционных комитетов.

4) По переводам выдается не более 150 рублей, остальные суммы записываются на текущий счет, выдачи с которого происходят общим установленным настоящим декретом порядком.

5) Всякие другие активные операции в эти три дня воспрещаются.

6) Прием денег на всякие счета разрешается в полном объеме.

7) Представители Финансового совета для удостоверения указанных в п. 3 разрешений заседают с 10 часов утра до 2 часов дня в здании Биржи, на Ильинке.

8) Банки и сберегательные кассы присылают итог дневного кассового листа по окончании операций к 5 часам дня в здание Совета на Скобелевской пл., по адресу Военно-революционного комитета для Финансового совета.

9) Отказывающиеся исполнить этот декрет служащие и управляющие кредитных учреждений всяких наименований, как враги революции и широких народных масс, подвергаются ответственности по всей строгости революционного воздействия. Списки их публикуются во всеобщее сведение.

10) Для контроля в пределах этого декрета операций отделений сберегательных касс и банков районные военно-революционные Комитеты избирают по три своих представителя и объявляют о месте их заседаний.

Полномочный комиссар Военно-революционного комитета

С. Швердин-Максименко».

К Главе XI

1

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ГЛАВЫ

Настоящая глава охватывает период месяца в два. Это время переговоров с союзниками, переговоров и перемирия с немцами и начала Брестских мирных переговоров. В пределах того же периода были заложены и первые основы строительства Советского государства.

Однако описание и освещение этих бесконечно важных исторических событий требует много места и не входит в задачу настоящей книги. Поэтому они отнесены в следующую мою работу: «От Корнилова до Бреста».

Таким образом, в настоящей главе я ограничиваюсь только работой Советского правительства по укреплению политической власти внутри страны и набрасываю общий ход его победоносной борьбы с враждебными элементами, продвижение которой было временно приостановлено тяжелым Брестским миром.

2

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ НАРОДОВ РОССИИ

(Введение)

«Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения.

Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков.

Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России.

В период империализма, после Февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придинок и провокации, прикрывающейся словесными заявлениями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придинок и провокации должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России.

Только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии...

15 (2) ноября 1917 г.»

3

ДЕКРЕТЫ

Декрет о национализации банков

«В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и, всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов — единого народного банка Российской республики, ЦИК постановляет:

1. Банковое дело объявляется государственной монополией.
2. Все ныне существующие частные акционерные банки и банкирские конторы объединяются с Государственным банком.
3. Активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком.
4. Порядок слияния частных банков с Государственным банком определяется особым декретом.
5. Временное управление делами частных банков передается совету Государственного банка.
6. Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены».

Декрет об уравнивании в правах всех военнослужащих

«Осуществляя волю революционного народа о скорейшем и решительном уничтожении всех остатков прежнего неравенства в армии, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упраздняются. Армия Российской республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии.
2. Все преимущества, связанные с прежними чинами и званиями, равно как и все наружные отличия, отменяются.
3. Все титулования отменяются.
4. Все ордена и прочие знаки отличия отменяются.

5. С уничтожением офицерского звания уничтожаются все отдельные офицерские организации.

6. Существующий в действующей армии институт вестовых уничтожается.

Примечание. Вестовые остаются лишь при канцеляриях полка, комитетах и пр. войсковых организациях.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар по военным и морским делам

Н. Крыленко.

Народный комиссар по военным делам

Н. Подвойский.

Тов. народного комиссара по военным делам:

Кедров, Склянский, Легрань, Механошин.

Секретарь Совета *Н. Горбунов.*

16 декабря 1917 г.»

Декрет о выборном начале
и об организации власти в армии

«1. Армия, служащая воле трудового народа, подчиняется воле верховного выразителя этой воли — Совету Народных Комиссаров.

2. Вся полнота власти в пределах каждой войсковой части и их соединений принадлежит соответствующим солдатским комитетам и советам.

3. Отрасли жизни и деятельности войск, уже стоящие в ведении комитетов, ныне подлежат непосредственному их руководству. Над теми отраслями деятельности, которые не могут принять на себя комитеты, устанавливается контроль комитетов или советов.

4. Вводится выборность командного состава и должностных лиц. Командиры, до полкового включительно, избираются общим голосованием своих отделений, взводов, рот, команд, эскадронов, батарей, дивизионов и полков. Командиры выше полкового, до Верховного главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах.

Примечание. Под совещанием разуметь собрание соответствующего комитета совместно с делегатами от комитетов, в одну ступень ниже стоящих.

5. Избранных командиров, выше полкового, утверждает ближайший Высший комитет.

Примечание. В случае мотивированного отказа Высшим комитетом в утверждении выборного начальника вторично избранный соответствующим низшим комитетом начальник подлежит обязательному утверждению.

6. Командующие армиями избираются армейскими съездами. Командующие фронтами избираются фронтовыми съездами.

7. На должности технического характера, требующие специального образования, специальных знаний или другой практической подготовки, как-то: врачей, инженеров, техников, телеграфистов, радиотелеграфистов, воздухоплавателей, автомобилистов и т. п., назначаются соответствующими комитетами специальных частей только те лица, кои имеют соответствующие специальные знания.

8. Начальники штабов избираются съездами из лиц со специальной подготовкой.

9. Все остальные чины штаба назначаются начальниками штабов и утверждаются соответствующими съездами.

Примечание. Все лица со специальным образованием подлежат особому учету.

10. Начальствующим лицам, выше призывного возраста солдат, состоящим на службе, кои не избраны на те или другие должности и тем самым ставшим на положение рядового, предоставляется право уходить в отставку.

11. Все остальные должности некомандного состава за исключением должностей по хозяйственной части замещаются соответствующим выборным начальником по его назначению.

12. Подробная инструкция о выборах командного состава будет издана особо.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар по военным и морским делам
Н. Крыленко.

Народный комиссар по военным делам
Н. Подвойский.

Тов. народного комиссара по военным делам:
Кедров, Склянский, Легрань, Механошин.

Секретарь Совета *Н. Горбунов*».

Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов

«Ст. 1. Все существовавшие донине в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр. титулы — княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские

и пр. советники) уничтожаются, и устанавливается одно общее для всего населения России наименование — граждан Российской республики.

Ст. 3. Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям.

Ст. 4. Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих гражданских самоуправлений.

Ст. 5. Все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений.

Ст. 6. Все соответствующие статьи доньше действующих законов отменяются.

Ст. 7. Настоящий декрет вступает в силу со дня опубликования и немедленно проводится в исполнение местными Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Настоящий декрет утвержден Центральным Исполнительным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в заседании 10 ноября 1917 года.

Подписали:

Председатель ЦИК *Свердлов*.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

В. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета *Н. Горбунов*».

3 декабря (20 ноября) Совет Народных Комиссаров постановил: «понижить жалование всем без исключения должностным лицам и служащим всех государственных учреждений как общего, так и особого характера».

Для начала Совнарком установил цифру жалования самих народных комиссаров — 500 рублей в месяц плюс по 100 рублей добавочных на каждого взрослого нетрудоспособного члена семьи.

Таков был высший оклад жалования на правительственной службе.

4

Графия Панина была арестована и допрошена в Верховном революционном трибунале. Допрос излагается в моей следующей книге: «От Корнилова до Бреста» (в главе «Революционная законность»). Суд приговорил обвиняемую к возвращению денег и общественному порицанию. Иными словами, ее просто выпустили на свободу.

5

от 5 (18) ноября

«История с большевистским «немедленным миром» напоминает комическую картину в кинематографе. Нератов убегает — Троцкий преследует. Нератов лезет на стену — Троцкий за ним. Нератов ныряет в воду — Троцкий за ним. Нератов взбирается на крышу — Троцкий гонится по следам. Нератов лезет под кровать — Троцкий ловит его и там. Поймал! Разумеется, немедленно же подписывается мир.

Пусто и тихо в министерстве иностранных дел. Курьеры почтительны, но на их лицах едкое выражение.

А что, если арестовать посланника и подписать с ним переговор о перемирии или даже о мире? Но эти посланники — удивительный народ. Молчат себе и молчат, словно ничего не слышат. Эй, вы — Англия, Франция, Германия! Мы подписали с вами перемирие. Может ли быть, чтоб вы об этом ничего не знали? Но ведь это напечатано во всех газетах и расклеено по всем стенам. Честное большевистское слово, мир уже подписан! Мы от вас ничего не просим — только написать два словца...

Посланники молчат. Державы молчат. Тихо и пусто в министерстве внутренних дел.

— Послушайте, — говорит Робеспьер-Троцкий своему помощнику Марату-Урицкому, поезжайте к английскому посланнику, скажите ему, что мы предлагаем мир.

— Ступайте сами, — отвечает Марат-Урицкий. — Он не принимает.

— Так позвоните ему по телефону.

— Пробовал. Трубка снята.

— Пошлите телеграмму.

— Посылал.

— Ну и что же?

Марат-Урицкий улыбается и не отвечает. Робеспьер-Троцкий яростно плюет в угол.

— Слушайте, Марат, — снова начинает Троцкий через минуту. — Нам обязательно надо показать миру, что мы ведем активную внешнюю политику. Как бы это сделать?..

— Издать еще один приказ об аресте Нератова, — глубокомысленно отвечает Урицкий.

— Марат, вы болван! — восклицает Троцкий. И вдруг он встает, грозный и величественный, в самом деле похожий в эту минуту на Робеспьера.

— Пишите, Урицкий! — говорит он сурово. — Пишите письмо к британскому посланнику, — заказное письмо с оплаченным ответом. Пишите! Я тоже буду писать. Народы всего мира ждут немедленного мира.

В огромном и пустом министерстве иностранных дел слышен только стук двух пишущих машинок. Своей собственной рукой ведет Троцкий активную внешнюю политику».

6

«К ВОПРОСУ О СОГЛАШЕНИИ.

Вниманию всех рабочих и всех солдат.

11 ноября в клубе Преображенского полка состоялось чрезвычайное собрание представителей всех частей петроградского гарнизона.

Собрание это было созвано по инициативе Преображенского и Семеновского полков для обсуждения вопросов о том, какие социалистические партии стоят за советскую власть, какие против советской власти, какие стоят за народ, какие против него и возможно ли соглашение.

На собрание были приглашены представители Центрального Исполнительного Комитета Советов, городской думы, авксентьевского крестьянского Совета и всех политических партий, от большевиков до народных социалистов включительно.

После долгого обсуждения, заслушав речи всех партий и организаций, собрание подавляющим большинством голосов признало, что только большевики и левые эсеры стоят за народ, а все остальные партии только прикрываются лозунгом соглашения, для того чтобы лишить народ тех завоеваний, которые были сделаны в дни Великой Октябрьской рабочей и солдатской революции.

Вот текст резолюции, принятой на этом собрании петроградского гарнизона 61 голосом против 1, при 12 воздержавшихся:

«Гарнизонное собрание, созванное по инициативе Преображенского и Семеновского полков, выслушав представителей всех социалистических партий и общественных организаций по вопросу о соглашении, находит, что:

1) представители Центрального Исполнительного Комитета Советов (2-го созыва), представители партии большевиков и левых эсеров определенно заявили, что они за власть Советов, за декреты о земле, мире и контроле над производством и что на этой платформе они допускают соглашение социалистических партий;

2) в то же время представители других партий (с.-р. и меньшевиков) или не дали ответа или прямо заявили, что они против Советской власти и против декретов о земле, мире и контроле.

Ввиду этого совещание постановляет:

во-первых, вынести резкое порицание тем партиям, которые, прикрываясь лозунгом соглашения, на самом деле хотят сорвать завоевания, добытые народом в дни Октябрьской революции;

во-вторых, выразить полное доверие ЦИК и Совету Народных Комиссаров и обещать им полную поддержку.

В то же время собрание находит необходимым, чтобы товарищи левые эсеры вступили в состав народного правительства.

Совещание представителей воинских частей Петроградского гарнизона»

7

ВИННЫЕ ПОГРОМЫ

Впоследствии оказалось, что провоцированием беспорядков среди солдат занималась особая организация, содержавшаяся кадетами. В казармы звонили по телефону и сообщали, что в таком-то месте выдают вино или водку, причем указывали точный адрес. Когда солдаты прибегали в указанное место, то их встречал особый человек, который и показывал им погреб.

Совет Народных Комиссаров назначил особого комиссара по борьбе с пьянством, который не только беспощадно подавлял все винные погромы, но и уничтожал запасы вина; при этом было разбито и вылито много сотен тысяч бутылок. Погреба Зимнего дворца, где хранилось множество редких вин общей ценностью свыше 5 миллионов долларов, подверглись той же участи. Сначала в них просто били и выливали бутылки, а потом отвезли оставшееся в Кронштадт, где бутылки и бочки были разбиты и вылиты.

В этой работе кронштадтские матросы — «краса и гордость революции», как называл их Троцкий, — проявили железную выдержку и дисциплину...

8

СПЕКУЛЯНТЫ

ДВА ДЕКРЕТА

«Совет Народных Комиссаров Военно-Революционному Комитету

Продовольственная разруха, порожденная войной, бесхозяйственностью, обостряется до последней степени спекулянтами, мародерами и их пособниками на железных дорогах, в пароходствах, транспортных конторах и пр.

В условиях величайших народных бедствий преступные хищники ради наживы играют здоровьем и жизнью миллионов солдат и рабочих.

Такое положение не может быть более терпимо ни одного дня.

Совет Народных Комиссаров предлагает Военно-революционному комитету принять самые решительные меры к искоренению спекуляции и саботажа, скрывания запасов, злостной задержки грузов и пр.

Все лица, виновные в такого рода действиях, подлежат по специальным постановлениям Военно-революционного комитета немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта, впредь до предания военно-революционному суду.

Все народные организации должны быть привлечены к борьбе с продовольственными хищниками.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».

«Всем честным гражданам.

Военно-революционный комитет постановляет:

Хищники, мародеры, спекулянты объявляются врагами народа...

Всем общественным организациям, всем местным гражданам Военно-Революционный Комитет предлагает: обо всех известных случаях хищения, мародерства, спекуляции немедленно доводить до сведения Военно-Революционного Комитета.

Борьба с этим злом — общее дело всех честных людей. Военно-Революционный Комитет ждет поддержки от тех, кому дороги интересы народа.

В преследовании спекулянтов и мародеров Военно-Революционный Комитет будет беспощаден.

Военно-Революционный Комитет.

Петроград 10 ноября 1917 г.»

9

ПИСЬМО ПУРИШКЕВИЧА КАЛЕДИНУ

«Положение Петрограда отчаянное. Город отрезан от внешнего мира и весь во власти большевиков. Людей хватают на улицах, сбрасывают в Неву, топят и без суда заключают в тюрьмы. Даже Бурцев находится в Петропавловской крепости под суровым режимом.

Организация, во главе коей я стою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части; но сразу без этого условия ни на одного солдата здесь рассчитывать нельзя, ибо лучшие из них разрознены и терроризованы сволочью во всех решительно полках. Казаки же в значительной части распропагандированы

благодаря странной политике Дутова, упустившего момент, когда решительными действиями можно было еще чего-нибудь добиться. Политика уговоров и увещаний дала свои плоды: все порядочное затравлено, загнано, и властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицами.

Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами. Но для того нам надо установить с вами связь и прежде всего узнать о следующем:

1. Известно ли вам, что от вашего имени всем офицерам, которые смогли бы участвовать в предстоящей борьбе, здесь предлагается покинуть Петроград, с тем якобы, чтобы к вам присоединиться.
2. Когда примерно можно будет рассчитывать на ваше приближение к Петрограду. Об этом было бы полезно нам знать заблаговременно, дабы сообразовать свои действия.

При всей преступной неподвижности здешнего сознательного общества, которое позволяет налагать себе на шею большевистское ярмо, при всей поразительной вялости значительной части офицерства, которое тяжело и трудно организовать, мы верим, что правда за нами, и мы одержим верх над порочными и темными силами, действуя во имя любви к родине и ради ее спасения. Что бы ни случилось, мы не падаем духом и останемся стойкими до конца».

Пуришкевич был привлечен к суду Революционного трибунала и приговорен к непродолжительному тюремному заключению.

10

«ДЕКРЕТ О ВВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ НА ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1. Печатание за плату объявлений в периодических изданиях печати, равно в сборниках и афишах, а также сдачи объявлений в киоски, конторы и т. п. учреждения объявляются монополией государства.
2. Печатать таковые объявления могут только издания Временного рабочего и крестьянского правительства в Петрограде и издания местных Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. За напечатание объявлений не имеющие на это право издания закрываются.
3. Владельцы газет, контор для помещений объявлений, а равно все служащие в конторах, экспедициях и каких бы то ни было предприятиях подобного рода обязаны оставаться при своем деле впредь до сдачи его государству в лице вышеуказанных органов, отвечая за полный порядок его, за соблюдение непрерывности в ходе предприятий и за сдачу в издания Советов как всех частных объявлений, так и всех денежных сумм за принятые объявления, а равно и полнейшей отчетности с приложением документов.

4. Все заведующие изданиями и предприятиями, помещающими объявления за плату, а равно все служащие и рабочие этих предприятий обязуются немедленно собраться в городские собрания и объединиться сначала в городские союзы, а затем во Всероссийский союз для более успешной и правильной организации дела предприятия и помещения в советских изданиях частных объявлений, равно для выработки правил более удобного для населения приема и печатания этих объявлений.

5. Виновные в сокрытии документов или сумм, а равно в саботаже указанной в параграфах 3 и 4 меры караются конфискацией всего имущества и тюремным заключением до 3 лет.

6. Платное помещение объявлений в частных изданиях, в виде отчетов, рекламных статей или в других замаскированных формах, влечет за собой то же наказание.

7. Предприятия по приему и сдаче объявлений конфискуются государством, с уплатой, в случае нужды, временного государственного пособия владельцам их. Мелким собственникам, вкладчикам и акционерам конфискуемых предприятий возвращаются полностью их вклады.

8. Все издания, конторы, экспедиции и вообще предприятия, помещающие платные объявления, обязаны немедленно дать в Советы Рабочих и Солдатских Депутатов точные сведения о своем местонахождении и приступить к сдаче дел и объявлений под страхом наказаний, указанных в параграфе 5.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар по просвещению
А. В. Луначарский.

Скрепил секретарь *Н. Горбунов*».

11

«ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1. Город Петроград объявлен на осадном положении.
2. Всякие собрания, митинги, сборища и т. п. на улицах и площадях воспрещаются.
3. Попытки разгромов винных погребов, складов, заводов, лавок, магазинов, частных квартир и пр. и т. п. будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения,
4. Домовым комитетам, швейцарам, дворникам и милиции вменяется в безусловную обязанность поддерживать самый строжайший порядок в домах, дворах и на улицах, причем ворота и подъезды домов должны запираются в 9 час.

вечера и открываться в 7 час. утра. После 9 час. вечера выпускать только жильцов под контролем домовых комитетов.

5. Виновные в раздаче, продаже или приобретении всяких спиртных напитков, а также в нарушении пунктов 2-го и 4-го будут немедленно арестованы и подвергнуты самому тяжкому наказанию.

*Комитет по борьбе с погромами
при исполнительном комитете
Совета рабочих и солдатских депутатов.*

Петроград, 6 декабря, 3 часа ночи».

12

«К НАСЕЛЕНИЮ

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне, все трудящиеся!

Рабочая и крестьянская революция окончательно победила в Петрограде и в Москве...

С фронта и из деревень притекают ежедневно и ежечасно сообщения о поддержке нового правительства... Победа революции рабочих и крестьян обеспечена, ибо за нее встало уже большинство народа.

Вполне понятно, что помещики и капиталисты, служащие и чиновники, тесно связанные с буржуазией, одним словом, все богатые и тянущие руку богатых, встречают новую революцию враждебно, сопротивляются ее победе, грозят прекращением деятельности банков, портят или прекращают работу разных учреждений, мешают ей всячески, тормозят ее то прямо, то косвенно. Всякий сознательный рабочий прекрасно понимает, что такое сопротивление мы встретим неизбежно, ибо высшие служащие подбирались против народа и без сопротивления не хотят сдавать свои позиции народу. Трудящиеся классы ни на минуту не испугаются этого сопротивления...

За нами большинство народа. За нами большинство трудящихся и угнетенных во всем мире. За нами дело справедливости. Наша победа обеспечена.

Сопротивление капиталистов и высших служащих будет сломлено. Ни один человек не лишается нами имущества без особого государственного закона о национализации банков и синдикатов. Этот закон готовится. Ни один работник и трудящийся не потеряет ни копейки, напротив, ему будет оказана помощь. Не устанавливая сейчас новых налогов, правительство в первую очередь ставит своей задачей строжайший учет и контроль в деле взимания установленных ранее налогов, без всякой утайки...

Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы отныне — органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяных, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев.

Вводите строжайший контроль над производством и учетом продуктов. Арестуйте и передавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства, или в скрывании запасов хлеба и продуктов, или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу мира, делу передачи земли крестьянам, делу обеспечения рабочего контроля над производством и распределением продуктов.

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите на местах всю власть в руки своих Советов... Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям практического опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплуатации.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Петроград, 5 ноября 1917 г.»

13

«КО ВСЕМ РАБОЧИМ ПЕТРОГРАДА.

Товарищи! Революция побеждает — революция победила. Вся власть перешла к нашим Советам. Первые недели — самые трудные. Надо раздавить до конца сломленную уже реакцию, надо обеспечить полное торжество нашим стремлениям. Рабочий класс должен, обязан проявить в эти дни величайшую выдержку и выносливость, чтобы облегчить новому, народному правительству Советов выполнение всех задач. На этих же днях будут изданы новые законы по рабочему вопросу и в том числе один из самых первых законов о рабочем контроле над производством и о регулировании промышленности.

Забастовки и выступления рабочих масс в Петрограде теперь только вредят.

Мы просим вас немедленно прекратить все экономические и политические забастовки, всем стать на работу и производить ее в полном порядке. Работа на заводах и во всех предприятиях необходима новому правительству Советов, потому что всякое расстройство работ создает для нас новые затруднения, которых и без того довольно. Все к своему месту.

Лучшее средство поддержать новое правительство Советов в эти дни — исполнять свое дело.

Да здравствует твердая выдержка пролетариата! Да здравствует революция!

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Петроградский Совет профессиональных союзов.

Центральный Совет фабрично-заводских комитетов».

14

ВОЗЗВАНИЯ И КОИТРВОЗЗВАИИЯ

«К населению Петрограда от служащих
государственных и частных банков.

Товарищи рабочие, солдаты и граждане!

Военно-Революционный Комитет в «экстренном извещении» обвиняет тружеников государственных и частных банковых и других учреждений в том, что они «подрывают» работу правительства, направленную на обеспечение фронта продовольствием.

Товарищи и граждане, не верьте этой клевете, возводимой на нас, составляющих часть общей армии труда.

Как ни тяжело нам работать под вечной угрозой вмешательства насилия в нашу трудовую жизнь, как ни тяжело сознавать, что родина и революция на краю гибели, мы все же от мала до велика, служащие, артельщики, счетчики, рабочие, курьеры и т. д., продолжаем исполнять те наши обязанности, которые связаны с обеспечением фронта и страны продовольствием и снаряжением.

Рассчитывая на вашу неосведомленность, товарищи рабочие и солдаты, в вопросах денежных и банковых, вас науськивают на таких же тружеников, как и вы, желая таким образом взвалить ответственность за голодающих и умирающих на фронте братьев-солдат с себя на ни в чем не повинных тружеников, исполняющих свой долг под гнетом всеобщей нищеты и разрухи.

Помните рабочие и солдаты! Служащие всегда отстаивали и будут отстаивать интересы трудового народа, часть которого они составляют, и ни одна копейка, необходимая фронту и рабочим, не задерживалась и не будет задержана служащими.

С 24 октября сего года по 10 ноября, т. е. за 17 дней, отправлено на фронт 500 миллионов рублей, в Москву 120 миллионов, кроме отправок в другие города.

Охраняя народное достояние, полномостным хозяином которого может быть лишь весь русский народ в лице Учредительного собрания, служащие лишь отказываются содействовать выдаче денег, идущих на неизвестные цели.

Не верьте клеветникам, зовущим вас к расправам.

*Центральное правление Всероссийского союза служащих
Государственного банка.*

*Центральное правление Всероссийского профессионального
союза служащих кредитных учреждений».*

«К населению Петрограда

Граждане! Не верьте клевете, которую пытаются внушить вам безответственные лица, распространяющие ужасную ложь обо всех служащих министерства продовольствия, а также о работниках других продовольственных организаций, не покладая рук работающих в эти темные дни для спасения России. Граждане! В расклеенных прокламациях вас призывают к самосуду над нами, на нас возводят ложные обвинения в саботаже и забастовке, нас обвиняют во всех бедах и несчастьях, какие только приходится переносить народу, хотя мы неутомимо и беспрерывно боролись и боремся, чтобы спасти русский народ от ужасов голода. Невзирая на все то, что нам приходится переносить в качестве граждан многострадальной России, мы ни на один час не покидаем своей тяжелой и ответственной работы снабжения армии и населения продовольствием.

Образ голодной и холодной армии, кровью и муками отстаивающей нашу жизнь, не покидает нас ни на минуту.

Граждане! Если нам удалось пережить самые черные дни, какие только были в жизни и истории нашего народа, если нам удалось не допустить голода в Петрограде, если нам удалось путем невероятных, почти сверхчеловеческих усилий хоть как-нибудь снабдить страдающую армию хлебом и фуражом, то это только потому, что мы честно продолжали и продолжаем работу.

На «последнее предостережение» захватчиков власти мы отвечаем: не вам, ведущим страну к развалу, осыпать угрозами нас, делающих все, что в наших силах, чтобы не дать ей погибнуть! Мы не боимся ваших угроз: перед нами стоит священный образ истерзанной России. Мы будем продолжать работу по снабжению армии и народа хлебом, мы будем напрягать последние усилия, если только вы окончательно не отнимете у нас возможность выполнять наш долг перед родиной. В противном случае армия и народ окажутся стоящими перед всеми ужасами голода, но ответственность за это падет на голову насильников.

*Исполнительный комитет служащих
министерства продовольствия».*

«Всем чиновникам

Настоящим сообщается, что все чиновники и должностные лица, покинувшие правительственную службу и общественные учреждения, а также уволенные за саботаж или за несдачу дел в назначенный срок и получившие жалованье вперед, но не отработавшие его, обязаны не позже 14 (27) ноября 1917 года возратить это жалованье тем учреждениям, в которых они служили.

Виновные в неисполнении сего будут отвечать за кражу государственного достояния перед Военно-революционным трибуналом.

Военно-Революционный Комитет.

24 (11) ноября 1917 года».

«От особого присутствия по продовольствию

Граждане! Условия нашей работы по продовольствию Петрограда с каждым днем становятся все более тяжелыми.

Губительное для дела вмешательство в нашу работу комиссаров Военно-Революционного Комитета продолжается.

Их самочинные действия, отмена наших распоряжений могут привести к катастрофе.

Вновь опечатан один из холодильников, где хранятся предназначенные для населения мясо и масло, и мы не можем регулировать температуру, чтобы продукты не гнили.

Один вагон картофеля и один вагон капусты захвачены и увезены, неизвестно куда.

Груз, не подлежащий реквизиции (халва), реквизируется комиссарами, и, как это было на днях, пять ящиков халвы были отобраны комиссаром в свою пользу.

Мы не можем распоряжаться нашими холодильниками, где самочинные комиссары не выпускают грузов и терроризируют наших служащих, угрожая им арестами.

Все, что творится в Петрограде, доходит до провинции, из Дона, из Сибири, из Воронежа и других мест поступают отказы в отправка хлеба.

Долго так продолжаться не может.

Работа начинает валиться из наших рук.

Наш долг — довести об этом до сведения населения.

До последней возможности мы будем стоять на страже интересов граждан.

Мы все сделаем, чтобы предотвратить надвигающийся голод, но если при этих тяжелых условиях работа наша может неизбежно прекратиться, пусть знает население — не мы тому виной...»

15

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ

В Петрограде было выставлено 19 списков. Приводим результаты, опубликованные 30 ноября.

Партия	Число голосов
Народные социалисты	19 109
Кадеты	245 006
Крестьянские демократы	3 707
Большевики	424 027
Социалисты-универсалисты	158

Украинские и еврейские рабочие с.-д. и с.-р.	4 219
Лига равноправия женщин	5 310
Социалисты-революционеры (оборонцы)	4 696
Левые эсеры	152 230
Союз народного развития	385
Радикальные демократы	413
Православные приходы	24 139
Женский союз спасения родины	318
Независимый союз рабочих, солдат и крестьян	4 942
Христианские демократы (католики)	14 382
Объединенные социал-демократы	11 740
Меньшевики	17 427
Группа «Единство»	1 823
Союз казачьих войск	6 712

16

«ОТ КОМИССИИ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЕ

Товарищи рабочие и работницы!

За несколько дней до праздника была объявлена забастовка учащими городских училищ. Учащие оказались на стороне буржуазии против рабочего и крестьянского правительства.

Товарищи, организуйте родительские комитеты и выносите резолюции против забастовки учащихся. Обращайтесь в районные Советы рабочих и солдатских депутатов, профессиональные союзы, фабрично-заводские и партийные комитеты с предложением устраивать митинги протеста. Устраивайте собственными силами елки и развлечения для детей, требуйте возобновления занятий после праздника в срок, который укажет Центральная дума.

Товарищи, укрепляйте свои позиции в деле народного образования, настаивайте на контроле пролетарских организаций над школой.

*Комиссия по народному образованию
при Центральной городской думе».*

17

ОТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ТРУДОВЫМ КАЗАКАМ

«Братья-казаки! Вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ. Вам говорят, будто Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — ваши враги, будто они хотят отнять вашу казацкую волю, вашу казацкую «вольность». Не верьте, казаки! Вам лгут. Вас преступно обманывают. Ваши собственные генералы и помещики обманывают вас, чтобы держать вас во тьме и в кабале. Мы, Совет

Народных Комиссаров, обращаемся к вам, казаки, с этим словом. Прочитайте его внимательно и судите сами, где правда, а где — злой обман.

Жизнь и служба казака были всегда неволей и каторгой. По первому зову начальства казак обязан был садиться на коня и выступать в поход. Всю воинскую «справу» казак должен был создавать на свои кровные, трудовые средства. Казак в походах — хозяйство расстраивается и падает. Справедлив ли такой порядок? Нет, он должен быть отменен навсегда. Казачество должно быть освобождено от кабалы. Новая, народная, советская власть готова прийти к трудовому казачеству на помощь. Нужно только, чтобы сами казаки решились отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам-офицерам, помещикам, богачам, скинуть с своей шеи проклятое ярмо. Поднимайтесь, казаки! Объединяйтесь! Совет Народных Комиссаров призывает вас к новой, более свободной, более счастливой жизни.

В октябре и ноябре происходили в Петрограде Всероссийские съезды Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов. Эти съезды передали всю власть на местах в руки Советов, т. е. в руки выборных от народа людей. Отныне не должно быть на Руси никаких правителей и чиновников, которые сверху командуют народом и помыкают им. Народ сам создает свою власть. У генерала не больше прав, чем у солдата. Все равны. Рассудите, казаки, — дурно это или хорошо. Мы призываем вас, казаки, присоединиться к этому новому, народному порядку и создавать ваши собственные Советы казацких депутатов. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть. Не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям.

Всероссийские Съезды Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов постановили все помещичьи земли передать в пользование трудового народа. Разве же это не справедливо, казаки? Корниловы, Каледины, Дутовы, Карауловы, Бардижи всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками. Но вы, трудовые казаки, разве же вы сами не страдаете от бедности, гнета и земельной тесноты? Сколько есть казаков, у которых не больше 4—5 десятин на двор. А рядом с ними казаки-помещики, у которых тысячи десятин своей земли и которые сверх того прибирают к рукам войсковые земли и угодья. По-новому, советскому закону земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-тружеников, казачьей бедноты. Вас пугают тем, будто Советы хотят отнять у вас ваши земли. Кто вас пугает? Казаки-богачи, которые знают, что Советская власть хочет помещичьи земли передать в ваши собственные руки. Выбирайте же, казаки, за кого вам встать: за Корниловых и Калединых, за генералов и богачей или же за Советы Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов.

Избранный Всероссийским Съездом Совет Народных Комиссаров предложил всем народам немедленное перемирие и честный, демократический мир, без обиды и ущерба для какого-либо народа. Все капиталисты, помещики, генералы-корниловцы восстали против мирной политики советской власти. Им война давала

барыши, власть, чины. А что несла она вам, рядовым казакам? Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям — солдатам и матросам. Вот уже скоро три с половиной года, как тянется эта проклятая бойня, которую капиталисты и помещики всех стран затеяли из-за своих выгод, из-за мировых грабежей. Трудовому казачеству война принесла лишь разорение и гибель. Из казачьего хозяйства война высосала все соки. Единственное спасение для всей нашей страны и для трудового казачества в частности — это скорый и честный мир. Совет Народных Комиссаров заявил всем правительствам и всем народам: мы не хотим чужого и не хотим отдавать свое. Мир без аннексий и без контрибуций! Каждый народ должен сам решать свою судьбу. Не должно быть никакого притеснения одной нации другой. Такой именно честный, демократический, т. е. народный, мир предлагает Совет Народных Комиссаров всем правительствам, всем народам, союзным и враждебным. И первый результат налицо: на русском фронте уже установлено перемирие. Там уже не льется солдатская и казацкая кровь. Теперь, казаки, решайте сами: если вы хотите дальше вести эту пагубную, бессмысленную, преступную бойню, тогда поддержите кадет — врагов народных, поддержите Чернова, Церетели, Скобелева, которые бросили вас в наступление 18 июня, поддержите Корнилова, который ввел на фронте смертную казнь для солдат и казаков. А если хотите скорого и честного мира, тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народных Комиссаров.

Ваша судьба, казаки, в ваших собственных руках. Наши общие враги: помещики, капиталисты, корниловцы-офицеры, буржуазные газетчики — обманывают вас и толкают вас на путь гибели. В Оренбурге Дутов арестовал Совет и разоружил гарнизон. Каледин угрожает Советам на Дону. Он объявил там военное положение и стягивает туда войска. Караулов расстреливает туземцев на Кавказе. Кадетская буржуазия снабжает их своими миллионами. Их общая цель: задушить народные Советы, подавить рабочих и крестьян, ввести снова палочную дисциплину в армии и увековечить рабство трудового казачества.

Наши революционные войска двинулись на Дон и на Урал, чтобы положить конец преступному восстанию против народа. Начальникам революционных войск отдан приказ: ни в какие переговоры с мятежными генералами не входить, действовать решительно и беспощадно.

Казаки! От вас зависит теперь, будет ли дальше еще литься братская кровь. Мы вам протягиваем руку. Объединитесь со всем народом против его врагов. Объявите Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников и пособников врагами народа, изменниками и предателями. Арестуйте их собственными силами и передайте их в руки советской власти, которая будет их судить гласным и открытым революционным судом.

Казаки! Объединяйтесь в Советы казацких депутатов. Берите в свои трудовые руки управление всеми делами казачества. Отбирайте земли ваших собственных помещиков-богачей. Передавайте их зерно, их инвентарь на обработку земель трудового казачества, разоренного войною.

Вперед, казаки, на борьбу за общенародное дело!

Да здравствует трудовое казачество!

Да здравствует союз казаков, солдат, крестьян и рабочих!

Да здравствует власть Советов Казацких, Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов!

Долой войну! Долой помещиков и генералов-корниловцев!

Да здравствует мир и братство народов!

Совет Народных Комиссаров».

18

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ноты Троцкого к союзным и нейтральным державам, а также ноты союзных военных атташе генералу Духонину слишком длинны, чтобы приводить их здесь. К тому же они относятся к особой области истории Советской республики, к ее внешней политике, которая не входит в задачи настоящей книги. Об этом подробно говорится в моей следующей работе: «От Корнилова до Бреста».

19

ВОЗЗВАНИЕ К ФРОНТУ ПРОТИВ ДУХОНИНА

«Борьба за мир натолкнулась на сопротивление буржуазии и контрреволюционных генералов...

По сообщению газет, в ставке бывшего главнокомандующего Духонина собираются соглашатели и агенты буржуазии: Верховский, Авксентьев, Чернов, Гоц, Церетели и др. Они будто бы собираются даже образовать новую власть против Советов.

Товарищи солдаты! Все названные выше лица уже были министрами. Они все действовали заодно с буржуазией и Керенским. Они ответственны за наступление 18 июня и за затягивание войны. Они обещали крестьянам землю, на деле арестовывали крестьянские земельные комитеты. Они ввели смертную казнь для солдат. Они подчинялись английским, американским и французским биржевикам...

За отказ повиноваться приказам Совета Народных Комиссаров генерал Духонин отставлен от должности Верховного главнокомандующего... В ответ на это он распространяет в войсках ноту от военных атташе союзных империалистических держав и пытается спровоцировать контрреволюцию...

Не подчиняйтесь Духонину! Не поддавайтесь на его провокацию! Бдительно следите за ним и за его группой контрреволюционных генералов!..».

20

ИЗ ПРИКАЗА ПО АРМИИ И ФЛОТУ № 2

«...Бывшего Верховного главнокомандующего генерала Духонина за упорное противодействие исполнению приказа о смещении и преступные действия, ведущие к новому взрыву гражданской войны, объявляю врагом народа.

Подлежат аресту все лица, поддерживающие Духонина, независимо от их общественного и партийного положения и прошлого. Производство ареста поручено будет особо уполномоченным на то лицам. Генералу Маниковскому поручаю сделать соответствующее распоряжение о перемещениях в движениях вышеуказанных лиц с соответствующим занесением указанных изменений в их послужные списки.

Верховный главнокомандующий *Крыленко*».

К Главе XII

1

«К НАСЕЛЕНИЮ

...В ответ на многочисленные запросы крестьян разъясняется, что власть в государстве перешла отныне всецело в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Рабочая революция, победив в Петрограде и в Москве, побеждает во всех остальных местах России. Рабочее и крестьянское правительство обеспечивает союз массы крестьян, беднейших крестьян, большинства крестьян с рабочими против помещиков, против капиталистов.

Поэтому Советы Крестьянских Депутатов, в первую голову уездные, затем губернские, являются отныне и впредь до Учредительного Собрания полномочными органами государственной власти на местах. Помещичья собственность на землю II Всероссийским Съездом Советов отменена. Указ о земле издан уже теперешним Временным рабочим и крестьянским правительством. На основании этого указа все помещичьи земли полностью и целиком поступают в руки Советов Крестьянских Депутатов. Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, сохраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общественным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять.

Все распоряжения волостных земельных комитетов, принятые с согласия уездных Советов Крестьянских Депутатов во исполнение декретов революционной власти, являются совершенно законными и должны быть безусловно и немедленно проведены в жизнь

Рабочее и крестьянское правительство, II Всероссийским Съездом Советов назначенное, названо Советом Народных Комиссаров.

Совет Народных Комиссаров призывает крестьян самих брать всю власть на местах в свои руки.

Рабочие полностью, всецело и всемерно поддержат крестьян, наладят производство машин и орудий и с своей стороны просят крестьян помочь подвозом хлеба.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Петроград, 5 ноября 1917 г.».

2

Полномочный Съезд Крестьянских Советов состоялся примерно спустя неделю, и продолжался несколько недель. Его история — это просто расширенная версия истории «Внеочередной Конференции». Сначала большинство делегатов относилось враждебно к Советскому Правительству, и поддерживало реакционное крыло. Несколькими днями позже собрание поддержало умеренных во главе с Черновым. А через несколько дней после этого подавляющее большинство Съезда проголосовало за фракцию Марии Спиридоновой, и направила своих представителей в ЦИК в Смольном... Правое Крыло затем покинуло Съезд и созвало свой собственный Съезд, который проходил, сокращаясь день ото дня, пока в конце концов не исчерпал себя...